

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

2 / 2017

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал рецензий № 2(11)/2017

Дата подписания в печать 19.06.2017

Учредитель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.nestorbook.ru

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.ист.наук, зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)
ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.ист.наук, преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)
КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.ист.наук, проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)
КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.филол.наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)
КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.ист.наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филол.наук, доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)
ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.ист.наук, руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)
ТЭСЛЯ Андрей Александрович, к.филол.наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)
УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)
УШАКИН Сергей Александрович, PhD, профессор антропологии и славистики Принстонского университета (США)
ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.ист.наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.ист.наук, зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

Редакционная коллегия

Ответственный редактор – СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.ист.наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
Зам. ответственного редактора – ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.ист.наук, доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)
Ответственный секретарь – КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)
Член редколлегии – ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.ист.наук, профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)
Член редколлегии – КОРЧИНСКИЙ Анатолий Викторович, к. фил.наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ (Москва)
Член редколлегии – ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к. ист. наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105

Издатель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Типография

ООО «Нестор-История»
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23
Тираж 300 экз.
Заказ № 1026

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**Глобальная память**

- 9 *Материалы Круглого стола «Память между глобальным и национальным: нарративы, этики, идентичности» (Заседание Международного междисциплинарного семинара имени Н. Н. Моисеева. Москва, Музей Пресня, 8 декабря 2016 года)*

- 53 **Й. ХЕЛЛЬБЕК** *Сталинград лицом к лицу. Одна битва рождает две контрастные культуры памяти*

Национальная память

- 67 **С. Ю. ШОКАРЕВ** *Прение о царе Иване в Историческом музее*

- 75 **В. И. КОСИК** *«Террор памяти»*

- 89 **П. И. ТАХНАЕВА** *Об открытии историко-культурного мемориала «Ахульго»: заметки историка*

- 103 **С. Е. ЭРЛИХ** *«Живое свидетельство об опыте катастрофы». Рец.: XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 840 с.: ил.*

Локальная память

- 110 **О. Б. ЛЕОНТЬЕВА** *Локальная память: соцгород в зеркале историографии. Рец.: Жидченко А. В., Рыженко В. Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–1960-е гг.: монография. 2-е изд., испр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 482 с. (ОмГУ – 300-летию Омска).*

Память о венгерской революции

- 115 *Круглый стол к 60-летию венгерских событий 1956 г.*

Память травмы

136

«У меня была отнята память обо всей предыдущей жизни». Интервью с И.А. Шляпниковой по случаю выхода книги: Шляпников И. А. Александр Шляпников и его время. М.: Новый хронограф, 2016. 1054 с.

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

160 А.А. РЫБАЛКА

Семь невест тирана Ивана (А. И. Сулакадзев и жены Ивана Грозного)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

181 Е.М. КАМОВА

С русской точки зрения... Рец.: Полонский Пинхас. «Библейская динамика. Комментарий на книгу Бытия» том. 1. М.: ООО «Столичная пресса», 2016. 720 с.

189 В.А. СОЛОНАРЬ

Рец.: Изабел Халл. Клочок бумаги: нарушение и создание международно-правовых норм во время Великой войны. Итака: изд-во Корнельского университета, 2014. [Isabel V. Hull. A Scrap of Paper: Breaking and Making International Law during the Great War. Ithaca, N. Y.: Cornell university Press, 2014 xiii. 368 p.]

199 А.И. РУПАСОВ

Рец.: А. А. Селин. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. Изд. испр. и доп. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 864 с.

204 А.В. ШАБАШОВ

Рец.: Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев, 2016. 732 с.

210 А.С. СТЫКАЛИН

Рец.: Егорова Н. И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения. 1955–1965 годы. М.: Институт всеобщей истории РАН, «Аквилон», 2016. 320 с.

219 М.В. БЕЛОВ

Ориентализм современной вестернизации: новая книга о русском взгляде на Османскую империю. Рец.: Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.

Российская империя

- 228 **М. И. РОДНОВ** *В поисках золотого ключика. Рец.: Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб.: Алетейя Историческая книга, 2014. 780 с.*
- 236 **А. А. ТЕСЛЯ** *Сообщество сочувствующих. Рец.: Свешников А. В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с. (серия «MEDIAEVALIA»).*
- 242 **М. В. БАТШЕВ** *Неправильный треугольник. Рец.: Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: Переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов. М., Новое литературное обозрение, 2017. 560 с.*
- 246 **О. В. КУЗНЕЦОВ** *От кого исходил вызов национализма?. Рец.: Иванов А. А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.*

СССР

- 258 **М. М. МИНЦ** *Рец.: Куренков Г. А. От конспирации к секретности: Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) – ВКП(б), 1918–1941 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 255 с.: ил.*
- 263 **Е. Н. САВЕНКО** *По бескрайним просторам самиздата. Рец.: Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах: вып. 3 / сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». М., 2016.*
- 266 **К. Б. ПЕТУНИН** *От Амьена до Халхин-Гола. путь длиною в 20 лет. Рец.: Белаи Е. Ю. Танки межвоенного периода. М.: Тактикал Пресс, 2014. 224 с.*

КИНО И ТЕАТР

- 275 **А. П. ЛЮСЫЙ** *Глобальный трюкач: Экран как историческое убежище, пародия и производство киборгов*

КОНФЕРЕНЦИИ

- 290 **М. В. МОИСЕЕВ** *Научные чтения в Даугавпилском университете*

293 **Н. Ю. КАЛАШНИКОВА**

*Евразийство: вчера, сегодня... есть ли завтра?
По итогам конференции в Институте славяноведения РАН*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

309

*«Время больших проектов прошло...»
Интервью с В. А. Козловым*

335

«Дочь Никиты Михалкова – актриса Анна Михалкова – читает свой “кусочек” Конституции на экране в зале Свободы Ельцин-центра». Интервью с Н. П. Соколовым

351

Математик и история. Интервью с Г. Г. Малинецким

356

**ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ**

IN THE ISSUE:

HISTORICAL MEMORY

Global Memory

- 9 *Materials of the Round table «Memory between global and national: narratives, ethics, identity» (The International inter-disciplinary N. N. Moiseev seminar. Moscow, Presnya Museum, 8 Dec 2016)*

- 53 **J. HELLBECK** *Stalingrad face to face. One battle creates two contrasting cultures of memory*

National memory

- 67 **S. Yu. SHOKAREV** *The Debate about Tsar' Ivan in the Historical museum*

- 75 **VI. I. KOSIK** *«Terror of memory»*

- 89 **P. I. TAKHNAEVA** *On the opening of the historical-cultural memorial «Ahulgo»: notes of the historian*

- 103 **S. E. EHRlich** *«Live testimony of the disaster experience». Rev.: XX vek: Pis'ma voiny / S. Ushakin, A. Golubev, sost., vstup. stat'ia, red.; E. Goncharova, I. Rebrova, podgotovka dokumentov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 840 p.: il.*

Local memory

- 110 **O. B. LEONTYEVA** *Local memory: a «socialist town» in the mirror of historiography. Rev.: Zhidchenko A. V., Ryzhenko V. G. Istoriiia pousednevnoi zhizni omskogo gorodka Neftianikov v 1950–1960-e gg.: monografiia. 2-e izd., ispr. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2015. 482 p. (OmGU – 300-letiiu Omska).*

The memory of the Hungarian revolution

- 115 *Round table for the 60th anniversary of the Hungarian events of 1956*

Trauma memory

- 136 *«I was robbed of the memory of all my previous life». Interview with I. A. Shlyapnikova on the occasion of the release of the book: Shlyapnikova I. A. Aleksandr Shlyapnikov i ego vremya. M.: Novyi khronograf, 2016. 1054 s.*

AS IT ACTUALLY WAS

160 A.A. RYBALKA

Seven Brides of the Tyrant Ivan (A. I. Sulakadzev and the Wives of Ivan the Terrible)

REVIEWS

The world

181 E. M. KAMOVA

From the russian point of view... Rev.: Polonskii Pinkhas. «Bibleiskaia dinamika. Kommentarii na knigu Bytiia' vol. 1. Moscow: OOO «Stolichnaia pressa', 2016. 720 p.

189 V.A. SOLONARI

Rev.: Isabel V. Hull. A Scrap of Paper: Breaking and Making International Law during the Great War. Ithaca, N. Y.: Cornell university Press, 2014 xiii. 368 p.

199 A.I. RUPASOV

Rev.: Selin A. A. Russko-shvedskaia granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanie, funktsionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki. Izd. ispr. i dop. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr «Blits', 2016. 864 p.

204 A.V. SHABASHOV

Rev.: Kvilinkova E. N. Gagauzy v etnokul'turnom prostranstve Moldovy (Narodnaia kul'tura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz' prizmu sviazi vremen). Kishinev, 2016. 732 p.

210 A.S. STYKALIN

Rev.: Egorova N. I. «Narodnaia diplomatiia' iadernogo veka: dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniia. 1955–1965 gody. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, «Akvilon', 2016. 320 p.

219 M.V. BELOV

Orientalism of the competitive westernization: a new book about the russian view of the Ottoman empire. Rev.: Taki V. Tsar' i sultan. Osmanskaia imperiia glazami rossiian. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 320 p.

The Russian Empire

228 M.I. RODNOV

In the search of the golden key. Rev.: Davydov M. A. Dvadsat' let do Velikoi voiny: rossiiskaia modernizatsiia Vitte-Stolypina. St. Petersburg: Aleteiia Istoricheskaia kniga, 2014. 780 p.

236 A.A. TESLYA

The Community of Sympathizers). Rev.: Sveshnikov A. V. Ivan Mikhailovich Greus i peterburgskaia shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 415 p. (seriia «MEDIAEVALIA').

- 242 **M. V. BATSHEV** *Irregular Triangle. Rev.: Aleksandr I, Mariia Pavlovna, Elizaveta Alekseevna: Perepiska iz trekh ugllov (1804–1826). Izvlecheniia iz semeinoi perepiski velikoi kniagini Marii Pavlovny. Dnevnik [Marii Pavlovny] 1805–1808 godov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 560 p.*
- 246 **O. V. KUZNETSOV** *From whom did the challenge of nationalism come? Rev.: Ivanov A. A. Vyzov natsionalizma: Lozung “Rossiia dlia russkikh” v dorevoliutsionnoi obshchestvennoi mysli. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016. 511 p.*
-

USSR

- 258 **M. M. MINTS** *Rev.: Kurenkov G. A. Ot konspiratsii k sekretnosti: Zashchita partiino-gosudarstvennoi tainy v RKP(b) – VKP(b), 1918–1941 gg. Moscow: AIRO XXI, 2015. 255 p.: ill.*
- 263 **E. N. SAVENKO** *Over the expanses without limits of samizdat. Rev.: Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manakh: vyp. 3 / sost. E. N. Strukova, B. I. Belenkin, pri uchastii G. G. Superfina; Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaia biblioteka Rossii; Mezhdunarodnoe istoriko-prosvetitel'skoe, blagotvoritel'noe i pravozashchitnoe obshchestvo “Memorial”. Moscow, 2016.*
- 266 **K. B. PETUNIN** *From Amiens to Khalkhin Gol. A long way in 20 years. Rev.: Belash E. Iu. Tanki mezhvoennogo perioda. Moscow: Taktikal Press, 2014. 224 p.*
-

CINEMA AND THEATRE

- 275 **A. P. LUCY** *The movie as a historical refuge, parody and the production of cyborgs*
-

CONFERENCE

- 290 **M. V. MOISEEV** *Scientific readings in the Daugavpils university*
- 293 **N. Yu. KALASHNIKOVA** *Eurasianism: yesterday, today... Is there a tomorrow? Conclusions of the conference at the Institute for slavonic studies, RAS*
-

HISTORIAN'S TIME

- 309 *«The time of grand projects is over...»
Interview with V. A. Kozlov*

335

«The daughter of Nikita Mikhalkov – the actress Anna Mikhalkova is reading her “piece” of the Constitution on the screen in the hall of Freedom of The Yeltsin centre». Interview with N.P. Sokolov

351

*Mathematician and history.
Interview with G. G. Malinetskii*

356

**REQUIREMENTS FOR PUBLICATION
OF ARTICLES AND DOCUMENTS**

Материалы Круглого стола «Память между глобальным и национальным: нарративы, этики, идентичности» (Заседание Международного междисциплинарного семинара имени Н. Н. Моисеева. Москва, Музей Пресня, 8 декабря 2016 года)

С. Е. Эрлих

ТРИ НАРРАТИВА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА, ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ, МИФ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ

В обыденной речи «история» и «память» часто рассматриваются в качестве синонимов. В действительности это два разных взгляда на прошлое. История — поиск истины о прошлом. Память — формирование идентичности посредством примеров из прошлого. История-истина находится в конфликте с памятью-идентичностью. Он вызван тем, что истина безразлична к групповым интересам. Поэтому историкам то и дело приходится разрушать идентичность (Райнхард Козеллек)¹. Если в обществе исчезает представление об идентичности,

то оно разваливается. По этой причине все общества подозрительны к поискам исторической истины и уделяют много внимания формированию коллективной памяти.

Память «материализуется» в виде нарративов (повествований, рассказов) (Wertsch 2009: 117–137). Эти нарративы одновременно являются носителями идентичности, т. е. указывают, кого считать «своими», а кого — «чужими». Вместе с памятью и идентичностью в нарративе заложена этика — нормы отношения к «своим» и «чужим». Следовательно, нарратив — это три в одном: память, идентичность, этика.

Каковы эти нарративы? Их тоже три: волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования.

© Эрлих С. Е., 2017

Эрлих Сергей Ефремович — доктор исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва–Санкт-Петербург); ehrlich@mail.ru

¹ Цит. по (Ассманн 2016: 22).

В каждом последующем из этих нарративов память углубляется во времени, идентичность (множество «своих») расширяется в пространстве, что приводит к изменению этических норм.

Волшебная сказка состоит из трех основных элементов. Первый — самопожертвование, герой вступает в смертельный бой с чудовищем. Второй — жертвоприношение, герой побеждает чудовище. Третий — возвращение с добычей домой. Самопожертвование и жертвоприношение — это средства. Добыча — это цель.

Героический миф состоит из двух элементов: самопожертвования и жертвоприношения. Самопожертвование — средство, жертвоприношение — цель.

Миф самопожертвования состоит из одного элемента. В данном случае самопожертвование — цель, которая обходится без средств.

Если мы сопоставим цели трех нарративов памяти, идентичности и этики с так называемой пирамидой персональных потребностей Абрахама Маслоу и социальной «индевропейской триадой» Жоржа Дюмезиля, то увидим «странные сближения» трех триад. Волшебная сказка — обеспечение материальных потребностей — «работники». Героический миф — потребность в безопасности — «воины». Миф самопожертвования — потребность в самореализации — «жрецы».

Подобно тому, как в структуре личности и общества сосуществуют на-

званные потребности и социальные функции, волшебная сказка, героический миф и миф самопожертвования постоянно конфликтуют как в душе каждого из нас, так и в общественном пространстве. В то же время мы можем выделить исторические эпохи, когда в обществе господствовал один из этих трех нарративов.

В догосударственную эпоху присваивающего хозяйства первобытные люди руководствовались волшебной сказкой. Это объясняется наблюдениями швейцарского религиоведа Вальтера Буркерта. Он пишет, что крыса, которая вылезает из норы на поиски добычи, в точности воспроизводит ходы волшебной сказки (Burkert 1996: 58–63). Можно сказать, что волшебная сказка — это программа мелкого хищника, переведенная на язык культуры. Это древнейший нарратив человечества, еще не до конца порвавшего со своим животным началом. Он создает узкую идентичность, способную объединять только маленькие группы. В современных условиях «локальная» идентичность волшебной сказки скрепляет семью и бандитские формирования. Не случайно мафия значит «семья». Память, создаваемая на основе сказочного нарратива, тоже неглубока. Сегодня она обычно ограничивается тремя поколениями. Идентичность, согласно которой «свои» — это только члены семьи или банды, формирует этику эгоистического отношения к окружающему миру.

В государственную эпоху производящего хозяйства на первый план выдвигается героический миф. Идентичность этого мифа посте-

пенно расширяется. На стадии аграрного общества в эпохи древних и средневековых государств она преимущественно ограничивалась господствующей верхушкой. В период индустриального общества охватила всех граждан современных государств-наций, приобрела «национальный» масштаб. Память, в свою очередь, углубляется. В традиционных обществах она добиралась до основателей государственности из первоначальных летописей. В период модерна память в поисках «праэтноса» обращается к археологическим источникам, порой достигая палеолита. Этика героического мифа носит двойственный характер. По отношению к «своим» она альтруистична, т.к. учит жертвовать жизнью за «свой» народ. По отношению к «чужим» становится еще более эгоистичной и агрессивной, чем этика волшебной сказки. Это объясняется тем, что цель героического мифа — жертвоприношение врага.

Американский социолог Майкл Манн в книге «Темная сторона демократии» указывает, что практика геноцида эпохи модерна во многом порождена сменой идеи богоданного государя на принцип «власти народа». Древним и средневековым правителям было довольно того, чтобы их разноплеменные подданные исправно платили подати. Суверенный «народ» эпохи модерна считает справедливым единолично распоряжаться «своими» государством и страной. Под «распоряжением» понимается право притеснять, сгонять и даже уничтожать «чужеземцев» и «иностранцев». Манн напоминает, что первая демократия эпохи модерна уничтожала индейцев и эксплуатирова-

ла чернокожих невольников (Mann 2005: 55–110). С тех пор ситуация в США изменилась. Остаткам индейцев выплачиваются компенсации, чернокожим американцам принесено официальное извинение. Бывшие внутренние «чужие» постепенно становятся «своими». Но по отношению к внешним «чужим» США по-прежнему продолжают вести себя жестоко и цинично. Уже в XXI в. под предлогом борьбы за права человека свергаются неугодные режимы в Ираке и в Ливии. При этом американское руководство не обеспокоено тем, что, например, в другом государстве Ближнего Востока — многолетнем союзнике США — Саудовской Аравии Декларация прав человека нарушается не вопреки, а согласно действующему в этой стране законодательству. Это не значит, что США — «плохие», а, скажем, Россия — «хорошая». По сравнению с Россией, где «своими» для представителей власти являются только представители власти, западные демократии, считающие «своими» всех сограждан, — это несомненный шаг вперед. США являются примером предельного развития идентичности и этики в обществе, опирающемся на агрессивный нарратив героического мифа. Совокупность «своих», на которых распространяются этические нормы, ограничивается национальными границами. Это та рамка, за которую государство-нация эпохи модерна не в состоянии переступить.

Английский социолог Мартин Элбрау в книге «Глобальный век» отмечает, что государство-нация жестко связано с капитализмом. Это две стороны одного процесса модернизации (Albrow 1996: 28–51).

Достаточно вспомнить историю страны классического капитализма — Великобритании. Вначале крестьяне сгоняются с земли. Потом их загоняют в работные дома. Для дальнейшего развития капиталу понадобились внешние рынки. Начался захват колоний и колониальные войны. Во второй половине XX в. выяснилось, что содержать колонии нерентабельно. Дешевле эксплуатировать богатства третьего мира, освободившись от всяких социальных обязательств. Все эти акции, требующие немалых полицейских и военных сил, капитал и государство-нация совершают в тесной связке.

Бенедикт Андерсон, Эрнст Геллнер, Иммануил Валлерстайн много писали, что нация — это продукт модерна, который появляется в XIX в., но пытается выдать себя за вечную «примордиальную» сущность. Часто остается за рамкой, что капитализм — это тоже по большому счету явление XIX в. В отличие от нации этот конструкт настаивает на своей вечности не столько в прошлом, сколько в будущем. На наш взгляд, оба феномена модерна — и нация-государство, и капитализм — преходящи, хотя бы по той причине, что породили проблемы, которые не в состоянии разрешить.

Среди множества вызовов, которые не могут получить адекватного ответа в рамках национальных государств и капитализма, необходимо выделить ядерную и экологическую угрозы. Первая грозит человечеству мгновенной смертью. Вторая угроза не столь очевидна и потому гораздо опаснее.

Академиком Никитой Моисеевым и другими учеными доказано, что в ядерной войне не будет победителей. Поскольку все земляне погибнут вне зависимости от того, на чьей территории произойдут ядерные взрывы, то создавать сколько угодно эффективные противоракеты бесполезно. Несмотря на это, продолжают разработки еще более мощных модификаций оружия массового поражения. Даже если у руководителей ядерных держав достанет ума ни в коем случае не пускать его в ход, есть немалая вероятность, что им смогут овладеть международные террористы.

Экологическая проблема порождена, прежде всего, гонкой потребления, которая диктуется потребностью капитала в расширенном воспроизводстве. Многие уже столкнулись с эффектом бытовой техники, которая выходит из строя вскоре после окончания срока гарантии. О необходимости следовать последнему крику моды и говорить не стоит. Все это приводит к истощению невозполнимых ресурсов, к губительному для всего живого загрязнению среды, к трате времени и сил на обеспечение демонстративного престижного потребления. Можно заботиться об экологии своей страны, но если вода, почва, воздух будут отравлены в других частях планеты, то губительные последствия затронут весь мир. Глобальное потепление и озоновые дыры не признают государственных границ.

Третья глобальная проблема связана с тем, что современное развитие техники позволяет автоматизи-

ровать выполнение большинства рутинных операций, именуемых трудом. Но в обществе, основанном на формуле: «товар — деньги — товар», технический прогресс не воспринимается как освобождение человечества, а оборачивается трагедией потери рабочих мест. «Роботы против рабочих» — так формулируется проблема новых «луддитов» (Byhouskaya 2016). Социал-дарвинистская идеология, согласно которой право заниматься творческой деятельностью принадлежит только избранным «элоям», а «морлоки» обречены на бессмысленный в современных условиях труд, не может быть преодолена в рамках национальных государств и капиталистического строя жизни.

Первым шагом для решения проблем, которые современные государства-нации и постмодерный, так называемый «глобальный капитализм» разрешить не в состоянии, должно стать создание постгосударственных и посткапиталистических форм памяти, идентичности и этики, которые бы соответствовали нашей глобальной эпохе информационной цивилизации. Ее специфика состоит в беспрецедентном изменении цели общественной деятельности. До сих пор львиная доля общественного времени уходила на обретение материальных благ. Разница между присваивающим хозяйством первобытных людей, а также двумя стадиями производящего хозяйства — аграрной и индустриальной — состояла лишь в количестве продуктов материального потребления. Информационная революция — это в полном смысле переход количества в каче-

ство. В отличие от неолитической и промышленной революций, она направлена не на увеличение производительности труда, а на то, чтобы преобладающая часть общественного времени была занята духовным производством — творчеством. Опросы показывают, что стремление к материальным ценностям сегодня присуще представителям «развивающихся», т.е. аграрных и индустриальных наций. В развитых странах, переходящих к глобальной информационной цивилизации, материальная мотивация отходит на второй план, уступая место «самореализации и постматериалистическим ценностям» (Norris, Inglehart 2009: 307).

Ограниченность материального ресурса приводила и приводит к ожесточенной борьбе за него, которая то и дело выливается во внутригрупповое и межгрупповое насилие. Переход от «дикости» и «варварства» к «цивилизации» заключался в установлении государственной монополии на насилие. Благодаря этому постепенно сформировались правила конкуренции за материальные блага согласно законам частной собственности. «Попутным» результатом одержимости общества материальным стала «материализация» творчества посредством авторских прав. Попытка Маркса определить творчество как «сравнительно сложный труд», который представляет собой «возведенный в степень или скорее помноженный простой труд», является не только интеллектуальным поражением гения, но и показывает, в какой степени «экономический материализм» пророка коммунизма определялся

буржуазным духом индустриально-го времени. О том, что «инновационная» деятельность творчества, в отличие от «клишированной» трудовой деятельности, не поддается калькуляции, свидетельствуют как нищета большинства художественных гениев, так и материальное преуспеяние многих из их посредственных коллег.

Между материальным и духовным производством существует принципиальное различие, которое гениально сформулировано в следующем афоризме: «Если у вас и у меня есть по одному яблоку, и мы с вами ими обменяемся, то у каждого из нас останется по одному яблоку. Если у вас и у меня есть по одной идее, и мы с вами ими обменяемся, то у каждого из нас станет по две идеи»². Идеи, в отличие от материальных продуктов, неотчуждаемы. По своей природе они не могут быть собственностью либо одного лица, либо сколь угодно многочисленной группы. Пока большинство людей было вовлечено в материальное производство, творчество – производство идей (информации) – было вынужденно «прогибаться» под материальные отношения собственности. Глобальный век становится временем, когда большинство населения занимается производством информации. В ближайшей исторической перспективе в матери-

альном производстве будут участвовать примерно столько же людей, сколько сегодня заняты в аграрной промышленности развитых стран – порядка 2 %. По этой причине «спиритуальные» законы творчества со временем преобразуют по своему образу и подобию маргинальное для информационной цивилизации материальное производство и основанные на нем отношения собственности. По данным опросов носители «постматериалистических» ценностей все меньше связывают себя с национально-государственной идентичностью, все больше отождествляются с глобальным человечеством. «Материалисты» же, прямо по Марксу: «Патриотизм – идеальная форма чувства собственности», – поголовно патриоты своих национальных государств (*Albrow* 1996: 195).

Глобальной информационной цивилизации нужен новый нарратив. Каким он может быть?

Напомним, что нарратив героического мифа – это волшебная сказка, у которой отсечена цель добычи. Если, в свою очередь, из героического мифа удалить цель жертвоприношения, то возникнет нарратив, цель которого – самопожертвование. Эта цель не оправдывает, а отменяет средства. Тем самым в мифе самопожертвования снимается отчуждение, о котором мечтал молодой Маркс. Это самая ценная и до сих пор актуальная часть его наследия. В европейской культуре существуют две авторитетных версии самопожертвования: истории Прометея и Христа. Прометей пожертвовал печенью, потому что ему, как пишет

² «If you have an apple and I have an apple and we exchange these apples then you and I will still each have one apple. But if you have an idea and I have an idea and we exchange these ideas, then each of us will have two ideas». Безосновательно приписывается Бернарду Шоу. См.: [Электронный ресурс]. URL: quoteinvestigator.com/2011/12/13/swap-ideas/.

Эсхил, стало жалко людей. Христос взошел на крест, чтобы подтвердить делом слово любви к ближнему. В двух названных версиях нарратива самопожертвования речь идет о том, что «свои» — это не эллины и не иудеи, а все люди. На этой основе можно строить глобальные память, идентичность и этику, которые позволяют выйти за губительные для современного человечества национальные и капиталистические рамки. Человечество вымрет, если не осознает, что мы все «свои», что чужих людей нет, что наше отечество — это вся планета Земля.

Пространство нарратива самопожертвования — «глобально». В этом состоит отличие порождаемой им идентичности от «локальной» и «национальной» идентичностей, соответственно, волшебной сказки и героического мифа. Планетарная «предельность» пространства глобальной идентичности определяет временные пределы глобальной памяти, упирающейся в эпоху «большого взрыва». На стадии «глобальности» исчезают групповые интересы, питавшие прежние формы памяти. Память-идентичность становится тождественной истории-истине (Морис Хальбвакс). Глобальная этика, включающая весь род людской в число «своих», приводит к революционным изменениям сознания. Она приравнивает войны к таким «табуированным» преступлениям, как кровосмешение и канибализм (Зигмунд Фрейд). Заставляет ужаснуться тому, что усилия лучших умов приближают ядерную и экологическую катастрофы. Этика, основанная на нарративе самопожертвования, утверждает, что

самореализация — это не право так называемой «элиты», а обязанность каждого. Становится стыдно, что в современном мире, несмотря на неслыханное развитие техники, множество людей зарабатывают на пропитание либо в качестве двигателя ручных орудий, либо в роли нервного придатка к станкам, машинам и компьютерам.

Маркс упорно искал «движущую силу», которая сможет снять отчуждение. Его ставка на промышленных рабочих не оправдалась. Даже гениям не всегда дано заглянуть в будущее. Но сегодня не надо быть гением. Надо просто внимательно взглянуть на окружающий мир. У нарратива самопожертвования появился, как сейчас принято говорить, «носитель». Это волонтерское движение, которое не просто увеличивается количественно (в современной Великобритании им занимается не менее 20% населения страны (*Rochester et al.* 2010: 38)), но и давно пересекло национальные границы. Названия таких волонтерских организаций, как «Корпус мира» и «Врачи без границ», говорят за себя. Представители этих и других волонтерских организаций, подобно русским «народникам», отправляются учить и лечить униженных и оскорбленных. Отличие состоит в том, что для многих волонтеров нашего времени понятие своего «народа» перешагнуло границы государства, этноса, религии, расы и охватывает всю Землю. Волонтеры по всему миру — это пока еще «вещь в себе». Они действуют в согласии с этикой нарратива самопожертвования, не осознавая до конца своей общей

памяти и идентичности. Задача ученых, людей литературы и искусства, журналистов и других творцов и трансляторов смыслов состоит в том, чтобы сформулировать и донести эти память и идентичность до носителей волонтерской этики, превратить их в «вещь из себя и для иного», т.е. в сознательный авангард современного человечества. На смену престижному потреблению эпохи модерна должно прийти престижное жертвование на благо глобального человечества. На этом пути есть огромное число препятствий. Но если ничего не делать, то ничего и не получится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Albrow 1996 – *Albrow M.* The Global Age: State and Society beyond Modernity. Cambridge: Polity, 1996.

Burkert 1996 – *Burkert W.* Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions. Cambridge; Massachusetts, London: Harvard University Press, 1996.

Byhovskaya 2016 – *Byhovskaya A.* Robots versus workers // *OECD Observer*. 2016. Q3, № 307. [Электронный ресурс]. URL: oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/5591/Robots_versus_workers.html.

Mann 2005 – *Mann M.* The Dark Side of Democracy. Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge University Press, 2005.

Norris, Inglehart 2009 – *Norris P., Inglehart R.* Cosmopolitan Communications. Cultural Diversity in a Globalized World. Cambridge University Press, 2009.

Rochester et al. 2010 – *Rochester C., Paine A. E., Howlett S., Zimmeck M.* Volunteering and Society in the 21st Century. Palgrave Macmillan, 2010.

Wertsch 2009 – *Wertsch J. W.* Collective Memory // *Memory in Mind and Culture*. Cambridge University Press, 2009. P. 117–137.

THREE NARRATIVES OF THE COLLECTIVE MEMORY: FAIRY TALE, HEROIC MYTH, SELF-SACRIFICE MYTH

Ehrlich Sergey E. – doctor of sciences (history), Director of the Publishing House «Nestor-Historia» (Moscow–St.-Petersburg)

REFERENCES

Albrow M. *The Global Age: State and Society beyond Modernity*. Cambridge: Polity, 1996.

Burkert W. *Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions*. Cambridge; Massachusetts, London: Harvard University Press, 1996.

Byhovskaya A. Robots versus workers // *OECD Observer*. 2016. Q3, № 307. [Электронный ресурс]. URL: oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/5591/Robots_versus_workers.html.

Mann M. *The Dark Side of Democracy. Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge University Press, 2005.

Norris P., Inglehart R. *Cosmopolitan Communications. Cultural Diversity in a Globalized World*. Cambridge University Press, 2009.

Rochester C., Paine A. E., Howlett S., Zimmeck M. *Volunteering and Society in the 21st Century*. Palgrave Macmillan, 2010.

Wertsch J. W. *Collective Memory // Memory in Mind and Culture*. Cambridge University Press, 2009. P. 117–137.

К. А. Пахалюк

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПАМЯТИ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обсуждение вопроса о глобальной культуре памяти стоит начать с определения общего социального контекста, который делает возможным эту самую «глобальную память». Сегодня мир находится в стадии глобализации. И мы сталкиваемся с глобальными проблемами, которые выходят за рамки компетенции национальных правительств. Проблемы безопасности, распространения ядерного оружия, экологии, глобального правления и глобальных финансов — все они не могут быть решены отдельными национальными государствами. Формирование глобальных структур управления и положение отдельных государств в их рамках — вот актуальная проблема современных мировых процессов. Государство как носитель легитимности (и монополист на легитимное насилие) нигде не исчезает и в ближайшее время исчезнуть не может. Вопрос скорее в том, что национальное государство в той форме, в которой оно существовало последнее столетие, уходит с исторической арены. С осмысления вызовов глобализации и должна начинаться постанов-

ка вопроса о глобальной культуре памяти. Первенство в этом должно быть отдано вовсе не Алейде Ассман, как делают авторы обсуждаемой программы.

Истоки следует искать в «мемориальном буме», начавшемся в западных странах в 1980-е гг. и связанном с тектоническими социальными сдвигами эпохи модерна. Речь идет о крушении идеи социального прогресса, определенной социальной теологии, задаваемой «большими нарративами» (Ф. Лиотар). На смену идее прогресса, как писал еще П. Нора применительно к Франции, пришла «мемориальная эпоха»: продолжающаяся динамика изменений заставляла людей стремиться все больше сохранять прошлое, в то время как исчезновение образа будущего делало отношение к прошлому неизбирательным (т.к. стало неясно, какое именно прошлое нужно будущему миру). Во Франции конкретными социальными причинами явились крах марксизма, экономический кризис 1974 г., изменивший социальную структуру страны, а также смерть Ш. де Голля, которая привела к изменению отношения к событиям Второй мировой войны. Изменился и статус соотношения истории и памяти: если до этого история (как коллективное осмысление

© Пахалюк К. А., 2017

Пахалюк Константин Александрович — аспирант кафедры политической теории, МГИМО (У) МИД России; konstantin.pahalyuk@rvio.org

прошлого в национально-героическом нарративе) задавала рамку для частных воспоминаний (актов памяти), то теперь историки стали утрачивать монополию на легитимное высказывание о прошлом, произошла эрозия национально-героического нарратива, а социальная память (разделяемая различными группами), наоборот, стала задавать идентичность. Всемирная деколонизация стран Третьего мира, деколонизация внутренняя различных меньшинств и деколонизация идеологическая в странах социалистического блока — эти три процесса привели к пересмотру сложившихся представлений о прошлом.

А в 1992 г. был подписан Маастрихтский договор, который положил начало существования ЕС в том виде, который он имеет сейчас. А потому именно на 1990-е гг. пришлось политика наднациональных органов ЕС по формированию общеевропейского культурного пространства, что в свою очередь предполагает преодоление памяти о бывших конфликтах, которые разделяют Европу, в пользу тех страниц истории, которые поддерживают идею общеевропейского единства. Основой являются представления об общеевропейских ценностях прав человека, а центральное место занимает память о Холокосте, который, по мнению некоторых исследователей, становится «учредительным мифом» новой Европы, затмевая собою память о Французской революции. Начало было положено Европейским парламентом, который в 1993 г. принял резолюцию по европейской и международной защите мест бывших нацистских концентрационных лагерей как истори-

ческих памятников. В 1995–2000 гг. были приняты еще 6 резолюций, которые, в частности, учреждали общеевропейский день памяти (1995), призывали страны произвести реституцию собственности еврейских сообществ (1995, 1998), отмечали особое значение Аушвица как места памяти (1996), а также увязывали увековечение памяти жертв Холокоста с противодействием расизму и ксенофобии (2000). Не стоит забывать и о том, что память о Холокосте является центральным звеном в мемориальной культуре Германии, одного из лидеров евроинтеграции. В 1996 г. федеральный президент Р. Херцог объявил 27 января общегерманским памятным днем.

Следующим этапом стало инициирование Швецией в 1998 г. создания Международного альянса памяти о Холокосте (International Holocaust Remembrance Alliance) — международной организации, задача которой заключается в формировании общеевропейского пространства памяти об этом событии. В 2000 г. в Стокгольме был проведен международный форум, в рамках которого представители 46 стран приняли декларацию. Впрочем, непосредственно в Альянс на 2014 г. вступила только 31 страна (включая две, США и Израиль, не принадлежащие к Европе). В 2002 и 2004 гг. Совет Европы и ОБСЕ соответственно приняли декларации, посвященные сохранению памяти о Холокосте. Усилия европейских организаций увенчались резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2005 г., согласно которой 27 января (освобождение Аушвица) стало международным днем памяти жертв Холокоста. Впрочем, далеко не все

эти резолюции нашли отражение в национальных законодательствах. Из 15 западноевропейских стран 12 в 1996–2010 гг. сделали именно этот день официальным днем памяти (в Нидерландах, Австрии и Франции были законодательно установлены собственные дни памяти). В Восточной Европе только 4 страны (Эстония, Хорватия, Чехия и Словения) сделали 27 января днем памяти, в то время как в 5 других были выбраны собственные даты. Во второй половине 2000-х гг. под влиянием новых членов ЕС из Восточной Европы начинается процесс интеграции памяти о Холокосте и жертвах сталинского режима, что вызвало ожесточенную дискуссию в европейских интеллектуальных кругах. В частности, Европарламент принял в 2008 г. декларацию, согласно которой 23 августа (день подписания пакта Молотова – Риббентропа) становится днем памяти о жертвах тоталитарных режимов, а в 2009 г. – «Резолюцию о европейском сознании и тоталитаризме». Впрочем, как отмечал А.И. Миллер, под влиянием западноевропейских государств в последней декларации отмечалось исключительное значение Холокоста, а преступными были названы и авторитарные режимы. Однако в принятой летом 2009 г. в Вильнюсской декларации Парламентской ассамблеи ПА ОБСЕ исчезло упоминание авторитарных режимов, а выбранные формулировки, хоть напрямую и не уравнивают сталинский и гитлеровский режимы, однако и не исключают подобную трактовку.

Превращение Холокоста в центральную опору общеевропейского пространства памяти основывалось

на немецком опыте преодоления травматического прошлого и специфической мемориальной культуре, которая начала формироваться в 1960-е гг. и предполагала не замалчивание собственных преступлений, а, наоборот, постоянное вспоминание о них с тем, чтобы никогда не забыть. Тем самым в центре данного мемориального пространства оказалась не фигура Героя (который добровольно жертвует собой), а Жертвы, пассивно претерпевшей страдания. Увековечение памяти жертв как нельзя сильно корреспондировало с утверждением ценностей прав человека. В центре же данной культуры стоит перформативный акт покаяния, адресатом которого, как указывала А. Ассман, является все мировое сообщество.

Именно осмысление процессов, происходящих в ЕС, привело к возникновению в 2000-е гг. уже в академической среде дискуссии о космополитичной памяти. Название явления отсылает к работам немецкого мыслителя У. Бека, который призывал отказаться от методологического национализма, исходящего из предпосылки, будто общество связано с национальными государствами. Социальное основание глобальной культуры памяти видится в размывании национальной идентичности за счет появления групп с высокой степенью зависимости и распространения электронных медиа (прежде всего, Интернета). В 2005 г. американский ученый Дж. Степнински проблему глобальной памяти увязывал не с распространением общеизвестных представлений о прошлом в разных странах, а со становлением глобального

сообщества и связанного с ним чувства единства всего человечества.

Впервые вопрос о формировании космополитической памяти поставили Д. Леви и Н. Шнайдер в 2002 г. Они указывали на то, что в современном мире идентичности не связаны только с национальными и этническими границами, полагая, что процесс глобализации и развитие массового потребления позволяют говорить о транснациональной памяти, выходящей за пределы границ. В качестве ее основы они полагали события Холокоста (под которым понималось уничтожение евреев нацистской Германией). Значимость этого события заключалась в том, что технологии массового убийства поставили под вопрос основания общества модерна. Как писал еще в 1989 г. З. Бауман, массовые убийства были порождением высокотехнологического и рационалистического общества модерна, которое в своих основаниях не имело никаких заложенных механизмов, способных предотвратить подобные трагедии. Тем самым в условиях нарастающей неопределенности глобализирующегося мира конца XX в. сохранение памяти об этой трагедии означает формирование основ для построения новой гуманистической и универсалистской идентичности. Впрочем, сами авторы видели будущее космополитической памяти в виде формирования глобального нарратива, который состоял бы из общих элементов, входящих в уже существующие национальные нарративы. Ключевое внимание Леви и Шнайдер уделяют взаимодействию не глобальной и национальной, а глобальной

и локальной памяти. В частности, память о Холокосте наполнена разными смыслами в различных национальных нарративах, однако именно на локальном уровне, где возможно столкновение различных подходов, происходит взаимопроникновение универсалистских и партикулярных концептов, что дает возможность самому событию стать частью именно глобальной культуры памяти: «Мы утверждаем, что этот взаимный процесс партикуляризации и универсализации привел к появлению символа транснациональной солидарности, который основан на космополитизированной памяти — той, которая не замещает национальные, однако существует как их горизонт».

Развивая тезис Б. Андерсона о том, что средства массовой информации позволили сформировать воображаемое сообщество формирующихся наций, Д. Леви и Н. Шнайдер транспонировали эту логику в сегодняшний день: электронные СМИ ими видятся как основа для формирования уже космополитической памяти. Безусловно, и в США, и в Израиле, и в Германии память о Холокосте с 1945 по 1990-е гг. принадлежала национальным историческим нарративам, которые наполняли эти события собственными смыслами. Резкие изменения произошли в 1990-е гг., благодаря им именно Холокост стал основой зарождающейся космополитической памяти. Речь идет о деконтекстуализации памяти об этом событии: наднациональные органы в ЕС используют его для построения общеевропейской культурной идентичности, американцы же неоднократно используют Холокост

как манипулятивную метафору для описания боснийского и косовского кризисов (сербы уравниваются с нацистами) и легитимации собственного вмешательства. Знаменательным оказался популярный фильм «Список Шиндлера», в котором трагедия о Холокосте оказалась вписана в категории борьбы абстрактного «добра» и «зла» (и тем самым изъята из собственного исторического контекста). Все это позволило превратить Холокост в иконический символ беспрецедентного насилия и заложить, по мнению Леви и Шнайдера, основы космополитической памяти, которые принципиально отличаются от национальной: если национальный нарратив опирается на фигуру национального Героя, то космополитическая память — на фигуру Жертвы; если первая ориентирована на выработку единой позиции, то вторая признает право Другого на собственный голос; если первая связана именно с проработкой прошлого, то вторая ориентирована в будущее. Последнее связано именно с активным использованием в публичном пространстве образа Холокоста в целях предотвращения будущих геноцидов.

Примечательно, что в то же самое время социолог Дж. Урри указывает и на другое качество глобализации, а именно: мы не можем больше мыслить общества как некие территориально-ограниченные, стабильные сущности, для адекватного описания современных социальных процессов мы, наоборот, должны пытаться уловить нарастающую динамику постоянного перемещения потоков людей, образов, товаров, услуг. Грубо говоря, перейти от од-

ной когнитивной метафоры «общество как территория» к другой метафоре — «общество как поток». Именно эти две идеи (глобальных проблем и глобальных потоков) задают новое понимание современного мирового общества. И именно исходя из этого становится вопрос о космополитической памяти.

Впрочем, Шнайдер и Леви сохраняют верность пониманию общества как некоего территориального единства, а потому пишут: если мы живем в глобальном обществе, то должны попытаться его сконструировать примерно так же, как конструируется общество национальное. Т.е. если национальное сообщество опирается на некую коллективную память, то почему бы глобальное сообщество не могло бы опираться на подобную же коллективную память. Ну а появление Холокоста как центрального элемента глобальной памяти, на наш взгляд, связано именно с влиянием мемориальных процессов, происходивших в ЕС. Конечно же, речь идет о конструировании определенного мифа в том смысле, как его понимал Ролан Барт: определенные исторические события используются для того, чтобы обосновать значимость самой идеи глобального единства.

2000-е гг. — период активных дискуссий о возможности и перспективах космополитической, глобальной памяти (в 2005 г. американский социолог Дж. Степнинский приписывает себе ввод термина «глобальная память»). Мы не будем сейчас подробно останавливаться на пересказе этой дискуссии, а укажем на слабые моменты этого воображения

глобальной памяти: во-первых, не понятно, кто и что будет ее носителем; во-вторых, не понятно, посредством чего она будет передаваться («коммуницировать»), где ее среда обитания; в-третьих, не понятно, как в принципе может быть решена проблема тотальной контекстуальности нашего знания: любое знание, тем более историческое, связано с определенным социальным контекстом, и как преодолеть зависимость от множества контекстов при создании некоей «глобальной культуры памяти».

Нужно понимать, что история — это текст. Сама история как совокупность процессов, событий и пр. ненарративна, скорее — история-как-процесс оставляет после себя множество текстов-следов, которые ученые (и не только они) превращают в совокупность нарративов, тоже текстов. Если этот текст организован согласно научным правилам высказывания — это научный текст. Если он не организован по научным правилам высказывания — этот текст ненаучный. Поскольку мы считаем, что именно научное знание обладает большей легитимностью, поскольку научный поиск обращен именно на определение истины, а разработанные процедуры анализа предстают наиболее достоверными (по сравнению с любыми другими), мы отдаем предпочтение именно научному знанию историю. Однако это не значит, будто другие формы и обращения сразу же становятся нелегитимными. Они де-факто существуют, и категорический жест отрицания (на который скоры многие интеллектуалы) нам представляется проявлением интеллектуального снобизма.

Возвращаясь к проблеме контекста: как возможно выйти за пределы всех наших контекстов и пойти к некоей глобальной культуре памяти? Это определенная загадка. Тем более если доверять утверждению, что мы живем в постмодернистском мире, когда произошло крушение больших нарративов, задававших цель (проблемы телеологии) и претендовавших на глобальное осмысление того, куда мы все движемся. Возможно, разговор о глобальной культуре памяти — это первый шаг к возвращению целостности нашего мира, выработка определенной телеологической перспективы.

Стоит сразу сказать, мы предпочитаем говорить не о глобальной памяти, а о глобальной культуре памяти, поскольку само понятие «память» относится к человеку, и здесь мы уходим в метафору, что «общество есть человек». Эта метафора либо уводит нас к чему-то психологическому, либо к биологическому. Эта метафора очень опасна, т.к. общество — не есть человек, а социальное — это то, что есть между людьми, а не сами люди. Чтобы не попадать в эту когнитивную ловушку (напомним, что расизм и Холокост как раз легитимировались биологическими метафорами), лучше говорить о глобальной культуре памяти, акцентируя внимание на том, что мы говорим о некоем формируемом семантическом пространстве, претендующем на глобальный статус.

Конечно, здесь важно поставить сразу вопрос: говорим ли мы о том, что происходит, или же мы исходим из того, что считаем желательным. Это важный момент. Нам представ-

ляется оправданным существующее в политологии разделение между различными видами знания: есть анализ на уровне politics (изучение политики как она есть), а есть уровень policy — когда человек приходит и начинает думать о том, как выработается политический курс, куда и зачем все движется. В первом случае базовый вопрос «что есть», во втором — «как должно быть». Не обязательно это «должно» воспринимать в некоем жестком нормативном смысле, но обязательно — в некоей обращенной в будущее перспективе. И в случае глобальной культуры памяти мы также должно различать исследовательский подход (как если бы мы были внешними наблюдателями) и (назовем условно) перспективный подход, когда мы сами принимаемся за формирование этой глобальной культуры памяти.

Отметим, что авторы предлагаемой к обсуждению исследовательской программы не проводят такого разделения, довольствуясь совершенно неудовлетворительным ответом, будто глобальная память формируется объективно. Это не более чем риторический ход, направленный на то, чтобы оправдать свое неприятие даже не национальной исторической памяти, а существующей в России официальной исторической политики. Подчеркнем, что собственно национальная память, национально-ориентированные нарративы, несмотря ни на какую глобализацию, никуда не уходят. И существует она вовсе не потому, что это хочется политикам. Скорее наоборот, политики апеллируют и тем самым воспроизводят национальные нарративы именно

по той причине, что именно такое видение прошлого готовы и хотят воспринять их избиратели, широкие «народные массы». Нет смысла изобретать велосипед, когда он уже имеется и на нем можно спокойно ездить. И не надо забывать, что та же самая национальная память поддерживает существование национального сообщества. Ее эффективно использовать, и поэтому ее используют. Если бы она не была эффективным инструментом, ни один политик не использовал бы ее. Как говорил один наш знакомый политтехнолог: «Политик не должен слишком много думать, иначе он не сможет из-за этого принимать решения». Политик будет обращаться к тем формам исторической памяти, тем сюжетам, историям, символам, которые будут легко продаваемы и «конвертируемы» в необходимый ему, политику, символический капитал. Какие-то менее востребованные сюжеты, истории, образы, идеи не будут использоваться либо из-за банальной нехватки времени (и здесь, кстати, возрастает роль эксперта, который мог бы вовремя подсказать и предложить), либо из-за неясности, насколько вообще выгодно к этому обращаться.

В этом плане, переходя к проблеме глобальной культуры памяти (которая только формируется), нужно четко представлять (если мы рассуждаем на уровне policy), в чем ее социальный смысл, кому выгодно обращение к ней, какие образы, сюжеты, темы потенциально привлекательны. И чему они служат. И здесь мы выходим на другую проблему, которую не затронули авторы обсуждаемой программы, а именно:

научное сообщество различных стран при очень большом желании, возможно, смогло бы сформировать общее интеллектуальное пространство и заняться написанием научной *global history*, однако глобальная культура памяти принципиально не может быть научной, поскольку она выходит за пределы научного сообщества. Поясним эту мысль.

Научное представление об истории принадлежит прежде всего определенным профессионалам, которые выработали правила формирования этого исторического знания, определенные процедуры (методы) его получения, способы коммуникации (монографии и научные статьи). Научное историческое знание есть всегда производное от определенных научных институций. И существовать за их пределами оно не может. Публичная история (тем более на воображаемом глобальном уровне) по определению принадлежит людям, с разной степенью знающим и увлекающимся историей, ее формы передачи отличны от научных, равным образом как правила суждения не выдерживают никакой научной критики. Как можно рассказать адекватно о том, чему посвящены сотни монографий (например, о Февральской революции), за пять минут в телеэфире? С научной точки зрения — никак. Это не плохо и не хорошо. Это объективный, на наш взгляд, факт. Отсюда проистекает необходимость исторических экспертов, которые могли бы осуществлять перевод исторического знания с «научного языка» на иные языки.

Потому если мы ставим проблему формирования глобальной культу-

ры памяти (вместо того чтобы тратить редкие ресурсы на написание научной *global history*), мы должны прежде всего задуматься о том, чему эта история будет служить. И чему бы эта история ни служила, она обязательно будет именно мифом. Мифом в бартовском смысле. Это не рассказ о прошлом ради самого прошлого, а рассказ о прошлом ради поиска некоего совместного будущего. Задача ученых, на наш взгляд, скорее в том, чтобы этот миф не противоречил принятым в науке представлениям, но полного соответствия быть не может. Но самое важное не это, а то, чему будет служить это социально-обусловленное историческое знание, к какому будущему вести.

И последнее. На наш взгляд, становление системы глобальных медиа, формирование глобальных туристических потоков — вот та инфраструктура, на которую может опираться эта глобальная культура памяти. Но чем тогда может быть глобальная культура памяти? Поток различных образов (буквально — картинок), имеющих широкое хождение, но интерпретируемым по-разному в разных социальных контекстах? Скорее всего — да, пока другого варианта мы не видим. Мы полагаем невозможным формировать глобальную культуру памяти подобно национальной, хотя бы уже ввиду того, что национальная память сама формировалась на основе исключения других вариантов. Национальная память — это конструкт, основанный в том числе и на забвении альтернатив (и, в принципе, памяти без забвения не бывает). И сегодня сложно представить,

чтобы глобальная культура памяти могла бы быть сформирована на основе забвения национальных. Эта логика приводит нас к следующей мысли: глобальная культура памяти не обязательно должна быть именно единым пониманием прошлого, скорее дискурсом, т. е. готовностью (это уже многое!) вместе смотреть на определенные события и обсуждать их. Немаловажно и иное: эмоциональный эффект, который несет в себе то или иное событие, в том числе историческое.

Приведем в заключение лишь один пример того, как на наших глазах на мирополитическом уровне сложился весьма эффективный дискурс, включающий в себя и мемориальное измерение. Речь идет о такой глобальной проблеме, как транснациональный терроризм. Не будем забывать, что события 11 сентября 2001 г. стали всемирно известными именно благодаря эмоциональному эффекту картинки падающих башен-близнецов, растиражированной по всему миру. Именно этот эмоциональный эффект во многом был положен в основу сформированной мемориальной культуры вокруг этого события, причем, как показывают некоторые исследования, она простирается далеко за пределы самих США. На эмоциях основано чувство сопричастности к этой трагедии тех, кто не пережил ее и был вообще да-

лек от нее. Затем именно этот эмоциональный эффект был прекрасно использован администрацией Дж.У. Буша для формирования глобальной антитеррористической повестки дня. Многие страны восприняли эту повестку и связанный с нею дискурс вовсе не потому, что они так сочувствуют американцам. Антитеррористический дискурс оказался очень удобен для того, чтобы на международной арене артикулировать собственные интересы, говорить о собственных проблемах или же легитимировать проводимую политику (в том числе силовую). И этот международный антитеррористический дискурс существует до сих пор, причем не только в головах ученых или журналистов, а в самой что ни на есть политической реальности по ту сторону медиа.

Соответственно, говорить о будущем глобальной культуры памяти — это значит пытаться понять, проанализировать, вокруг какой еще глобальной проблемы и посредством чего может сформироваться еще один глобальный дискурс и как те или иные исторические сюжеты могут быть в него вписаны. Другими словами, глобальная культура памяти — это вопрос будущего, вопрос ценностей, вопрос улучшения нашего мира, вопрос поиска телеологической перспективы политического действия. И только в самом конце это вопрос исторической науки.

THE GLOBAL CULTURE OF MEMORY: THE ORIGINS AND PROSPECTS

**Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий,
С. А. Посашков**

РАВЕНСТВО И ГЛОБАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Все переплелось в какой-то замысловатый клубок, где человеческие страсти, подлость и невежество, соседствуя со все ускоряющимся развитием науки и техники, управляются некими нам мало понятными законами. И что самое страшное – эти законы управляют всеми нами!

И сегодня все те, кто понимает трагизм складывающейся обстановки, невольно задумываются над вопросом о том, в какой степени мы скованы этими законами, в чем мы еще свободны, что еще сегодня нам дозволено. И главное – есть ли у нас шанс на будущее?

Н. Н. Моисеев. Есть ли у России будущее (1996)

В настоящее время в нашей стране опубликованы десятки тысяч научных статей, изданы сотни книг, выпускаются десятки журналов, посвященные глобальным, т. е. касающимся всего человечества

© Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А., 2017

Ахромеева Татьяна Сергеевна – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН (Москва)

Малинецкий Георгий Геннадьевич – доктор физико-математических наук, руководитель сектора «Нелинейная динамика» Института прикладной математики РАН им. М. В. Келдыша, член редакционной коллегии альманаха «История и Математика» (Москва); gmalin@keldysh.ru

Посашков Сергей Александрович – кандидат физико-математических наук, декан Факультета прикладной математики и информационных технологий Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

проблемам. У основания этого полноводного потока актуальной информации стоял академик Никита Николаевич Моисеев. Он, занимаясь математическим моделированием глобальных климатических изменений и анализом последствий глобального ядерного конфликта, привлек к этой проблематике внимание как исследователей, так и всего общества.

Делал он это без колебаний. В одном из наших разговоров я приводил в пример кибернетику, «популяризация» и «реклама» которой привели к глубокому кризису вполне успешного и жизнеспособного научного направления, и, обращая внимание на это, говорил, что рост «вширь», а не «вглубь» глобаль-

ной и экологической проблематики превратит ее в моду, отключит от нее серьезных исследователей, породит поток «информационного шума». «Если 1% из всего, что будет сделано и напечатано, окажется полезным и конструктивным, то вся эта шумиха будет оправдана. Проблемы слишком важны для нас и человечества, чтобы упустить хотя бы небольшой шанс», — услышал я в ответ.

По оценке, данной комиссией ООН по устойчивому развитию под руководством премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брунтландт, главным источником и результатом большинства глобальных проблем является острое региональное, социальное, конфессиональное, профессиональное и иные типы неравенства.

Именно сейчас делается решающий выбор: по какому пути пойдет человечество, будет ли этот уровень неравенства уменьшаться или, напротив, расти. Человечество находится в *точке бифуркации*. Раньше математики так называли точки, в которых изменяется число и/или устойчивость состояний равновесия исследуемой системы. Придя в массовое сознание и сферу гуманитарных наук, этот термин стал трактоваться более широко — это время потери устойчивости прежней траектории системы и появления новых возможностей, момент выбора.

Между чем же делается этот выбор? Первая возможность декларировалась и воплощалась в жизнь Бараком Обамой и элитами, ко-

торые стояли за его спиной. Это сценарий «многоэтажного мира», в котором одни страны и регионы представляют «мозг мира» (конечно, это США и, может быть, кто-то еще), другие — его руки (сейчас Китай, а в недалеком будущем, видимо, Индия), третьи — менее престижные органы. При этом у развивающихся стран при таком положении дел исчезает шанс развиваться. Начинает работать механизм, который Н. Н. Моисеев называл «дьявольским насосом»: «...наиболее энергичные и талантливые люди тоже начинают эмигрировать в страны “золотого миллиарда”, которые становятся насосом, откачивающим из отсталых стран все лучшее, что они имеют... Стать сырьевым придатком — еще не худший вариант судьбы для отсталых стран: между ними уже возникает конкуренция за то, чтобы прислуживать у стола сильных мира сего» (Моисеев 1996: 13–15). Барак Обама неоднократно заявлял об особой, лидирующей роли США. В качестве зоны жизненно важных интересов этого государства представители ряда американских элит видят весь мир.

Альтернатива связана с отстаиванием традиционных ценностей, с практическим воплощением идеи равенства людей и справедливости. Библия утверждает, что «для Бога нет еллина и иудея». В основе ислама лежит понятие *справедливости*. Великая французская революция прошла под знаменем «Свободы, Равенства, Братства». Эти лозунги были подхвачены коммунистами и положены в основу советской идеологии. Интернационализм был

ее неотъемлемой частью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

По иронии истории, начав с опровержения этой коммунистической идеологии, опирающейся на идею равенства, противостоящей либеральному мировоззрению, руководители новой России пришли к тому же. «Есть государства большие и малые, богатые и бедные, с давними демократическими традициями и которые только ищут свой путь к демократии. И они проводят, конечно, разную политику. Мы разные, но когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными», – писал В. В. Путин в обращении к американскому народу.

Мы равны во многих отношениях и, в частности, перед лицом глобальных проблем и вызовов, которые требуют коллективных согласованных действий. Осознание этой общности, принадлежности к человечеству, взгляд на себя как на звено в череде поколений мог бы стать очень ценным достоянием человечества. Общие, «глобальные» элементы мировоззрения в сознании граждан разных стран были бы очень важны. Когда выдающегося просветителя, профессора С. П. Капицу спросили, как бороться с терроризмом на Ближнем Востоке, он ответил: «Лучшее средство – строить университеты в этих странах».

Помочь осознанию глобальной идентичности стать инструментом самоорганизации перед лицом вызовов XIX в., на наш взгляд, может проект, связанный с формированием *глобальной памяти*.

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

История – это политика, опрокинутая в прошлое.

М. Н. Покровский

Важнейшим инструментом формирования идентичности являются представления людей о пройденном человечеством историческом пути. Особенно важны их *общие элементы, которые связывают, а не разделяют*, своеобразная *глобальная история*.

Последний термин представляется очень емким, точным и важным, поэтому предпринималось несколько попыток наполнить его конкретным содержанием.

Например, некоторые американские профессора так называли обобщенный курс, посвященный прошлому (от Большого взрыва до избрания президентом Обамы), который они предлагали ввести в систему среднего и высшего образования стран третьего мира. На более подробные курсы, по их мысли, не было средств, да и предлагаемых знаний было довольно, остальное дополнит Интернет. Удивительно, но и в России нашлись поборники и энтузиасты этого подхода, которые, по счастью, не преуспели в его продвижении.

Более содержательная и глубокая попытка осмыслить глобальную историю была предпринята С. Е. Эрлихом, выдвинувшим гуманитарную исследовательскую программу «Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке».

Поскольку предлагаемый им и его коллегами подход прекрасно изло-

жен в двух статьях в журнале «Историческая экспертиза» (*Ведерников и др.* 2016: 7–10; *Эрлих* 2016: 11–34), достаточно привести несколько цитат, отражающих его суть. Коротко позволим себе прокомментировать эти тезисы.

«Глобальная память как феномен массового сознания и как исследовательский конструкт возникает под влиянием процессов глобализации, которые не следует путать с идеологией глобализации (глобального капитализма)» (Но ведь «глобализация без капитализма» — это интернационализм — коммунистический идеал. Не так ли?) «Глобальная память подразумевает выход за пределы оппозиций “свои — чужие”, “друзья — враги”, на которых основывается современный дискурс «национальных интересов». Дискурс глобальной памяти часто напоминает коммуникативную ситуацию судебного разбирательства. Как правило, это также дискурс покаяния, стыда и вины...

Объединив усилия, академические исследователи, журналисты, деятели культуры разных стран могут превратить глобальную память в важный инструмент формирования коллективной идентичности, основанной на исторической ответственности и этике прав человека».

Дочитав до этого места программный документ, я еще раз глянул на первую страницу обложки. Нет, все правильно, 2016 г., а не 1986, как показалось по тексту, который удивительно напоминает прекраснотушны мечтания первых лет горбачевской перестройки.

Это уже было сделано. Вспомним знаковый фильм Т. Абуладзе «Покаяние». До 1991 г. с помощью наших СМИ и ряда ведущих представителей творческой интеллигенции наша страна стыдилась и каялась, каялась и стыдилась, расшатывая смыслы и ценности, скреплявшие наш этнос, новую историческую общность — советский народ. Результатом стал 1991 г. — крупнейшая геополитическая катастрофа XX в.

Позже за этой оранжевой революцией следовали еще десятки других, важной частью которых стала подмена ценностей нации, этноса, государства, которые складывались столетиями и позволяли народам выжить, оставаясь собой, отстаивая свою идентичность, «общечеловеческими», «европейскими» или «национальными» ценностями. Все эти технологии манипуляции массовым сознанием, способы применения «мягкой силы» для разрушения государств при условии доминирования в информационном пространстве давно детально изучены и прослежены по шагам¹. Не надо далеко ходить в прошлое. Перед глазами новейшая история Украины. Сначала программная книга Л. Кучмы «Украина не Россия», перестройка СМИ на антисоветский и антироссийский лад, потом «Украина — це Европа», Майдан и социально-политическая и мировоззренческая катастрофа огромного государства, конца-края которой не видно.

Зачем же уважаемым ученым еще раз наступать на одни и те же

¹ Например, эта технология детально рассмотрена в книге (*Кара-Мурза* 2000).

грабли?! Для чего понадобилось поднимать из гроба труп давно почивших «общечеловеческих ценностей». Кажется, еще С. Хантингтон убедительно объяснил, что таковые отсутствуют (*Хантингтон* 2003). Это видно на бытовом уровне – ювенальная юстиция в скандинавских странах, с легкостью отбирающая детей у их родителей и отдающая их в чужие семьи, курортный режим, устроенный норвежскому террористу Брейвику, положившему 70 человек, никак не укладывается в сознании моих соотечественников...

Пробуя опереться на этику, уважаемые историки становятся на зыбкую почву. О какой, собственно, этике идет речь? В течение 24 веков философы так и не смогли примирить этики Платона и Аристотеля, принципиально отличающиеся во взглядах на общество и человека (*Механик* 2016: 54–56). По Гегелю человек по природе зол, а по Фейербаху добр. Кант изумлялся звездам на небе и нравственному закону в душе и очень заблуждался в отношении последнего. Двадцатый век окончательно убедил нас в этом. По мысли Ницше, «основание морали было... только утонченной формой доброй веры в господствующую мораль, новым средством ее выражения»². Постмодерн настаивает на множественности этик и необходимости каждому найти свою.

К этому общему проекту С. Е. Эрлих добавляет несколько важных штрихов. «Идеи должны стать достоянием человечества, т. е. “глобальной собственностью”, отменяющей тра-

диционный институт собственности...

Сближение идентичности и этики формирующейся на наших глазах эпохи с альтруистическим нарративом самопожертвования дают основания предположить, что истории Прометея и Христа могут быть архетипом глобальной памяти...

Задача жертвенного слоя, который следует лучшим традициям русской интеллигенции, – сделать все, чтобы как можно больше представителей народа стали людьми».

Прекрасны первые две мысли, но они радикально противоречат последней! Специалисты по этике не о многом сумели договориться между собой. Пожалуй, только об одном, объединяющем разные этнические доктрины золотом правиле этики: *поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе*. Очевидное следствие из этого правила состоит в том, чтобы «представителя народа» априорно считать человеком, сравнимым с собой, независимо, просвещен он русской интеллигенцией или нет.

Казалось бы, общность идей и отсутствие копирайта, похвалы волонтерству говорят о выборе в пользу равенства, традиции, аристотелевой этики. Но оказывается, нет, «люди» и «не люди»...

Может быть, это неточность, ошибка? К сожалению, нет. С. Е. Эрлих спрашивает себя, с чем связана непоследовательность руководителей России, порой гордящихся совет-

² Цит. по (*Ницше*: 1275).

скими достижениями, а порой трактующих историю с антисоветских позиций: «Такое поведение Путина объясняется давлением глобальной памяти. Он понимает, что, восславив Сталина, навсегда останется изгоем мировой политики. Соблазн повысить внутреннюю популярность укрошается страхом утратить внешнюю легитимность». Выходит, опять надо угождать Западу и ждать, похвалит ли за хорошее поведение дядя Сэм. Чистой воды горбачевский подход. Острое ощущение неполноценности мира России и острое желание понравиться «настоящим», «мировым» лидерам. Та же болезнь русской интеллигенции, о которой рассуждал в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский и многие после него. При таком подходе речь не о глобальной памяти, а об антинациональной памяти, как, впрочем, бывало не раз в горбачевские времена.

Думается, что не следует сталкивать глобальную и национальную память. Есть ведь и еще один вид памяти и исторического мировоззрения – цивилизационный. Характерный пример такого «забегания вперед» – это создание и попытки широкого распространения языка эсперанто – глобального языка. Разумный и благородный проект провалился.

Уровень глобальности исторического мировоззрения должен соответствовать состоянию и тенденции развития мир-системы в социально-экономическом, культурном, технологическом, информационном пространствах. Платон мечтал, что государствами будут управлять философы. Этого не произошло.

И тем более трудно надеяться, что историки начнут играть существенную роль в мировой политике.

И последнее критическое замечание. «Альтруизм неотъемлем от глобальной идентичности», – пишет С.Е. Эрлих. Это не так. Проблема альтруизма является одной из ключевых в психологии, этнологии, социальной психологии, социологии, теории управления и самоорганизации и ряда других дисциплин. В самом деле, альтруизм предполагает готовность поделиться своим жизненно важным ресурсом с ближним. В соответствии с теорией Дарвина, подобные действия уменьшают шансы альтруистов дать потомство. При таком положении дел через несколько поколений альтруисты вымрут, и коллективные действия оставшихся будут либо сильно затруднены, либо вовсе невозможны.

В свое время Н.Н. Моисеев мечтал, что со временем математические модели начнут «подсказывать» гуманитариям механизмы исследуемых процессов. По-видимому, прикладная математика и теория самоорганизации уже осуществляют эту мечту.

И в биологии, и в социологии, и в истории. Да и во многих других дисциплинах на первый план выходят идеи, связанные с эволюцией рассматриваемых объектов, с «историей» того, что мы изучаем. Систему своих философских взглядов Н.Н. Моисеев назвал *универсальным эволюционизмом*.

В настоящее время активно развивается направление теории

самоорганизации, называемое *искусственной жизнью*. Его идея — прямое численное моделирование популяции объектов, которые могут двигаться, сражаться за ресурс, оценивать обстановку и собственное состояние конкурировать, а также и размножаться. В ходе последнего процесса, как в природе, происходит комбинирование геномов взаимодействующих объектов. Иными словами, в таких моделях запускается традиционный дарвиновский механизм — «наследственность — изменчивость — отбор».

Технически каждый объект реализован как достаточно сложная компьютерная программа, способная обучаться в ходе своей деятельности. Это позволяет делать так называемые нейронные сети, имитирующие простейшие механизмы работы мозга — любимая игрушка специалистов по когнитивной психологии, искусственному интеллекту, распознаванию образов³. Такое представление о достаточно сложных организмах идет от одного из основоположников бихевиоризма Берреса Скиннера. В отличие от простейших организмов, они могут обучаться методом проб и ошибок, подстраивая собственное поведение под изменяющуюся реальность.

С этих позиций на проблематику альтруизма посмотрели М. С. Бурцев, в бытность его сотрудником Института прикладной математики им. М. В. Келдыша, и американский исследователь П. В. Турчин.

³ Более подробно об этом рассказано в книге (Малинецкий 2015).

Они смоделировали, имея в виду проблему альтруизма, эволюцию популяции первоначально одинаковых «организмов». Они решили понаблюдать, как со временем распределяются социальные роли в этой колонии, какие стратегии станут доминирующими. Вообще говоря, в этой модели, даже реализованной на персональном компьютере, потенциально может быть 2^{1000} различных траекторий.

Первоначальная гипотеза состояла в том, что из всего этого многообразия сформируются хищники («ястребы») и жертвы («голуби»). Первые будут атаковать при каждом удобном случае, вторые — избегать встреч с ними. Это предположение естественно. В конце XIX в. итальянские математики Лоттка и Вольтерра обратили внимание на то, что мелкую рыбу в местных ресторанах периодически сменяет крупная, а крупную со временем — мелкая. Это наблюдение привело их к мысли о периодических колебаниях разных видов в биоценозе, а затем к созданию классической модели «хищник — жертва», которая к концу XX в. вошла в университетские учебники.

Однако результат оказался совершенно иным. Кроме ожидаемых «ястребов» и «голубей» возникли «вороны» (стратегия коллективного нападения) и «скворцы» (стратегия коллективной защиты). В последнем и ряде других случаев естественно появляются альтруистические стратегии. При этом в случае угрозы «альтруисты» действуют так, чтобы сохранить «своих», свой вид и, конечно, себя.

Эти результаты, подтверждающие известную концепцию Р. Докинза об «эгоистичном гене» (в данном случае «гене альтруизма»), были настолько неожиданными, что их опубликовал журнал *Nature* (Burtsev, Turchin 2006: 1041–1044).

ГЛОБАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ. СИНТЕЗ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ⁴

Предмет истории – то в прошлом, что не проходит как наследство, урок, неоконченный процесс, как вечный закон.

В. О. Ключевский

Будьте реалистами – требуйте невозможного!

Лозунг студентов Парижа. 1968 г.

Диалектика учит нас, что противоречия являются движущей силой развития. Попытки покаяния, раскаяния, тем более за то, что эти конкретные люди не совершали, заматание под ковер реальных противоречий, требование политкорректности дают множество примеров фальши, лицемерия и отсутствия реальных результатов. На наш взгляд, бесперспективна попытка А. А. Проханова и газеты «Завтра», «примирения белых и красных». Думается, что эта попытка, сейчас взятая на вооружение официальной пропагандой, не будет иметь успеха. Дело не только в том, что «красных» почти не осталось, а «белые» в основном существуют в воображении политтехнологов или в маргинальных салонах «дво-

рянских собраний» разного рода. Линия разлома в российском обществе проходит не там. И покаяния «белых» и «красных», как бы они не были убедительны, этот разрыв в социальном пространстве России не сошьют. Надо признать, что на том историческом повороте у каждой сторон была своя правда, и принять это.

Если мы хотим, чтобы сформировалась глобальная память – то из истории, что должно быть в сознании каждого человека мира, – то надо отдать себе отчет, что мы находимся, говоря словами Дж. Нейсбита, в ситуации «форсированного выбора» (Нейсбит 2003). Это означает, что число мемов, которое можно донести, очень невелико.

Каковы же эти мемы, в отношении которых люди должны быть солидарны? Человек живет в рациональном, эмоциональном и интуитивном пространствах, и соответствующие мемы можно разделить на те же категории.

В *рациональной сфере* особенно важны уроки кризисов, войн, катастроф и технологии, с помощью которых народы преодолевали выпавшие на их долю испытания. Люди должны быть предупреждены и, следовательно, вооружены. Это требует не общих рассуждений о том, кто прав, кто виноват, а междисциплинарного подхода. Эта работа уже начата. Стоит привести несколько примеров.

Это попытка увидеть за «фасадом» истории ее социоестественные основы, которые позволили

⁴ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 15-06-07926) и РГНФ (проекты 15-03-00404 и 16-23-01005).

одним народам и регионам взлететь, а других остановили, понять сферу ответственности субъектов и область влияния естественных причин. Например, с этих позиций смотрит на историю Дж. Даймонд (*Даймонд* 2010). Это продолжает многовековую традицию. И «Махабхарату», и «Откровения Иоанна Богослова», ряд других эпосов и религиозных текстов можно рассматривать как своеобразные «учебники антикризисного управления обществом».

При этом очень важен цивилизационный подход, на котором настаивал А. Тойнби и его последователи (*Тойнби* 1991), заставляющий задуматься, почему одни цивилизации оказались остановлены, а другие успешно прошли свой исторический путь. Именно это дает целостную картину, связывает нас с прошлым и будущим.

Бедой многих исторических исследований является, с одной стороны, широта и многозначность используемых понятий, а с другой – сверхспециализация. В последнем случае вместо того, чтобы увидеть за деревьями лес, ученые сосредотачивают внимание на отдельных листьях. Поэтому крайне важно сформулировать конкретные, количественные представления о прошлом и будущем – прочную опору научного мировоззрения. Эти представления – отличное лекарство против манипуляции массовым сознанием. В этой связи принципиальную роль играет количественный подход к анализу исторических процессов, выдвинутый в свое время Ф. Броделем (*Бродель* 2007).

Возможности этого подхода в настоящее время существенно расширились в связи с появившейся возможностью компьютерного моделирования исторических процессов и появлением обширных баз данных. Возможность рассматривать с помощью компьютерных моделей исторические процессы в их динамике стала основой для формирования исследовательской программы, направленной на построение математической истории (*Катица и др.* 2001).

Необходимость иметь в сознании количественные категории не является данью моде. Без них мы просто можем не увидеть главное.

Например, выдающийся экономист, математик, профессор Ост-Индской компании Томас Мальтус (1766–1834) считал, что численность человечества N в зависимости от времени растет в геометрической прогрессии, или на языке дифференциальных уравнений:

$$\frac{dN}{dt} = \alpha N, \quad N(0) = N_0, \quad (1)$$

где α – число, называемое мальтузианским коэффициентом, N_0 – начальное значение. И действительно, все виды, от амёб до слонов, при наличии достаточных ресурсов увеличивают свою численность по этому закону. Наш вид является исключением. Он растет по гораздо более быстрому квадратичному закону, при котором скорость роста определяется не числом людей, а их квадратом:

$$\frac{dN}{dt} = \beta N^2, \quad N(0) = N_0. \quad (2)$$

Именно эта нелинейность выражает тот факт, что мы являемся *технологической цивилизацией*. Только мы научились передавать *жизнеобеспечивающие технологии* (продляющие жизнь и улучшающие ее качество) в пространстве и во времени.

Решение уравнения (2) определяет гиперболический рост численности населения планеты:

$$N(t) = \frac{1}{1/N_0\beta - t}. \quad (3)$$

В соответствии с данными палеодемографов и результатами системного анализа, число людей увеличивалось по этому закону более 200 тысяч лет. Если бы и далее этот закон имел место, то $N(t) \rightarrow \infty$, при $t \rightarrow t_f \approx 2025$ год. Именно эта закономерность определила представления о сингулярности, режиме с обострением, переходе человечества в некое новое качество.

Однако с 1970-х гг. закон (3), описывающий «демографическую пружину» всего пройденного человечеством исторического пути, «ломается». Быстро (в течение времени жизни одного поколения) наступает *глобальный демографический переход*. Это кардинальное изменение в рамках всей планеты репродуктивной стратегии от «высокая рождаемость — высокая смертность» к «низкая рождаемость — низкая смертность». Вероятно, прошлое и начавшееся столетия войдут в историю не как век атома, космоса, компьютеров или двух мировых войн, а как *эпоха глобального демографического перехода*.

Такого крутого поворота в истории человечества еще не было. Самый близкий аналог — неолитический кризис и связанная с ним революция, которая принесла технологии возделывания зерновых культур и одомашнивания животных. Н. Н. Моисеев говорил, что мы живем в то время, когда человечество ищет новые алгоритмы развития. Сама постановка вопроса о глобальной памяти является одним из свидетельств этого.

В эмоциональной сфере, в отличие от рациональной, проблема намного сложнее. Дело в том, что мы не представляем в должной степени сущность человека, не имеем единых представлений об этике, а также удовлетворительной теории культуры.

Идея С. Е. Эрлиха устраивать суд историков, экспертов или простых смертных над историческими персонажами, с точки зрения формирования «глобальной памяти», представляется неконструктивной. Это так хотя бы потому, что людей одного времени мы собираемся судить по законам другого.

Кроме того, нечто подобное уже делалось. Несколько лет назад на одном из федеральных каналов с большим успехом шла передача «Суд истории». Советский взгляд на исторические процессы представляли известный политолог и публицист С. Е. Кургинян и его единомышленники. Как правило, его взгляд поддерживало от 75 % до 90 % голосовавших телезрителей. Можно сказать, что эта передача имела не большой просветительский эффект

(за час узнать в ходе острой дискуссии что-то новое для себя достаточно трудно). Скорее она имела, как и некоторые социологические опросы, характер общественной рефлексии, показавшей, что поддерживают, а что отторгают наши сограждане.

Разделяя точку зрения К. А. Пахалюка (*Пахалюк* 2016: 33–42) на то, что глобальную память не следует противопоставлять национальной, играющей очень важную роль и на государственном, и на этническом уровне (видимо, понятие этноса и идеи Л. Н. Гумилева рано «сбрасывать с корабля современности»), трудно принять перенос сути проекта от «глобальной памяти» к «культуре глобальной памяти». Опыт многих исследовательских проектов показывает, что как только к предмету добавляется слово «культура» или «методология», то до самого предмета дело обычно не доходит, проявляемая активность тонет в бесплодных дискуссиях и на конкретные практические или научные результаты надеяться не приходится. В современной науке представление и о культуре, и о методологии остаются слишком расплывчатыми и субъективными.

Поэтому здесь путеводной нитью может служить классическое сравнительное описание выдающихся деятелей Греции и Рима Плутарха. Как правило, выдающиеся люди оказывались в сходных обстоятельствах, но действовали по-разному. На наш взгляд, «учебник жизни», предложенный Плутархом, или его часть вполне может быть элементом глобальной памяти.

При этом фрагментом глобальной памяти могли бы стать и герои отдельных мифов, и религиозные образы. С. Е. Эрлих акцентирует внимание на образах Прометея и Христа, однако альтруизм и самопожертвование не должны являться единственными доминантами глобальной памяти. Кроме того, большого внимания заслуживают мифы, предлагающие стратегии разрешения конфликтов, которыми стоило бы воспользоваться в будущем и которые могут найтись у разных цивилизаций.

Здесь можно привести наглядный пример. Одним из ключевых в античной традиции является миф о суде Париса. Чтобы поссорить могущественных богинь, было сотворено волшебное яблоко с надписью «Прекраснейшей». Афина, Гера и Афродита, чтобы определить, кто из них является таковой, поручили сделать выбор прекраснейшему юноше Парису. Чтобы предопределить решение в свою пользу, каждая из них втайне пообещала Парису то, что было в ее власти, очевидно, не надеясь на объективность и справедливость решения. Когда выбор был сделан, то желаемое — Прекрасную Елену — пришлось добывать хитростью и отстаивать силой. Затем кровопролитная война, падение Трои, «Илиада» и «Одиссея». В классическом мифе задействованы и воспеты архетипы уникальности эксперта (Парис и никто другой, хотя, казалось бы, естественно было бы обратиться не к прекраснейшему, а к мудрейшему), коррупции (подкупа) и насилия.

Аналогичная ситуация с яблоком и спором трех богинь имеет место

и в индийской мифологии. Однако там она разрешается к радости и удовольствию всех трех богинь и к счастью всех вовлеченных в эту ситуацию персонажей. Такому «антикризисному управлению» тоже могло бы найтись место в глобальной памяти.

Существует, на наш взгляд, глубокая проблема, на которую культурология пока не дает содержательного ответа — почему до нас дошли через глубину веков именно эти шедевры культуры или тексты. «Начала» Евклида практичны — лучше осмыслить и выучить его теоремы, а затем применять их, вместо того, чтобы заново строить всю логическую лестницу геометрии. Поэтому естественно, что и греки, и римляне, и арабы, и схоласты постарались сберечь эту книгу, как можно точнее воспроизвести оригинал. Но «Диалоги» Платона, достаточно произвольные, в большей степени субъективные и несущие отпечаток своего времени... Но ведь и они до нас дошли. Это случайность — дошло то, чему повезло? Или велик элемент объективности — классика действительно отразила что-то очень важное для человечества. Быть может, прав философ и культуролог Ален — все прошедшее «цензуру времени» действительно заслуживает особого внимания: «Человек в значительной степени лишен способности суждения, однако Человечество демонстрирует суждение безупречное. Тот, кто идет в салон — пропал, тот, кто идет в музей — спасен» (Ален 1996: 31).

Естественно возникает сложная проблема — что из гигантского культурного наследия должно стать элементом глобальной памяти. Ду-

маю, что эта проблема разрешима. Культуру можно сравнить с постоянно совершенствующимся и развивающимся языком. Но для языков филологи уже сталкивались и решили подобную проблему. Им удалось выделить «скелет языка» — набор не более чем 2000 слов, с помощью которых можно объяснить все остальные. Вероятно, и в ходе осознанного и целенаправленного формирования глобальной памяти можно будет выделить подобный «скелет культуры».

В интуитивной области, о которой мы знаем меньше, чем об эмоциональной, и несравненно меньше, чем о рациональной, в связи с глобальной памятью также возникают глубокие и интересные проблемы. Память, кроме формирования идентичности (в данном случае глобальной), играет очень важную роль лоцмана, позволяющего прокладывать путь в будущее, избегая рифов и мелей, с которыми сталкивались предыдущие поколения. В огромной степени мы изучаем историю для того, чтобы заглянуть в будущее. И здесь принципиальную роль приобретает междисциплинарность.

Одним из принципиальных выводов теории самоорганизации, или синергетики — активно развивающегося междисциплинарного подхода — является утверждение, что будущее в сложных саморазвивающихся системах неединственно. В точках бифуркации сознательно или случайно происходит выбор одного из вариантов грядущего⁵.

⁵ Подробнее этот взгляд развит в (Малинецкий 2015; Будущая Россия 2013).

Тем не менее делавшиеся прогнозы, от «откровения Иоанна Богослова» до работ Университета Будущего Рэя Курцвейла, производят очень сильное впечатление. Они показывают, что в области технологий человечество располагает огромными возможностями, чтобы осуществить свои ясные и осознанные мечты. Практически все, что предсказывал Жюль Верн или о чем писал журнал «Техника молодежи», стало реальностью, хотя и не в те сроки, которые ожидалось. Мечты и желания больших групп людей очень серьезное дело — они имеют обыкновение воплощаться в реальность.

Междисциплинарность этой важнейшей сферы состоит еще и в том, что фантасты, футурологи или гуманитарии зачастую гораздо яснее видят будущее и его угрозы, чем представители точных наук или инженеры.

Наглядный пример этого дает блестящее эссе Станислава Лема «Системы оружия двадцать первого века». В нем автор намного точнее, чем аналитики генеральных штабов, предсказал тенденции развития систем вооружений в следующие тридцать лет и тот рубеж, на который мы вышли к настоящему времени. «Появляющиеся одна за другой системы оружия характеризовались возрастающим быстродействием, начиная с *принятия решений* (атаковать или *не* атаковать, *где*, *каким образом*, с какой степенью риска, какие силы оставить в резерве и т. д.); и именно это возрастающее быстродействие снова вводило в игру фактор случайности, который принципиально не поддается расчету. Это можно выразить так: си-

стемы неслыханно быстрые ошибаются неслыханно быстро... Словом, гонка вооружений вела к «пирровой ситуации»», — писал Лем (Лем 2003).

Скорость эскадры определяется скоростью самого медленного корабля. И этим «медленным кораблем» во многих перспективных системах вооружений оказывается человек. Но и доверить компьютеру решать «быть или не быть» крайне рискованно.

Существует некоторая аналогия между проектом «Глобальная память» и педагогической деятельностью. Педагогов учат, что гораздо лучше объяснять детям, что в доме есть спички и что с ними нельзя делать, не жалея на это сил и времени, чем заставлять их каяться и извиняться после того, как они сожгли дом...

Может ли эта часть «памяти» дать важные для человечества результаты? Практика показывает, что может. Сейчас появился эффективный инструмент, позволяющий проигрывать разные варианты прошлого и будущего, учитывая взаимосвязи, которые не удастся проследить на уровне «здравого смысла» или традиционно гуманитарного анализа.

В частности, в свое время в Вычислительном центре АН СССР (ВЦ) под руководством Н. Н. Моисеева было проведено исследование климатических последствий масштабного обмена ядерными ударами. Было убедительно показано, что достаточно взорвать 1000 Мт атомных бомб (даже не важно где), чтобы человечество было отброшено на много веков назад, а может быть,

и просто уничтожено. Эти результаты докладывались и в Ватикане, и в американском Конгрессе, и на многих других площадках. Именно ядерный дамоклов меч, нависший над человечеством, обеспечивает и требует глобальной идентичности. Исследования Н.Н. Моисеева нашли поддержку во многих странах на различных уровнях. За их продолжение бывший вице-президент США Альбер Гор был удостоен Нобелевской премии мира в 2007 г.

На наш взгляд, проект «Глобальная память» может и должен состояться. Просто очень важно, чтобы используемые средства соответствовали тем глобальным целям, на которые он направлен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ален 1996 — *Ален*. Рассуждения об эстетике. Нижний Новгород: НГЛУ им. Добролюбова, Региональный центр французского языка, 1996.

Бродель 2007 — *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Издательство «Весь Мир», 2007. 592с.

Будущая Россия 2013 — *Будущая Россия. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука* / под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 264 с.

Ведерников и др. 2016 — *Ведерников В., Качанова Е., Корчинский А. и др.* Глобальная память: культура, исторической ответственности в XXI веке // Историческая экспертиза, 2016. № 3. С. 7–10.

Даймонд 2010 — *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: CORPUS, 2010. 720 с.

Катица и др. 2001 — *Катица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.

Кара-Мурза 2000 — *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 736 с.

Лем 2003 — *Лем С.* Системы оружия двадцать первого века. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 551 с.

Малинецкий 2015 — *Малинецкий Г. Г.* Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологий — путь России в будущее. М.: ЛЕНАНД, 2015. 224 с.

Механик 2016 — *Механик А.* Философ, который ценил «среднего» человека // Эксперт. 2016, № 48. С. 54–56.

Можейко — *Можейко М. Л.* Этика // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Мн: Харвест, Современный литератор.

Моисеев 1996 — *Моисеев Н. Н.* Есть ли у России будущее. Попытка системного анализа проблемы выбора. М.: Изд-во «Апрель-85», 1996.

Нейсбит 2003 — *Нейсбит Д.* Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗЛО НПП «Ермак», 2003. 380 с.

Пахалюк 2016 — *Пахалюк К. А.* Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 33–42.

Тойнби 1991 — *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Хантингтон 2003 — *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

Эрлих 2016 — *Эрлих С. Е.* Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив // Историческая экспертиза, 2016. № 3. С. 11–34.

Burtsev, Turchin 2006 — *Burtsev M. S., Turchin P. V.* Evolution of cooperative strategies from first principles // Nature (Letters to Editor). 2006. № 440. P. 1041–1044.

EQUALITY AND GLOBAL MEMORY IN THE CONTEXT OF UNIVERSAL EVOLUTIONISM

Akhromeeva Tatiana S. — candidate of physico-mathematical sciences, researcher of the Keldysh Institute of applied mathematics, RAS (Moscow)

Malinetskiy Georgiy G. — doctor of physico-mathematical sciences, head of the sector «Nonlinear dynamics» of Keldysh Institute of applied mathematics, member of the editorial board of the almanac «History and Mathematics» (Moscow)

Posashkov Sergey A. — candidate of physico-mathematical Sciences, Dean of the Faculty of applied mathematics and information technologies of the Financial University under the Government of RF (Moscow)

REFERENCES

- Alen. *Rassuzhdeniia ob estetike*. Nizhnii Novgorod: NGLU im. Dobroliubova, Regional'nyi tsentr frantsuzskogo iazyka, 1996.
- Brodell' F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* Vol. 1. Ctruktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2007. 592 p.
- Budushchaia Rossiia. Vyzovy i proekty: Istorii. Demografiia. Nauka / pod red. G. G. Malinetskogo. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2013. 264 p.
- Burtsev M.S., Turchin P.V. Evolution of cooperative strategies from first principles // *Nature (Letters to Editor)* 2006. No 440. .P. 1041–1044.
- Daimond Dzh. Ruzh'ia, mikroby i stal': sud'by chelovecheskikh obshchestv. Moscow: AST: AST MOSKVA: CORPUS, 2010. 720 p.
- Erllich S.E. Global'naia pamiat' informatsionnogo obshchestva: etika, identichnost', narrativ // *Istoricheskaiia ekspertiza*, 2016. № 3. P. 11–34.
- Kapitsa S.P., Kurdiunov S.P., Malinetski G.G. *Sinergetika i prognozy budushchego*. Moscow: Editorial URSS, 2001. 280 p.
- Kara-Murza S.G. *Manipuliatsiia soznaniem*. Moscow: Algoritm, 2000. 736 p.
- Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST", 2003. 603 p.
- Lem S. *Sistemy oruzhiia dvadtsat' pervogo veka*. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST", 2003. 551 p.
- Malinetski G.G. *Chtob skazku sdelat' byl'iu... Vysokie tekhnologii – put' Rossii v budushchee*. Moscow: LENAND, 2015. 224 p.
- Mekhanik A. *Filosof, kotoryi tsenil "srednego' cheloveka" // Ekspert*. 2016, No 48. P. 54-56.
- Moiseev N.N. *Est' li u Rossii budushchee. Popytka sistemnogo analiza problemy vybora*. Moscow: Izd-vo "Aprel'-85", 1996.
- Mozheiko M.L. *Etika // Vsemirnaia entsiklopediia: Filosofiia*. Moscow: AST; Mn: Kharvest, *Sovremennyi literator*.
- Neisbit D. *Megatrendy*. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST": ZLO NPP "Ermak", 2003. 380 p.
- Pakhaliuk K.A. *Global'naia kul'tura pamiati: v poiskakh teleologicheskoi perspektivy // Istoricheskaiia ekspertiza*. 2016. № 3. P. 33–42.
- Toinbi A. *Dzh. Postizhenie istorii*. Moscow: Progress, 1991. 736 p.
- Vedernikov V., Kachanova E., Korchinski A. i dr. *Global'naia pamiat': kul'tura, istoricheskoi otvetstvennosti v XXI veke // Istoricheskaiia ekspertiza*, 2016. No 3. P. 7–10.

СОБИРАНИЕ УТОПИИ

В последние годы становится все более модным говорить о проблеме «исторической памяти». При этом речь, как правило, идет не о феномене социальной памяти, формирующейся и развивающейся веками и связанной с передачей «преданий» о тех или иных событиях прошлого из поколения в поколение, но о более понятных для общественности событиях, связанных с историей XX в.

Безусловно, феномен исторической памяти как чего-то глобального, связанного с формированием и жизнью социума, также обсуждается и изучается, однако все же мейнстрим оказывается связан именно что с историей последних ста – ста пятидесяти лет. Причем глобальное здесь оказывается подчиненным более зауженному мейнстриму, служа одним из способов осмысления современности, а также являясь важным орудием в деле изучения перспектив возможных путей дальнейшего развития человечества. Основные мотивы при этом оказываются «негативными», т.е. связанными с памятью о войнах и массовом (политическом) насилии, что вызвано тем простым фактом, что «короткий двадцатый век» стал своего рода эпохой войн

и революций, приведших к гибели десятков миллионов человек.

И вот тут встает весьма важный вопрос, на который необходимо ответить прежде, чем браться за проблему исторической памяти: «Для чего?» Т.е. вопрос заключается в том, ради какой цели конкретный человек берется за изучение/развитие данной проблемы. И, на наш взгляд, здесь возможны лишь два основных ответа на поставленный вопрос: позитивистский и индуктивно-дедуктивный. Первый подразумевает под собой констатирование фактов ради их «консервации» в общественной памяти под благозвучной вывеской «никогда больше». Второй же подразумевает изучение того, что стояло за всеми этими событиями, что возможно лишь при тщательном собирании и изучении многочисленных фактов.

Безусловно, память, причем не выборочная, а включающая в себя возможно максимальный объем фактологической информации о трагедиях прошлого, важна как в обществах, переживших тоталитарную диктатуру, так и в тех, которые оставались в тот же исторический период формально «свободными».

Для первых это необходимо, чтобы не повторять ошибок прошлого, тем более что общество, как

и конкретный человек, пережив жестокое насилие над собой, испытывает эффект вытеснения. Помогая пережить негативный опыт его испытавшим, данный эффект ослабляет защитные механизмы новых поколений, которые тем самым легче поддаются популистской демагогии, за которой подчас скрываются реваншистские последователи вчерашних диктаторов. Подобное мы можем наблюдать как в России, так и в некоторых других странах, в т. ч. Испании, Италии, Аргентине.

Для вторых же это по меньшей мере важное напоминание о том, что может произойти с обществом и почему этого важно не допустить, чтобы не произошло очередного «бегства от свободы», выражаясь словами Эриха Фромма. В конце концов, ведь Гитлер пришел в свое время демократическим путем, и его власть долгое время поддерживала значительная часть немцев.

Однако невозможно выстроить что-либо прочное только на «отрицательных» идеях, в нашем случае на памяти о кошмарах XX в. Несмотря на все разговоры в духе «никогда больше», войны в мире не прекращаются. А ведь, казалось бы, опыт XX в. уже давно должен отвратить людей военной истерии:

- Первая мировая война обошлась человечеству в 17–20 млн жизней;
- эпидемия испанского гриппа, спровоцированной войной – 50–100 млн;
- Гражданская война в России – 10–15 млн;

– гражданская война и политические репрессии в Испании – 0,5–1,5 млн;

– Вторая мировая война – 70–100 млн;

– Вторая конголезская война – не менее 4 млн;

– война во Вьетнаме – 1,5–3,5 млн.;

– террор красных кхмеров в Камбодже – до 3,3 млн;

– геноцид в Руанде – 0,5–1 млн;

– гражданская война в Афганистане – до нескольких млн и т. д.

История человечества последних тысячелетий буквально строится на крови и костях погибших. Насилие – это постоянный наш спутник. Однако люди продолжают из века в век наступать на одни и те же грабли истории.

Как бы то ни было, при этом современному человеку не сильно трогают зверства европейских колонизаторов в Америке, жертвы британского владычества в Индии, Опиумные войны в Китае, равно как жестокость Нерона или Тамерлана. Актуальным на сегодня для нас является именно XX в., с его стремительным техническим прогрессом и одновременно поставленным на индустриальные рельсы массовым насилием, символом которого вполне можно назвать «негативную фабрику Освенцим», как охарактеризовал организованную в гитлеровской Германии систему лагерей смерти Роберт Курц.

Да, память обо всем этом важна, но, как можно видеть, она не спасает мир от все новых войн и социальных катастроф.

Одна из важнейших причин, а возможно и самая важная, по которой это оказывается возможным, — это разделение человечества на «своих» и «чужих». Данный феномен очень хорошо был описан Эрихом Фроммом в его «Анатомии человеческой деструктивности», где он прослеживает проблему подобного «разделения» с древности до XX в. Так, у первобытных племен жизнь человека своего племени считалась священной и неприкосновенной, в то время как представителей других племен убивать было можно в силу того, что им отказывалось в праве быть причисленными к категории «людей». В наше «цивилизованное» время настолько прямо и цинично говорить считается неприличным, в особенности после краха Третьего рейха с его идеями о разделении людей на полноценных и неполноценных (*untermensch*). Тем не менее именно грация на своих и чужих позволяет развязывать политикам все новые войны и при случае разжигать ненависть к «инородцам» и/или «иноверцам».

Если человек в повседневной жизни перестает воспринимать окружающих за (равных себе) людей, то он становится способным на убийство, что воспринимается обществом негативно (если речь не идет об убийстве как способе защиты от подобных типов, и то не всегда). Между тем стоит человеку надеть военную форму, то совершаемые им

по приказу его «отцов-командиров» убийства «врагов» уже не воспринимаются столь негативно «своими» (согражданами). Более того, речь уже может идти о совершении «подвига» во имя Отечества. Слепая лояльность по отношению к своему государству просто в силу того, что оно «свое», делает человека легко поддающимся внушению, когда встает речь о развязывании очередной войны: коллективное «мы» своих сограждан становится квинт-эссенцией благородства и достоинства, в то время как коллективное «они» — квинтэссенцией худших из возможных черт, встречающихся у людей.

Исторически одним из путей преодоления этой негативной стороны человечества стало развитие в XIX в. социалистических идей, устремившихся к построению в будущем нового, свободного общества, в котором всем люди станут «братьями и сестрами» и не останется места для войн, насилия и нищеты.

И вот, после десятилетий споров, первых проб и ошибок, к началу XX в. глобальный «социалистический проект», активно развивавшийся многочисленными теоретиками и пропагандистами от социал-демократии (марксизма) и анархизма, вышел на большую сцену мировой политики, пиком чего стал подъем рабочего и революционного движения в мире в 1917–1923 гг.

Говоря об исторической памяти, таким образом, надо уделять немало внимания не только негативной

стороне истории XX в., но и ее положительной (созидательной) составляющей. Речь идет как об идейном наследии социалистической мысли, так и о сохранении (восстановлении) памяти о конкретной «практике». Между тем, как выражаются некоторые современные испанские анархо-синдикалисты, общество в этом смысле оказалось подверженным социальному Альцгеймеру.

На практике это выливается в то, что, несмотря на все разговоры о необходимости больше обращать внимание на наследие «красного (социалистического) проекта», у многих из нас остается о нем весьма смутное представление. Многие имена и идеи оказались стертыми из социальной памяти, так что иногда происходит переоткрытие некоторых идей прошлого без понимания того, что всего сто лет назад они уже широко обсуждались и даже проходили проверку своим практическим применением. Еще более важным при этом оказывается то, что иногда становятся забытыми те достижения, которые сейчас могли бы помочь новым исследователям и практикам избежать многочисленных ошибок и недочетов. Нечто подобное произошло с идеями «свободного воспитания», активно дискутировавшегося и развивавшегося на рубеже XIX–XX вв.

Что же касается стертых из социальной памяти имен, то здесь достаточно вспомнить имя одного человека, чтобы оценить, насколько важно воссоздавать картину прошлого в максимально возможном объеме и не сводить историю социалисти-

ческой мысли к всего нескольким именам наиболее известных теоретиков. Речь идет об одном из первых учеников Зигмунда Фрейда, Отто Гроссе (1877–1920), стороннике психоанализа и анархо-коммунистических идей Петра Кропоткина, введшего понятие «сексуальной революции» и, как пишут, ставшего своего рода предтечей такого явления, как «антипсихиатрия».

При этом забытыми оказываются в истории не только многие моменты, связанные с историей социалистического движения, но и многое другое: сегодня не так много и столь многие знают о том, как еще в XIX в. началось развитие электромобилей и как создавалась гегемония бензинового транспорта, серьезно потеснившего электрический; о том, что современная генетика во многом «выросла» из евгеники (Рональд Фишер), чья история далеко не столь проста и однозначна, как о ней принято считать, и т. д. Историю пишет победитель, и потому «проигравшие» идеи и проекты подчас попросту выбрасываются из исторической памяти, и хорошо, если находится тот, кто со временем воссоздает память об утраченном.

И вот здесь снова встает вопрос о необходимости воссоздания исторической памяти «социалистического проекта». Дело в том, что он стал одним из важнейших факторов мировой политики в ключевой период современной истории. Речь идет, говоря языком мир-системного (Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн) анализа, о «тридцатилетнем периоде» смены гегемона на мировой арене.

Данный период, 1914–1945 гг., таким образом, оказывается не линейным процессом, с его фатальной логикой перехода от прошлого к настоящему, как того хотелось бы современным позитивистам, но более сложным периодом, точкой бифуркации, когда человечество «выбирало» свой дальнейший путь развития. И глядя на вызовы, которые бросает нам современность с ее политическими, экологическими, социально-экономическими проблемами, стоит внимательнее взглянуть в тот исторический период, попытаться максимально детально его воссоздать и проанализировать.

В этом смысле история оказывается ничем иным, как собиранием мозаики, как выражается российский историк Вадим Дамье. Процесс это кропотливый и не терпящий поверхностного подхода и спешки.

Именно поэтому необходимо, приближаясь к столетию российской революции 1917–1921 гг., заняться переосмыслением ее истории и ее

наследия, более детально отнестись к изучению стоящей особняком испанской революции 1936–1938 гг. и других революционных потрясений, а также тех движущих сил, которые за ними стояли.

Не самым праздным в такой ситуации оказывается и вопрос о том, почему именно проиграли данные революции, было ли это закономерным и неизбежным и в какой степени их идейно-практическое наследие может быть для нас актуальным.

«Собрание Утопии», равно как и более тщательное воссоздание и переосмысление истории первой половины XX в., таким образом, оказывается крайне важным для нас, если мы хотим не только понять, как и через что человечество пришло к своему современному этапу существования, но также понять и оценить имеющиеся перспективы дальнейшего развития, а также нащупать пути преодоления стоящих сегодня перед ним проблем как локального, так и глобального характера.

CONSOLIDATION OF UTOPIA

Fedorov Andrey Yu. — archaeologist, «Metropolitan Archaeological Bureau» (Moscow)

КОММЕНТАРИЙ

В гуманитарной исследовательской программе «Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке» глобальная память определяется как вид культурной памяти, который разделяется всеми людьми и не зависит от различных коллективных представлений о прошлом. Авторы программы считают, что глобальная память в своем абсолютном воплощении приведет к появлению нового общего взгляда на прошлое как на историю всего человечества, который не будет суммой национальных нарративов памяти (Глобальная память). В предельном виде глобальная память представляется рефлексией человечества над всемирной историей. Однако для такого понимания истории нам придется отказаться от аргументов критиков, считающих, что всемирной истории не существует и не может существовать¹. Не подойдут, на наш взгляд, и цивилизационные концепции развития человечества. Мы согласимся с мнением К. Пахалюка, который отмечает европоцентричность представленного в программе «Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке»

© Липилина Н. О., 2017

Липилина Наталья Олеговна – историк, издатель, главный редактор портала публичной истории «RU Public History» (Москва); natalipi@yandex.ru

¹ Например, (Кроче 1998: 9–40).

взгляда на историю (Пахалюк 2016: 33–48). Существующий нарратив всемирной истории повествует о прошлом с позиции европоцентрического подхода, при котором народы и государства описываются в степени их похожести с условным эталоном, что вряд ли сможет быть основанием для международного движения «глобальной памяти». Хочется отметить, что в европейских исследованиях есть попытки преодолеть подобный подход к истории через разговор о колониализме и постколониализме. К сожалению, в России на федеральном уровне эти темы не обсуждаются. Однако К. Пахалюк, рассматривая глобальную память, все же остается в рамках политологии. В то время как глобальная память – это попытка преодолеть междисциплинарные границы, возможность шире смотреть на проблему памяти, исследуя ее за рамками локальной (групповой, этнической) и национальной, привлекая социологию, психологию, экономику.

Возможно, помимо социокультурных оснований глобальной памяти, следует рассмотреть и некоторые эволюционные основы, заложенные в биологической природе человека (Дольник 2009: 109–115)? Например, через стремление к безопасности (уклонение от агрессивного поведения) и стремление к справедливо-

сти (осуждение и борьба с теми, кто масштабно нарушает права и свободы других людей) мы можем выйти на понимание глобальной памяти как общечеловеческой ценности. В этой связи нам очень нравится беседа «Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев» в книге В.Р. Дольник «Непослушное дитя биосферы». Нам кажется, что у подобного историко-этологического синтеза есть перспективы.

Быть может, более подходящей оппозицией глобальной памяти является не национальная память, как пишут авторы программы «Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке», а то, что сейчас исследователи пытаются обозначить термином *post-truth*. Слово «*post-truth*» было выбрано составителями Оксфордского словаря словом 2016 г. (Постправда). Этот термин обозначает что-то конструируемое и направляемое, в результате чего эмоциональная память о чем-то становится важнее фактов. В этом поле отсутствует возможность диалога, существует лишь конкуренция «чувств» и форм чувствования.

Нам кажется, что триггером, актуализирующим «глобальную память», является терроризм. 9/11 в США стало абсолютным событием, матерью событий, как назвал это Жан Бодрийяр (*Бодрийяр* 2016). Атаки в Париже 2015 г. (расстрел сотрудников *Charlie Hebdo* и посетителей «Батаклан»), на наш взгляд, стали таким же абсолютным событием для Европы. После них теракты перестали вызывать такой же общественный шок. Акты террора все

еще являются особенными, но уже не исключительными событиями. К ним начали привыкать. Масштабность и способность терроризма преодолевать границы приводит к необходимости не только координировать межгосударственное сотрудничество в борьбе с терроризмом, но и переосмыслить границы общественной безопасности, полномочий государства, толерантности и личной свободы. Несмотря на осуждение чудовищной жестокости и бессмысленности терактов, возросшие шансы самим стать жертвой теракта, люди на первый план начинают выдвигать бытовое неудобство от последствий терроризма. К краткосрочным неудобствам относят перекрытие транспортной сети города, закрытие аэропортов, усиление полицейского контроля. К долгосрочным – дополнительные траты на отслеживание пассажиропотоков, усиление контроля над Интернетом, сотовой связью и финансами. Возникает недовольство и тем, что угроза теракта становится частью жизни, и тем, что меры, предпринимаемые правительствами для борьбы с терроризмом, ограничивают права рядовых граждан. Нам кажется, что идея «глобальной памяти» на этих основаниях может привести к появлению международного общественного движения за общегуманитарные ценности.

С.Э. Эрлих развивает тему оснований для глобальной памяти в статье «Три нарратива коллективной памяти». Он выводит три нарратива памяти для разных исторических периодов. В догосударственную эпоху определяющим для создания людей

была волшебная сказка, в государственную эпоху на первый план выходит героический миф и престижное потребление эпохи модерна. Героический миф в скором времени должен полностью уступить свое место мифу самопожертвования. Историческими примерами такого мифа были Прометей и Христос, а в наше время эти идеи воплощаются в престижном жертвовании на благо всего человечества (*Эрлих*). Такими примерами престижного жертвования, как нам кажется, являются известные предприниматели из Силиконовой долины и финансисты, которые переводят большую часть своих состояний в благотворительные фонды, спонсирующие образование и научные исследования в области здравоохранения и защиты природы. Благотворительные фонды финансируют множество программ, направленных на гендерное равенство, борьбу с бедностью и др. С. Э. Эрлих пишет о перспективах волонтерского движения как основы для формирования новой культуры — «глобальной памяти» (*Эрлих*). Эта идея кажется привлекательной, однако она может существовать лишь в условиях, когда молодежь, стремящаяся к самореализации, долго не может получить постоянное рабочее место и перейти к реализации на профессиональном уровне. А государственные и общественные фонды обладают ресурсами для организации и финансирования работы волонтеров, снимая тем самым общественное напряжение (*Эрлих*). Подобные вещи, как кажется, сейчас возможно развивать лишь в таких наднациональных образованиях, как Европейский союз и Королевства Содружества.

Соотношение «глобальной памяти» с национальной памятью и исторической политикой было проанализировано К. А. Пахалюком в статье «Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы» (*Пахалюк* 2016: 33–48). Там же он поднимает вопрос о важности фигуры интеллектуала в формировании дискурса глобальной памяти. Вероятно, на эту роль могут претендовать публичные историки. Публичная история — это новое направление в России, однако сейчас есть пять магистерских программ в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Перми и Калининграда². На этих программах готовят специалистов, ориентированных на работу со знанием о прошлом за пределами академической среды. Если определять публичную историю как теории и практики бытования истории в публичном пространстве, то можно обозначить глобальную память как часть публичной истории. Безусловно, общим тут является *trauma studies* — исследование исторической травмы и практик ее преодоления. Важную роль занимает проблема палачей и жертв. На фоне работы, проделанной Никитой Петровым по сбору и публикации информации о сотрудниках НКВД, и деятельности Дениса Карагодина по расследованию обстоятельств смерти его прадеда, в России снова стали говорить о палачах (*Петров* 2011). Тут возникает проблема: кто и кого имеет право называть палачом? В дискуссиях об этом происходит столкновение юридического

² Описание магистерской программ по публичной истории URL: <http://www.rupublichistory.ru/edu/edu.html> (дата обращения: 15.12.2016).

и этического подходов. О государственной и личной ответственности, о сложности принятия подобной ответственности с историческими примерами написал Николай Эппле в статье «Прежде примирения» (*Эппле*). Хотелось бы дополнить список примеров, приведенных Н. Эппле, историей о мирном соглашении между ФАРК и правительством Колумбии. Опыт примирения президента с повстанцами и символизм, который широко использовался на этих встречах, — яркий пример работы по проработке трудного прошлого. Кроме того, ситуация в Колумбии может быть рассмотрена и в контексте глобальной памяти как попытка преодоления агрессии и поляризации общества.

Колумбия давно стала притчей во языцех: рай наркоторговцев, полигон для тренировки боевиков, постоянный рынок сбыта для оружия, коррупция, похищения людей, гражданская война, не затихающая уже много десятков лет. Анализируя новостные видеорепортажи, связанные с подписанием на Кубе долгожданных мирных соглашений, нам было трудно отделаться от мысли о продуманной театральности происходящего. В жарком зале сидят мужчины разного возраста, все в белых рубашках. Между ними 51 год ненависти, 51 год войны, 51 год непримиримых, как казалось, разногласий. На столах горят свечи, такие же белые, как и их рубашки³. Даже карибская ду-

хота не нарушает красоту и символичность момента. Операторы и режиссеры работали буднично, давая в эфир винограет из картинок под монотонные комментарии диктора. Однако люди, чьи судьбы связаны с этой исторической встречей, в комментариях журналистам говорили, что считали заложенные в этой почти театральной сцене смыслы. Начало новой эпохи, сохранение памяти о прошлом, взаимное уважение жертв, чистота намерений договаривающихся лиц. Несмотря на трудности, сторонам конфликта хватило политической воли для того, чтобы договориться о мире. Эти соглашения, скрепленные авторитетом команданте Ф. Кастро на кубинской земле, ждет непростая судьба. Однако факт выработки совместного и реалистичного плана очень важен. Впервые обе стороны признают нарушения со своей стороны, впервые вместо всеобщей амнистии говорят о суде над командирами, обвиняемыми в жестоких преступлениях, вне зависимости от стороны, на которой они воевали⁴. Впервые о компенсациях жертвам говорят обе стороны конфликта⁵. Тяжелейшие раны от последствий конфликта ФАРК и правительства в колумбийском обществе сохранятся надолго, но важен путь, которым стороны надеются их преодолеть.

⁴ Колумбия: церемония передачи останков жертв гражданской войны
<http://ru.euronews.com/2015/12/18/amid-peace-accords-colombian-families-receive-remains-of-loved-ones/>.

⁵ ФАРК готовы к выплате компенсаций жертвам конфликта в Колумбии
<http://ru.euronews.com/2015/12/16/colombia-deal-with-farc-brings-peace-agreement-closer/>.

³ Историческое рукопожатие президента Колумбии и лидера ФАРК
<http://ru.euronews.com/2015/09/24/colombia-and-farc-rebels-announce-peace-breakthrough/>.

В истории нашей страны немало таких больных мест: события на Украине и в Абхазии, две чеченские войны, два путча (ГКЧП, расстрел Белого дома), Афганистан, судьба ликвидаторов аварии в Чернобыле и на «Маяке», народные волнения в Новочеркасске, диссиденты, сталинские репрессии, две мировые войны, Гражданская, две революции. И ни по одному из этих вопросов нет конструктивного общественного диалога. Краткий период 1985–1995 гг. характеризовался появлением информации из закрытых архивов, фондов. Он был первым опытом обсуждения сложных моментов российской истории в прессе и среди специалистов: политологов, обществоведов, историков и др. Однако результаты этих дискуссии не стали общим местом в сознании граждан. Потребность в новой идеологии для новой страны привела к появлению огромного числа квазипартий, девятый вал экономических перемен полностью захватил внимание граждан. Голос тех, кто говорил, что надо помнить историю, и понимать, что же и почему с нами произошло, потонул в простоватых ритмах новой эстрады. Бесконечный шопинг, карьерные возможности, шумные вечеринки, имперские амбиции и красивый заграничный отдых схлынули с волной сырьевых денег, оставив граждан в недоумении и неприятном похмелье. В.И. Новодворская в своем символическом белом пальто, говорившая про то, что система не умерла и возрождается, вызывала когда-то смех. Э.В. Лимонов и В.В. Квачков казались странными персонажами, заигравшимися в солдатики. Бабушки-коммунистки

с иконами Сталина и крещеные пионеры Г.А. Зюганова тоже не заставили задуматься граждан о том, в каком направлении идет развитие страны. Зато теперь, когда из России выводят бизнес и автодилеры, и продавцы брендовой одежды, а купить кусок европейского сыра и недорогих, вкусных фруктов невозможно, остаются лишь православие, несменяемость и страх за будущее-настоящее. Возможно, настало подходящее время снова вернуться к невыученным урокам? Столетие революции 1905 г. прошло не замеченным для общественности, скоро другое – 1917 г. Нам кажется, очень важно начать снова говорить хотя бы об этих темах. О жертвах белых и красных, о военном коммунизме, о большом терроре. О том, кто и почему все-таки написал эти миллионы доносов. Нам надо проговорить эти травмы. Замалчивание не даст забвения, оно приводит лишь к постоянным рецидивам и ночным кошмарам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бодрийяр 2016 – *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было: сборник / *La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu* (1991). *L'Esprit du terrorisme* (2002). *Power Inferno* (2002), рус. перевод 2015 г. М.: Рипол-классик, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiar-dukhterrorizma> (дата обращения: 15.12.2016).

Глобальная память – Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке: Гуманитарная исследовательская программа // Историческая Экспертиза. [Электронный ресурс]. URL: http://istorex.ru/page/globalnaya_pamyat_kultura_

istoricheskoy_otvetstvennosti_v_xxi_veke (дата обращения: 10.12.2016)

Дольник 2009 — *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. СПб.: Петроглиф, 2009. С. 109–115, 194–264. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vixri.ru/d3/Dolnik%20V.R.%20_Neposlushnoe%20ditja%20biosfery.pdf (дата обращения: 10.12.2016).

Кроче 1998 — *Кроче Б.* Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 9–40

Пахалюк 2016 — *Пахалюк К.А.* Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы // *Историческая Экспертиза*. № 3. 2016. С. 33–48.

Петров 2011 — *Петров Н.В.* Палачи: Они выполняли заказы Сталина. М.: Новая газета, 2011. 320 с. Расследо-

вание в отношении судьбы КАРАГОДИНА Степана Ивановича [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/> (дата обращения: 15.12.2016).

Постправда — «Постправда» стала словом года по версии Оксфордского словаря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37995176> (дата обращения: 15.12.2016).

Эппле — *Эппле Н.* Прежде примирения // *Inliberty* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2446-Prezhde-primireniya> (дата обращения: 10.12.2016).

Эрлих — *Эрлих С.* Три нарратива коллективной памяти [Электронный ресурс]. URL: pravaya.ru/look/24062 (дата обращения: 14.12.2016).

COMMENTARY

Lipilina Natalia O. — historian, publisher, editor-in-chief of the public history portal «RU Public History» (Moscow)

REFERENCES

Bodriiari Zh. *Dukh terrorizma. Voiny v Zalivne ne bylo: sbornik / La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu* (1991). *L'Esprit du terrorisme* (2002). *Power Inferno* (2002), rus. perevod 2015 g. Moscow: Ripol-klassik, 2016. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiari-dukhterrorizma> (data obrashcheniia: 15.12.2016).

Global'naia pamiat': kul'tura istoricheskoi otvetstvennosti v XXI veke: Gumanitarnaia issledovatel'skaia programma // *Istoricheskaiia Ekspertiza*. [Elektronnyi resurs]. URL: http://istorex.ru/page/globalnaya_pamyat_kultura_istoricheskoy_otvetstvennosti_v_xxi_veke (data obrashcheniia: 10.12.2016)

Dol'nik V.R. *Neposlushnoe ditia biosfery*. St. Petersburg: Petrofoglif, 2009. P. 109–115,

194–264. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.vixri.ru/d3/Dolnik_V.R._Neposlushnoe_ditja_biosfery.pdf (data obrashcheniia: 10.12.2016).

Epple N. *Prezhde primireniia* // *Inliberty* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2446-Prezhde-primireniya> (data obrashcheniia: 10.12.2016).

Erlikh S. *Tri narrativna kollektivnoi pamiatii* [Elektronnyi resurs]. URL: pravaya.ru/look/24062 (data obrashcheniia: 14.12.2016).

Kroche B. *Teoriia i istoriia istoriografii*. M.: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1998. P. 9–40

Pakhaliuk K.A. *Global'naia kul'tura pamiatii: v poiskakh teleologicheskoi perspektivy* // *Istoricheskaiia Ekspertiza*. No 3. 2016. P. 33–48.

Petrov N.V. *Palachi: Oni vypolniali zakazy Stalina*. Moscow: Novaia gazeta, 2011. 320 p. Rassledovanie v otnoshenii sud'by KARAGODINA Stepana Ivanovicha [Elektronnyi resurs]. URL: <http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/> (data obrashcheniia: 15.12.2016).

“Postpravda” stala slovom goda po versii Oksfordskogo slovaria [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37995176> (data obrashcheniia: 15.12.2016).

Полный текст Материалов размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза» www.istorex.ru

Й. Хелльбек

СТАЛИНГРАД ЛИЦОМ К ЛИЦУ. ОДНА БИТВА РОЖДАЕТ ДВЕ КОНТРАСТНЫЕ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ

Ключевые слова: культурная память, Вторая мировая война, Сталинградская битва, ветераны, гендер

Сталинградская битва была одним из самых жестоких сражений мировой истории. Разгром немецкой армии стал поворотным событием Второй мировой войны. В статье представлены портреты русских и немецких ветеранов, которые были интервьюированы и сфотографированы в своих домах в 2009 и 2010 гг. Статья посвящена человеческому измерению Сталинградской битвы и путем сравнения показывает, как отличаются значение и память о событиях Второй мировой войны в России и Германии.

Первая публикация: The Berlin Journal. Fall 2011. P. 14–19.

Авторизованный перевод с английского.

Каждый год 9 мая, когда в России отмечают День Победы, ветераны 62-й армии собираются на северо-востоке Москвы в здании средней школы. Она названа в честь Василия Чуйкова, командующего их армией, которая разгромила немцев под Сталинградом. Вначале ветераны слушают стихи в исполнении школьников. Потом обходят маленький музей войны, расположенный в здании школы. Затем садятся за праздничный стол в торжественно украшенном помещении. Вете-

раны чокаются водкой или соком, со слезами поминая товарищей. После многих тостов звучный баритон генерал-полковника Анатолия Мережко задает тон при исполнении военных песен.

Позади длинного стола висит огромный плакат с изображением горящего Рейхстага. От Сталинграда 62-я армия, переименованная в 8-ю гвардейскую, двигалась на запад через Украину, Белоруссию и Польшу и дошла до Берлина. Один из присутствующих ветеранов с гордостью вспоминает, что написал свое имя на развалинах германского парламента в 1945 г.

© Хелльбек Й., 2017

Хелльбек Йохен – профессор русской и европейской истории университета Ратгерс (США); hellbeck@history.rutgers.edu

Вера Дмитриевна Булушова, Москва,
12 ноября 2009 г.

Каждый год в одну из суббот ноября группа немецких ветеранов Сталинграда встречается в Лимбурге — городе, расположенном в сорока милях от Франкфурта. Они собираются в строгом помещении общественного центра, чтобы вспомнить ушедших товарищей и пересчитать свои редющие ряды. Их воспоминания под кофе, пирожные и пиво длятся до самого вечера. На следующее утро в Национальный день траура (Totensonntag) ветераны посещают местное кладбище. Они собираются вокруг памятного камня в форме алтаря с надписью «Сталинград 1943». Перед ними лежит венок, в который вплетены знамена 22-х немецких дивизий, уничтоженных Красной Армией в период с ноя-

Герхард Мюнх, Ломар (в окрестностях
Бонна), 16 ноября 2009 г.

бря 1942 по февраль 1943 г. Представители городских властей проносят речи с осуждением войн прошлого и настоящего. Резервная часть немецкой армии стоит в почетном карауле в то время, когда одинокий трубач исполняет скорбную мелодию традиционной немецкой военной песни «Ich Einen Natt 'Kameraden» («У меня был товарищ»).

Длившаяся более шести месяцев Сталинградская битва стала поворотным событием всей Второй мировой войны. И нацистский, и сталинский режимы бросили все силы, чтобы захватить/отстоять город, носивший имя Сталина. Какой смысл вкладывали в это противоборство солдаты обеих сторон? Что побуждало их сражаться до по-

следнего, даже вопреки шансам на успех? Как в этот критический момент мировой истории они воспринимали себя и своих противников?

Чтобы избежать искажений, свойственных солдатским воспоминаниям, в которых война рассматривается задним числом, я решил обратиться к документам военного времени: боевым приказам, пропагандистским листовкам, личным дневникам, письмам, рисункам, фотографиям, кинохронике. В них запечатлены интенсивные эмоции — любовь, ненависть, ярость, порожденные войной. Государственные архивы небогаты военными документами личного происхождения. Поиск документов такого рода вывел меня на собрания немецких и русских «сталинградцев», а оттуда к порогам их домов.

Ветераны охотно делились своими военными письмами и фотографиями. Наши встречи позволили обнаружить важные обстоятельства, которые я поначалу упустил из виду: непреходящее присутствие войны в их жизни и поразительные отличия немецких и русских военных воспоминаний. Уже семь десятилетий как война стала прошлым, но ее следы намертво въелись в тела, мысли и чувства оставшихся в живых. Я обнаружил ту сферу военного опыта, которую никакой архив выявить не в состоянии. Дома ветеранов пропитаны этим опытом. Он улавливается в фотографиях и военных «реликвиях», которые либо висят на стенах, либо заботливо хранятся в укромных местах; он заметен в прямых спинах и учтивых манерах бывших офицеров; он просвечивает сквозь шрамы на лицах и увечные конечности

раненых солдат; он живет в обычной мимике ветеранов, выражающей печаль и радость, гордость и стыд.

Чтобы всесторонне зафиксировать присутствие военного опыта в настоящем, диктофон должна дополнять фотокамера. Опытный фотограф и мой друг Эмма Додж Хэнсон любезно сопровождала меня во время этих визитов. В течение двух недель мы с Эммой побывали в Москве, а также в ряде городов, поселков и сел Германии, где посетили около двадцати домов ветеранов. Эмма обладает удивительной способностью делать снимки так, чтобы люди чувствовали себя непринужденно и почти не обращали внимания на присутствие фотографа. Использование, когда это было возможно, естественного освещения позволяло зафиксировать отблески, отражающиеся в глазах фотографируемых. Богато нюансированные черно-белые фото дают возможность увидеть, как углубляются борозды морщин, когда ветераны смеются, плачут или горюют. Соединение диктофонных записей и потока фотографий позволило заметить, что воспоминания представляют для ветеранов такую же реальность повседневной жизни, как и окружающая их мебель.

Мы посещали как скромные, так и роскошные дома, говорили и с офицерами высокого ранга, украшенными многочисленными наградами, и с рядовыми солдатами, наблюдали наших хозяев то в праздничном настроении, то в состоянии молчаливого горя. Когда мы фотографировали наших собеседников,

часть из них облачились в парадные мундиры, которые стали слишком велики для их усохших тел. Некоторые ветераны показывали нам различные безделушки, которые поддерживали их в годы войны и плена. Мы наблюдали работу двух контрастных культур памяти. Неотвязчивые призраки потерь и поражения свойственны Германии. В России преобладает чувство национальной гордости и жертвенности. Военная форма и медали гораздо более распространены среди советских ветеранов. Русские женщины в большей мере, нежели немки, заявляют о своем активном участии в войне. В немецких рассказах Сталинград часто отмечен как травматический разрыв личной биографии. Российские ветераны, напротив, даже вспоминая о личных трагических потерях в годы войны, как правило, подчеркивают, что это было время их успешной самореализации.

В скором времени ветераны Сталинграда лишатся возможности обсуждать войну и ее влияние на их жизни. Необходимо успеть записать и сравнить их голоса и лица. Разумеется, их нынешние размышления о событиях семидесятилетней давности не следует отождествлять с пережитой ими реальностью 1942 и 1943 гг. Опыт каждого человека представляет собой лингвистическую конструкцию, поддерживаемую обществом и меняющуюся со временем. Таким образом, воспоминания ветеранов отражают меняющееся отношение общества к войне. Несмотря на это, их повествования предоставляют важную информацию как о самой

Вера Дмитриевна Булушова, Москва, 12 ноября 2009 г.

Сталинградской битве, так и о колеблющемся характере культурной памяти.

800 тысяч женщин служили в Красной Армии во время Второй мировой войны. Мы встретили двух из них. Вера Булушова родилась в 1921 г., была старшей в семье из пяти детей. Она добровольно ушла на фронт, узнав о немецком вторжении в июне 1941 г. Вначале ей отказывали, но весной 1942 г. Красная Армия начала принимать женщин в свои ряды. Во время Сталинградской кампании Булушова была младшим офицером в штабе контрразведки. К концу войны ей было присвоено звание капитана. Булушова и другая женщина-ветеран, Мария Фаустова, показывали нам шрамы от осколочных ране-

ний, которыми испещрены их лица и ноги, они также рассказывали об ампутациях, которые часто обезображивали их сослуживиц. Мария Фаустова вспоминала о разговоре в пригородном поезде вскоре после войны: «А у меня тоже много ранений. В ноге осколки мины — 17 швов. Я когда была молодая, капроновые чулки носили. Я сижу, мы ждали электричку, а женщина, сидящая напротив меня, спрашивает: “Деточка, где же ты так на колючую проволоку налетела?”»

Отвечая на вопрос о значении Сталинграда в ее жизни, Булушова сказала кратко: «Шла и выполняла долг свой. А после Берлина я уже вышла замуж». Другим русским ветеранам также свойственно вспоминать о личном самопожертвовании ради государственных интересов. Ярким проявлением этого стала

фотография Булушовой, стоящей под вышитым портретом маршала Георгия Жукова, который руководил обороной Сталинграда. (Булушова была единственной, кто отказался встретиться у нее дома. Она предпочла встречу в Московской ассоциации ветеранов войны, где была сделана эта фотография.) Ни один из российских ветеранов, с которыми я разговаривал, не состоял в браке и не имел детей во время войны. Объяснение было простое: в советской армии отпуска не предусматривались, и поэтому мужья были оторваны от своих жен и детей в годы войны.

Мария Фаустова, которая во время войны была радисткой, утверждала, что она никогда не впадала в отчаяние и считала своей обязанностью подбадривать однополчан. Другие советские ветераны также рассказывали о своем военном опыте на языке морали, подчеркивая, что сила воли и характера была их опорой в борьбе с врагом. Таким

образом, они воспроизводили мантру советской пропаганды военного времени, утверждавшей, что усиление вражеской угрозы только укрепляет моральные устои красноармейцев.

Анатолий Мережко попал на Сталинградский фронт со скамьи военной академии. В солнечный августовский день 1942 г. он стал свидетелем того, как большинство его коллег-курсантов были стерты в порошок немецкой танковой бригадой. Мережко начинал младшим офицером в штабе 62-й армии под командованием Василия Чуйкова. Венцом его послевоенной карьеры стали звание генерал-полковника и должность заместителя начальника штаба войск Варшавского договора. В этом качестве он сыграл свою роль в принятии решения о строительстве Берлинской стены в 1961 г.

Сталинград занимает особое место в его памяти: «Сталинград для ме-

Анатолий Григорьевич Мережко, Москва, 11 ноября 2009 г.

Григорий Афанасьевич Зверев, Москва, 12 ноября 2009 г.

ня — это рождение меня как командира. Это упорство, расчетливость, дальновидность, т.е. все качества, которыми должен обладать настоящий командир. Любовь к своему солдату, подчиненному, и кроме того, это память о тех погибших друзьях, которых мы даже не могли иногда похоронить. Бросали трупы, отступая, не могли даже затащить их в воронки или в окопы, присыпать землей, а если и присыпали землей, то лучшим памятником были воткнутая в земляной могильный холмик лопата и надетая каска. Никакого другого памятника мы поставить не могли. Поэтому Сталинград для меня — это святая земля». Вторя Мережко, Григорий Зверев утверждал, что именно в Сталинграде он сформировался в качестве солдата и офицера. Он начал кампанию младшим лейтенантом и закон-

чил ее самым молодым капитаном в своем подразделении. Когда мы встретились со Зверевым, он выложил несколько комплектов военной формы на кровати, сомневаясь, в каком из них будет лучше выглядеть на наших фотографиях.

Сравните несломленный моральный дух и гордость русских с кошмарами, которые преследуют немцев, выживших под Сталинградом. Герхард Мюнх был командиром батальона 71-й стрелковой дивизии, которая возглавила наступление на Сталинград в сентябре 1942 г. На протяжении более трех месяцев он и его люди вели рукопашные бои внутри гигантского административного здания недалеко от Волги. Немцы удерживали вход в здание с одной стороны, советские солдаты — с другой. В середине января

несколько изголодавшихся и деморализованных подчиненных Мюнха решили сложить оружие. Мюнх не стал придавать их военно-полевому суду. Он привел их на свой командный пункт и показал, что питается теми же крошечными пайками и спит на том же жестком и холодном полу. Солдаты поклялись сражаться до тех пор, пока он будет командовать ими.

21 января Мюнху было приказано явиться с докладом на командный пункт армии, который располагался в непосредственной близости от осажденного города. За ним был прислан мотоцикл. Тот зимний пейзаж навсегда запечатлелся в его памяти. Он описывал его мне, делая паузы между словами: «Тысячи непохороненных солдат... Тысячи... Среди этих мертвых тел пролежала узкая дорога. Из-за сильного ве-

тра они не были покрыты снегом. Здесь торчала голова, там — рука. Это был, понимаете... Это был... такой опыт... Когда мы достигли командного пункта армии, я собирался зачитать мой доклад, но они сказали: “В этом нет необходимости. Вы будете эвакуированы сегодня вечером”». Мюнх был отобран для программы подготовки офицеров Генерального штаба. Он улетел на одном из последних самолетов, вырвавшихся из Сталинградского котла. Его люди остались в окружении.

Через несколько дней после эвакуации из Сталинграда Мюнх получил краткий отпуск домой для встречи со своей молодой женой. Фрау Мюнх вспоминала, что ее супруг не мог скрыть мрачного настроения. Во время войны многие немецкие солдаты регулярно видели сво-

Герхард Мюнх, Ломар (в окрестностях Бонна), 16 ноября 2009 г.

Герхард и Анна-Елизабет Мюнх, Ломар (в окрестностях Бонна), 16 ноября 2009 г.

их жен и семьи. Армия предоставляла истощенным солдатам отпуска для восстановления боевого духа. Кроме того, солдаты во время отпуска на родину должны были производить потомство, чтобы обеспечить будущее арийской расы. Мюнхи поженились в декабре 1941 г. В то время как Герхард Мюнх воевал в Сталинграде, его жена ждала первенца. Многие немецкие солдаты женились во время войны. В немецких фотоальбомах того времени сохранились роскошные печатные объявления о свадебных церемониях, фотографии улыбающихся пар, жених в неизменной военной форме, невеста в наряде медсестры. Некоторые из этих альбомов содержали фотографии пленных женщин-солдат Красной Армии с подписью «Flintenweiber» (Баба с пистолетом). С точки зрения нацистов, это было свидетельством разврата, царившего в советском обществе.

Они считали, что женщина должна рожать солдат, а не сражаться.

Танкист Герхард Коллак заключил брак со своей женой Луцией осенью 1940 г., так сказать, в «удаленном доступе». Он был вызван на командный пункт своей воинской части, находившейся в Польше, между которым и бюро регистрации браков в Восточной Пруссии, где находилась его невеста, была установлена телефонная связь. Во время войны немцы, в отличие от советских граждан, гораздо активнее создавали семьи. Поэтому им было что терять. Коллак был в домашнем отпуске несколько месяцев в 1941 г., а затем короткое время — осенью 1942 г., чтобы увидеть дочь Дорис. После этого он снова отправился на Восточный фронт и пропал без вести под Сталинградом. Надежда, что ее муж жив и однажды вернется из советского плена, поддерживала

Луцию в конце войны во время ее бегства под бомбами из Восточной Пруссии через Дрезден в Австрию. В 1948 г. она получила официальное уведомление о том, что Герхард Коллак умер в советском плену: «Я была в отчаянии, хотела все разнести вдребезги. Вначале я потеряла родину, потом мужа, погибшего в России».

Воспоминания о муже, которого она знала в течение двух коротких лет, прежде чем он исчез почти целую жизнь назад, и по сей день часто посещают Луцию Коллак. Для нее Сталинград — город, битва, место захоронения — это «колосс», который всей массой сдавливает ее сердце. Генерал Мюнх тоже от-

мечает эту тяжесть: «Мысль о том, что я выжил в этом месте... видимо, судьба вела меня, что позволило выбраться из котла. Почему именно меня? Это вопрос, который преследует меня все время». Для этих двоих и многих других наследие Сталинграда травматично. Когда мы впервые связались с Мюнхом, он согласился сфотографироваться, но дал понять, что не хотел бы говорить о Сталинграде. Но потом воспоминания полились рекой и он говорил несколько часов подряд.

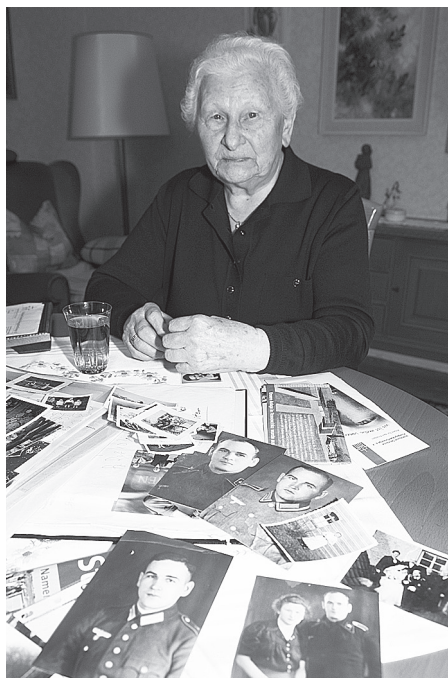
Когда мы прощались, Мюнх упомянул о своем предстоящем 95-м дне рождения и сказал, что ожидает почетного гостя — Франца Шике, который был его адъютантом во время

Герхард Коллак. На фотографии, очевидно, он изображен вместе с маленькой дочерью во время кратковременной побывки дома в 1942 г.

Луция Коллак и Дорис Сикер,
Мюнстер, 18 ноября 2009 г.

Луция Коллак, Мюнстер, 18 ноября
2009 г.

Сталинградской кампании. Мюнх знал, что Шике попал в советский плен в феврале 1943 г., но его дальнейшая судьба оставалась Мюнху неизвестной до тех пор, пока несколько лет назад Шике не позвонил ему. Проведя семь лет в лагере для военнопленных, он оказался в коммунистической Восточной Германии. Поэтому получил возможность разыскать своего бывшего командира батальона только после крушения ГДР. Смеясь, Мюнх настаивал нас не дискутировать с Шике по поводу его довольно странных политических взглядов.

Когда несколько дней спустя мы посетили скромную квартиру Шике в Восточном Берлине, то были поражены, насколько его восприятие войны контрастирует

с воспоминаниями других немцев. Отказываясь говорить на языке личной травмы, он настаивал на необходимости размышлять об историческом значении войны: «Мои личные воспоминания о Сталинграде не имеют никакого значения. Я озабочен тем, что мы не в состоянии прийти к пониманию сути прошлого. Тот факт, что лично мне удалось выбраться оттуда живым, это только одна сторона истории». По его мнению, это была история «международного финансового капитала», который выигрывает от всех войн прошлого и настоящего. Шике был одним из многих немецких «сталинградцев», которые оказались восприимчивыми к советскому послевоенному «перевоспитанию». Вскоре после освобождения из советского лагеря он вступил

Франц Шике, Берлин, 19 ноября 2009 г.

в СЕПГ, восточногерманскую коммунистическую партию. Большинство западных немцев, выживших в советском плену, описывали его как ад, но Шике настаивал на том, что Советы были гуманными: они вылечили тяжелое ранение головы, которое он получил во время осады Сталинграда, и они предоставляли пленным пищу.

Между западногерманскими и восточногерманскими воспоминаниями о Сталинграде и по сей день пролегал идеологический разрыв. Однако совместный опыт переживания военных тягот помогает установить тесные личные связи. Когда Мюнх и Шике встретились после десятилетий долгой разлуки, отставной генерал бундесвера попросил своего бывшего адъютанта, чтобы он обращался к нему на «ты».

Немцы и русские, выжившие в Сталинграде, вспоминают его как место невообразимого ужаса и страданий. В то время как многие русские придают своему боевому опыту глубокую личную и общественную значимость, немецкие ветераны борются с травматическими последствиями разрыва и потерь. Мне кажется крайне важным, чтобы русские и немецкие воспоминания о Сталинграде вступили в диалог. Сталинградская битва, которая является поворотным моментом войны и возвышается в ландшафтах национальной памяти России и Германии, заслуживает этого.

С этой целью я создал небольшую выставку, представляющую портреты и голоса русских и немецких ветеранов. Выставка открылась в Волгоградском музее-панораме,

который посвящен исключительно памяти Сталинградской битвы. Массивная бетонная конструкция, построенная на исходе советского времени, расположена на возвышенном берегу Волги, на том месте, где осенью и зимой 1942/43 происходили ожесточенные бои. Именно здесь Герхард Мюнх и его адъютант Франц Шике сражались на протяжении нескольких месяцев, стремясь установить контроль над рекой. В нескольких сотнях метров к югу находился вкопанный в крутой речной берег командный пункт советской 62-й армии под командованием Чуйкова, где Анатолий Мережко и другие офицеры штаба координировали советскую оборону и контрнаступление.

По мнению многих, пропитанная кровью почва, на которой стоит музей, является священной. Поэтому его директор изначально возражал против идеи повесить рядом портреты русских и немецких солдат. Он утверждал, что советские «герои войны» будут осквернены присутствием «фашистов». Кроме него, некоторые местные ветераны также выступали против предполагаемой выставки, утверждая, что «непостановочные» портреты участников войны в домашней обстановке, часто без парадной формы, отдадут «порнографией».

Эти возражения были сняты в значительной мере с помощью генерал-полковника Мережко. Один из самых старших по званию среди живущих советских офицеров, он специально прилетел из Москвы, чтобы посетить выставку. На ее открытии Мережко, одетый

в гражданский костюм, произнес трогательную речь, в которой призывал к примирению и прочному миру между двумя странами, ранее не раз воевавшими друг с другом. К Мережко присоединилась Мария Фаустова, которая предприняла девятнадцатичасовое путешествие на поезде, чтобы продекламировать на память стихотворение, посвященное Дню Победы. В стихотворении говорилось о тяготах и потерях, выпавших на долю советских граждан за четыре долгих года войны. Когда Мария дошла до строфы, посвященной Сталинградской битве, она расплакалась. (Несколько немецких ветеранов тоже хотели присутствовать на выставке, но слабое здоровье заставило их отменить поездку.)

С точки зрения человеческих потерь Сталинград сравним с битвой под Верденом во время Первой мировой войны. Параллель между двумя сражениями не ускользнула от современников. Уже в 1942 г. они со смесью страха и ужаса именovali Сталинград «вторым» или «красным Верденом». На территории находящегося под управлением французского правительства Верденского мемориала расположен Дуамонский оссуарий, где захоронены останки 130 тысяч непознанных солдат сражавшихся между собой армий. Внутри него создана постоянная экспозиция, представляющая огромные портреты ветеранов обеих сторон — немцев, французов, бельгийцев, британцев, американцев, которые держат в руках свои фотографии

времен войны. Может быть, в один прекрасный день в Волгограде будет создан аналогичный памятник, который, воздавая почести подвигу советских воинов, в то же время,

ради памяти о человеческой цене Сталинградской битвы, соединит их в диалоге с лицами и голосами бывших противников.

STALINGRAD FACE TO FACE. ONE BATTLE CREATES TWO CONTRASTING CULTURES OF MEMORY

Photographs by Emma Dodge Hanson

Hellbeck Jochen – professor of Russian and European history, Rutgers University (USA)

Key words: Cultural memory, World War II, Battle of Stalingrad, veterans, gender.

The Battle of Stalingrad was one of the most ferocious military campaigns of all time. Ending with the rout of an entire German army, it marked a turning point in World War II. This article features portraits of Russian and German veterans who were interviewed and photographed in their homes in 2009 and 2010. The article illuminates the battle's human dimension and compares the different meanings and personal appropriations of the memory of World War II in Russia and Germany.

С. Ю. Шокарев

ПРЕДИСЛОВИЕ О ЦАРЕ ИВАНЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

21 марта в Государственном историческом музее состоялась «Научная конференция в форме круглого стола» (таково было официальное название мероприятия) по вопросу об установлении памятника Ивану Грозному в городе Рузе Московской области.

Сам Исторический музей к организации и статусу мероприятия никакого отношения не имел, а только предоставил зал лектория под дискуссионную площадку.

Организатором мероприятия выступала администрация Рузского муниципального района, однако лекторий арендовал Русский культурно-просветительный фонд святого Василия Великого. Президентом этого фонда является Василий Владимович Бойко-Великий, владелец агрохолдинга «Русское молоко», предприятия которого расположе-

ны в Рузском районе. Бизнесмен известен «православным кодексом», внедренным на его предприятиях, появлением в публичных местах в древнерусской одежде. В период 2007–2015 гг. в уголовном производстве находилось несколько дел по обвинению Бойко-Великого в мошенничестве в особо крупных размерах. И по заявлению самого бизнесмена в 2007 г., его аресту «способствовал враг рода человеческого и его слуги из сатанинских сект».

Бойко-Великий также знаменит созданием некоего культа царя Ивана Грозного. Так, в 2011 г. в Москве, на территории одного из подконтрольных ему предприятий, была построена и «освящена» часовня в честь «святого благоверного великомученика царя Иоанна Васильевича». «Освящение» часовни совершил «митрофорный протоиерей» Алексей Аверьянов (запрещен в служении Русской православной церковью в 1990 г., Русской православной церковью за границей – в 1992 г., а затем низвержен из сана). Теперь Бойко-Великий – инициатор идеи

© Шокарев С. Ю., 2017

Шокарев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГУ (Москва); shokarevs@yandex.ru

создания памятника в Рузе и его спонсор.

О том, кто являлся реальным организатором обсуждения памятника, свидетельствовал и расположенный за спиной у президиума желто-черный баннер «Московскія вѣдомости» — одного из информационных ресурсов Бойко-Великого и его сторонников.

Мероприятие было закрытым, проход на него осуществлялся по заранее составленным спискам. Только благодаря тому, что администрация Рузского района демонстрировала видимость объективности, противникам установки памятника в Рузе удалось пройти на обсуждение, а часть из них даже попала в список выступающих. Поклонники царя составляли большинство присутствующих в зале. Несколько женщин держали «иконы» с изображением царя Ивана, к которым прикладывались желающие.

Вел мероприятие глава администрации Рузского района М. В. Тарханов, а в президиуме находились: протоиерей Олег Митров, благочинный церковью Наро-Фоминского округа, член Синодальной комиссии по канонизации святых; Т. В. Сердюкова, депутат Московской областной думы (член Комитета по вопросам образования, культуры и туризма); В. В. Бойко-Великий и иеромонах Михей из скита в честь иконы Божией Матери «Всецарица» Данилова монастыря в селе Нововолково в Рузском районе.

За 2,5 часа состоялось 20 выступлений. 14 выступающих были сторон-

никами установки памятника, 6 — противниками.

«За» выступили: писатель Л. Е. Болотин, к.и.н. П. Г. Петин, военный писатель Б. Г. Галенин, обозреватель радио «Радонеж» В. А. Саулкин, настоятель церкви св. Николы на Берсеневке игумен Кирилл (Сахаров), В. В. Бойко-Великий, член Русского географического общества А. А. Оболенский, иеромонах Михей, актер А. Я. Михайлов, житель Рузы Андреев, председатель Московского отделения товарищества ветеранов ополчения Донбасса И. М. Друзь, скульптор О. И. Молчанов (автор проекта памятника в Рузе и памятника в Орле), историк (так он сам себя позиционирует) А. В. Ермашов и член-корреспондент РАЕН и член Союза писателей В. В. Щерба.

«Против» — главный хранитель Рузского краеведческого музея, краевед Н. В. Иванова, протоиерей Олег Митров, к.и.н., главный редактор историко-краеведческого альманаха «Подмосковный летописец» С. Ю. Шокарев, д.и.н., профессор РГГУ К. Ю. Ерусалимский, москвовед и журналист А. В. Шапиро и художник Г. А. Маракуев.

Аргументы сторонников возведения памятника были следующими: царь Иван IV (его некоторые выступающие именовали «благочестивым», «благочестивым», а чаще всего — «государь») является выдающимся государственным деятелем, увеличившим территорию России вдвое за счет присоединения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Он боролся за чистоту

православной веры с еретиками, а также против враждебного Запада. В наше время, когда Запад опять враждебен, необходимо восстановить доброе имя царя Ивана Грозного и воздать ему подобающие почести. Царь был «оклеветан» авторами-иностранцами и изменником Курбским, а затем отечественными историками, прежде всего масоном Н.М. Карамзиным. Своего сына Иван Грозный не убивал, а тот был отравлен, как и сам царь и вообще вся семья Грозного. Иван Грозный отличался личным благочестием, был прекрасным семьянином, и поэтому скульптор изображает его в кругу семьи – с первой женой Анастасией и сыновьями Иваном и Федором. Скульптурная группа должна украсить Соборную площадь (ныне – площадь Партизан) в Рузе. Связь Грозного с Рузой была обоснована довольно слабо – царь мог останавливаться здесь, когда совершал богомольные походы в Можайск.

Некоторые выступавшие дополняли классические аргументы «грознофилов» неожиданными пассажами.

Например, писатель Л.Е. Болотин резко критиковал не только Карамзина, но и других дореволюционных историков, осуждавших политику Ивана Грозного:

«Наши свободолюбивые историки XIX в., светские историки, они, конечно, втайне, если не борясь впрямую с самодержавием, старались умалить его. Я имею в виду не только Николая Михайловича Карамзина, но и Сергея Михайловича Соловьева, и в некоторой

степени Ключевского и других историографов XIX в. Они как бы свои эти политические фиги в кармане держали, они их воплощали в своих историографических трудах, как бы показывая, что православное самодержавие – это такой строй не очень-то хороший даже и для древности, и его можно по-всячески пенять. Эти профессора жили в больших квартирах, получали по несколько окладов от университетов, от Академии наук, от различных других организаций и комиссий императорских и при этом считали нужным так, как черви-древоточцы, подтачивать саму идею самодержавия ...» (здесь и далее дается расшифровка стенограммы выступлений).

П.Г. Петин (единственный из ревнителй Ивана Грозного, имеющий ученую степень, автор диссертации на соискание степени кандидата исторических наук по истории наградных грамот конца XVIII–начала XX вв.) привел сводку известий из летописей о поездках Ивана IV и его семьи на богомолье в Можайск и Троице-Сергиев монастырь. Доклад должен был связать царя и Рузу, однако известий о пребывании Ивана Грозного в Рузе в летописях не нашлось. Это, однако, П.Г. Петина не смутило, и он высказал предположение, что царь бывал в Рузе по пути в Можайск: *«К сожалению, не удалось встретить в летописи ни одного упоминания о Рузе, но это не значит, что их не было, возможно, они не сохранились, а возможно, еще кто-нибудь из историков местных или столичных, кто-нибудь такую запись в летописи может быть монастыря какого-нибудь и найдет. Так что говорить о том, что царь не проезжал – это большая ошибка, поскольку, естественно,*

проезжая через Звенигород, он проезжал через Рузу...».

Выступление П. Г. Петина можно считать образцом корректности по сравнению с докладом военного писателя Б. Г. Галенина, который начал речь словами: «*Воздвижение памятника государю Ивану Васильевичу Грозному в основанном им граде Орле – первое зримо выигранное сражение в непрекращающейся информационной идеологической войне за душу русского народа, первая ошутимая всеми победа*».

Далее писатель заявил: «*Одним из великих, как всегда превратно понимаемых, деяний царя Ивана было введение опричнины. Отмечу важный недооцененный фактор, имеющий весьма актуальное звучание. В теории систем существует положение, вернее, теорема, что системой нельзя управлять, находясь внутри. Аппарат управления должен находиться вне системы. Для такой системы, как государство, это положение можно применить в ослабленном виде. Управление будет более эффективным, если сам аппарат находится вне государства, вернее сказать, над государством, оставаясь при этом в государстве физически. Так вот, первым примером такого управления можно считать опричнину Ивана Васильевича Грозного, которая в кратчайшие исторические сроки помогла навести порядок на Руси. <...> Известным всем примером внешнего аппарата управления государством является национал-социалистическая партия Германии, компартия Советского Союза и нынешняя компартия Китая. Эффективность и практическая неуничтожимость изнутри такого аппарата управления доказывается тем, что, в отличие от Первой мировой*

войны, германский Третий рейх был управляем до последних минут своего существования, власть компартии в России могло прекратить только предательство своего руководства, а про Китай и говорить не приходится».

Таким образом, Б. Г. Галенин, не смущаясь, напрямую сравнил опричнину с германским нацизмом, заверив присутствующих в том, что и то, и другое – это очень эффективные системы управления. Не подпадает ли это высказывание под статьи Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ, более известного как «Закон о реабилитации нацизма»? Мы привыкли, что «Закон о реабилитации нацизма» угрожает историкам демократических убеждений, сравнивающих сталинизм с германским нацизмом, и кто бы мог подумать, что крайне правый публицист Галенин возьмется публично, в стенах Исторического музея, расхваливать коктейль из опричнины, нацизма, компартий СССР и Китая.

Однако и далее было немало перлов.

«Рухнуло в 91-м году могучее русское государство, Советский Союз, – и на Западе с людей срывают крестики, содомиты ходят парадами по столицам, о которых Федор Михайлович Достоевский говорил: священные камни Европы» (В. А. Саулкин).

«Ходят какие-то слухи о семи женах, десяти женах, непонятно, кому как фантазия. У государя было четыре жены. Как четвертая жена появилась? Анастасия отравлена, Мария Темрюковна отравлена. Он женится на третьей, Марфе Собакиной. Она перед венча-

нием болеет тяжело, тяжело заболела. Государь говорит: “Нет, мы венчаемся, венчание ее поставит на ноги”. Они обвенчались, она не встала на ноги, умерла. И государь пишет: “Да, я с ней обвенчался, но мы в супружеские отношения не вступали. Ради продолжения рода прошу разрешить четвертый брак”. Говорят, что четвертый брак нельзя тоже. А кто родился от четвертого брака, кто помнит? Царевич Димитрий, святой царевич Димитрий» (он же).

«В Казани водрузил крест Христов и многих людей ко Христу привел, но запретил насильно обращать в христианство. Так что насчет того, что он выступает против мусульман – нет» (В. В. Бойко-Великий).

«И сейчас на нашу страну идет страшная клевета. Вы почитайте этого сенатора Маккейна. Что он такое только про Путина не говорит, про нас с вами не говорит. Вот это такая же клевета была и тогда. И тогда же вот эти шпионы все это делали. Так что – памятнику быть!» (он же).

«Мы – русские люди. И кто живет здесь, они должны соблюдать законы Руси. И мусульмане с нами живут по-мирному, когда они по-мирному с нами живут. Если не будут жить по-мирному, то будем иначе разговаривать» (иеромонах Михей).

«Как угодно меня сейчас можете обвинить, я под пытками не скажу: где я это вычитал. Я имею право читать, выучить, но ни в коем случае не фотографировать и не переписывать. Сказано: и придет дьявол на престол Руси с синими ногтями – у Ленина были синие ногти, это длинная история, не буду сейчас говорить об этом. И будет....

И обзрится престол Руси кровью. И придет второй дьявол, и будет у него в уме первый дьявол. И выйдет третий дьявол железный из океана, и будет стремиться владеть всем миром. Это – Америка. И только когда перевернутся три дьявольские шестерки, только тогда придет на престол Руси человек с Богом в душе и с царем в голове...» (А. Я. Михайлов).

Ранее актер высказал свою уверенность в том, что Иван Грозный был великим государем, сославшись при этом на тесное соприкосновение с его личностью при работе над ролью царя.

«Иван Васильевич, как никто, обладал этим даром любви. Все, что бы вы ни говорили о его личной жизни – это ваше, на вашей совести. Потому, что большинству из них Христос сказал: “Кто безгрешен – бросьте камень”. Большинство из нас живет в блуде, или физическом, или в помыслениях. Даже смотря кинофильм с блудом, вы уже искушаетесь. А Иван Васильевич, его молитва доходила до девяти часов в сутки, он писал стихиры, великолепно пел, он был гимнограф, библиофил. В догматических спорах религиозных он цитаты делал обширные из Евангелия, знал наизусть писание. О чем можно говорить? Только невоцерковленный человек может обвинять Ивана Васильевича, прости Господи, в содомии, в блуде, в чем угодно. Он не употреблял хмельного зелья. О чем вы говорите? Все эти сказки о шабаше в Александровской слободе. Он запретил это. Он разогнал Немецкую слободу, где спаивали москвичей» (О. И. Молчанов).

Что же этой аргументации могла противопоставить другая сторона?

Надо сказать, что противники памятника оказались более подготовленными, в первую очередь с профессиональной точки зрения. Отец Олег Митров, С. Ю. Шокарев и К. Ю. Ерусалимский — выпускники Историко-архивного института РГГУ. Соответственно, и аргументация строилась в основном на основании источников и фактов. Наиболее обстоятельно выступил о. Олег Митров, который рассмотрел вопрос о канонизации Ивана Грозного и предъявил аргументы против, указав, что это — официальная позиция Русской православной церкви. Протоиерей говорил об опричном терроре, убийствах, совершенных лично царем, многоженстве и разврате Ивана Грозного, убийстве им собственного сына. Речь о. Олега прерывалась частыми выкриками «Ложь!» и т. д. На вопрос М. В. Тарханова: как относится глава Синодальной комиссии по канонизации митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий к проекту памятника Ивану Грозному, о. Олег Митров ответил, что владыка еще трижды подумает: стоит ли ему ехать в Рузу, если там поставят памятник Ивану Грозному.

С. Ю. Шокарев указал на свидетельство новгородских летописей о массовых жестоких расправах в Новгороде, сообщения писцовых книг о запустении Новгородской земли. Отдельно он рассмотрел вопрос о многоженстве царя Ивана, сославшись на официальные документы о четвертом, пятом и шестом браках — свадебные разряды. Историк также коснулся смерти царевича Ивана и его возможного отравления. С. Ю. Шокарев под-

черкнул, что письменные источники однозначно свидетельствуют о том, что царевич умер после того, как отец ударил его посохом, а данные исследования 1963 г. о наличии отравляющих веществ в останках представителей царской династии получены некорректными способами и привлекаться в качестве аргумента не могут.

К. Ю. Ерусалимский — наиболее квалифицированный специалист по эпохе Грозного из всех собравшихся в тот день в Историческом музее, на нескольких примерах показал слабость аргументации сторонников памятника. Если не удосужились по известным источникам собрать все сведения о поездках Ивана Грозного в Можайск, то что говорить обо всем прочем.

Возражая В. А. Саулкину, К. Ю. Ерусалимский указал на тот факт, что выражение «Святая Русь», приписываемое Грозному, на самом деле содержится в сочинениях князя Курбского, столь нелюбимого большинством собравшихся в зале. Царь, напротив, никогда не употреблял этого термина. К. Ю. Ерусалимский указал и на то, что сама идея памятника Грозному возвеличивает ценность его эпохи: православие понимается как воинствующее, власть — как карающая. А это, безусловно, неприемлемо в современном мире.

Жители Рузы Н. В. Иванова и Г. А. Маракуев выразили несогласие с тем, что в городе будет памятник столь сомнительному персонажу. Н. В. Иванова закончила свое выступление словами: «*Мои предки*

в Рузе жили до седьмого колена. Я могу считать себя коренной ружанкой. Так вот, возьмем писцовые книги. По Рузе они сохранились достаточно хорошо – писцовые книги до опричнины (Руза входила в опричнину) и после опричнины. Население Рузы сократилось в два раза, а восстановилось только в середине XVIII в. Моим предкам повезло – выжили».

А.В. Шапиро указала на желание присутствующих объявить неправославными всех, кто не почитает Ивана Грозного как праведного, великого и, вероятно, святого.

Очевидно, что эта аргументация не возымела действия на собравшихся почитателей Грозного. Критические выступления против Ивана Грозного и идеи памятника лишь накаляли обстановку, но вряд ли кого-то убедили. Тем не менее на обсуждении прозвучали противоположные точки зрения, хотя оно и планировалось как собрание единомышленников. Теперь в обсуждении монумента наступает затишье – глава Рузской администрации обещал провести следующее собрание в Рузе, в первую очередь пригласив жителей города.

Несомненно, что произошедшее дает богатый материал для изучения современного общественного сознания и своеобразных, маргинальных групп общества. Странники царя и памятника представляют собой сплоченную, фанатично настроенную группу. Помимо высокой оценки Грозного, ее объединяют национализм, монархические идеалы и симпатии, а также фобии (юдофобия, гомофобия, боязнь За-

пада и пр.). Личность Ивана Грозного легко превращается в идеальную, если представить его оболганным врагами России.

Грознофильство тесно соприкасается с царебожием (учением о царе-искупителе Николае II). Скорее всего, зарождение о популярность этих представлений – результат классового подхода советской историографии. Вслед за возвращением в общественное сознание таких фигур, как Александр III и Николай II, пришли их идеализация, идеализация образа царя и идеи монархии, отождествление монархизма и православия. Яркий пример представляет собой творческий путь д.и.н А.Н. Боханова, который начинал с вполне профессиональных работ о буржуазии, Александре III и Николае II, а закончил реабилитацией Григория Распутина и Ивана Грозного. Выступавший на обсуждении «историк» А.В. Ермишин известен только благодаря видео своей лекции о Распутине, в которой называет его «человеком святой жизни» и «подвижником». Не случайно имена Ивана Грозного и Николая II на обсуждении часто назывались вместе. В конце же мероприятия В.В. Бойко-Великий зачитал обращение к президенту России В.В. Путину с предложением построить на Красной площади храм во имя Иконы Божией Матери «Державная» (обретена в день отречения Николая II от престола), составленное «митрофорным протоиереем» Алексеем Аверьяновым.

Безусловно, слова «грознофилов» о том, что они не хотят канонизации царя, а стремятся восстановить

правду — не более чем лукавство. Истинную идеологию В. В. Бойко-Великого и почитателей Грозного выдают самочинные «иконы», неканоническая часовня, черные кафтаны опричников (сам Бойко-Великий и Галенин были в таких кафтанах). Перед нами вполне оформившаяся активная секта, ко-

торая добилась успехов с памятником Грозному в Орле и теперь стремится расширить свое влияние (на обсуждении не раз высказывалась мысль об установлении памятников царю в Москве и других городах). Остается только гадать: допустит ли это современное российское общество?

THE DEBATE ABOUT TSAR' IVAN IN THE HISTORICAL MUSEUM

Shokarev Sergey Yu. — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of regional history and local history of Russian state university for the humanities (Moscow)

В. И. Косик

«ТЕРРОР ПАМЯТИ»

Ключевые слова: Балканы, война, сербы, хорваты, босанцы, террор, память, зло, враг, ненависть, национализм

В основном в тексте обрисована через культуру тема набравшего мощь в годы распада СФРЮ национализма с его этнотеррорами в конце XX в. Через прозу, стихи, песни, театр, через привлечение иных источников информации очерчен феномен террора памяти, бытующий на балканских пространствах.

По сути, любого человека можно назвать «террористом» уже в силу того, что он «терроризирует» память, прошлое, настоящее и будущее. Соответственно, мы имеем «террористическую» литературу. Бред, скажете вы. Но разве не текст воспитывает будущих борцов за счастье, которое каждый понимает по-разному? Для одного — это мир, гармония, согласие, любовь во всем мире, для всех и каждого. Для другого — это возврат в «счастливое прошлое», где не было «гносного чужого равенства». Для третьего — «ирландское рагу», в котором столько всего намешано, что каждый найдет для себя что-либо родное.

Разве не знаком многим из нас человек, изливающий на вас и на окружающий водопад слов, обвиняющий все и вся, кроме себя любимого.

© Косик В. И., 2017

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); kosikvictor@mail.ru

Именно так поступает Иван из романа болгарской писательницы Теодоры Димовой «Матери»: «Все виноваты и должны быть расстреляны, и здесь наконец-то появится партия, которая и будет расстреливать, наведет порядок, разгонит цыган и турок, потому что они нас совсем задолбали и вообще очень опасны, уничтожит проституток, ликвидирует наркоманов, сильной рукой и железной волей введет коммундантизм».

Диктатура нам нужна, говорю вам, военная диктатура, генералы, пулеметы, пушки, танки, все надо уничтожить до основания и начать с чистого листа, и тогда пусть выйдут вперед незапятнанные, талантливые, честные люди — такие как я! как я! а не олигофрены с телевидения, как я! те, кто умеет говорить и защищать свои идеи, а не болтать, как комсомольские трепачи, такие как я! кто обладает харизмой и умением влиять на людей, кто может повести их за собой к более справедливому и светлому будущему!» (Димова 2012: 77).

Для болгарина Ивана «враг» — «цыгане и турки». Но и «он» тоже «неприятель». Гречанка Йорга, персонаж из того же романа, говорит ухаживающей за ней болгарке Лидии: «Человек не может забыть войну и голод, нищету, Лидия, когда во время Второй мировой войны вы, болгары, оккупировали Беломорье, когда вы отъедались, а у наших детей губы изъедены цингой, когда наши дети просили у ваших солдат хоть корочку хлеба, когда ваши богатеи, ваши табачные эксперты, ваши продавцы табака распорядились нашим табаком, нашими маслинами, нашим оливковым маслом и нашей пшеницей, когда они ели белый пшеничный хлеб, а мы умирали, такие вещи, Лидия, забыть нельзя» (Там же: 84–85).

Весьма интересен взгляд на прошлое у писателя М. Миловановича (М. Миловановић) в его книге: «Молитва за отца Прохора» («Молитва за оца Прохора»).

В своем отзыве на книгу Р. Маринкович пишет: «Используя форму рассказа одного человека, Мича Милованович создал крепко сбитое литературное произведение. И хотя в нем встроены реальные лица, все в этом романе становится почти мифическим, связанным с вечным временем и предостережением. Мастерски строя сюжет в этой саге о главном персонаже романа, наследнике памяти павших героев, автор отождествляет судьбу одного человека со страданиями сербского народа».

Этот текст, язык не позволяет его назвать «романом», как указано

в книге, полной крови, мучений, веры в Бога и любви к Сербии, мы бы не стали сюда привлекать, если бы не одно обстоятельство: национализм вечен или почти вечен.

При всем этом содержание страниц позволяет думать, что национализм держится памятью, замешанной на пролитой крови, если быть точнее, на сербской крови и мучениями, в которых виновниками в своем большинстве являются болгары — эти давнишние соперники на полях войны за Македонию. Перед читателями разворачиваются в годы Первой мировой войны страшные картины мучений сербов болгарами в лагерях (Миловановић 2013: 31, 35, 36).

И в то же время автор рисует и редкие картины оказания помощи простыми болгарскими крестьянами. В тексте есть суждение, что «болгарский народ благороден и не такой, какими являются политики их страны» (Там же: 68).

Но, как обычно случается, помнится в основном зло. Именно оно через книгу, «учебник жизни», закрепляется в душах людей.

Поэтому можно утверждать, что литература может быть одним из основных инструментов «национализации» человека, отторжения «чужого», причисления к врагам всех тех, кто причинил «обиду», пролил кровь, независимо от времени, когда это произошло.

Все очень легко, когда речь идет о Балканах, которые можно сравнить, просим прощения, с комму-

нальной квартирой с неуживчивыми соседями, помнящими весь перечь «обид», причиненных друг другу.

О разрушении этого «социалистического общежития» говорит Вук Драшкович (Vuk Drašković) в своем новейшем произведении «Иисусовы мемуары» (Isusovi memoari), вышедшем в 2016 г., где он вновь обращается к теме кровавых событий 1990-х гг. на территории быстро распадавшейся Югославии. Главный герой романа – хромой фоторепортер Велько Вуйович (Veljko Vujović), известный по прозвищу «Одноногий Иисус».

В тексте его «камера и перо» свидетельствуют о разрушении страны «братства и единства» – Югославии, о ненависти, преступлениях и преступниках. Много всего сумел писатель вынести на страницы своего «героического» и «мрачного, полного печали» повествования.

Здесь смешалось народное мифотворчество с народным православием, с испорченными политикой, памятью, ненавистью, теми, кто носит униформу. Злодейство автор ставит выше национальных рамок. И в то же время в преступлениях виновен не народ, а те, кто действует от его имени. Тут и порушенные джами и церкви, и кто их разрушал и палил, и кто жалел о сделанном и «исчезнувших» соседней-мусульман.

Добавлю, что Вук Драшкович смело от имени главного героя заявил, что «первыми зло» в Мостаре начали творить четники, «удбаши» (здесь

автор говорит о сотрудниках службы госбезопасности): «рушить джамии и католические церкви, убивать...». Для Вуйовича надеть сербскую униформу можно было, по его словам, «только на мертвого».

Врагами могут быть Берлин, Вена и Ватикан, хорваты, шиптары, но никак не мусульмане – они «наши... как хочешь их повернешь и обернешь, она наши», утверждает собеседник главного героя.

Авторский текст таит в себе много «слов» от простых, обычных до «философских», напоенных народной мудростью и «отягощенных войной», убийствами, разорением душ. Приведем один из монологов сербской души: «Запретил бы каждую новость и любой рассказ о войне и зле, о том, кто кому должен, что должен, кто и когда первым убивал, вешал и стрелял. Тогда бы нам, Иисусе, наступил [конец] всем страданиям, когда бы наши ТВ и газеты объявляли только то хорошее, что нам всем Бог дал, поля, каньоны, горы, реки, озера, дивный и благородный мир животных... Почему мы так глупы и злы, почему не берем пример с наших животных?!»

Ответ на этот вопрос не найден и сейчас.

А пока, говоря 3 мая 2013 г. о трибунале в Гааге, президент Сербии Томислав Николич подчеркнул, что его страна выдала туда 46 особ, занимавших ряд ключевых постов и получивших более 1150 лет тюрьмы, в то время как те, кто совершал преступления в отношении сербов (явный намек на хорватов)

получили только 50 лет. При этом было отмечено, что свыше 300 000 сербов были вынуждены покинуть Хорватию в ходе сербско-хорватской войны.

Правда, здесь же забывается, что немало сербов не оставили своих домов и полей и продолжают жить в мире с хорватами.

Теперь немного о самом читаемом в Хорватии сербском писателе, учителе истории Небойше Йовановиче (Nebojša Jovanović) и его изданной на латинице в 2002 г. книге с провокационным названием «Мой поход на Загреб» («Moj pohod na Zagreb»), выдержавшей два издания тиражом 4500 экземпляров. Как подчеркивается в «НИНе», автор первые годы войны провел на фронтах в окрестностях Загреба, Карловца и Дуге Ресе, но за все «военное время» «не сделал ни одного выстрела», будучи штабным офицером. На презентации своей книги автор представил себя как «роялиста и националиста». Знаменательно, что хорватский генерал Слободан Праляк (Slobodan Praljak), известный как разрушитель старого моста в Мостаре и кандидат для Гаагского трибунала, поздравил «писателя и воина, штабного офицера, участвовавшего в том, что мы зовем агрессией и держимся этой точки зрения», отметив роман, где «не выдаются яйца за почки». Для автора это была «война с полуправдами с обеих сторон, которые мы только позднее сумели узнать. Даже ложь была лучше полуправды, так как она не могла нас обмануть. Оба народа должны освободиться от мифов, которые нашу спорную территорию

разместили в крае между Дриной и Купой. Между этих максималистских границ часто находились люди, призванные на военное учение, превратившееся в войну, которая многим стоила головы». Такое определение войны, о которой автор утверждает, что в военном билете у него стоит запись «военное учение», вновь раздуло стереотипы о сербах как «ратном народе». Как подчеркивает сам автор, это не была война Сербии против Хорватии, а война ЮНА против полулегальных военных единиц в Хорватии... Конкретно в этой войне не Сербия воевала против Хорватии, и сознание мобилизованного человека было нацелено только на то, чтобы уцелеть и вернуться домой (Stanković, Stanivuković 2002).

Здесь можем отметить некоторую спорность высказанных выше слов автора, занимавшего штабную должность. Это относится и к самой психологии воюющего человека, у которого инстинкт самосохранения не ограничивается его индивидуальностью. Можно сказать, что, защищая себя, человек воюющий защищает и свой род, племя, нацию.

Тут можно вспомнить легендарного Gorana Bregovića (Горан Брегович) из рок-группы «Bijelo Dugme» («Белая пуговица»), который в военных 1990-х гг. пел «Jugoslavijo, na noge, pjevaj nek te čuju, tko ne čuje pjesmu, slušat će oluju» («Югославия, поднимайся, пой, пусть тебя слушают, кто не слышит песню, услышит бурю»). Хотя тут примешивается и личный мотив. У Бреговича, считавшего себя югославом, отец был хорват, мать — сербка, жена — мусульманка.

А что говорит легендарный «Бора» Борисав Джорджевич (Borisav Đorđević), основатель в 1978 г. группы «Рибља чорба» о национализме? В своем интервью НИНу от 6 июня 2002 г. «Бора» заявил о себе как о противнике глобализма уже потому, он ведет за собой потерю идентитета, потерю национального. «Полагаю, — продолжал он, — мы специфический народ в любом случае и эту специфичность должны сохранить. Если бы вошли в Европу, то должны были бы стать членами секты, должны быть педерами, которые хотят нам запретить вонючие ноги, они хотят, чтобы у нас были здоровые зубы», они хотят запретить убивать себя «тупыми предметами, секирами, чурбанами как мы призывали», по их мнению, сербы должны совершать убийства «цивилизованно, пистолетами». И дальше: моя группа «не будет выступать ни в Федерации БиГ, ни в Хорватии». В то же время, отвечая на вопрос об открытости, сказал так: «Мы добрые, наивные и глупые. Нам чужое говно лучше пахнет, нежели наше». И в то же время «мы дивный народ, самый лучший народ в мире». Свое отношение к происходящему и происходившему на Балканах он выразил в песне «Серб безумен» («Srbin je lud»), главная строфа которой, по нашему мнению, гласит — «Сейчас сербы держат паузу» («Trenutno su Srbi na pauzi»). На это указывают четыре строчки:

«Vremena se očekuju bolja,
Ima puno stručnoga osoblja,
U blizini plodnih minskih polja,
U Srbiji uspeavaju groblja»...

«Времена ожидаются лучшие,
Полно профессиональных кадров,
Вблизи плодородных минных полей
В Сербии плодоносят кладбища»...
(Stanković 2002)

И будут, пока сочиняют и поют:

ZA SVE SRPSKE BORCE
Mi smo braća pravoslavci
Ne volim te alija
Tri prsta Knindze krajišnici
Da se Dražin barjak vije
Pevaj Srbijo
Mi samo učimo ćirilicu
Muslimani bolje da vas nema
Krajino, krajino, krvava haljino /
Ko to kaze ko to laže.

Подстрочник, в переводе «тайн» которого огромную помощь нам оказала профессор Белградского университета Ирина Антанасиевич:

Для всех сербских борцов
Мы все братья в православии,
Не люблю я тебя, Алиа (обобщенное имя для мусульман и имя первого президента Боснии и Герцеговины Алии Иззетбеговича)
Три пальца (символ православия, появившийся в 1990-х гг.) Книндзи краишники (неологизм от слов ниндзя, Книн — главный город Сербской Краины и слова «краишник» — как житель Краины и, подразумева-ется, солдат армии Краины)
Пусть вьется знамя Дражи (Михайлович Дража — легендарный глава сербских четников. — В. К.)
Пой, Сербия (связано с пословицей — «Кто поет, тот зла не замышляет»)
Мы только учим кириллицу (символ национального идентитета. — В. К.)
Лучше бы вас не было, мусульмане

Крайна, Крайна, кровавая одежда (гайдуцкая песня краишников еще из начала XX в.)

Кто говорит это, кто лжет (слова из старой песни из времени конца Первой мировой, Салоникский фронт).

Из комментариев:

Зато што је Србин убио Мурата! Зато што имамо Светосавље! Зато што имамо Теслу! Зато што имамо Обилића и Лазара! Зато што имамо Душана! Зато што смемо да се супроставимо целом свету! Зато што је наш орао лепши од европских звезда! Зато што имамо Дражу! Зато што нисмо мењали веру као неки! Зато што су се наши преци борили за ове границе! Зато што је Србин најбољи тенисер! Зато што су Срби најбољи одбојкаши у Европи! Зато што је Србија најбоља у кошарци, ватерполу...! Зато што смо преживели олују! Зато што нас цео свет мрзи! Зато што смо тако мали, а инатимо се целом свету! Зато што не може свако бити Србин! Зато што смо издржали 500 година турске! Зато ћемо се вечно борити за оно шта је наше! Зато што имамо Четнике! Зато што имамо Републику Српску! Зато што немамо море а најбољи смо у ватерполу! Зато што нема предаје — нема повлачења! Зато што смо већи верници него цео свет заједно! Зато што нас има преко 7 000 000 и смањујемо се АЛ СЕ НИКАД УГАСИТИ НЕЋЕМО! Зато што само слога СРБИНА спасава! Зато што имамо светиње старе хиљаде година! Зато што се крстимо са три прста! Зато што смо православци! Зато што нас сматрају убицама, а нас су клали! Зато што имамо Ратка

Младића! Зато што имамо Радована Караџића! Зато што имамо Легију! Зато што је Сребреница наша! Зато што имамо најлепше девојке на свету! Зато што сви кажу да Срби лоше живе, а кад дођу пожелеле да ЖИВЕ СА НАМА! Зато што имамо Звезду и Партизан! Зато што је КОСОВО СРЦЕ СРБИЈЕ! Ето зашто нећу у ЕУ!¹

Подстрочник: Потому что Серб убил Мурата (турецкий султан, павший от руки Милоша Обилича на Косовом поле. — В. К.)! Потому что у нас есть Светосавье (история христианизации Сербии по православному обряду связана с именем Св. Савы. — В. К.)! Потому что у нас есть Тесла (см. ниже. — В. К.)! Потому что у нас есть Обилич и Лазар (царь Лазар — последний независимый правитель Сербии, погибший в 1389 г. на Косовом поле. — В. К.)! Потому что у нас есть Душан (царь Душан из рода Неманичей, создатель Сербского царства. — В. К.)! Потому что смеем жить своей волей, вопреки всему миру! Потому что наш орел (имеется в виду изображение на гербе. — В. К.) красивее европейских звездочек (на флаге ЕС. — В. К.). Потому что у нас есть Дража (см. выше. — В. К.)! Потому что не меняли веру как некоторые! Потому что наши предки боролись за эти границы! Потому что Серб самый лучший теннисист! Потому что Сербь самые лучшие волейболисты в Европе! Потому что Сербия самая лучшая в баскетболе, ватерполо!.. Потому что пережили бурю (может быть, речь идет о хорватской воен-

¹ Ratne srpske pesme mix//<https://www.youtube.com/watch?v=eADPIWZKoao>.

ной операции «Буря» в Книне? — В. К.)! Потому что нас весь мир ненавидит! Потому что мы, такие небольшие, воспротивились всему миру! Потому что не может быть каждый Сербом! Потому что мы выдержали 500 лет турецкого владычества! Потому что мы вечно будем бороться за то, что наше! Потому что у нас есть Четники! Потому что у нас есть Республика Сербская! Потому что у нас хотя и нет моря, но мы самые лучшие в ватерполо! Потому что нет сдачи — нет и отступления! Потому что мы большие верующие, нежели весь мир вместе! Потому что нас имеется свыше 7 000 000 и уменьшаемся, **НО НИКОГДА НЕ УГАСНЕМ!** Потому что только согласие СЕРБА спасает! Потому что у нас есть тысячелетние святыни! Потому что крестимся тремя пальцами! Потому что мы православные! Потому что нас считают убийцами, а нас убивали! Потому что мы имеем Радко Младича! Потому что мы имеем Радована Караджича! Потому что у нас есть Легия! Потому что Сребреница наша! Потому что у нас самые красивые девушки в мире! Потому что все говорят, что Сербь плохо живут, а когда придут, то захотят **ЖИТЬ С НАМИ!** Потому что у нас есть Звезда и Партизан (названия двух футбольных команд. — В. К.). Потому что **КОСОВО СЕРДЦЕ СЕРБИИ!** Вот почему я не хочу в ЕС!

И немного коротких записей, без цензурной лексики:

Bogdan Z(Ž?)ivotić: «Живела Велика Србија!!! Смрт усташама и муслиманима!» (Богдан Животич: «Да здравствует Великая Сербия!!! Смерть усташам и мусульманам!»)

Brano Lazić: «Jedna su braća Srbi, Hrvati, Muslimani. Nemojte se mrziti svi ste iste krvi» (Брано Лазич: «Мы все братья — сербы, хорваты, мусульмане. Не надо ненавидеть друг друга, вы все одной крови»).

Vladan Lukić: «Viće opet Krajina naša!» (Владан Лукич: «Будет опять Крайна наша!»)

Nikola Jakovljević: «Srbijaaaa Srbimaaaa». (Никола Яковлевич: «Сербияаяя Сербаммм»)².

И что в итоге?

Да это четники! Еще те убийцы, может сказать один. Патриоты, добавит другой.

И вообще, это еще не весь сербский народ! — заключит третий.

Но такие настроения есть, вот в чем суть национализма, в котором смешался ватерпол со Сребреницей.

И это самое страшное...

И не только в Сербии. Надо сказать, что национализм/патриотизм ярко представлен и в хорватской песенной культуре.

Возьмем только одну песню под красивым лирическим названием: E, moj družo Beogradski:

E, moj družo Beogradski
Lijepo cure beogradske
kako ste se ljubit' znale
jos se sjećam kose plave
novosadske moje male

² Ibid.

Zbog nje sam se ja vozio
kraj Dunava i kraj Save
sto sam sela zavolio
o, kako sam sretan bio
E, moj družе beogradski
sve smo srpske pjesme znali
pjevali smo prije rata
zdravo, Djevo, kraljice Hrvata
E, moj družе beogradski
Slavonijom sela gore
e, moj družе beogradski
ne moze se ni na more
E, moj družе beogradski
srest' ćemo se pokraj Save
ti me nećeš prepoznati
pa ćeš na me zapucati
Pustit' ću ti metak prvi
vi budite uvijek prvi
drugi ću ti oprostiti
treći će me promasiti
A ja neću nisaniti
i Bogu ću se moliti
da te mogu promašiti
ali ću te pogoditi
Ja ću tebe oplakati
oči ću ti zaklopiti
joj, kako sam tužan bio
ja sam druga izgubio³

Подстрочник:

Э, мой друже Београдский
Красивы девушки белградские
как любиться они знали
еще помню волосы блондинки
новосадской моей малышки
Из-за нее я ездил по берегу Дуная
и берегу Савы

сто сел полюбил
о как счастлив был
Э, мой друже београдский
все мы сербские песни знали
пели их перед войной

³ URL: lyricstranslate.com/ru/e-moj-druze-beogradski-hey-my-belgrade-comrade.html#ixzz44mFEQ5ry

здравствуй, Дево, хорватская
королевна
Э, мой друже београдский
в Славонии села горят
э, мой друже београдский
нельзя идти ни на море
Э, мой друже београдский
встретимся возле Савы
ты меня не узнаешь
и начнешь стрелять в меня
я пушу в тебя первую пулю
вы будете всегда первым
другую тебе прощу
третью промажу
а я не буду брать на мушку тебя
и Богу буду молиться
чтобы промазать
но в тебя попаду
я тебя оплачу
глаза тебе закрою
ой, как был опечален
я друга потерял.

(Была еще песня: E, moj družе Zagrebački / Э, мой друже загребачский. Но она гораздо слабее, разве только мата больше.)

Причем многие песни из Белграда ли, Загреба ли шли вперемешку с кадрами войны. И мы не знаем, какие же чувства будили они, но если брать целиком всю кампанию в СМИ, то можно не сомневаться: «Враг будет разбит! Победа будет за нами» (заявление В. М. Молотова от 22 июня 1941 г.).

В пограничной ситуации «братство и единство» не выдержало испытаний и распалось. Война «разделила людей»: они «превратились» в хорватов, сербов... Сам девиз титовской Югославии стал восприниматься в Хорватии как скрытая форма того же великосербского национализма.

Об этом феномене хорошо написал в одном из органов хорватской печати Т. Dujmović (Т. Дуймович). В своей критике известного певца хорвата Rade Šerbedžija (Раде Шербеджии), утверждавшего, что в войне виноваты все, Дуймович дал резкую отповедь такой трактовке событий конца прошлого века. Действительно, на презентации своей новой книги в Белграде в интервью продолжающему свою работу и в наши дни ТАНЮГУ (Телеграфное агентство новой Югославии), он заявил: «bitange zavadile običan narod», «bitange od kojih se nije mogla spasiti divna Jugoslavija», «nije važno tko je više stradao, čije su žrtve najbrojnije», «svi narodi na prostoru bivše Jugoslavije zamrzili su braću i krenuli jedni na druge», «nije slučajno da su svi ti najveći ratnici, nazovi heroji koji su završili u Hagu, zapravo kriminalci». (Наш перевод: «отребье поссорило обычный народ», «отребье от которого не могла спастись дивная Югославия», «не важно, кто больше претерпел страданий, чьи жертвы самые большие», «все народы на пространстве бывшей Югославии возненавидели братьев и двинулись друг на друга», «не случайно, что все те самые большие вояки, лжегерои, которые завершили в Гааге, на самом деле, криминальные типы»⁴.

В своей статье Т. Дуймович призывает читателей вспомнить, что «братство и единство» есть не что иное, как, повторим, завуалированная форма великосербского национализма, виновного в Вуковаре, Овчаре и других местах массовой

гибели хорватского населения. И восхвалять «дивную Югославию», по мнению хорватского критика, «плевать» на Отечественную войну с агрессорами, на ее защитников...⁵

Здесь в центре утверждение автора статьи, что «братство и единство» — принаряженная ложь. Со своей стороны можем сказать, что некоторые основания, только некоторые, для этого девиза имелись, достаточно вспомнить роль Сербии в образовании Югославии. Впрочем, лучше всего об этом сказано в «Ферме животных» Дж. Орвелла. Провокационно? Да! Но и в провокации есть своя правда. И тем не менее «братство и единство» было, чему свидетельством могут служить и смешанные браки, и места проживания на других территориях людей, там не родившихся.

И немного слов в оправдание Р. Шербеджия. В своем интервью он заявил следующее: «...все те, которые пытались остановить войны, были выставлены предателями и неприятелями. Я стал одним из них. Я сразу осудил разрушение Вуковара, бомбардировку Дубровника и других городов в Хорватии. Я осудил и все другие виды национализма и шовинизма, которые задевали травмы из времени Второй мировой войны и открывали ящик Пандоры, что вело в новый круг насилия. Может быть, глядя из сегодняшней перспективы, я был наивен, но тогда я в это верил. И сейчас меня, вот так, опять призывают, чтобы я снова говорил о причинах и последствиях войны и чтобы мое

⁴ URL: www.hkv.hr/vijesti/komentari/25297-t-dujmovic-serbedzija-i-bitange-koje-su-zavadile-obican-narod.html/

⁵ Ibid.

имя опять полоскали по газетам, искажая мои слова и публично называя меня неприятелем. И до каких пор так будет, черт побери?!» (*Dragojević* 2016) <https://twitter.com/intent/tweet?url=http%3A%2F%2Fwww.portalnovosti.com%2Frade-serbedzija-opet-me-prozivaju-amedju-prvima-sam-osudio-rat&text=+&via=novossti>

Отношение к тому, что творилось на просторах бывшей Югославии, просматривалось не только в разных видах искусства, но и в личном поступке некоторых деятелей культуры. Так, известный театральный критик Владимир Стаменкович (*Vladimir Stamenković*) в 1991 г. изменил своей традиции присутствовать на Битефе (Белградский интернациональный театральный фестиваль), не согласившись с тем, чтобы фестиваль стал одной из «потемкинских деревень», с помощью которых тогдашний режим «пытался доказать», что страна и дальше живет в нормальном времени, когда все вокруг «быстро и катастрофически распалось». Подобный выбор сделала и профессор факультета драматического искусства Мирьяна Миочинович (*Mirjana Miočinović?*), покинув в октябре 1991 г. стены своего учебного заведения в знак протеста против войны. Остается только заметить, что их «вызов» прошел незаметно.

И в то же время, освещая различные картины и сюжеты национализма в культуре, не можем не отметить «странного явления», мы говорим о «балканской мадонне» Светлане-Цеце Ражнятович (*Svetlana-Ceca Ražnjatović*), вдове

известного всем Желько Ражнятовича (прозвище Аркан), командире сербской добровольческой гвардии, принимавшей активное участие в боях на территории Боснии и Хорватии. Ее песни слушали во время войн, слушают и сейчас в Хорватии, в Боснии, не говоря уже о Сербии. И здесь возникает вопрос не столько о феномене ее популярности у балканских народов, сколько о самих балканцах. Может быть, для них она была лучом светом в пропасти войны, вернее, олицетворением прежней мирной жизни, даже если она шла под лозунгом «братства и единства». И национализм отступал перед культурой, даже в ее эстрадной форме турбо-фолка (термин ввел в конце 80-х Рамбо Амадеус (*Rambo Amadeus*), но в широкое употребление вошел в первой половине 90-х гг.). В общем, это наступление культуры может при определенных условиях привести к уменьшению степеней и форм национализма.

Но можно посмотреть на этот феномен с другой стороны, как на угрозу традиции, национальной культуре. «Как бороться против турбо-фолка?» Этот вопрос, который занимает «цивилизованную сербскую общественность», стремящуюся к «выздоровлению и возрождению» сербского национального чувства, остановке «губительного воздействия на культурный идентитет этого поп-культурного “мутанта”» В нем есть: «новокомпонованная народная музыка, популярная музыка сербских и цыганских духовых оркестров, турецкий и греческий поп, современная электронная евроданс музыка», Один из ответов

еще в середине 1990-х гг. сводился к возвращению к народному мелосу. Тем не менее, как отмечает автор статьи, «в небольших хорватских городах все трясется от Елены Карлеуше (Jelene Karleuše) и Стойе (Stoje)». Обе известны своими «провокационными» песнями и высказываниями. Только один пример: песня в Черногории Елены Карлеуши «Содом и Гоморра» вызвала осуждение у декана философского факультета в Нише Горана Максимовича и нашла поддержку уже известной Бильяны Срблянович. И, судя по всему, турбо-фолк не собирается сдавать свои позиции. Более того, речь идет о примирении через него воевавших сторон, равно как и о том, что турбо-фолк был единственным подтверждением общего культурного поля южных славян во время их войн. Например, один из самых известных хитов Цеци из того времени, «Когда был бы ранен, кровь бы тебе дала», слышался из окопов и сербов, и босанцев. «Разве не разница, – повторим вслед за В. Димитриевичем, – в перцепции национальных культурных идентитетов, бывшей одной из основных идеологических мотиваций всех воюющих сторон?» (Dimitrijević 2002).

Турбо-фолк можно трактовать с различных сторон: здесь и наступление на народную культуру, и востребованность «турбо-культуры» для продвижения «шовинизма, насилия, криминального обогащения, патриархализма, мизогинии (отвращения к женщинам. – В. К.) и всех других аспектов культурного и морального падения, которое дало возможность вести политику

бомбежками, убийствами в лагерях, изнасилованиями». При этом, пишет автор, все это послужило тому, чтобы «турбо-культура была растолкована как локальная специфика, сопротивление открытой глобальной культуре... Такие тезисы чаще всего иллюстрируются отрывками из текстов более или менее известных певцов народной музыки (тем самым не делается разница между турбо-фолком и классической народной), которые должны иллюстрировать как глупость авторов текста, так и регрессивный идейный характер его/ее стихов» (Dimitrijević 2002).

«С другой стороны, текст одного из первых хитов классического турбо-фолка в исполнении Цеци и Мире Скорич (Cece I Mire Skorić) «Не рассчитывай на меня» («Ne računaj na mene») говорит о сопротивлении патриархальным тискам, о возможной эмоциональной независимости и экономической самостоятельности молодых женщин, тем самым играет именно эмансипаторскую роль» (Dimitrijević 2002).

Эти песни, как и весь имидж звезды, такой как Елена Карлеуша, ведет к восприятию женского тела как объекта мужского желания, соответственно, угрожает патриархальному устройству, что свидетельствует о том, что Сербия все больше склоняется к Западу, а не наоборот.

Но в то же время поставленный на сцене риекского Хорватского национального театра в 2008 г. Оливером Фрличем, (автор пьесы Борут Шепарович (Borut Šeparović)) спектакль «Turbofolk» свидетельствует,

что Балканы рано хоронить. Сам спектакль идет в ритме, где насилие сменяется лирикой, убийство — песней о любви над телом погибшего, ненависть чередуется с потребностью в нежности, в добре, сексуальный танец с народной музыкой. Весь этот балканский конгломерат разворачивается перед зрителями под балканскую музыку и песню. Как замечает один из критиков, а именно Ива Росанда Жиго (Iva Rosanda Žigo), это смешение всего и вся рождает «грустную картину потерянного идентитета». Но мы не были бы столь категоричны. Тривиальность — идеального в человеческом обществе нет, особенно балканского образца. В то же время можно согласиться с ее словами, что ругательство в пьесе «становится единственным способом высказывания истины, мощным призывом новой драмы и нового театра».

В целом, своей постановкой Фрлич, как подтверждает критик И. Рузич (I. Ružić), прекрасно доказал, что «контракультура есть культура, осуществленная другими средствами»⁶.

Остается все же только один вопрос: турбо-фолк — это путь к дегенерации общества? Или «новый путь» в культуре?

Впрочем, не все так однозначно. По-прежнему громадным успехом пользуется народная песня. Устраиваются концерты, радио и телепередачи. Во всяком случае, мне больше всего запомнились македонские песни в исполнении самодетель-

⁶ Ružić I. Hrvatsko glumište-Turbofolk. URL: www.dnevnikulturni.info/recenzije/kazaliste/1206/turbofolk_-_oliver_frlic.

ных коллективов — чаруют голоса, мелодия и текст.

При этом песня может входить в культурную сокровищницу македонского и болгарского народов.

Одна из них: Йовано, Йованке

Йовано, Йованке,
край Вардара седиш, мори,
бело платно белиш,
се нагоре гледаш, душо,
сърце мое, Йовано.

Йовано, Йованке,
яз те тебе чекам, мори,
дома да ми дойдеш,
а ти не довадяш, душо,
сърце мое, Йовано.

Йовано, Йованке,
твоята майка, мори,
тебе не те пуца
кай мене да дойдеш, душо,
сърце мое, Йовано.

Подстрочник:

Йовано, Йованке,
Возле Вардара седишь, мори,
белое полотно белишь,
вверх смотришь, душа моя,
сердце мое, Йовано.

Йовано, Йованке,
я тебя жду, мори,
домой ко мне придешь,
а ты не приходишь, душа моя,
сердце мое, Йовано,

Йовано, Йованке,
твоя мама, мори,
тебя не пускает ко мне прийти,
душа моя,
сердце мое, Йовано.

Хорошо, культура здесь есть, но где национализм, который в культуре? Довольно сложный вопрос и в то же время простой — тут нет деления «на это» и «на то». Хотя в нашем случае есть повод поговорить о близости двух культур — болгарской и македонской. Но нужно сразу оговориться, что на эту тему уже написано весьма много трудов, поэтому ограничимся лишь одним замечанием — близость культур не отрицает их оригинальности.

Теперь Босния с песней Hanuma

Sjećas li se, hanuma, kad smo bili
mladi,
jedno drugome ljubav kad smo obećali.
Jos se sjećam, hanuma, davno je to bilo,
od tada se, hanuma, više ne vidismo.

Haj, lijepa hanuma,
tebe volim, vjeruj mi,
vec godinama! (2x)

Danas ti je šesnaesti, draga, rođendan,
samo svoju ljubav mogu da ti dam,
znam da nosiš feredzu na svom
lijepom licu
znam da više, nikad više, vidjeti te neću.

Haj, lijepa hanuma,
tebe volim, vjeruj mi,
već godinama! (2x)

Подстрочник:

Помнишь ли, ханума, когда мы
были молодыми,
любовь обещали друг другу.
Еще помню, ханума, давно это было,
с тех пор, ханума, больше
не виделись.

Эй, красавица ханума,
тебя люблю, поверь мне,
уже годы и годы!

Сегодня тебе шестнадцатый,
дорогая, день рождения,
только свою любовь могу тебе дать,
знаю, что носишь фередж на своем
красивом лице
знаю, что больше, никогда больше,
не увижу тебя.

Эй, красавица ханума,
тебя люблю, поверь мне,
годы и годы!

И теперь благодарное слово «террору памяти». Только он позволяет сохраниться «национальному чело- веку» со всеми его разноцветными характеристиками, позволяющими судить о богатстве и бедности культурного поля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Димова 2012 — *Димова Т.* Матери (Дана). М., 2012.

Миловановић 2013 — *Миловановић М.* «Молитва за оца Прохора», 2013. Čačak.

Dimitrijević 2002 — *Dimitrijević B.* Globalni turbo-folk // NIN. № 2686. 20.06.2002.

Dragojević 2016 — *Dragojević R.* Intervju Rade Šerbedžija: Opet me prozivaju, a među prvima sam osudio rat // Новости / Novosti 09.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: www.portalnovosti.com/rade-serbedzija-opet-me-prozivaju-a-medju-prvima-sam-osudio-rat.

Stanković, Stanivuković 2002 — *Stanković R., Stanivuković Z.* Moj pohod na Zagreb // НИИ. № 2671. 07.03.2002.

Stanković 2002 — *Stanković R.* Srbi su trenutno na pauzi // NIN. № 2684. 06.06.2002.

«TERROR OF MEMORY»

Kosik Viktor I. — doctor of historical sciences, coordinating researcher of the Institute for Slavonic studies, RAS (Moscow)

Key words: the Balkans war, Serbs, Croats, Bosniacs, terror, memory, evil, enemy, hatred, nationalism

Basically, in the text outlined through culture theme who gained power in the years of disintegration of Yugoslavia nationalism, with its ethnic wars in the late twentieth century. Through prose, poetry, songs, theatre, through attracting other sources of information outlined the phenomenon of terror a memory that exists on the Balkan spaces.

REFERENCES

Dimitrijević B. Globalni turbo-folk // *NIN*. № 2686. 20.06.2002.

Dimova T. *Materi (Dana)*. Moscow, 2012.

Dragojević R. Intervju Rade Šerbedžija: Opet me prozivaju, a među prvima sam osudio rat // *Novosti / Novosti* 09.12.2016 [Elektronnyi resurs]. URL:

www.portalnovosti.com/rade-serbedzija-opet-me-prozivaju-a-medju-prvima-sam-osudio-rat.

Milovanović M. “*Molitva za otsa Prokhora*”, 2013. Čačak.

Stanković R., Stanivuković Z. Moj pohod na Zagreb // *NIN*. № 2671. 07.03.2002.

Stanković R. Srbi su trenutno na pauzi // *NIN*. № 2684. 06.06.2002.

П. И. Тахнаева

ОБ ОТКРЫТИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МЕМОРИАЛА «АХУЛЬГО»: ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА

Ключевые слова: Кавказская война, Ахульго 1839 г., Гуниб 1859 г., историко-культурный мемориал, Р. Г. Абдулатипов, имам Шамиль, имамат, аманат, завещание имама Шамиля.

Статья представляет собой рецензию на концепцию и историческое обоснование историко-культурного мемориала «Ахульго», официально открытого 20 января 2017 г. в Республике Дагестан.

Историко-культурный мемориал «Ахульго» официально был открыт 20 января 2017 г. Автор проекта — глава республики Рамазан Абдулатипов, в своем выступлении с благодарной признательностью ссылаясь на поддержку его начинания президентом страны В. В. Путиным, муфтием Дагестана шейхом Ахмада-хаджи и епископом Махачкалинским и Грозненским владыкой Варлаамом. Мемориал, территориально привязанный к историческому событию — Ахульгинскому сражению (1839), — к сожалению, отличался ярко выраженной ненаучной, поверхностной экспозицией (*Хаджи-мурад* 2017) и был, по всей видимости, предназначен для обслуживания лозунгов в духе идеологических терминов времен СССР, ставших актуальными при главе республики Дагестана Р. Г. Абдулатипове, — о «народном единстве» и «братских отношениях», «дружбе народов», о «мире и согласии с русским наро-

дом», «дружбе с Россией», которые звучали на открытии мемориала.

Что такое исторический Ахульго? Когда в конце 1838 г. командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Е. А. Головин представил свои предположения о действиях в 1839 г. на Кавказе, император Николай I собственноручно надписал: «Покорение и усмирение Горного Дагестана, или под общим названием Левого фланга <...> равно необходимо, ибо без онаго, ни покая, ни верного владычества иметь на Кавказе не можем»¹. Это высочайшее замечание предопределило планы командования в Дагестане на 1839 г., согласно которым здесь

© Тахнаева П. И., 2017

Тахнаева Патимат Ибрагимовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва); ptakhnaeva@gmail.com

¹ Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией (далее — АКАК), Т. 9, Тифлис, 1884, С. IV

«нужны были сильные меры», с целью «положить предел распространению власти и влияния Шамиля». «Сильные меры» предполагали нанесение весной 1839 г. военного удара по «укрепленному жилищу Шамиля на скале Ахульго»². Позже осада и штурм Ахульго, состоявшей из системы укреплений — Стар. Ахульго (авар. «Нух гьечЕб гохI» — «Горка без доступа»), Нов. Ахульго (авар. «АхIул гохI» — «Набатная горка») и т. н. «Сурхаевой башни» (авар. «Шулалгул гохI» — «Прочная горка»), расположенных на ашильтинской земле, войдут в историю как отдельная военная операция, проведенная под командованием генерал-лейтенанта П. Х. Граббе (12 июня — 29 августа 1839). По Д. А. Милютину, участнику осады Ахульго (военный министр в 1861–1881 гг.), «блокада и осада Ахульго, в продолжение 11 недель (80 дней), с 12 июня по 30 августа, стоила довольно дорого войскам. Отряд лишился до 500 человек убитых, 1722 раненных и 694 контуженных; в этом числе выбыло из строя 117 офицеров (23 убитых, 91 раненных и 33 контуженных)» (*Милютин* 1850: 122).

Что такое Ахульго в исторической памяти дагестанцев? Прежде всего, это место, где в 1839 г. погибли шахидами (мусульмане, погибшие за веру), до 2 тысяч горцев. Еще ни одно сражение в горах прежде не приносило подобных потерь. Они были огромны. Хотя совсем недавно, в 1837 г., селение Ашильта, которому территориально при-

надлежат обе горки Ахульго, было буквально стерто с лица земли экспедицией генерала Фезе. Горцы его героически защищали, но были вынуждены отступить с большими потерями. На фоне ахульгинского сражения «затерялось» другое, не менее масштабное и кровопролитное, аргванинское сражение (30 мая — 1 июня 1839). Укрепленное селение Аргвани приняло на себя первый и мощный удар экспедиции генерала Граббе, поскольку дорога на Ахульго следовала через Аргвани. Имам Шамиль укрепил его к февралю 1839 г., так же как и Ахульго. Однако горцы были уверены, что русские через Аргвани не пройдут. В конце мая 1839 г., когда генерал Граббе подошел к Аргвани, здесь, по русским источникам, имам собрал до 10 тысяч человек («из всех племен, обитающих между Аварским Койсу, Сулаком и Аргваном»). Аргванинское сражение случилось неожиданно коротким, оно продолжалось неполные два дня³. Потери горцев были ошеломительно велики. По русским источникам, в их руках осталось до 500 тел противника (*Милютин* 1850: 65), местные источники подтверждали эту цифру (*Геничутлинский* 1992: 79). Спустя всего три месяца потери горцев на Ахульго составят до 2 тысяч человек. Д. А. Милютин писал: «Насчитано было свыше 1000 неприятельских трупов; большое число их несло по реке. В плен взято до 900 человек, большею частью женщин, детей и стариков» (*Милютин* 1850: 119). Из местных источников только у Мухаммад Тахира

² Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 года по конец 1842 года. Ген. Юловин // АКАК. Т. 9. С. 284.

³ Рапорт ген.-л. Граббе гр. Чернышеву от 1 июня 1839 г. (лагерь при Аргуане) // АКАК, Т. 9, С. 329.

аль-Карахи встречаются данные о потерях горцев, до 300 человек погибшими и 700 пленными (*Тахир аль-Карахи* 1990: 84).

Об Ахульго сегодня говорить очень сложно. С одной стороны, это безусловная мусульманская святыня, знаковое место в истории джихада на Кавказе. С другой — это малоизученная страница военной и политической истории Дагестана первой половины XIX в. По настоящее время не известны профессиональные исследования по Ахульго, в которых был бы исчерпывающе использован корпус местных и архивных источников, выполнен их сравнительный анализ с целью выявления несоответствий, расхождений, разночтений и т.п. Каждый, кто обращается к теме Ахульго, обычно черпает информацию из местных источников, созданных много позже ахульгинского сражения. Единственным доступным и популярным источником знаний об Ахульго остается хроника Мухаммада Тахира аль-Карахи. Но если помнить о том, что самого автора сочинения тогда на Ахульго не было, а основная часть хроники составлялась им с начала 1850 г., т.е. более 10 лет спустя после описываемых им событий, источник нуждается в критическом подходе. По-прежнему практически не затронутыми остаются материалы по истории Кавказской войны, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в частности, по Ахульго — документы Военно-ученого архива (ВУА) и коллекции «Кавказские войны», включая личные фонды военачальников того периода (в том числе П. Х. Граббе).

6 февраля 2017 г. на 6-й сессии дагестанского парламента глава республики Рамазан Абдулатипов выступил с Посланием Народному собранию РД, на котором вновь озвучил тезисы, звучавшие на открытии мемориала «Ахульго»: «Мы создали историко-культурный мемориал общей памяти и общей судьбы “Ахульго”. Мы взяли за эту нелегкую работу, понимая, что наш человеческий и гражданский долг — чтить память всех, кто был включен в Кавказскую войну, сказать “нет” любителям каждый раз провоцировать ее продолжение. Принципиальное значение для всех нас имеет поддержка данного проекта президентом Российской Федерации В.В. Путиным, который в своем приветствии в адрес дагестанцев подчеркнул: “Возведение этого величайшего мемориального комплекса — знак уважения к общей исторической памяти, напоминание о недопустимости кровопролития, яркое свидетельство необходимости поддержания народного единства, которое складывалось и крепло на протяжении столетий”. Дух мемориала соответствует установкам Президента страны и *завещанию имама Шамиля — жить в мире и согласии с русским народом, с Россией* (курсив наш. — П. Т.). Отвечает он и *чаяниям князя Барятинского, который добился долгожданного мира на Кавказе* (курсив наш. — П. Т.). Многие поколения дагестанцев, кавказцев вместе с русскими и представителями других народов вот уже несколько веков защищают интересы общей Родины — России. Как сказал Расул Гамзатов, для нас священны “кровь Ивана и такая же точно кровь Магомы”, которую они проливали

на Ахульго. Важно понять, что тогда у каждого из них была своя правда, а теперь у нас общая правда, общий выбор, общая Родина».

Свою презентационную речь глава республики закончил многозначительным предложением: «Если кто не понял *смысл создания мемориала* (курсив наш. — П. Т.), рекомендую ознакомиться с приветствием президента Российской Федерации В. В. Путина, а также с выступлениями муфтия Ахмад-хаджи и епископа Варлаама». Не затрагивая тему гражданского пафоса («человеческого и гражданского долга — чтить память всех, кто был включен в Кавказскую войну»), следуя рекомендациям в поисках «смысла создания» мемориала Ахульго, точнее, в поисках его обоснования и исторической аргументации, мы ознакомились с выступлениями муфтия и епископа, прозвучавшими на его открытии.

По всей видимости, речи выступающих должны были соответствовать «духу мемориала». Тем не менее заявление муфтия Ахмад-хаджи о том, что «имам Шамиль predetermined исторический выбор Дагестана жить с Россией» вызвало у историков удивление. Предetermined? Если речь идет о пленении имама Шамиля на Гунибе в августе 1859 г., насколько это событие можно считать его «личным» выбором или, более того, личным вкладом в «предetermined» будущего Дагестана? Заметим, имам Шамиль не принимал какого-либо решения о прекращении войны на Гунибе. Напротив, достаточно ознакомиться с местными источниками, воспоминаниями

тех, кто находился рядом с имамом в осажденном Гунибе (Гаджи Али ал-Чухи, Абдурахман ал-Газигумуки), чтобы убедиться в том, что он вышел из окруженного войсками аула Гуниб к князю Барятинскому для продолжения переговоров — нет, не о мире, а о том, чтобы его без каких-либо обязательств выпустили из Гуниба, Дагестана (Абдурахман 1997: 166; Абдурахман 2002: 75; Гаджи 1990: 69). Ссылка на имама Шамиля как дипломата и миротворца в данном случае не совсем уместна и не соответствует действительности: мирные переговоры на Гунибе именно по его инициативе были провалены (Милютин 2004: 384; Зиссерман 1890: 285), а сам имам в итоге, неожиданно для него самого, оказался военнопленным (Филитов 1866: 123).

В завершение своего выступления муфтий призвал к *искреннему примирению и уважению к прошлому*, к совместной общей истории доблестных наших предков, мюридов и набов имама Шамиля, чести и мужеству русских солдат, исполнивших свой воинский долг», напомним слушателям о том, что «это прочный фундамент для искренних дружеских отношений между дагестанцами и русскими» (курсив наш. — П. Т.), Дагестаном и Россией». Муфтий также сообщил, что мемориал является «напоминанием всем народам, проживающим в России, что лучшим исходом любой ссоры и войны является мир и добрососедство». Возможно, бесспорное положение о предпочтении мира войне позволило ему в заключении высказать другое, несколько спорное суждение о том, что «Ахульго сегодня

сближает народы Дагестана и России».

Епископ Варлаам (Пономарев) в своем выступлении был более краток. Его речь изобиловала фразами, немного странными, но близкими к лозунгам дня: «И *русские, и дагестанцы, которые легли здесь, на этой земле, они заложили прочный фундамент наших братских отношений* (курсив наш. — П. Т.). <...> Исторические факты должны служить к объединению нас всех, живущих в России, всех живущих на Кавказе, потому что от нас с вами много зависит. И когда мы будем вместе, едины, тогда на самом деле у нас будет мощное государство. У нас будет будущее, и мы сможем воспитать будущее поколение в патриотизме и любви к родине!»

После духовных отцов выступил сам автор проекта мемориала Р.Г. Абдулатипов. Он с удовлетворением резюмировал выступления своих предшественников: «Наши духовные отцы сказали все, что нужно было сказать... Каждое слово и шейха, и епископа прозвучали как проповедь, наставление для каждого из нас, независимо от вероисповедания». Выступление автора идеи и проекта мемориала, несомненно, представляло больший интерес в поисках его концепции («смысла создания») и исторического обоснования.

Прежде всего, Абдулатипов сообщил о том, что у нас, современников («русских» и «дагестанцев», а также др.), общая Родина, следовательно, те идеи («своя правда»), из-за которых на Ахульго наши предки

проливали кровь 178 лет назад, в настоящее время перестали иметь значение: «В этой войне и у русских, и у дагестанцев, чеченцев, других, которые тут воевали, у каждого была своя правда. Уже более *155 лет у нас общая правда. У нас общая Родина*» (курсив наш. — П. Т.). Если помнить о том, что «своя правда» для тех, кто погиб шахидами («мучениками за веру»), защищая Ахульго, заключалась в джихаде, священной войне против иноверцев, современные попытки провести знак равенства между некоей «своей правдой» павших в газавате и «общей правдой» — «общей родиной» современников, выглядят не совсем корректно.

Упомянув пролитую кровь погибших на Ахульго (заметим, после Ахульго война на пути к «общей правде» и «общей Родине» длилась еще два десятка кровопролитных лет), Абдулатипов опять-таки сослался на дагестанского классика: «Как сказал Расул Гамзатов, *для нас священны “кровь Ивана и такая же точно кровь Магомы”, которую они проливали на Ахульго*». Но если обратиться к первоисточнику (Р. Гамзатов, «Сказание об Ахульго»), то совершенно очевидно, что поэт не подразумевал святость («святенность») крови, «перемешанной» под Ахульго, когда писал: «Под непрерывный грохот барабана // В угаре рукопашной кутерьмы // Перемешалась кровушка Ивана // С такой же точно кровью Магомы». Обратившись к теме кровопролитного сражения, заложенной в основу идеи мемориала «общей памяти и судьбы», Абдулатипов заметил, что «эта кровь освятила нашу с вами дальнейшую судьбу. Мы стали

единым народом». И в подтверждение этого тезиса процитировал: «Еще тогда Бестужев-Марлинский писал, что “послали драться, а стали брататься”. Этот процесс шел еще тогда». Заметим, Бестужев-Марлинский ничего подобного не писал. Фраза — «я пришел драться, а душа просит брататься» — принадлежит современному дагестанскому писателю Ш. Казиеву, автору пьесы «Бестужев-Марлинский». Напомним, сам Бестужев-Марлинский не воевал под Ахульго и был к тому времени уже убит в стычке с горцами на мысе Адлер в 1837 г. Генерал-лейтенант П. Х. Граббе крайне сожалел об этом факте, и 3 июля 1839 г. в лагере у Ахульго записал в своей записной книжке: «Как жаль, что не стало Бестужева, нашего поэта Кавказа! В нынешнюю экспедицию он увидел бы новые картины и новые бои, достойные его кисти!» (Из дневника 1888: 114).

Развивая важный тезис о «дружбе русского и дагестанского народов», Абдулатипов высказал сожаление, что «иногда все кавказско-российские отношения сводят к кавказской войне». По его мнению, эти отношения куда богаче, и для подтверждения своих слов обратился к их истокам. Приведенный пример возводил корни русско-дагестанских отношений к XX в., когда «русский князь Святослав освобождал Дагестан от хазарского ига». Абдулатипов заметил, что «таких примеров можно было привести очень много», однако уже тот, который он привел, вызвал у историков крайнее удивление. Действительно, киевский князь Святослав (сын киевского князя Игоря и княгини Оль-

ги) предпринимал несколько походов на Хазарию в 965–969 гг. с целью выхода Киевской Руси на Волгу, Каспий, контроля над Волжско-Каспийским морским и Прикаспийским сухопутным международными торговыми путями. В состав Хазарского каганата входила узкая полоска Прикаспийского и, возможно, предгорного Дагестана. На остальной территории Дагестана располагались различные государственные образования, находившиеся в различных отношениях с каганатом (Новосельцев 1990). В частности, некоторые дагестанские владельцы вместе с хазарскими отрядами в X в. действовали против закавказских мусульман (Там же). Напомним, на юге Дагестана к тому времени существовали два сильных мусульманских владения — Дербенд и Ширван (Минорский 1963). Историческая наука не располагает фактами, свидетельствующими о «хазарском иге» на территории Дагестана. Напомним, «иге» — угнетающая, поработавшая сила, в узком смысле — гнет завоевателей над побежденными. Таким образом, безосновательно утверждать о некоем «хазарском иге» и «освобождении Дагестана» от него «русским князем».

В своем выступлении Абдулатипов также попытался определить истоки кавказской войны в Дагестане. По его мнению, они восходили к досадному историческому недоразумению: *«Горцы фактически начали войну против своих феодалов. Но некоторым людям это удалось направить против России (курсив наш. — П. Т.)»*. Некоторым людям? По всей видимости, речь идет об имамах Газимухаммаде (1829–1832), Гамзат-беке

(1832–1834), Шамиле (1834–1859), которые призывали к вооруженному джихаду против русских («неверных») и мусульман, противников введения шариатского правления («лицемеров»). Вооруженный джихад трех имамов того времени являлся «борьбой (за веру) на пути Аллаха» и включал в себя военные действия против всех тех мусульман, дагестанских сельских общин (джамаатов), которые не признавали власти имамата и противились введению шариата в своих владениях (Кемпер 2010: 107). В самом начале движения имам Газимухаммад обращался с письмами к горским джамаатам (аварцев, кумыков, лакцев, даргинцев, чеченцев), представителям крупнейших ханств нагорного и равнинного Дагестана (к Махди-шамхалу Тарковскому, Асланхану Казикумухскому и Кюринскому, ханше аварской Баху-бике Хунзахской) с жестким требованием ввести шариат, но не имел успеха. Затем он пришел к выводу, что установить шариат можно только путем газавата, вооруженного сопротивления российскому завоеванию. Противниками войны с русскими оказались бывший его учитель Саид ал-Аракани и его муршид Джамал ад-дин ал-Газигумуки, но в то же время он был поддержан шейхом Мухаммадом ал-Йараги, который прислал Газимухаммаду письмо с фетвой, одобряющей его планы. В 1828–1829 гг. алимы и кади Гимр, Чиркея и ряда др. горных аварских селений выбрали Газимухаммада своим имамом, религиозным и военно-политическим руководителем союза общин, объявивших «священную войну» российским завоевателям и принявшим их сторону

мусульманам. Со всех джамаатов имам Газимухаммад требовал присягу следовать шариату, отказаться от местных адатов и прервать всякие отношения с русскими (Гаджиев 1997: 181–235; ал-Карахи 1990: 70; Северный Кавказ 2007: 118).

Напомним, имамат, существовавший на территории Нагорного Дагестана и Чечни (1829–1859), известен своим долгим и упорным сопротивлением российскому завоеванию Северного Кавказа. Современные попытки привести движение трех имамов (1829–1859) к движению антифеодальному отсылают нас к недавним временам одномерного, партийно-классового подхода к изучению истории Кавказской войны (1930–1970-е). Обращение к привычным прежнему поколению историков заскорузлым идеологическим клише в виде классовых конфликтов «угнетенных слоев населения» и «эксплуатирующей верхушки» выглядит в настоящее время по меньшей мере странно.

В выступлении Абдулатипова прозвучал еще один тезис, претендующий на ключевое положение, который, однако, имеет право на существование исключительно в силу неизученности темы и, в частности, затронутого вопроса. Тезис о недостигнутом «мире» на Ахульго и его высокой цене: «Имам Шамиль, вот в этих горах, чтобы заключить мир, отдал в аманаты своего сына Джамалудина. То есть он был все готов отдать ради мира. Но при этом сохраняя свою веру, свою культуру, свое достоинство». Факт выдачи в аманаты (заложники) сына имама был

представлен Абдулатиповым как демонстрация высшей жертвенности имама во имя мира. Но какого? С какой целью был отдан в аманаты сын имама Джамалутдин на Ахульго? По ал-Карахи, генерал Граббе «предложил заключить им перемирие. В качестве залога, однако, он потребовал сына Шамиля» (*ал-Карахи* 1990). Другие местные авторы, Гаджи Али и Хайдарбек Геничутлинский, тоже пишут о том, что сын имама был потребован «в качестве залога» (*Геничутлинский* 1992: 71; *Гаджи* 1990), но какого — авторы об этом умалчивают.

По записям ахульгинского дневника генерала П. Х. Граббе, с конца июля инициаторами мирных переговоров выступали осажденные горцы, однако Граббе отказывался от них без предварительной «выдачи сына в аманаты, как залог покорности» (Из дневника 1888). В «Военном журнале отряда» от 13 августа 1839 г. генерал Граббе писал: «... Шамиль не хочет выдать своего сына аманатом, как я того предварительно требовал, и надеется еще на выгодные условия капитуляции и свободный пропуск из Ахульго. ...Я объявил ему, что если он не предоставит своего сына, то не вступлю с ним ни в какие переговоры»⁴ (курсив наш. — П. Т.). Участник переговоров на Ахульго, генерал-майор Вольф писал о том, что «ген. Граббе требовал безусловной покорности и предварительной выдачи сына его аманатом в доказательство намерения его беспрекословно исполнить все требования

правительства... о других условиях не было и речи», после выдачи сына «начались переговоры»⁵.

Генерал Граббе в «Военном журнале отряда» от 17 августа записал: «Шамиль немедленно выслал ко мне своего старшего сына аманатом в залог своей покорности Государю Императору, как я того предварительно требовал, еще за несколько дней перед тем. Это заставило меня прекратить штурм. ...Я предписал Шамилю условия капитуляции... и дал ему три дня срока для их принятия»⁶ (курсив наш. — П. Т.). Предварительные статьи условий капитуляции генерала Граббе состояли из четырех пунктов: «1. Шамиль предварительно отдает своего сына аманатом. 2. Шамиль и все мюриды, находящиеся ныне в Ахульго, сдаются Русскому правительству; жизнь, имущество и семейства их остаются неприкосновенными; правительство назначает им место жительства и содержание; все прочее предоставляется великодушию Русского Императора. 3. Все оружие, находящееся ныне в Ахульго, отдается Русскому начальству. 4. Оба Ахульго считать на вечные времена на землею Императора Российского и горцам на ней без дозволения не селиться» (*Милютин* 1850: 141). Милютин писал, что имам Шамиль, выдав сына, отказывался от встречи с генералом Граббе, требовал отсрочку для оставления Ахульго еще на один месяц, а также разрешения далее жить в Гимрах ((*Милютин* 1850: 142).

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (ч. 2). Л. 7–8. Военный журнал отряда действующего на Левом фланге Кавказской линии с 4-го по 14-е августа 1839 г.

⁵ АКАК. Т. 10. С. 505 Записка ген.-м. Вольфа от 9 июля 1850 г.

⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (ч. 2). Л. 24–24(об).

Перед началом штурма Ахульго генерал Граббе записал в военном журнале отряда: «В течение трех дней, 18, 19 и 20 августа Шамиль присылал ко мне доверенных людей с разными предложениями, но не согласился на условия, которые я считаю необходимыми для обеспечения спокойствия Дагестана. 21 числа срок перемирия закончился, и ход переговоров убедил меня, что все употребленные меры... остались тщетными»⁷. Участник переговоров с имамом Шамилем на Ахульго генерал-майор Вольф позже писал: «Требовать своего сына после прекращения переговоров он не имел никакого права, ибо сын не был выдан аманатом на время переговоров, но в виде залога и доказательства, что Шамиль покоряется правительству, чего он не исполнил (курсив наш. — П. Т.). Генерал Граббе объявлял это с самого начала и неоднократно Шамилю через Кибит Магому, через Джемала, через Биякая — через самых доверенных лиц Шамиля, следовательно, недоразумения быть не могло»⁸.

Таким образом, выдача сына имама Шамиля в качестве аманата являлась частью условий капитуляции, предложенных имаму, а не безоговорочной и высокой жертвой имама во имя мира. Заметим, о каком-либо «мире» тогда не могло идти и речи. Командир Отдельного Кавказского Корпуса генерал-лейтенант Головин в рапорте от 30 июня 1839 г. писал военному министру генерал-адъютанту графу Черны-

шеву: «Замок Ахульго <...> должен быть взят или приступом, или продолжительным тесным обложением, ибо иначе с удалением войск наших Шамиль... опять делается смелее и предприимчивее. *Какие бы жертвования не были сделаны, они должны выкупиться взятием Ахульго и истреблением Шамиля*»⁹ (курсив наш. — П. Т.).

В тезисе о «мире» под Ахульго выступающий отметил, что имам был готов пожертвовать ради него всем, не только сыном, но при одном условии — «при этом сохраняя свою веру, свою культуру, свое достоинство». К вопросу о «покушении на веру». Кади кумыкского селения Аксай Йусуф ал-Йахсави, современник имама Шамиля и его противник, обратился с письмом к улемам шафиитской религиозно-правовой школы в Мекке с просьбой дать фетву относительности правомерности власти имамов в Дагестане, в том числе на правовое обоснование дозволенности дагестанским мусульманам жить под властью немусульманских правителей России. Он писал об имаме Шамиле, что тот «установил, что любой из тех, кто не переселится к нему, будет объявлен неверным и подлежит смерти, где бы он ни находился...», и в заключение ал-Йахсави подчеркивал: «Отмечу, что в нашем современном положении (т.е. под властью русских. — прим. П. Т.) мы имеем возможность жить, следуя предписаниям нашей религии, и мы можем твердо держаться уз Божьих» (курсив наш. — П. Т.) (Кемпер 2010: 112).

⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (ч. 2). Л. 24(об).

⁸ АКАК. Т. 10. С. 505. Записка ген.-м. Вольфа от 9 июля 1850 г.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (ч. 1). Л. 234.

Выступающим был озвучен еще один тезис, в котором он вновь затронул тему долгожданного (и всеми желаемого) мира, теперь уже на Гунибе: «Самое главное мужество было проявлено князем Бярятинским и имамом Шамилем. Это *мужество прийти к миру. Прийти к согласию*» (курсив наш. — П. Т.). Заметим, на Гунибе стороны не пришли ни к миру, ни к согласию.

Вопрос о мирных переговорах с имамом Шамилем был поднят в Петербурге в конце июля 1859 г. На неприменном мирном разрешении настаивали император Александр II, канцлер и военный министр (*Зиссерман* 1890: 268–269). Главнокомандующий князь Бярятинский приступил к мирным переговорам с имамом 19 августа 1859 г. На следующий день, на основании уже достигнутых соглашений во время предварительных переговоров с представителями имама, князь Бярятинский составил и подписал ультимативное письмо, которое (с текстом на арабском и русском языках) отправили на Гуниб. Был определен срок действия ультиматума — «до вечера» 21 августа. Ультиматум состоял из основных требований: «неотлагательно сложить оружие», «сдача Шамиля», «чтобы он и сыновья его дали письменное обязательство — жить там (за пределами России. — прим. П. Т.) безвыездно». Предложены условия: «полное прощение», «дозволение с семейством ехать в Мекку», «путевые издержки и доставление его на место будут полностью обеспечены», «определить размер денежного содержания ему с семейством» (*Милютин* 2004: 382–383).

21 августа выявились два встречных и невыполнимых требования имама Шамиля, которые свели на нет предварительные договоренности: одним из них было требование имама предоставить ему отсрочку пребывания на Гунибе сроком на месяц (для контакта с турецким султаном через личного курьера), другое — отказ явиться на Кегерские высоты, в главный штаб, для заключения и подписания мирного договора. В письме начальника штаба Милютин, которое последовало на Гуниб 22 августа, вслед за ультиматумом «кратко было спрошено, согласен ли Шамиль на упомянутые предложения или нет» (*Гаджи* 1990: 69). И хотя это письмо вновь подавало осажденным шанс избежать кровопролития, о мирном соглашении уже не могло идти речи — в ответном, последнем письме имам настаивал на своем: «Если освободите дорогу в Мекку мне и тем, кого я желаю, то быть миру между нами, а если нет — то нет». Представления о «мире» у имама Шамиля не предполагали подписания мирных соглашений, кроме одного требования — выпустить его с Гуниба без каких-либо обязательств с его стороны. Таким образом, переговоры «Бярятинский — имам Шамиль» закончились 22 августа 1859 г. ничем. Князь Бярятинский был вынужден прекратить мирные переговоры. Единственное, о чем теперь могла идти речь, это о «почетном пленении» имама (*Милютин* 2004; *Муханов* 2007; *Абдурахман* 2002; *Филиппов* 1866; *Зиссерман* 1890).

Последний тезис из выступления Абдулатипова, который напрашивается на комментарий, затраги-

вает некое завещание плененного имама Шамиля: «Восхищенный имам Шамиль оставляет завещание быть вместе с Россией, *быть вместе с братьями русскими* (курсив наш. — П. Т.). Это все является для нас величайшими наставлениями». Заметим сразу, не существует исторического документа «Завещание имама Шамиля». Под таким названием широко известно художественно-публицистическое произведение, точнее, текст к театральной постановке, автором которого являлся Д. М. Магомедов, председатель культурно-исторического общества «Фонд Шамиля». Оно было создано ко Дню памяти имама Шамиля 4 февраля 1991 г., который тогда впервые торжественно отмечали в Аварском театре. Узкому кругу специалистов известен другой документ, архивный¹⁰, официальный, с текстом «Клятвенного обещания» имама Шамиля (на русском и арабском языках), который не имеет ничего общего с пресловутым «завещанием имама». В «Клятвенном обещании» имам присягает личной клятвой на Коране императору в том, что «взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству», «предостерегать и оборонять всеми силами души и тела и всею возможностью моею все, что относится к Самодержавству... Императора», «Если же узнаю... о случае и происшествии, могущих обратиться во вред интересам Его Величества... обязуюсь не только извещать об этом немедленно... но так же с поспешностью устранять и отвращать их», «во всем

вести себя так, как прилично верному слуге и честному подданному Его Императорского Величества»¹¹. Известно другое письмо имама Шамиля, написанное им в 1865 г. Он отправил его императору в ответ на «Высочайшую телеграфическую депешу» с соболезнованием по случаю смерти дочери имама, Нафисат. Текст письма имама (оно еще при его жизни было опубликовано в русском переводе) содержал такие слова: «Мой священный долг... внушить детям моим их обязанности пред Россией и ее законными царями. Я завещал им питать вечную благодарность к Тебе... Я завещал им быть верноподданными царям России и полезными слугами нашему отечеству. ...Повели, Государь, где укажешь, принести мне и детям моим присягу на верное подданство... В свидетели верности и чистоты моих помыслов... я даю клятву пред недавно остывшим телом моей наилюбимейшей дочери Нафисат, на священном Коране» (Военный сборник 1866). Совершенно очевидно, речь идет о завещании имама собственным детям в частном письме императору, что не дает оснований для каких-либо ссылок на несуществующее *завещание* имама грядущим поколениям его соотечественников «быть вместе с Россией, быть вместе с братьями русскими».

На презентации мемориала звучала официальная риторика примирения, далекая от серьезного отношения к истории, от знания истории, открытого обсуждения проблемных вопросов, напоминая собой примиренческий китч, выдержанный

¹⁰ ГАКО (Государственный архив Калужской области). Ф. 62. Оп. 8. Д. 652, Л. 3–4(об).

¹¹ ГАКО. Ф. 62. Оп. 8. Д. 652, Л. 3–4(об).

в духе основных идеологических терминов официальной пропаганды времен СССР.

В заключение выступающий заметил: «Даже Бог бессилен над тем, что произошло вчера. Тем более над тем, что произошло более 177 лет назад. <...> Нельзя использовать историю для вражды. Историю надо использовать для укрепления единства России». По всей видимости, только попытками «использовать историю» можно объяснить основной лейтмотив выступлений Абдулатипова и других о «мире» и «примирении», звучавших на открытии мемориала. Однако, как показали краткие исторические экскурсы, ни в 1839 г. на Ахульго, ни в 1859 г. на Гунубе не было и не могло быть речи о мире и примирении. Имам Шамиль — «миротворец», представленный в январе 2017 г. на Ахульго «через призму» мемориала «общей памяти и общей судьбы», столь же достоверен и так же идеологически выдержан, как тот имам Шамиль, который был представлен в 1953 г. в известном сборнике документов «ставленником султанской Турции и английских колонизаторов»¹².

Трудно не согласиться только с единственным утверждением Абдулатипова, согласно которому «русские и дагестанцы <...> русские и кавказцы давным-давно помирились и побратались; мы были вместе в Первой мировой войне, мы были вместе во Второй мировой войне». Можно лишь еще дополнить список войн русско-турецкой (1877–1878)

¹² Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сб. док., Тбилиси, 1953

и русско-японской (1904–1905). В Дагестане можно и, наверное, нужно было открывать историко-военный мемориал памяти всех павших за «российско-советско-российское» Отечество.

Но не возле Ахульго.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдурахман 1997 — *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997.

Абдурахман 2002 — *Абдурахман ал-Газикумуки*. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля (Калуга, 1281 г.х.). М., 2002.

ал-Карахи 1990 — *Мухаммед-Тахир ал-Карахи*. Блеск горских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. Кн. 1.

Военный сборник 1866 — Военный сборник. СПб., 1866. № 10.

Гаджи 1990 — *Гаджи А.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.

Гаджиев 1997 — *Гаджиев В. Г.* Гассанилау Гимринский. Перевод с аварского хроники «Имам Газимухаммад» Багадур Маллачиханова // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Материалы международной научной конференции 13–14 октября 1993 г. Махачкала, 1997, С. 181–235.

Геничутлинский 1992 — *Геничутлинский Х.* Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992.

Зиссерман 1890 — *Зиссерман А. Л.* Фельдмаршал князь А. И. Барятинский (1815–1879). М., 1890. Т. 2.

Из дневника 1888 — Из дневника и записной книжки П. Х. Граббе, 1839 г. // Русский архив. М., 1888. Т. 5.

Кемнер 2010 — *Кемнер М.* Шариятский дискурс имамата первой половины

XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток. М., 2010.

Милютин 1850 — Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850.

Милютин 2004 — Милютин Д. А. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004.

Минорский 1963 — Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.

Муханов 2007 — Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007.

Новосельцев 1990 — Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Северный Кавказ 2007 — Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Тахир аль-Карахи 1990 — Тахир аль-Карахи М. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Кн. 1. Махачкала, 1990.

Филлипов 1866 — Филиппов В. Несколько слов о взятии Гунуба и пленении Шамиля (составлено по запискам и со слов генерала Лазарева) // Военный сборник. СПб., 1866. Т. 49. № 5.

Хаджимурад 2017 — Хаджимурад Д. «Зрелище у Ахульго» // Новое дело, 28 января 2017 г.

ON THE OPENING OF THE HISTORICAL-CULTURAL MEMORIAL «AHULGO»:
NOTES OF THE HISTORIAN

Takhnaeva Patimat I. — candidate of historical sciences, senior researcher of the Institute of Oriental studies, RAS (Moscow)

Key words: The Caucasian war, Ahulgo 1839, Gunib in 1859, historical and cultural memorial, R. G. Abdulatipov, imam Shamil, imamat, amanat, testament of Imam Shamil.

The article is a review of the concept and historical background of historical and cultural memorial «Ahulgo», officially opened on 20 January 2017 in the Republic of Dagestan.

REFERENCES

Abdurakhman iz Gazikumukha. *Kniga vospominanii*. Makhachkala, 1997.

Abudrakhman al-Gazikumuki. *Kratkoe izlozhenie podrobnogo opisaniiia del imama Shamilia* (Kaluga, 1281 g.kh.). Moscow, 2002.

Filippov V. Neskol'ko slov o vziatii Guniba i plenении Shamilia (sostavleno po zapiskam i so slov generala Lazareva) // *Voennyi sbornik*. St. Petersburg, 1866. Vol. 49. No. 5.

Gadzhii A. *Skazanie ochevidtsa o Shamile*. Makhachkala, 1990.

Gadzhiev V.G. Gassanilau Gimrinskii. *Peredov s avarskogo khroniki "Imam Gazimukhammad' Bagadura Mallachikhanova // Gazimukhammad i nachal'nyi etap antifeodal'noi i antikolonial'noi bor'by narodov Dagestana i Chechni*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 13–14 oktiabria 1993 g. Makhachkala, 1997, p. 181–235.

Genichutlinskii Kh. *Istoriko-biograficheskie i istoricheskie ocherki*. Makhachkala, 1992.

Iz dnevnika i zapisnoi knizhki P.Kh. Grabbe, 1839 g. // *Russkii arkhu*. Moscow, 1888. Vol. 5.

- Kemper M. Shariatskii diskurs imamata pervoi poloviny XIX v. // *Dagestan i musul'manskii Vostok*. Moscow, 2010.
- Khadzhimurad D. "Zrelishe u Akhul'go" // *Novoe delo*, 28 ianvaria 2017 g.
- Miliutin D. A. *Opisanie voennykh deistvii 1839 goda v Severnom Dagestane*. St. Petersburg, 1850.
- Miliutin D. A. *Vospominaniia. 1856–1860*. Moscow, 2004.
- Minorskii V. F. *Istoriia Shirvana i Derbenda X–XI vv.* Moscow, 1963.
- Mukhammed-Takhir al-Karakhi. *Blesk gorskikh sabel' v nekotorykh shamilevskikh bitvakh*. Makhachkala, 1990. Kn. 1.
- Mukhanov V. M. *Pokoritel' Kavkaza kniaz' A. I. Bariatinskii*. Moscow, 2007.
- Novosel'tsev A. P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza*. Moscow, 1990.
- Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* / otv. red. V. O. Bobrovnikov, I. L. Babich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2007.
- Takhir al-Karakhi M. *Blesk dagestanskikh sabel' v nekotorykh shamilevskikh bitvakh*. Kn. 1. Makhachkala, 1990.
- Voennyi sbornik*. St. Petersburg, 1866. No. 10.
- Zisserman A. L. *Fel'dmarshal kniaz' A. I. Bariatinskii (1815–1879)*. Moscow, 1890. Vol. 2.

С. Е. Эрлих

«ЖИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ ОПЫТЕ КАТАСТРОФЫ»

Рец.: ХХ век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 840 с.: ил.

Во вступительной статье Алексей Голубев и Сергей Ушакин отмечают, что публикаторы писем «рядовых» участников истории обычно отбирают из них «яркие» фрагменты для иллюстрации собственных нарративов. При таком подходе письма воспринимаются не как «самостоятельный источник, но как второстепенная фактологическая “добавка”» (с. 12). Цель рецензируемой работы — представить русские военные письма ХХ в. как «самостоятельный жанр» (с. 10).

Временные рамки обоснованы следующим образом. К началу ХХ в. развитие почты и подписание международных соглашений создали возможности для массовой переписки с солдатами, в том числе и находящимися в плену. С начала ХХI в. развитие мобильной связи сделало переписку (только переписку в традиционном понимании, ведь электронные письма — распространенный феномен) бессмысленной. Бы-

тование массового военного письма в нашей стране начинается посланиями русских добровольцев Англо-бурской войны (1899–1902) и заканчивается письмами солдат Второй чеченской войны (1999–2000).

Составители предлагают рассматривать письма в рамках подхода, который можно назвать «исторической поэтикой военной переписки» (с. 13). Свою задачу они усматривают в том, чтобы представить «вековую экспозицию военного письма» (с. 14). Ими подобран внушительный массив как опубликованных, так и архивных документов. Составители отказались от расположения писем в хронологическом порядке. Они попытались выявить сквозные «тематические якоря» (с. 14) жанра военной переписки. Для этого в течение пяти лет отбирали, многократно перечитывали и обсуждали письма. Они были сгруппированы по 13 темам: «Военное дело», «Деньги войны», «Военный быт», «Гнет войны», «Военное довольствие», «Штамп войны», «Военные донесения», «Гнев войны», «Военнопленные», «Романы войны — I» (письма женщин), «Ро-

© Эрлих С. Е., 2017

Эрлих Сергей Ефремович — доктор исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва–Санкт-Петербург); ehrlich@mail.ru

маны войны — II» (письма мужчин), «Мать военнообязанного», «Утраты войны». Составители подчеркивают, что выделение этих тем и включение часто «политематических» писем в состав того или иного раздела носят в значительной мере условный характер (с. 14).

Внутри тематических блоков письма расположены в хронологическом порядке «по войнам». Разумеется, у составителей не было возможности включить в свою «вековую экспозицию» письма русских участников всех вооруженных конфликтов XX в. Тем не менее причины отсутствия в сборнике писем с ряда значимых для нашей истории и коллективной памяти войн следовало бы обосновать. Почему, скажем, есть письма русских добровольцев Англо-бурской войны и нет писем советских «добровольцев» гражданской войны в Испании (1936–1939)? Число наших соотечественников, участвовавших в первом конфликте, шло на сотни, во втором — на тысячи. Кроме того, Испанская республика является одной из «икон» глобальной памяти и явно доминирует над памятью о борьбе потомков голландских колонизаторов с колонизаторами английскими. Письма «афганцев» присутствуют в сборнике. Но советские «ограниченные контингенты» выполняли «интернациональный долг» не один раз. Составители не оговаривают, почему не были включены письма советских солдат из Венгрии (1956) и Чехословакии (1968). В сравнении с десятилетием Афганской войны (1979–1989) вторжения в Венгрию и Чехословакию «мимолетны». Тем не менее

письма оттуда позволили бы заполнить более чем тридцатилетнюю «паузу» между 1945 и 1979 гг. и тем самым получить важный материал для представления *непрерывной эволюции* жанра военной переписки. Заявленный составителями акцент на «времени структур» не исключает их внимания ко «времени событий», в том числе к сравнению писем с разных войн: «В чем сходятся и чем различаются представления о военном профессионализме во время Англо-бурской войны в Трансваале от представлений времен Русско-японской войны, Первой и Второй мировых войн или относительно недавних Афганской и Чеченской кампаний» (с. 26. Ср.: 31, 487, 542, 572).

Больше всего удивляет отсутствие корреспонденции с имевшей важнейшие последствия для нашей истории Гражданской войны (1918–1920). Во вступительной статье упоминаются публикации документов, содержащие письма, которые были написаны в страшную пору, когда брат пошел на брата (с. 12). Исключение переписки того времени обедняет «вековую экспозицию», не позволяет, в частности, сравнить эпистолярные нарративы внутри- и внешнеполитических конфликтов. Выдающееся значение войны красных с белыми привело и к тому, что она все-таки прокралась в сборник в виде пропагандистских плакатов 1919 г., которыми иллюстрируются солдатские послания, написанные в 1917 г. (с. 126, 558), а также в качестве биографической вехи ряда корреспондентов (с. 362, 451, 543). Упоминания «той единственной Гражданской» встречаются

ся в стихах поэта-школьника Александра Заморзаева:

Потом пошли перевороты,
Потом Гражданская война
— А ты стихи писал для фронта,
И их читала вся страна.
(Маяковскому, июль 1941. С. 455)

Жестоко Гитлер просчитался!
Еще в Гражданскую войну
Народ за родину поднялся
И отстоял свою страну.
(Красная армия, февраль 1942.
С. 466)

8 июля 1942 г. красноармеец Андрей Агапитов пишет родным: «Что касается того, что Ширков не помогает тебе как красноармейской семье, то передай ему от меня, что как кончится война и если останусь жив, то я сведу с ним счеты. Я покажу ему, как вместо красноармейской семьи помогать своим близким, которые в Гражданскую войну находились в лагере белогвардейцев» (с. 207). 6 декабря 1944 г. красноармеец М. Герман сообщает корреспонденту газеты «Советский боец»: «Был схвачен полевой жандармерией мой родной брат, которого они расстреляли за то, что в 1920 г. был партизан» (с. 586).

«Рифмы» двух наиболее масштабных войн советского периода, встречающиеся в сборнике, заставляют сожалеть об отсутствии в нем писем Гражданской войны.

Алексей Голубев и Сергей Ушакин предложили своим коллегам прокомментировать по одному тематическому разделу сборника. Таким образом, был поставлен «своего рода эксперимент» в попытке увидеть,

«какие отклики и какие идеи могут возникнуть у читателя этих <...> вырванных из своего родного контекста писем» (с. 20).

Что же увидели в этих письмах коллеги-читатели: Елена Барабан, Полина Барскова, Константин Богданов, Елена Гапова, Андрий Заярнюк, Мария Литовская, Дмитрий Мордвинов, Ольга Никонова, Ирина Реброва, Елена Рождественская, Ирина Сандомирская, Йохен Хельбек, Александр Чашухин?

Обращают на себя внимание «туристические» пассажи военных писем: «Историки до сих пор не могут однозначно интерпретировать причины появления в письмах “туристических” фрагментов» (Ольга Никонова, с. 538). Герой советского анекдота времен подавления Пражской весны заявлял: «За границу я поеду на танке». Для большинства русских солдат война была единственной возможностью увидеть чужие страны. У пленных появлялось время для не «туристического», более основательного знакомства с культурой других народов: «В <...> роль антрополога поневоле входили очень многие пленные» (Андрий Заярнюк, с. 592). Ирина Реброва отмечает, что «фронтовики всех поколений учились выживать, активно одомашнивая военную обыденность» (с. 181). Константин Богданов указывает, что письма с фронта Великой Отечественной «почти лишены информации обо всем том, что согласно приказам о военной цензуре могло быть сочтено “военной тайной” — а таковой объявлялись любые сведения военного, экономического и политического

характера» (с. 682). Все меткие и порой неожиданные наблюдения комментаторов в рамках рецензии перечислить невозможно.

Следует выделить общий мотив комментариев. Многие авторы, порой с некоторым удивлением, отмечают, что тема героизма занимает незначительное место в военных письмах: «При чтении писем рушатся стереотипы героического повествования» (Елена Барабан, с. 754). Наша коллективная идентичность в значительной мере строится на основе героического мифа, который является главным нарративом современного государства-нации. Война считается концентрацией героического. Но свидетельства источников не подтверждают этот стереотип: «Война, прочитанная через письма ее участников, предстает антиподом привычной картинки из учебника истории. <...> В представленных письмах практически невозможно увидеть большой политики и идеологии. Они — не об этом, а о тяжелой, даже тягостной военной повседневности — о грязи, вшах, смерти, пропадающем вдалеке урожае, тоске по родным. В этом смысле письма раздела являются самым сильным противоядием от тех идеологических конструкций, которые глорифицируют войну, представляя ее исключительно с позиций героизма, побед и славы, зачеркивая при этом ее черную повседневность» (Дмитрий Мординов, с. 261).

Елена Барабан отмечает, что «проявления патриотизма», присущие авторам ряда писем времен Великой Отечественной войны, «пол-

ностью отсутствуют в письмах, написанных с других войн: Первой мировой, Афганской, Чеченской» (с. 752). Елена Рождественская также пишет, что у солдат Афганской войны, в отличие от их дедов, победивших Гитлера, «нет и тени сакральности Родины и ее рубежей» (с. 31). Это различие можно объяснить прежде всего тем, что германские нацисты вели против русских войну на уничтожение: «Мой родной братик, сообщаю тебе печальный случай, как и мне, немцы расстреляли маму, Ньюру, Иру, Марусю, Марфушу, Петю, забрали все и сожгли дом» (Письмо неизвестного адресата на фронт. Весна 1943. С. 316). Солдаты советско-германского фронта хорошо понимали, что они защищают не абстрактную «родину», а своих родных. Григорий Манаков 16 октября 1942 г. писал жене: «Иду защищать родину тебя Соня от немецкого поругания и детей от немецкой кабалы» (с. 568). Йохен Хельбек указывает, что такому пониманию «целей и причин военных действий» во многом способствовала массированная пропаганда через газеты и институт политруков. Письма русских солдат отличаются от писем немецких, где «семья и близкие играли существенно бо льшую роль» (с. 415). Но даже в письмах Великой Отечественной войны героический нарратив преобладает лишь в официальной переписке, в том числе в похоронках и в обращениях в редакции газет. Использование патриотических штампов в частных письмах во многих случаях диктовалось стремлением перехитрить цензуру: «Широко распространенное знание о контроле за перепиской заставляло в нужном

месте вставить нужную цитату, дабы избежать изъятия письма и все же донести до адресата самое главное — вожделенные новости, личные переживания, беспокойство, страхи и надежды» (Ольга Никонова, с. 540). Тот же Григорий Мананков незадолго до гибели в письме от 1 июля 1944 г. отвлекает внимание цензора, вкрапляя в текст с жалобами на здоровье элементы героического нарратива: «За эту зиму [так] постарел, так износился, что подчас [себя] не узнаю, здоровье мое стало не [ва]жным. Надо бы отдохнуть, но ведь не время. А время добывать немцев. У меня стали сильно болеть ноги. <...> С кашлем замучился, душит, не рад. <...> Но день нашей победы недалек» (с. 571).

Материалы рецензируемого сборника свидетельствуют о том, что героический миф, насаждаемый национальным государством эпохи модерна, в подавляющем большинстве случаев не становится основой идентичности, памяти и этики т.н. «простых людей». Какая же модель мира руководит их действиями?

Еще С. М. Соловьев изображал русскую историю как борьбу родового и государственного начал. У каждого из «начал» своя идентичность, память, этика и свой нарратив, в котором «материализуются» первые три сущности.

Родовое (семейное) начало включает в свое «мы» исключительно родственников. Такая узкая пространственная идентичность находит соответствие в неглубокой памяти, обычно не превышающей трех поколений «предков». На этой основе

формируется этика, которая приписывает считать «своими» только членов рода (семьи). Опорой родового начала является нарратив волшебной сказки, состоящей из трех компонентов: готовности к самопожертвованию в борьбе с чудовищем за добычу, к стремлению принести чудовище в жертву и к стремлению вернуться с добычей домой. Первые два «шага» нарратива волшебной сказки — это средства, возвращение с добычей домой — это цель.

Волшебная сказка с ее эгоистическим приоритетом семейных ценностей вступает в противоречие с интересами государства. Авторы писем «постоянно сводят разговор на тему работы, любви, денег или, допустим, еды» (с. 14). Государственные «мифотехнологи» модифицируют разлагающий коллективную идентичность нации нарратив сказки. Они удаляют эгоистический мотив возвращения с добычей домой. Героический миф — это усеченная волшебная сказка. В нем остаются средство (самопожертвование) и цель (жертвоприношение врага). Чтобы победить врага, солдат должен быть готов отдать жизнь за родину. На этом нарративе покоятся коллективная память, идентичность и этика национальных государств.

Героический миф и волшебная сказка сосуществуют в письмах сборника. Мы наблюдаем «процесс сращивания индивидуального желания высказаться с выразительными возможностями господствующего дискурсивного режима» (с. 18). Базовое для героического мифа слово «родина» во всех падежных формах

встречается в сборнике, преимущественно в письмах периода Великой Отечественной войны, 220 раз. Слово «дом» только в заветной форме «домой», подразумевающей счастливое возвращение, встречается 242 раза.

Виталий Зайцев пишет из Чечни 27 июля 1996 г., за месяц до гибели: «Я даю слово Вам, что приду домой живым и здоровым» (с. 348). В сборнике подобные заклинания солдат разных войн встречаются множество раз: «Тоска по дому и желание вернуться домой характерны для большинства писем, попавших в данный сборник» (Дмитрий Мордвинов, с. 262). Само возвращение «живым и здоровым» в данном случае является добычей, условием будущих приобретений. Уже не раз цитировавшийся погибший на фронте Григорий Манаков сочувствует родным в письме от 23 марта 1943 г.: «Мне очень хочется, чтоб Вы имели корову, но что сделаешь. Буду жив и здоров, наживем» (с. 569). Это прямое воспроизведение формулы волшебной сказки: «Стали жить-поживать да добра наживать». Добыча в прямом смысле тоже не раз упоминается в письмах. Андрей Ипатов сообщает из Германии 8 марта 1945 г.: «Первая моя посылка, к сожалению, постельно-полотеночная. Следующие постараюсь скомбинировать посущественнее. Возможности к этому здесь совершенно неограниченные. Думаю, что будете обеспечены неплохо всем нужным» (с. 157). Иван Добрыхотов в тот же день и тоже из Германии пишет родным: «Сегодня постараюсь собрать и отправить вам посылку, двое сапог, одни хромовые

на одну ногу, но вы их переделайте, это надолго, это товар хороший, вторые простые сапоги, но такие для зимы. Затем одни туфли. Материал на платье три метра двойного и сукно пять метров и еще кое-что как говорят по мелочи, весом девять кил.» (с. 452). Евгений Мальгин посылает вместе с письмом из Афганистана (ноябрь 1987 г.) текст солдатской песни, в котором перечисляются возжеленные символы престижного потребления советской молодежи позднего СССР:

Дуканщик, подешевле нам продай,
Мумие, дубленку, батник, «Сони»,
Дай-ка на контроль еще нам джинсы,
Да цену не ломи, как в Вашингтоне
(с. 406).

Рецензируемый сборник предоставляет не только ценный материал для исследователей «исторической поэтики» (с. 13) и культурной антропологии. Чтение военных писем имеет далеко не только «академическое» значение. Мы знаем, что их авторы, которые зачастую пишут языком героев Платонова, находятся не просто в неведомой большинству из нас ситуации между жизнью и смертью: «Опыт войны — это опыт субъективации на границе выразительных возможностей» (с. 15). Многие из них, в том числе и наши современники, попавшие в Афганистан и Чечню, погибли. Повернись судьба иначе, мы могли бы оказаться на их месте. Наше знание о печальной участи этих в большинстве случаев молодых людей сталкивается с их письмами, полными планов, надежд, мелких забот и нехитрых предвкушений: «Ты, Соня, побереги водочки, когда

вернуть с победой, чтоб у тебя был литрочки две запас» (Последнее письмо Григория Манакова. 1 июля 1944 г. С. 572). Это столкновение трогает даже самого циничного читателя. «Фикшн» эпохи постмодерна утратил способность производить какие-либо эффекты кроме усталой иронии. Но современному человеку, как и нашим предкам, требуется эмоциональная встряска, высокопарно именуемая «катарсисом». Без нее мы рискуем утратить последние человеческие чувства. Литература «нонфикшн»

во все большей степени берет на себя трудную работу по «проработке прошлого», без которого невозможно будущее: «Обращаясь к чтению чужих писем, мы не столько ищем в них поэтику войны, сколько втайне надеемся найти там живое свидетельство об опыте катастрофы» (Ирина Сандомирская, с. 782). Надо поздравить авторов и прежде всего Алексея Голубева и Сергея Ушакина, составивших этот в равной мере документальный и вместе с тем в прямом смысле *пронзительный* литературный текст.

LIVE TESTIMONY OF THE DISASTER EXPERIENCE

Rev.: XX vek: Pis'ma voiny / S. Ushakin, A. Golubev, sost., vstup. stat'ia, red.; E. Goncharova, I. Rebrova, podgotovka dokumentov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 840 p.: il.

Ehrlich Sergey E. — doctor of sciences (history), Director of the Publishing House «Nestor-Historia» (Moscow–St.-Petersburg)

О. Б. Леонтьева

ЛОКАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: СОЦГОРОД В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец.: Жидченко А. В., Рыженко В. Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–1960-е гг.: монография. 2-е изд., испр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 482 с. (ОмГУ — 300-летию Омска).

Феномен города в его гуманитарном измерении, город как семантически насыщенное пространство человеческого обитания все чаще притягивает внимание исследователей. В изучении этой тематики применяются подходы, почерпнутые из арсенала самых разных научных дисциплин: осуществляются исследования антропологии городского пространства, имиджа городов, идентичности горожан; к истории городов обращаются в русле «новой локальной истории» и «гуманитарной географии». Это связано с высокой потребностью социума в формировании региональной идентичности: зачастую авторы таких исследований стре-

мятся не только решить научные задачи, но и закрепить в сознании читателей узнаваемый образ изучаемого города.

Особый пласт работ посвящен социокультурному феномену советских городов, в том числе моногородов, построенных вокруг какого-либо предприятия для проживания его работников (*Замятина* 2007; *Капицын* 2014). «Молодые» советские города — те самые песенные «голубые города», начинавшиеся с первой палатки и с таблички, прибитой на сосне, — особо интересны для исследователей, поскольку на их примере можно наглядно увидеть особенности советской индустриальной, градостроительной и символической политики, проследить взлет и закат концепции «соцгорода» как места формирования нового человека и новых общественных отношений. К этому ряду работ относится и недавно вы-

© Леонтьева О. Б., 2017

Леонтьева Ольга Борисовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара); oleontieva@yandex.ru

шедшая в свет монография омских исследователей Валентины Георгиевны Рыженко и Александра Владимировича Жидченко. Приуроченная к 300-летию юбилею г. Омска и нацеленная на формирование у молодого поколения омичей интереса к прошлому родного города и своих семей, эта книга по своему научному значению выходит далеко за рамки традиционных «юбилейных» изданий.

Отметим, что В.Г. Рыженко является признанным специалистом в области теории и методологии изучения региональной истории и феномена города (*Рыженко, Назимова, Алисов* 2004). Ею, в частности, предложено перспективное разграничение между идентичностью региональной, связывающей данный регион или город с общенациональным контекстом, и идентичностью локальной, значимой только для жителей данного региона и закрепленной «в “вещах” культуры, появляющихся в пространстве любого конкретного обитаемого Места, в мифах и легендах, порожденных и транслируемых “устной” традицией стихийной исторической памяти» (*Рыженко* 2011: 339–340).

Интерес к «вещам культуры» и к устной традиции — отличительные особенности рассматриваемой работы, которая посвящена истории одного из районов Омска, городка Нефтяников. Он отделен от основного городского массива и в пространственном отношении, и своей особой историей. Возникший вокруг строящегося Омского нефтеперерабатывающего завода в 1950-е гг. и предназначенный

для расселения его работников, городок Нефтяников к середине 1960-х гг. превратился в жилой комплекс с собственной инфраструктурой. В числе ключевых особенностей этого соцгорода исследователи называют «ансамблевую застройку в стиле позднего сталинского ампира, наличие в отдаленном от города поселке всей необходимой системы соцкультбыта, проживание в границах одного района людей, занятых в промышленности нефтехимического профиля» и потому связанных и совместной работой, и общим досугом (с. 37).

Обращение к устной истории обусловлено тем, что история городка Нефтяников к настоящему времени охватывает период жизни одного поколения. Логика развития района следовала за циклом человеческой жизни. Первопоселенцы, рабочие и специалисты, приезжали на нефтеперерабатывающий завод молодыми и холостыми; здесь они создавали семьи; к тому времени, когда у них появлялись дети, в городке построили первые ясли; когда дети достигли школьного возраста, была построена школа. Этим и задан исследовательский прием, широко применяемый в работе: изучение истории городского пространства через воспоминания старожилов. Авторы монографии проинтервьюировали более ста человек, ответивших на вопросы об истории застройки и благоустройства района, о социальном составе его обитателей, о принципах распределения жилья и условиях жизни конкретных семей. Материалы интервью в данной работе рассматриваются не как памятники личностной

идентичности, а прежде всего как фактические свидетельства, поддающиеся проверке с точки зрения аутентичности и взаимодополняемости (с. 50–55).

Городок Нефтяников предстает в работе как типичный, образцово-показательный соцгород, на примере которого можно изучать «все этапы советского градостроительства начиная с 1950-х гг.» (с. 97). Существенное внимание уделено в монографии архитектурно-планировочным особенностям городка, проектировавшегося как целостный комплекс с Дворцом культуры в качестве пространственного и символического центра; читателям книги наверняка запомнится история о том, как восемь колонн строящегося грандиозного Дворца культуры были снесены за одну ночь после принятия знаменитого постановления о борьбе с «архитектурными излишествами». Подробно воссоздается топонимический ландшафт городка Нефтяников, наглядно воплощавший курс на строительство коммунизма и потому включавший проспект Мира, проспект Культуры, улицы Нефтяников, Химиков, XIX и XX Партсъезда и другие типично советские топонимы. Но при этом история городка прежде всего подается в монографии как история повседневной жизни. Ее вехи отмечают изменения жилищных условий горожан: вначале — палатки и деревянные бараки, затем — коммунальные квартиры и, наконец, «великая жилищная революция» рубежа 1950–1960-х гг. — строительство «хрущевок» и начало расселения в индивидуальные квартиры.

Каждый этап, как прослеживают авторы монографии, влек за собой не только зримые изменения облика городка, но и смену стандартов жизни его обитателей. В работе отражен и «стертый» пласт памяти городка Нефтяников: тот факт, что на строительстве нефтезавода работали заключенные Камышлага (среди которых был, в частности, Лев Гумилев), и бараки первопоселенцев поначалу соседствовали с лагерными бараками. Так, в 2007 г. при ремонте одного из старых домов было обнаружено замурованное в стене послание на листе оберточной бумаги со словами «этот дом и городок построен на костях заключенных в 1956 г.» (с. 222–224).

В монографии широко используются визуальные источники: картографические документы, зримо запечатлевшие процесс роста и развития городка Нефтяников; фотографии улиц и различных городских объектов; фотографии из ведомственных или школьных музеев, а также из семейных архивов. При анализе фотографий как визуального источника авторы монографии опираются на методологические разработки И.В. Нарского (*Нарский* 2008); личные и семейные фотографии интерпретируются как свидетельства эпохи, по которым можно воссоздать типичный облик жилого барака, детского сада, школьного класса, коммунальной квартиры, проследить изменения быта горожан. Исследователи внимательно фиксируют попадавшие в кадр предметы эпохи: «фикус и папоротник в больших горшках», «швейную машинку в деревянном футляре» или «традиционный для советского по-

слевоенного времени будильник» (с. 361, 363, 368).

Завершают монографию биографические очерки о нескольких жителях городка Нефтяников: о первом директоре Омского нефтеперерабатывающего завода А. М. Малунцеве, чьим именем в настоящее время названа одна из главных улиц района; о фотографе нефтеперерабатывающего завода Е. С. Мамакине, снимки которого легли в основу визуального ряда монографии; об инженерах, рабочих, профсоюзных и партийных деятелях, чьи интервью и личные фотографии используются в различных разделах монографии. Благодаря этому приему история городка Нефтяников становится не обезличенной, а персонифицированной, и при чтении заключительного раздела книги возникает эффект встречи со старыми знакомыми.

Судьба городка Нефтяников предстает в монографии В. Г. Рыженко и А. В. Жидченко как компактная модель истории промышленного строительства и урбанизации в Сибири второй половины XX в.; применение современных исследовательских методик позволило увидеть масштабные социальные процессы в «человеческом измерении», через историю локуса и коммуникативную память поколения. «Сверхзадача» монографии – формирование локальной идентичности горожан и ее «встраивание» в идентичность региональную и общенациональную; авторам удалось найти свой подход к ее решению,

и работа о городке Нефтяников может быть полезна в методологическом отношении для других гуманитариев, разрабатывающих сходные проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Жидченко, Рыженко 2015 – *Жидченко А. В., Рыженко В. Г.* История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–1960-е гг. 2-е изд., испр. Омск, 2015.

Замятина 2007 – *Замятина Н.* Норильск – город фронта // Вестник Евразии. М., 2007. № 1. С. 165–190.

Капицын 2014 – *Капицын В. М.* Прошлое, настоящее, будущее в символической политике моногорода // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малина О. Ю., гл. ред., и др. Вып. 2: Споры о прошлом как представление будущего. М., 2014. С. 110–127.

Нарский 2008 – *Нарский И. В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). Челябинск, 2008.

Рыженко 2011 – *Рыженко В. Г.* Историческая наука, регионоведение, культурология. Возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М., 2011. С. 330–342.

Рыженко, Назимова, Алисов 2004 – *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.* Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск, 2004.

LOCAL MEMORY: A «SOCIALIST TOWN» IN THE MIRROR OF HISTORIOGRAPHY

Rev.: Zhidchenko A. V., Ryzhenko V. G. *Istoriia povesdnevnoi zhizni omskogo gorodka Neftianikov v 1950–1960-e gg.: monografiia. 2-e izd., ispr.* Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2015. 482 p. (OmGU — 300-letiiu Omska).

Leontyeva Olga B. — doctor of historical sciences, associate professor, professor, Department of Russian history of the Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara)

REFERENCES

- Kapitsyn V.M. Proshloe, nastoiashchee, budushchee v simvol'noi politike monogoroda // *Simvolicheskaiia politika: Sb. nauch. tr.* / RAN INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. polit. nauki; Red. kol.: Malinova O.Iu., gl. red., i dr. Vyp. 2: Spory o proshlom kak predstavlenie budushchego. Moscow, 2014. P. 110–127.
- Narskii I.V. *Fotokartochka na pamiat': Seminye istorii, fotograficheskie poslaniia i sovetskoe detstvo (Autobio-istorio-graficheskii roman)*. Cheliabinsk, 2008.
- Ryzhenko V.G. *Istoricheskaiia nauka, regionovedenie, kul'turologiia. Vozmozhnosti kooperatsii vokrug problemy "prisvoeniia proshlogo" // Istoricheskaiia nauka segodnia: Teorii, metody, perspektivy / pod red. L. P. Repinoi.* Moscow, 2011. P. 330–342.
- Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh., Alisov D.A. *Prostranstvo sovetskogo goroda (1920–1950-e gg.): teoreticheskie predstavleniia, regional'nye sotsiokul'turnye i istoriko-kul'turologicheskie kharakteristiki (na materialakh Zapadnoi Sibiri) / otv. red. V. G. Ryzhenko.* Omsk, 2004.
- Zamiatina N. *Noril'sk — gorod frontira // Vestnik Evrazii.* Moscow, 2007. No 1. P. 165–190.
- Zhidchenko A.V., Ryzhenko V.G. *Istoriia povesdnevnoi zhizni omskogo gorodka Neftianikov v 1950–1960-e gg. 2-e izd., ispr.* Omsk, 2015.

КРУГЛЫЙ СТОЛ К 60-ЛЕТИЮ ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ 1956 г.

10 ноября 2016 г. в историко-мемориальном музее «Пресня» (филиал Государственного центрального музея современной истории России) состоялся круглый стол, приуроченный к выходу новой книги издательства «Нестор-История» (мемуары В.С. Байкова «1956. Венгрия глазами очевидца». М.; Спб., 2016). Ее автор, Владимир Сергеевич Байков, в 1950-е гг. работал на венгерском направлении в аппарате ЦК КПСС, находился в Венгрии на дипломатической службе в качестве советника посольства, выполнял функцию переводчика на ответственных переговорах и в течение многих дней бурной осени 1956 г. был непосредственным личным переводчиком Яноша Кадара, возглавившего венгерское правительство, приведенное к власти с помощью СССР, и прибывшего в Будапешт 7 ноября в одном танке со своим советским переводчиком. Именно через Байкова в ноябре 1956 г. осуществлялось прямое телефонное общение между Н. С. Хрущевым и Я. Кадаром.¹

Как заметил в своем вступительном слове модератор круглого стола **А. Стыкалин** (Институт славяноведения РАН), в центре внимания мемуаров находятся события, которым посвящено множество книг и горы статей, опубликованных в разных странах мира, их нередко называют венгерской «национальной трагедией» 1956 г., хотя возможны и другие определения. Споры об их характере и историческом значении не утихают и сегодня не только в Венгрии, но и далеко за ее пределами. В самой Венгрии октябрь 1956 г. зачастую воспринимается как одно из ключевых событий всей 1000-летней национальной истории, недаром 23 октября провозглашено национальным праздником, причем историческая память о «будапештской осени» 1956 г. весомо присутствует и в политической борьбе (особенно в дни очередных юбилеев, но не только). Иногда это принимает и не совсем здоровые формы, когда политики, родившиеся уже после 1956 г., пытаются компрометировать своих оппонентов тем, что их отцы и деды находились в те трагические дни в противоположном

политическом лагере. Однако дело к этому не сводится. К событиям 1956 г. в сегодняшней Венгрии так или иначе апеллируют почти все силы, представленные на политической арене, хотя и по-разному их интерпретируют. Происходит своего рода соперничество либеральных, консервативных и умеренно социалистических партий за большее право на историческое наследие «будапештской осени». Не прекращаются дискуссии о том, какие силы играли первую скрипку в событиях, как оценивать тех или иных политиков, проявивших себя в осенние месяцы 1956 г., какие перспективы открывались перед страной в случае реализации тех или иных заявленных программ. Если социалисты и левые либералы ставят во главу угла традиции реформ коммуниста Имре Надя, то для правых существенны совсем иные тенденции, представленные в разнородном массовом движении осени 1956 г. Распространенный в левом и либеральном дискурсе термин «революция» (пусть даже национальная революция) на правом фланге, как правило, не приемлем, речь заходит о национально-освободительной борьбе.

Такие споры в принципе возможны лишь тогда, когда мы имеем дело с событием не только масштабным, но и многомерным, не поддающимся однозначному толкованию и этической оценке. Действительно, «венгерская трагедия» 1956 г. всегда вызывала неудобства для приверженцев упрощенческих схем и черно-белых подходов. И нельзя забывать о том, что не только для коммунистов-реформаторов в странах

советского лагеря (например, инициаторов Пражской весны 1968 г.), но и для более радикальных борцов с коммунизмом в Восточной Европе она всегда была не столько примером, сколько предостережением; и коммунисты-реформаторы, и антикоммунисты, внимательно изучая опыт осени 1956 г., всегда заботились о том, как избежать развития событий по остро драматическому венгерскому сценарию, сопряженному с довольно масштабным насилием.

О том, какой громадный резонанс имели венгерские события во всем мире, по мнению модератора, можно судить хотя бы по тому, что «человеком года» 1956 г., по версии американского журнала «Time», стал собирательный образ венгерского повстанца. Правда, «человеком 1957 г.» стал глава государства, подавившего венгерское восстание — Н. С. Хрущев. И дело здесь, наверно, не в том, что спутник, запущенный 4 октября 1957 г., перевесил по своему значению венгерское восстание, а в том, что венгерское восстание не помешало миру оценить по достоинству технические достижения СССР. Однако все это отнюдь не говорит о том, что «будапештская осень» не оказала долгосрочного влияния на мир. Говоря же о ее международном значении, надо иметь в виду, что обе сверхдержавы должны были в дальнейшей своей политике учитывать опыт венгерского кризиса, ставшего пробным камнем биполярной ялтинско-потсдамской системы международных отношений и подтвердившего ее прочность. Этот кризис наглядно показал, что

возможности как СССР, так и США вмешаться во внутренние дела страны, относящейся к противоположному лагерю, весьма ограничены. Именно потому, что ни одна из сторон не хочет большой войны и предпримет усилия, чтобы ее избежать. Со своей стороны, и оппоненты коммунистических режимов на основании венгерского опыта 1956 г. должны были учитывать, что американские войска не придут на помощь восточноевропейским повстанцам в случае каких-либо беспорядков в советской сфере влияния. Такое положение сохранялось вплоть до конца 1980-х гг.

События осени 1956 г. сформировали в сознании советской партийно-государственной элиты контрреформаторский «венгерский синдром», страх перед развитием событий по венгерскому варианту в случае утраты контроля партии над происходящими реформами. Этот синдром относился к числу факторов, сдерживавших процессы демократизации, десталинизации советского общества. Отдельного разговора заслуживает еще одна тема — о том, как венгерское восстание, пусть и проигранное, в более долгосрочном плане повлияло на формирование кадаровской модели социализма как более компромиссной формы взаимоотношений коммунистической власти с собственными гражданами.

Книга мемуаров В.С. Байкова должна быть поставлена в ряд исторических источников, проливающих свет на некоторые до сих пор недостаточно изученные стороны советской политики в Венгрии.

В документальный сборник «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» (М., 1998) вошли среди прочего записи заседаний тогдашнего партийного руководства, Президиума ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым за конец октября — начало ноября 1956 г., раскрывающие механизм и конкретные обстоятельства принятия ключевых решений по Венгрии. Были опубликованы важнейшие донесения советского посольства в Будапеште с марта по декабрь 1956 г., а также донесения в центр высокопоставленных советских политических эмиссаров (А.И. Микояна, М.А. Сулова, Г.М. Маленкова и др.), выезжавших на разных этапах кризиса в Венгрию для оказания помощи в урегулировании положения в стране в соответствии с советскими рецептами. Но при всем обилии документальных публикаций, тема, безусловно, не исчерпана. Кроме того, и уже опубликованное зачастую недостаточно осмыслено и проанализировано в исторической литературе. Введение новых источников важно не в последнюю очередь из-за обилия мифов в отечественных публикациях о Венгрии 1956 г. Так, в литературе довольно широко растиражирован миф о том, что Я. Кадар был чуть ли не протеже тогдашнего советского посла Ю.В. Андропова. Этому мифу отдал дань даже такой авторитетный эксперт-международник, как академик Г.А. Арбатов, в своих неоднократно выходивших в разных изданиях мемуарах. При написании мемуаров академик явно не читал опубликованные в вышеупомянутом сборнике 1998 г. донесения Андропова в МИД СССР и ЦК КПСС, в которых он в апреле 1956 г.

призывал Москву не допустить предполагаемого восстановления Кадара в составе ЦК Венгерской партии трудящихся, поскольку это стало бы серьезной уступкой «правым и демагогическим элементам». Призывы посла настолько серьезно были тогда восприняты в Кремле, что в Будапешт для изучения обстановки на месте был командирован член Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов, который, в отличие от Андропова, не увидел в политической активизации Кадара какой-либо угрозы интересам СССР. Хотя позже между Кадаром и Андроповым установились нормальные деловые и достаточно ровные отношения, сохранявшиеся и в последующие десятилетия, когда Андропов поднимался на новые и новые ступени по советской номенклатурной лестнице, называть Кадара хоть в малейшей мере «андроповской креатурой» было бы в корне неверно. Мемуары В. Байкова ценны среди прочего именно тем, что в более реальном свете показывают непростые взаимоотношения Кадара с советским послом в первые месяцы консолидации нового режима.

Или вот другой характерный миф, также опровергаемый этой книгой. В последние годы в отечественной публицистике (а иногда и в публикациях, претендующих на научность) стало модным трактовать венгерские события осени 1956 г. как первую «цветную» или «оранжевую» революцию, организованную вследствие прямого западного вмешательства. Показателен, в частности, сборник документов «Венгерские события 1956 г. глазами КГБ и МВД СССР» (М., 2009), вступительная

статья к нему так и называется: «Инспирированная революция». Однако вопреки всему пафосу вступительной статьи, опубликованные в книге документы вовсе не свидетельствуют о том, что восстание 23 октября было инициировано извне, они говорят скорее о другом, о том, что основная масса населения Венгрии негативно относилась как к существующей власти, так и к присутствию на территории страны советских войск. Давно и в разных изданиях опубликованные уже упомянутые записи заседаний Президиума ЦК за конец октября – начало ноября 1956 г. сторонниками теории «оранжевой революции», как правило, игнорируются. А между тем возникает резонный вопрос: если события 23 октября были инициированы извне, почему об этом не говорилось на заседаниях советского партийного руководства как об основной причине венгерского восстания. Как видно из записей, советские лидеры, напротив, придавали решающее значение внутренним факторам в возникновении венгерского кризиса. Они говорили также и о том, что вопреки всей своей риторике западные державы, очевидно, воздержатся от активного вмешательства в венгерские дела, тем более в условиях острого Суэцкого кризиса. Хрущев не только реалистически оценивал международную обстановку, но и стремился во что бы то ни стало избежать масштабного конфликта. Показательны в этом плане произнесенные им на одном из заседаний слова: «Большой войны не будет».

Мемуары В. Байкова, показывающие «будапештскую осень» изнутри,

ценны тем, что раскрывают ту гигантскую пропасть между народом и коммунистическими властями, которая существовала в Венгрии в ноябре 1956 г., после свержения советскими войсками правительства Имре Надя. Власти совершенно не контролировали ситуацию даже в столице. Дело доходило до того, что формальный глава нового правительства Я. Кадар не мог выйти на улицу из своей резиденции в здании парламента без сопровождения советского переводчика. Все это наилучшим образом свидетельствует как раз о решающей роли внутренних, а не внешних факторов, вызвавших венгерское восстание. В последнее время все чаще приходится читать о том, что силовые действия СССР в Венгрии могут быть оправданы тем, что Советскому Союзу приходилось защищать свои геополитические интересы. Если задаться целью отстоять эту точку зрения, к тем аргументам, что обычно приводятся, можно было бы добавить и другие, например, сослаться на генерала Ш. де Голля (в 1956 г. не обремененного каким-либо официальным постом и ждавшего своего часа для возвращения на французский политический Олимп). В месяцы «будапештской осени» в одном из интервью он указал, что Советский Союз преследовал в Венгрии в определенном смысле оборонительные цели, поскольку стремился удержать под своим контролем страну, доставшуюся ему в качестве сателлита по договоренности с Западом по итогам Второй мировой войны, а отнюдь не распространить свое влияние на новые страны. Это, конечно, правда, однако надо иметь при этом в виду, что

та политическая и экономическая система, которая была установлена в Венгрии к концу 1940-х гг. при непосредственной советской помощи, была настолько непривлекательна для основной массы граждан этой страны, что рухнула в считанные дни, и для ее восстановления понадобился ввод огромной армии. Венгерские события наглядно показали решающую роль именно силового фактора в удержании под контролем СССР государств, оказавшихся в советской сфере геополитического влияния. Возникает резонный вопрос: отстаиваем ли мы в реальности свои державные геостратегические интересы проведением политики, которая возбуждает почти всеобщую неприязнь в стране, где нам приходится эти интересы отстаивать? Вопрос, сохраняющий и сегодня некоторую актуальность, а потому сохраняют определенную актуальность и уроки венгерского восстания.

Чрезвычайный и полномочный посол **В. Н. Казимиров**, председатель Совета ветеранов МИД России, заслуженный работник дипломатической службы РФ, единственный ныне здравствующий сотрудник советского посольства, работавший в октябре-ноябре 1956 г. в Будапеште под началом Ю. В. Андропова, он поделился воспоминаниями о тех временах, когда они с Байковым были соседями по площадке третьего этажа будапештского дома, где жили сотрудники советского посольства. Хотя Байков номинально числился советником посольства, он выполнял особую функцию, будучи не только переводчиком Кадара, но в известном смысле и его

связным. Поскольку его служба долгое время проходила вне стен посольства, его и воспринимали зачастую не как штатного сотрудника дипмиссии. В нелегкие ноябрьские дни в кругу дипломатов была даже пущена не слишком удачная шутка о том, что Кадар из-за ненадежности обстановки в городе и стране должен будто бы переехать в жилое здание при посольстве — в квартиру Байкова, который, в свою очередь, переедет в квартиру Казимилова на том же этаже, жильцам которой придется подыскивать себе другое пристанище. Конечно, такие слухи быстро развеялись.

Знакомство с Венгрией началось для В. Казимилова летом 1953 г., когда он, молодой выпускник Института международных отношений, предпринял попытку поступить в аспирантуру академического Института истории по только что открывшейся венгерской специализации. Конечно, пришлось всерьез засесть за литературу по венгерской истории. Правда, единственное место в аспирантуре было отдано (как все, впрочем, ожидали) не юному комсомольцу, а более опытному члену партии, к тому же уроженцу Закарпатья, знавшему венгерский язык как родной — речь идет об Андрее Пушкаше, впоследствии известном историке-унгаристе. Но освоение литературы по Венгрии помогло через считанные месяцы, когда молодой сотрудник МИД В. Казимиров был направлен во второй по величине город страны Дебрецен секретарем консульства, а буквально через несколько дней переведен в качестве стажера в посольство СССР, в Будапешт, где и протекала

вся его дальнейшая деятельность. Шел 1954 г. В Венгрии уже работал Ю.В. Андропов, но пока еще в качестве советника посольства, а не посла, послом же был Е.Д. Киселев, которого Ю.В. Андропов вскоре сменит. Пребывание в посольстве на младших ролях не давало доступа к секретной переписке, и В.Н. Казимиров не мог обладать всей полнотой информации о советско-венгерских контактах на высших уровнях. Тем интереснее ему показались мемуары Байкова, раскрывающие некоторые доселе неизвестные аспекты этих взаимосвязей. Воспроизводя реакцию Хрущева, Кадара, других деятелей на происходившее в Венгрии в 1956–1957 гг. (особенно в первые месяцы консолидации нового режима), мемуарист, по признанию В.Н. Казимилова, отобразил те стороны сложной реальности, которые не до конца были известны рядовым сотрудникам посольства.

Конечно, за 60 лет много подзабылось, но памятливы курьезы. «Вот кабинет Андропова, — вспоминает В.Н. Казимиров. — Нас в нем семь человек. В глубине кабинета, за простенком, стоит стол посла. За столом сидит сам посол и три человека вокруг маленького столика, примыкающего к основному. У окна на диванчике сидят генерал-лейтенант Бельченко — один из замов председателя КГБ И.А. Серова — и Афанасьев — сотрудник нашего посольства. Я подхожу к Афанасьеву... И в этот момент влетает пуля! Счастье, что она не зацепила никого из нас, ударившись о заднюю стену. Все из нас, кто мог — упали на пол. У Афанасьева не получилось

ринуться на пол, т.к. в годы войны он потерял ногу и носил протез. Было ощущение, что по кабинету металось не менее трех пуль, а на самом деле просто рикошетом швыряло одну. Каким-то образом она оказалась возле меня. Пуля эта была зажигательная. Она успела попортить ковер, на который я упал, но я ее все-таки загасил».

Далее В. Н. Казимиров вспоминал:

— Как только опасность миновала, я дерзко и своекорыстно положил эту пулю к себе в карман. Ни Андропов, ни Бельченко не возразили. Пуля была у меня лет двадцать. Потом, уже в Москве, работавший с нами прежде Володя Крючков (позже он перешел с Андроповым в КГБ) звонит мне и говорит: «Слушай, у тебя же сохранилась та пуля?! Приближается день рождения Юрия Владимировича. Давай подарим! Это же не в твой кабинет она залетела, а в его!» И я допустил глупейшую ошибку — отдал ее для подарка Андропову. А ведь какой был бы уникальный шикарный экспонат для нашего музея МИД! Все-таки не каждый день попадают пули в кабинет наших посланников за рубежом! Такой вот курьез...

— Кстати, Юрий Владимирович был очень внимателен к тому, чтобы не дать никаких предлогов венграм, де-факто оказавшимся у власти, для обострения ситуации. Я имею в виду еще правительство Имре Надя, сформированное в конце октября. Позже, к началу ноября, на первый план выдвинулся в качестве главного силовика Бела Кирай, генерал еще хортистской выучки,

хотя успевший послужить и после войны при новом режиме вплоть до ареста в начале 1950-х. Во время встречи с Кираем Андропов очень остро ставил вопросы обеспечения безопасности посольства и других советских учреждений в Будапеште. Бела Кирай всячески обещал этому способствовать. Я переводил разговор, хотя отличным знанием венгерского не мог похвастаться, но к тому времени уже что-то знал... В чем заключались по сути действия Бела Кирая? У нас прошла эвакуация семей: женщины и дети были вывезены 29 октября. В тылу посольства, в этом же квартале, во дворе был полупустой жилой дом. И по указанию Кирая там разместили то ли взвод, то ли чуть ли не роту, под предлогом охраны посольства. Но это было такое подразделение, которое могло без особого труда взять штурмом и посольство. Так что угадать, что доминировало в планах Кирая — заботы об охране посольства или же подготовка в случае чего к его захвату — было сложно. Помню, как к нам в посольство в те дни приходили разные люди — если не в поисках убежища, то за советом и подсказкой. По настоянию Андропова мы их выслушивали, старались как-то помочь. Вспоминается встреча с Кароем Эрдеи — позже он был помощником Кадара и замом министра иностранных дел. Мы общались на улице у посольства — я не мог его пустить внутрь, и я посоветовал ему выехать на военный аэродром Текель близ Будапешта, остававшийся под контролем советских войск.

— Еще один по-своему тоже курьезный эпизод связан с Шандором

Ногради. Участник венгерской революции 1919 г., в 1956 г. он возглавлял отдел ЦК партии. Андропов дал команду всем более-менее владевшим венгерским языком — а таковых нас было всего четверо — дежурить у телефона и отвечать на звонки в посольство. Звонки были самые разные: от людей, известных посольству как наши друзья, до представлявшихся — проверить это было невозможно! — советскими бойцами, перешедшими на сторону венгерских повстанцев. И вот позвонил Шандор Ногради. Я был дежурным у телефона. Он собирался прийти в посольство. Я намекнул ему, что лучше нам было бы встретиться в городе. Мы встретились в переулке в районе Национального театра. А перед этим я зашел к портному, обслуживавшему сотрудников нашего дипкорпуса. Я был уже атташе, но по нашей российской расхлябанности получить документ о том, что я уже располагаю дипломатической неприкосновенностью, совершенно забыл. У меня был в кармане стажерский мандат, не дававший такого права, и поэтому любой венгерский офицер или национальный гвардеец мог меня задержать. На случай задержания я решил ссылаться на визит к портному как на причину своего хождения по городу. Портной мне, собственно говоря, и не был нужен, но нужна была явка к нему на случай, если бы со мной вдруг что-то произошло. Андропову, кстати сказать, понравился этот мой трюк. Он похвалил меня: «Молодец! Прямо как у Станиславского!» При встрече Ногради назвал мне примерно семь-восемь фамилий видных партийных деятелей, порывающих

с Имре Надем. Это был вечер 2 ноября. Среди названных фамилий были Иштван Доби, Дердь Марошан, Шандор Ронаи, Карой Киш и другие, люди все видные. Ногради сказал, что они просят помощи в том, чтобы выбраться из Будапешта, т.к. боятся покушений, опасаясь за свою жизнь. Я «выписал ему тот же самый рецепт», предложив выехать в аэропорт Текель. Но поскольку я при своей низкой должности был не вправе решать такие вопросы, мы с Ногради условились, что я обо всем доложу послу, который сам примет решение. Тем более что речь шла о большой группе лиц. Моей грубейшей ошибкой было то, что я уже договорился с Ногради о времени и месте, где будет очень медленно ехать автомобиль, чтобы забрать всю эту группу. Это мое решение было самовольным. И одобрит ли его посол, я не знал... Итак, я вернулся в посольство. И, видимо, в порыве некоторой юношеской запальчивости — хотя мне уже было 27 лет — я сказал: «Давайте я сам доведу до конца эту операцию, чтобы они благополучно добрались до Текеля». Андропов жестко одернул меня: «Умейте вовремя отключиться от дела. Помните, что посольство ни в чем этом не должно участвовать». Я не знаю, кому он намекнул — то ли военному атташе, то ли нашим спецслужбам, но операцию выполнили так, как и было задумано. Ногради должен был мне перезвонить насчет автомобиля, чтобы узнать о решении посла. С ним разговаривал по телефону сам Андропов, видимо, дав добро, но мне никто об этом ничего не сообщил, к этому делу меня больше не подключали. Я все же понял, что

люди действуют по первоначальной схеме и группа из 7–8 человек оказалась в расположении советских войск. Мне потом рассказал об этом корреспондент «Правды» Михаил Семенович Одинец, по случайному совпадению выезжавший в Текель тем же грузовиком. По рассказу Одиноца, снаружи лежали товары военторга: матрацы, подушки, одеяла. А внутри грузовика – пустое пространство и узкая щель, чтобы была возможность пролезть туда. Одинец рассказал, что у грузовика была такая маленькая лесенка с двумя приваренными ступеньками, для того чтобы людям было легче забраться – все они были уже в возрасте. И вот, 3 ноября они были уже в Текеле, потом в Мукачево. В то время на советской территории уже формировалось новое венгерское правительство, возглавляемое Кадаром. Об этом они узнали по радио. Как и о том, что некоторых из них назначили министрами... Об этом тоже упоминает в своих мемуарах В. С. Байков. Моя же ошибка заключалась в том, что я назначил место для встречи этих людей совершенно невпопад, не продумав до конца все детали. Я не учел, что буквально в двух кварталах от этого места было здание Министерства обороны. Правда, меня многие наши ребята потом успокаивали: «Так это наоборот хорошо, что ты именно там назначил место встречи!» Действительно, это здание в то время никто не контролировал, да и кто мог предположить, что в такой близости от него окажется целое ядро будущих руководителей Венгрии.

Другой свидетель тех исторических событий наблюдал за ними с иной

стороны. Известный ученый (экономист, политолог и историк) и общественный деятель **В. Л. Шейнис** (ИМЭМО РАН) рассказал о том, как воспринимала советская студенческая молодежь события, происходившие в Будапеште в октябре-ноябре 1956 г.

– Я окончил университет в 1953 г. и был тогда продуктом советского университетского образования. Образование, которое мы получили на историческом факультете Ленинградского университета, оставляло желать много лучшего. По сути, реальное знакомство с современной историей началось после окончания университета. 1953 г. был очень заметным годом. Это был год смерти Сталина и появления очень осторожных, переосмысливавших сталинский период нашей истории официальных документов. Именно тогда возникло то, что потом в Польше получило название неформальных колледжей: группа друзей, окончивших главным образом гуманитарные факультеты Ленинградского университета, решила заняться изучением действительной истории нашей партии. Так началась работа. Первое наше обсуждение, своего рода семинар, было посвящено Брестскому миру 1918 г. На основе изданий, стоявших в открытом доступе в научном зале Ленинградской публичной библиотеки, мы увидели, что то, что нам излагали в университетских курсах, происходило не совсем так, а вернее совсем не так.

– Потом пришел 56 год, XX съезд... XX съезд в современных курсах советской истории представлен как

событие, содержание и значение которого искажено. И все же важным было то, что с высокой трибуны впервые было сказано, кто и почему получали в то время — как тогда говорили — «срока». Конечно, доклад Хрущева о культе личности был половинчатым документом. Позже мне неоднократно приходилось рассказывать о нем в разных аудиториях. Но именно в те годы мы начали осознавать, что действительно происходило на наших глазах в Советском Союзе и в соседних странах. Это было прояснением — очищением сознания от мифологии.

— А через несколько месяцев происходившее сначала в Польше, а затем и в Венгрии действительно привлекло внимание тогдашнего советского студенчества. Я не могу сказать о настроениях большого круга молодежи. Время было очень сложное, а информация о том, что происходило рядом с нами — ограниченной. Но становилось известно о горячих дискуссиях по актуальным событиям в студенческих аудиториях, о жестких подавлениях стихийно возникавших протестов, о возобновлении арестов и первых политических процессах. Навстречу тому большому потоку реабилитированных, который шел с Востока, тоненькие ручейки политзаключенных, осужденных советскими судами все по той же знаменитой 58-й статье УК, потекли в противоположном направлении. И для просвещения политизированной молодежи события в Польше и Венгрии имели, пожалуй, большее значение, чем XX съезд и доклад Хрущева о культе личности. Для нашего

«колледжа» они стали сигналом: изучение истории придется отложить до более спокойных времен — сейчас надо заняться современностью. А раз так, то и результат нашей работы получит не только академическое назначение. Людей должно волновать то, что вторгается в сегодняшнюю жизнь.

— В Ленинграде, как теперь стало известно, спонтанно стали возникать группы молодых людей, намеревавшихся создать документы, описывающие то, что на самом деле происходило в Венгрии... Вскоре наш путь пересекся с человеком, которому довелось войти в жизнь нашего круга друзей. Он стал сначала нашим знакомым, потом товарищем, потом возникли сложные, неоднозначные отношения. Началось с того, что на филфак Ленинградского университета, когда там проводился диспут по только что появившемуся в «Новом мире» и оказавшемуся на гребне общественного внимания роману В. Дудинцева «Не хлебом единым», пришел молодой математик Револьт Пименов. Это был очень незаурядный человек. Своими математическими работами он вскоре привлек внимание выдающихся специалистов мирового класса. И во Владимирской тюрьме, куда власти станут помещать арестантов особого ранга, он, получив «десятку», станет заметной фигурой. А до того окажется в центре сети, которую целеустремленно создавал для «дела»: от создания теоретических текстов до распространения листовок. Этого мы тогда еще не знали, как не знали о его исторических работах, но людей привлекло его смелое, резкое, на грани дозволен-

ного выступление. Зал рукоплескал Пименову, говорившему о том, как в романе Дудинцева предстала советская жизнь и что с этим надо делать. Он вступил в спор с ректором университета и выиграл поединок (речь шла о непризнанном, но всем известном антисемитизме в СССР). Естественно, возникло знакомство, начались встречи. Сейчас надо признать: мы находились на разных ступенях понимания вещей, между нами возникли разногласия. В том числе по самой горячей в то время теме – венгерским событиям. И после одного жаркого спора было принято решение: в ответ на небольшие тезисы – страниц 10–12 – о венгерских событиях, которые написал Револьт, я опишу свое понимание происходившего. Я написал довольно большой текст, примерно в два с половиной печатных листа...

– Лет 20 тому назад, после большого перерыва мне удалось получить доступ к этому тексту. Дело в том, что тогда, когда он был написан, одними из первых его читателей и хранителей по не зависевшим от меня причинам оказались работники ленинградского КГБ. Оттуда я его получил уже будучи депутатом российского парламента. Пименов был арестован и по совокупности предъявленных обвинений «справедливым советским судом» был приговорен к длительному заключению. Со мною обошлись относительно мягко: я был изгнан из аспирантуры и получил «запрет на профессию» (за что наша печать клеймила ФРГ и другие западные страны). Научная карьера прервалась, и я пошел на ленинградский Кировский завод

(Путиловский завод) овладевать профессией расточника, где проработал 6 лет. С Револьтом мы встретились в 1990 г., когда мы были избраны на Съезд народных депутатов РСФСР и успели поработать несколько месяцев в Конституционной комиссии. К сожалению, он умер, побыв депутатом всего несколько месяцев (онкология).

– К своему тексту, который получил название «Правда о Венгрии», я вернулся, следовательно, через много лет. Мне доводилось после того говорить о нем в различных аудиториях, и меня часто спрашивали, не собираюсь ли я издавать этот текст. Я всегда отвечаю: нет, не собираюсь. В частности, потому что тогда в наших спорах Пименов был ближе к истине, чем я. Но суть расхождений заслуживает быть упомянутой, ибо в них проявились разные стадии осмысления сути и внутренних противоречий советского режима. Мы оба резко критически относились к советской интервенции в Венгрии. Критически относились и к той роли, которую сыграл тогда Хрущев. И это тоже было справедливо, хотя мы не проводили разграничения между членами высшего советского руководства и в целом оценивали роль Хрущева в то время хуже, чем он того заслуживал. Сказалась ограниченность информации, которая тогда для нас была закрыта. Но в отличие от Пименова у меня тогда еще сохранялись некоторые иллюзии касательно коммунизма первых лет советской власти. Ленин, писал я, так бы не поступил... (Еще как бы поступил и поступал!) Я верил тогда в возможность возрождения «коммунизма с человеческим

лицом». То есть некий идеальный, никогда и нигде не существовавший коммунизм противопоставлялся реальному, задушившему венгерскую революцию. Справедливости ради надо сказать, что подобные заблуждения в то время (да и позже) разделяло немало достойных людей в СССР и за рубежом. Для многих моментом истины стала (а для кого-то не стала) «пражская весна» 12 лет спустя. Недостаток информации у молодой советской интеллигенции был лишь одной из причин такой аберрации зрения. Что касается Венгрии, я читал все, что было доступно тогда. В 1956 г. это была иностранная пресса. В частности, можно было в газетном киоске на углу Невского и улицы, которая тогда носила имя художника Бродского, купить, кроме газет стран народной демократии, еще и коммунистическую прессу: «L'Humanité», «L'Unità» и др. Сегодня ясно, что этого было недостаточно. Шесть лет жизни и работы на заводе тоже стали для меня своеобразной школой просвещения...

Как отмечалось в ходе дальнейшей дискуссии, 4 ноября, в тот самый день, когда в Будапешт вошли советские войска и свергли правительство Имре Надя, среди вопросов, обсуждавшихся на заседании Президиума ЦК, наряду с выработкой программы действий в условиях Венгерского и Суэцкого кризисов, в повестке дня стоял вопрос «об очищении вузов от нездоровых элементов». Что весьма показательно! Видимо, на самом верху уже было достаточно информации о «неправильных» настроениях, раз даже в такое сложное время уделялось

внимание обсуждению этого вопроса на Президиуме ЦК. А 19 декабря было принято известное письмо ЦК КПСС в парторганизации «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Т.е. настроения, о которых идет речь, были восприняты достаточно серьезно. Советские лидеры боялись повторения в СССР венгерских событий и приняли соответствующие превентивные меры.

Л.Я. Гибианский, известный специалист по истории международных отношений в новейшее время, сослался на выступление В.Л. Шейниса, рассказавшего о том, что было в Ленинграде и как он попал в тот водоворот, волны от которого расходились очень долго. Все последовавшее за смертью Сталина, а особенно XX съезд и произошедшее в 1956 г. в Венгрии, во многом привело к возникновению ряда такого рода явлений среди некоторой части интеллигенции, в том числе научной молодежи, студенчества. В частности, к появлению в университете в Москве, с центром на историческом факультете, группы Льва Краснопевцева, о которой теперь довольно хорошо известно. Она была выявлена и разгромлена госбезопасностью на рубеже лета – осени 1957 г. и на судебном процессе в начале 1958 г. 9 человек из ядра участников этой группы получили более чем серьезные лагерные сроки – от 6 до 10 лет. А у ряда других из числа более или менее причастных к группе либо в какой-то мере соприкасавшихся с ней возникли осложнения с работой, учебой.

— Вообще, когда мы говорим о настроениях тогдашнего советского общества, то все оно — как и российское общество теперь — было очень сильно фрагментировано. В одних его сегментах происходившее, в том числе и в Венгрии, воспринималось и трактовалось одним образом, а в других — прямо противоположным. За внешне единой исторической общностью, называвшейся *советский народ*, скрывалось очень разное. И 1956 г. был в этом отношении вехой, от которой пошло довольно многое. Характерно, что, например, протестные выступления 1953 г. в ГДР и их подавление тоже советской военной силой не получили такого отклика, как случившееся в Венгрии. Не получили даже в тех сегментах общества в тогдашнем СССР, которые были настроены если и не столь прямо и категорично антисоветски, то и отнюдь не в пользу политического режима, в то время существовавшего в нашей стране. И понятно почему. Просто потому, что немцы для нас — как для тогдашнего старшего поколения, так и для поколения детей военной поры — были психологически все еще врагами. И сочувствовать немцам ГДР в их выступлении 1953 г. мы никак не могли. Просто это не укладывалось в голове. Другое было ощущение. И очень любопытно с точки зрения массовой психологии и реальной истории, что хотя Венгрия тоже была нашим врагом во время войны, и венгерские солдаты сражались под Сталинградом, однако такого отношения к венграм не было. По крайней мере в той части общества, которая восприняла венгерские события, как свое. Кстати,

это очень любопытный психологический момент, что мы по сей день нередко пользуемся советским термином — *события 1956 г. в Венгрии*. Хотя, если называть это точно, речь на самом деле идет о венгерской революции и ее подавлении советскими войсками.

— То, что тогда произошло в Венгрии и, самое главное, что сделала там советская сторона, вызвало колоссальный перелом в сознании части московской интеллигенции и московского студенчества: случившееся воспринималось как полное перечеркивание тех надежд, которые возникли в связи с XX съездом КПСС, с началом осуждения преступлений сталинского правления. Такое перечеркивание серьезно повлияло и на явления, в той или иной мере подобные уже упомянутой группе Краснопевцева. Помню, как тогда, в конце 1956 г., в небольшом кругу моих наиболее близких друзей (в основном из школьных лет, ибо там были более глубокие, еще детские и подростковые связи) мы обсуждали вопрос о том, не создать ли нам подпольную революционную организацию. Можно себе представить, что бы было со мной и друзьями, если бы это произошло!

— Говоря о тогдашних настроениях, нужно учитывать, что в тот момент серьезное влияние оказывало получившее немалое распространение иллюзорное представление о как бы двух «сортах» социализма: одном — «подлинном», том, каким он должен быть в соответствии с «истинными», «благородными» коммунистическими идеалами, и другим — «искаженным», «плохим»,

«неправильном» социализме, с которым пришлось иметь дело в окружающей действительности. И отсюда возникала мысль о том, чтобы исправить плохой социализм, преобразовав его в хороший, «истинный».

— Этому нередко сопутствовала и другая иллюзия, которая, к слову сказать, вскоре даже определила на всю жизнь мои преобладающие профессиональные интересы: она касалась представления о том, чем была тогдашняя югославская «модель социализма» и в том числе какую реальную роль играла Югославия в связи с происходившим в Венгрии. Позже, начав этим заниматься как специалист-историк, я увидел, что, как и в нашей стране, в государствах Восточной Европы, находившихся под советским контролем, в тех сегментах их общества, которые не были настроены вообще полностью против социализма, существовало примерно то же представление о его двух «сортах» — существовавшем «искаженном», т. е. некоем лжесоциализме, и о «подлинном» социализме, к созданию которого надо стремиться. И опыт Югославии — абсолютно неправомерно — воспринимался как в той или иной мере движение к «подлинному» социализму. По одной простой причине — внутреннее развитие этой страны, происходившее после того, как в 1948–1949 гг. разразился конфликт Сталин — Тито, стало с начала 1950-х гг. противопоставляться югославским руководством, его пропагандой советскому устройству, советской идеологии и практике. Хотя в реальности то, что преподносилось как «югослав-

ская модель», к 1956 г. отличалось от советской модели скорее внешне, чем по существу: некоторыми формами политических и экономических структур режима, а особенно идеологическими словесными построениями, как раз специально призванными изобразить разницу между югославским устройством и советским. Действительная разница имела место лишь в том, что власти Югославии, предприняв в 1949–1952 гг. сплошную коллективизацию в деревне, в 1953 г. были вынуждены отказаться от нее ввиду ее экономического провала и опасных политических издержек. А уже потом, существенно позднее 1956 г., развитие «югославского социализма» постепенно стало, и не только в отношении деревни, но и в других сферах, причем не только на словах, но и на деле, несколько отличаться от советских реалий, однако ликвидации основ коммунистического режима в его классическом сталинском виде не произошло. Тем не менее в 1956 г. иллюзорное представление о Югославии как примере «другого» социализма, противостоявшего советскому, получило подчас значительное распространение среди общества в некоторых странах Восточной Европы и являлось существенным фактором влияния на общественные настроения. Тем более это положение усиливалось конфликтом Сталин — Тито, положением Югославии как страны вне советского блока, в который она не вернулась и после смерти Сталина, выступая тем самым примером независимой позиции по отношению к Кремлю. Те или иные из названных обстоятельств оказывали, в частности, свое воздействие

в Венгрии в 1956 г., подчас неодинаково на разных этапах тех событий.

— Когда мы говорим о тогдашних общественных столкновениях в Венгрии и, например, в Польше, а в более скрытом, приглушенном виде и в советском обществе, нужно понимать, что это не всегда было столкновением двух сторон. Некоторым современникам тех событий казалось, что происходит именно столкновение двух сторон: приверженцев коммунизма и антикоммунизма. А на самом деле было все гораздо сложнее. Была в обществе масса переходных тонов. Довольно значительная часть людей в социалистических странах размышляла о том, какой социализм нужно построить и как это делать. Но в разных странах это происходило по-разному: в Венгрии чем дальше, тем это была все меньшая часть общества, а, например, в Югославии, пожалуй, достаточно большая. Позже возникла формула «социализм с человеческим лицом». В 1956 г. такой формулы не было, речь в лучшем случае шла об «истинном», а не сталинском социализме...

— Никто из нас никогда не знает, что будет потом. Но мы способны знать, что было до сих пор. Никакого «подлинного» социализма до сих пор не существовало. Значит ли это, что он существовать не может? Мне кажется, что не может. Но мнение одного человека ровным счетом ничего не значит. С какими неожиданностями нередко сопряжен исторический процесс, мы все можем видеть, к примеру, по итогам только что закончившихся выборов в США. История способна

преподнести такие вещи, которые до этого и в голову не могли прийти... Я занимаюсь международными отношениями в Восточной Европе и политикой, проводившейся там Советским Союзом. Венгрия 1956 г. — это начало конца так называемого «реального социализма» и «социалистического лагеря». Венгерская революция преподнесла вещь, по тогдашним представлениям совершенно невероятную — режим рухнул, и его некому было защищать не только в Будапеште, но и по всей стране. Не вмешайся советские войска, в течение двух-трех дней наступил бы конец коммунистическому правлению. Потому что к тому времени режим уже ни на что не опирался: переставал действовать страх, не говоря уж о крахе идеологической демагогии. Это оказало огромное влияние почти на все тогдашние социалистические страны Восточной Европы, на их общества. Где больше, а где меньше, где непосредственно, а где в более отдаленной перспективе. Но в конечном счете это так или иначе сказалось везде.

— Другой характерной чертой венгерской революции стало ее влияние на явление, названное международным коммунистическим движением, на коммунистов в странах вне советского блока, и прежде всего на западные компартии, включая такие крупные, как французская и итальянская. Тамошние коммунисты в своей массе вообще не знали, какой у нас «реальный социализм». Они преимущественно представляли его себе сквозь призму мифа о почти или вовсе идеальном «мире социализма». А история 1953 г.

с ГДР прошла во многом мимо них по той же психологической причине, о которой уже шла речь, — там были немцы, а прошло всего десятилетие после Второй мировой войны. Иным оказалось положение в 1956 г. и особенно в связи с венгерской революцией и ее подавлением советской военной силой. В тогдашней нашей прессе и пропаганде истинное развитие событий в Венгрии не показывалось и искажалось. В мировой же прессе информации с места событий было куда больше, и она являлась более разнообразной, а в значительной мере и более адекватной. И она произвела подлинный шок, в том числе стала таковой для довольно большой части коммунистов вне советского блока, в ряде западных компартий. Перед ними встал вопрос: что же это за социалистический строй, который за несколько дней обвално рушится?! Поэтому просто переставал действовать тезис о том, что это враждебные силы, что это влияние мирового империализма, постоянно пытающегося подорвать социалистическую систему. Потому что раз может быть такой обвал, то что же это за социализм, который в обществе некому защищать?

— В этом отношении очень интересна книга, выходу которой посвящено наше сегодняшнее заседание. К сожалению, это не дневник. Как историк, я всегда очень подозрительно отношусь к мемуарам. Почему? В первую очередь потому, что участник событий хочет показать это по-своему или не все верно помнит. Дело еще и в том, что люди пишут мемуары спустя какое-то время. И читатель не может знать, как

реально автор смотрел на события тогда, а что идет от его более позднего восприятия, когда у него уже есть иной исторический опыт, когда он смотрит на происходившее задним числом. Это могут быть два разных взгляда! Мне показалось, что автор этих мемуаров как раз пытается соединить два разных взгляда: свое знание, которым он обладал уже в посткоммунистическое время, после общего краха «реального социализма», и свое знание той поры, когда он был непосредственным свидетелем и даже в определенной мере участником происходившего в 1956 г. в Венгрии. Иметь дело с дневником историку гораздо легче. И с точки зрения большей фактологической надежности источника, и с точки зрения того, что в дневнике нет налета последующей истории. Есть только то, что было написано сразу в чистом виде. Но на нет и суда нет. Слава богу, что при отсутствии дневника есть по крайней мере мемуары. Я сам теперь нахожусь уже в том же самом возрасте, в котором, как я понимаю, находился автор, когда писал эти мемуары. С одной стороны, кажется, что все помнишь, с другой — оно вдруг предстает в твоей памяти не так, как было. Но с этим ничего не поделаешь. Это природа человека — выше себя нельзя прыгнуть...

— В начале книги есть общие рассуждения, например, характеристика советского строя при Сталине. Все это уже давно известно, хотя нередко выясняется, что новые поколения наших людей ничего этого вообще не знают и живут новыми мифами. В данных мемуарах интересны конкретные вещи. Кни-

га, безусловно, займет свое место в корпусе источников, которые будут использоваться в исследованиях по поводу происходившего в Венгрии в 1956 г., а также и несколько позднее, при последующем «кадаризме». С позиций исследовательского интереса, при первом, беглом знакомстве с книгой обращает на себя внимание, в частности, то, что автор, с одной стороны, совершенно уничтожающе, аутентично изображает советскую политику в Венгрии, приведшую к революции 1956 г. (не говоря уж о тех, кто стоял во главе Венгрии до этих событий и довел проведение подобной политики до полной карикатуры!). И говорит о восставшем народе и борьбе советских войск с повстанцами. А с другой стороны, пишет о борьбе, по его выражению, с бандитами. Речь идет о разных людях? Или это проявление того, что автор при обращении к тем или иным событиям 1956 г. мог быть не совсем в ладах сам с собой: с собой прежним, участником тех событий, и с собой, писавшим эту книгу.

— В истории очень сложно задним числом оценивать действия тех или иных исторических личностей. Они действовали в свое время, ушли туда и никогда уже не вернутся. Мне было 20 лет в 1956 г., а в 1968 г. я был уже зрелый мужчина. В моем собственном тогдашнем, глубоко личном восприятии ведущие фигуры венгерской революции 1956 г., — герои, а люди, оказавшиеся во главе фактически развертывавшейся революции в Чехословакии в 1968 г., тоже прерванной путем советской военной интервенции, — почти нет. Потому что люди 1956 г. — Имре

Надь, Геза Лошонци, Пал Малетер и другие отдали свою жизнь за тот выбор, который они сделали. Фактически Надь добровольно пошел на казнь, ибо если бы он отказался от своей позиции, его судьба была бы иной... А чехословацкое реформаторское руководство, стоявшее во главе «Пражской весны» 1968 г., почти целиком (отказался лишь Франтишек Кригель) подписало задним числом соглашение, придававшее юридическую «законность» советской интервенции и «наведению порядка». И это мое сутобо субъективное восприятие, каким оно было, соответственно, в 1956 и затем в 1968 гг., не исчезло в моей чувственной памяти до сих пор. Хотя как историк я понимаю, что едва ли те люди «Пражской весны» были лично так уж хуже венгерских предшественников. На самом деле в 1968 г. во многом сыграл, конечно, роль как раз исторический опыт Венгрии 1956 г., здесь уже упомянутый. Чехословацкие реформаторы учитывали этот опыт и, помимо, не исключено, личного страха некоторых из них за свою судьбу, посчитали, что самое главное — уберечь страну от разрушения и массовых смертей. А там — как кто сможет. Кадар нечто как будто бы смог. Но какой ценой! Но судьба Имре Надя и его товарищей висела тяжким грузом у него на шее всю жизнь — до самого конца...

А.С. Степанов (ИРИ РАН и Русский фонд содействия образованию науке) говорил о том, что тема венгерских событий 1956 г. недостаточно изучена с точки зрения ее военных аспектов. Авторский колллектив Института военной истории

во главе с В.Н. Вартановым, а затем и В.А. Золотаревым на рубеже XX–XXI вв. подготовил 10-й том «Книги памяти», опубликованной в 1999 г., и исследование «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века», изданное тремя годами позднее с пофамильными списками погибших в Венгрии. Туда не попал один из четырнадцати Героев Советского Союза, награжденных посмертно за события в Венгрии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 г. — начальник связи авиаэскадрильи старший лейтенант В.Е. Ярцев! Его забыли, или о нем не знали. Так вот, если составители не включили в список одного из погибших героев, что говорить об остальных? Список явно неполный.

Упомянутые книги щедро финансировались. Том 10 «Книги памяти», посвященный «памяти советских граждан, принимавших участие в боевых действиях за пределами СССР после Второй мировой войны», был издан в 1998 г. в рамках Федеральной программы книгоиздания России. В аннотации к книге указано, что «Поименная Книга памяти издана в соответствии с Законом Российской Федерации от 14 января 1993 г. “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества”, Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 1004, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 августа 1995 г. № 1177-р». А коллективное исследование «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века», подготовленное Институтом военной истории Министерства обороны

РФ, было издано в 2002 г. в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». То есть туда вливались огромные деньги. Однако финансирование не влияет на качество, если нет желания делать что-то нормально. «Никого не хочу обидеть, — заметил А.С. Степанов, — но ведь нельзя сказать, что за этим делом сидели и этим занимались какие-то любители или энтузиасты вечерами в свободное от работы время при свете свечей. Это делали люди, считающиеся профессионалами».

— Меня, — продолжал А.С. Степанов, — потрясли вариации цифр советских потерь! Первый раз такие данные были приведены в 1993 г. в известном сборнике под редакцией Г.Ф. Кривошеева «Гриф секретности снят». Так вот, авторы исследования Института военной истории «Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века» (вышла в 2000 г. под ред. В.А. Золотарева, который проходит как академик РАЕН; авторский коллектив — В.А. Яременко в качестве руководителя, А.Н. Почтарев, А.В. Усиков) в разделе о Венгерском кризисе указывают на с. 147: «Советские потери составили: 720 человек убитыми, 1540 ранеными, 51 человек пропал без вести». При этом сноска № 233 дает отсылку на с. 516, где сообщается о работе «Гриф секретности снят». Но проблема заключается в том, что в этой самой работе таких цифр просто нет! В сборнике Кривошеева сообщается, что «в ходе подавления вооруженного выступления в Венгрии» (без указания какого-либо четкого хронологического ряда) со-

ветские войска понесли следующие безвозвратные потери: убито, умерло от ран — 669 человек; пропало без вести — 51 человек; всего же — 720 человек. Но, как видим, к цифре 720 человек эти люди умудрились повторно приписать число пропавших без вести, суммировать его еще один раз с общей суммой этих безвозвратно потерянных! Лишними оказались 51 человек! Можете себе представить?! И, вероятно, это не предел. Насколько нужно не любить тему и свою работу, чтобы так вольно манипулировать уже опубликованными цифрами?! Весьма трудно объяснить это чем-то иным, кроме как откровенной халтурой. Заметим, что в данном случае речь идет о важнейших фактах, подытоживающих степень напряженности боевых действий для советских войск во время венгерских событий. Напомню, что сам В.А. Золотарев с 1993 по 2001 г. был председателем ученого совета Института военной истории МО РФ, с 1993 по 2008 г. — председателем диссертационных советов по военной истории, всеобщей истории, истории России. Он член научного совета Российского военно-исторического общества. Но уровень профессионализма и авторского коллектива, и самого В.А. Золотарева оказался таковым, что не помог даже правильно переписать уже написанные и опубликованные до них цифры. И эту новую «статистику» потом перепечатывали в других изданиях. Пример: Независимое военное обозрение в 2006 г. №40(498). С. 5.

— Но поговорить хочется не только о том, что, кто и как у нас пишет и как распиливают бюджетные деньги, изымаемые в виде налогов из наших с вами карманов, а и о том, как

действовали наши войска в Венгрии. Тема, заслуживающая самостоятельных исторических исследований — вооруженные силы Венгрии, венгерская армия, принимавшая активное участие в тех событиях. Техника и вооружение, находившиеся в руках противоположной советским силам стороны, практически не рассмотрены и никак не изучены. Я поднимал различные источники. Венгрия была союзницей Германии, т.е. соучастницей войны против Советского Союза. Согласно Парижскому мирному договору 1947 г. Венгрия была ограничена — ей можно было иметь сухопутную армию общей численностью 65 тысяч человек и ВВС не более 5 тысяч человек. Но на договор этот советское руководство наплевало. И венгерская армия стала активно развиваться. Лимит менее чем за пять лет превысили втрое — до 211 тысяч в 1952 г. (в том числе — 33 тысячи офицеров)! Задача заключалась в том, чтобы иметь в строю 12 дивизий, а в случае мобилизации довести их число до 20. Даже к 1956 г. ее численность, которая снизилась до 140 тысяч человек, была вдвое выше этих лимитов. Для примера — Австрии до недавнего времени было запрещено иметь в своих самолетах реактивные снаряды, ракеты. Она их только недавно ввела. А в случае послевоенных договоров с Венгрией уже тогда никакие ограничения не действовали. К началу 1950-х гг. венгерская авиация стала одной из самых сильных в регионе. Это было связано, конечно, с предполагаемой войной против титовской Югославии. В разгар войны с Кореей в Венгрию с марта 1951 г. начались поставки из СССР реактивных машин — истребителей

МиГ, за которыми вскоре последовали поставки МиГ-15бис. Подключили к поставкам и Чехословакию. Этот процесс шел активно, продолжался вплоть до самой смерти вождя. В рамках реорганизации венгерской авиации в декабре 1952 г. началось формирование бомбардировочной дивизии в составе трех полков из бомбардировщиков Ту-2. Сформировали также и авиационную штурмовую дивизию, оснащенную штурмовиками Ил-10, которых венгры получили 159. Напомню, что мирный договор с Венгрией от 10 февраля 1947 г., подписанный в Париже, запрещал ей иметь более 70 боевых самолетов! Позднее, когда приоритеты внешней политики сменились, к 1956 г. все это уже представляло из себя металлолом, на который тоже махнули рукой. Но сам факт, как это все было!

— До сих пор существует легенда о том, что венгерские повстанцы обладали большим количеством западного оружия или оружием, которое они отняли у советских войск. На самом деле они были оснащены советской техникой, но венгерского производства. Венгрия после войны наладила лицензионное производство практически всех образцов стрелкового оружия, которые были у Красной Армии в конце Второй мировой войны. Причем качество изготовления этих образцов было выше, чем советское. Собственные венгерские образцы делать не позволяли. В соответствии с проводимой СССР линией в странах «народной демократии» надо было делать советское оружие. Венгры его выпустили. Среди захваченных образцов — согласно документальному сборнику 2009 г.

«Венгерские события 1956 года главами КГБ и МВД СССР» — самое массовое распространение получили автоматы ПППШ, винтовки Мосина, пистолеты ТТ. Определенный успех у повстанцев имели малокалиберные, так называемые «кадетские винтовки», часть из которых производилась с 1946 г. на Электроламповом заводе в Будапеште. Подобные винтовки широко использовались коммунистическими молодежными и спортивными союзами для военной подготовки населения к «неизбежной конфронтации с Западом», были довольно легко доступны и очень популярны как до, так и во время октябрьских-ноябрьских событий. Но это были уже собственные венгерские разработки, которые применялись при подготовке венгерской молодежи к новой войне против мирового империализма и, прежде всего, его «цепных псов», лидеров титовской Югославии. Молодежь Венгрии проходила с начала 1950-х гг. очень хорошую военную подготовку и потом в полной мере реализовала полученные навыки в вооруженной борьбе против собственной коммунистической власти и ее советских покровителей.

— Практически все, когда говорят о боях в Будапеште, вспоминают о танках и артиллерии. Но на самом деле определенное участие в событиях принимала и авиация. Как с венгерской стороны, так и прежде всего со стороны Советского Союза. Пускай она применялась ограниченно, однако все же есть сведения о готовности применить в случае дальнейшего обострения кризиса межконтинентальные бомбардировщики Ту-4, которые представляли из себя

нелицензионную копию знаменитых самолетов Б-29, в свое время сбрасывавших бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Были налеты реактивной авиации даже с венгерской стороны. Впрочем, советские войска быстро захватили аэродромы, поэтому такие случаи были совсем единичны. Все же легкомоторная авиация использовалась очень активно, в том числе в разведывательных целях. Кроме того, применялось новое для Советского Союза, но успешно использовавшееся США в ходе Второй мировой войны и войны в Корее оружие — вертолеты. Генерал-майор КГБ А. М. Гуськов вспоминал: «На вертолете совместно с командованием наших войск мы облетели район расположения вражеского лагеря и приняли решение разгромить этот лагерь минометным огнем, а с воздуха на вертолете координировать стрельбу. Подтянули оружие и ударили по самому центру этого сброда». Советские ВВС несли потери. Самая известная из них, когда под Чепелем был сбит реактивный двухмоторный бомбардировщик Ил-28Р. Его сбили зенитным огнем повстанцы. Погибли три человека, посмертно получившие звания Героев Советского Союза. Именно один из них — Ярцев — и не был упомянут в Книге памяти. Потери советских войск фиксируются вплоть до декабря, включая и случаи терактов. Наиболее массовые

потери имели место во время боев в Будапеште. Известно несколько десятков случаев пропавших без вести бойцов, и тела их не были найдены. Так, 4 января 1957 г. в своей докладной записке зам. начальника особого отдела КГБ по Особому корпусу советских войск в Венгрии подполковник Бессараб просил указания объявить всех перечисленных в ней военнослужащих (22 человека) в розыск по Южной группе войск и Прикарпатскому военному округу. Было непонятно — сгорели ли они в боевой технике или сбежали. Потери во время боев в Венгрии со стороны партийных активистов, кадровых военнослужащих, служащих венгерской госбезопасности были по сравнению с потерями мирного населения гораздо меньше. Мирное же население гибло в больших количествах. (По словам модератора, согласно официальным венгерским данным, за весь период вооруженных столкновений в Венгрии погибло 2,5 тысячи человек и около 19 тысяч было ранено.)

Подводя итоги плодотворной дискуссии, модератор отметил, что все прозвучавшее свидетельствует о неоднозначности и многомерности венгерских событий осени 1956 г. Историкам будущего еще придется спорить о них, вводя в научный оборот новые источники, в первую очередь архивные документы.

ROUND TABLE FOR THE 60TH ANNIVERSARY OF THE HUNGARIAN EVENTS OF 1956

Материалы круглого стола подготовил А. С. Стыкалин

Полный текст Материалов размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www.istorex.ru

«У МЕНЯ БЫЛА ОТНЯТА ПАМЯТЬ ОБО ВСЕЙ ПРЕДЫДУЩЕЙ ЖИЗНИ»

Интервью с И. А. Шляпниковой по случаю выхода книги: *Шляпникова И. А. Александр Шляпников и его время. М.: Новый хронограф, 2016. 1054 с.*

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Когда Вашего отца арестовали, сколько Вам было лет?

И. Ш. 4,5 года.

С. Э. Вы что-то помните об отце?

И. Ш. Об отце помню только то, что он меня любил, ласкал. Чтó еще я могла о нем помнить? Об отце практически все я узнаю теперь из архивов, так как у меня была резко отнята память обо всей предыдущей жизни. Детдом, новая жизнь... А все прошлое ушло, видимо, это спасло меня от худшего. Правда, надо отметить, что многое в новой жизни мне доставалось легче, чем другим, а я знаю, что в таких случаях некоторые даже сходили с ума. Когда я об этом сказала одному священнику, тот ответил, что меня защищали ангелы-хранители.

© Историческая Экспертиза, 2017
Шляпникова Ирина Александровна — дочь наркома труда первого большевистского правительства А. Г. Шляпникова, автор мемуаров об отце (Москва)

С. Э. А мать сразу же арестовали?

И. Ш. Отца арестовали в ночь с первого на второе января 1935 года. Его тогда не было дома, он был на даче — на Николиной Горе. В это время, вернувшись из ссылки на Беломорско-Балтийский канал, он был без работы и трудился над рукописью «За хлебом и нефтью», которую мне потом вернули из архива ОГПУ-МГБ-КГБ-ФСБ, и я, немного отредактировав, потом дала ее в «Вопросы истории».

В марте его осудили, по делу Московского центра рабочей оппозиции, на 5 лет заключения в особом Верхнеуральском политизоляторе, но в декабре, смягчив приговор, направили в ссылку в Астрахань. В сентябре 1936 года дело Московского центра возобновили и отца вернули на окончательное следствие в Москву, где мы дважды имели с ним свидание. Если раньше нам говорили, что отец в командировке, то теперь — что он в больнице.

В начале сентября 1937 года, по окончании следствия, был вынесен приговор: высшая мера наказания (ВМН), который был приведен в исполнение 2 сентября.

Через пять дней — 7 сентября — арестовали мать. При этом находились дома старший брат Юра и я. Младший, Александр, был в тот момент на даче, с няней. Няня хотела даже официально оформить над ним опеку. Но брата у нее выманили и увезли, якобы к маме. Короче говоря, украли. В этом был замешан директор ТАСС — Бородин. Дача, видимо, приглянулась ему, и брата увезли для того, чтобы не было владельцев. Если няня взяла бы брата под опеку, то у дачи оставался бы какой-то хозяин.

С.Э. Специально выкрали ребенка, чтобы забрать дачу?

И.Ш. Вероятно, да, поскольку кооператив продал дачу Бородину.

С.Э. Когда мать арестовали, вас отдали сразу в детский дом?

И.Ш. Нас, старших, утром этого же дня привезли в Даниловский детский приемник, а через день-два туда привезли и совершенно растерявшегося пятилетнего младшего.

Арестовали маму ночью, и спавший в одной комнате с ней старший брат видел, как понятия воровали мелкие вещи. Отцу ведь, когда он работал в «Металлоимпорте», на память дарили сувениры: часы и разные мелочи.

С.Э. А где же была ваша квартира?

И.Ш. Это была кооперативная квартира, которая находилась по адресу Спасопесковский переулок, дом 3/1, квартира 53. Недавно мы установили на ней мемориальную доску.

С.Э. А кто жил в этом доме? Госчиновники?

И.Ш. Нет, в основном научные работники, врачи, инженеры. Они, как и наш отец, покупали эти квартиры на свои средства. Отец по тому времени тоже неплохо зарабатывал. Правда, партийным платили меньше, чем специалистам, поскольку у них был партмаксимум — 500 рублей. Кажется, мама зарабатывала больше его. Она — грамотная машинистка, выполняла и первичную редакторскую правку. Кроме того, отец получал гонорары за книги, на которые уходило все его свободное время. Издано было немало его книг. Последняя вышла в 1931 году. А квартиру он купил то ли в 1929 году, то ли немного раньше. Правда, первая квартира, в которой я родилась в 1930 году, была меньше той, в которой мы жили потом.

С.Э. А почему ему не дали квартиру в «Доме на набережной»?

И.Ш. Я не знаю. Скорее всего, он сам, как и многие старые большевики, не хотел. А может быть, и потому, что с 1921 года началось преследование «рабочей оппозиции».

С.Э. Он уже с тех пор был гонимым?

И.Ш. Да. Но дело не в этом, отец, как и многие, старался не быть на иждивении государства. Это было первое поколение большевиков,

которое старалось сохранить свободу взглядов. Сейчас же это поколение ругают, не разбирая, кто из них во что превратился со временем.

С.Э. Вас отправили в Даниловский детский приемник сразу же, как арестовали мать?

И.Ш. Да. А оттуда, через шесть дней, нас троих по путевкам НКВД г. Москвы отправили в три разных детдома. Нас считалось нужным обязательно разлучить. Это была обычная практика.

С.Э. А вы могли как-то переписываться? Вы знали, кто из вас где находится?

И.Ш. Первое время мы ничего не знали друг о друге, но мама, когда была еще в тюрьме в Томске, как-то узнала, где я. Наш директор – Дмитриев Иван Николаевич – помог найти братьев и нас связать. Мы с ребятами напрямую не переписывались, связь была налажена через нашего директора и маму.

С.Э. Она сидела в тюрьме?

И.Ш. Первые два года она находилась в Томской тюрьме, затем была в лагере, который располагался в районе станции Яя Томской железной дороги. Это был женский лагерь.

Она находилась там до 1945 года, работала на швейной фабрике, где шили для армии все, что могли. Было тяжело. Чтобы получить лишние 150 граммов хлеба, ей нужно было на 50 % перевыполнить норму. В результате полного истощения организма (пеллагра) ее «списали» как

инвалида 2-й группы и, по отбытии срока, задержали около года «на прикреплении», то есть в ссылке, недалеко от лагеря. Освободившись в 1946 году, мама смогла приехать поближе к нам – в небольшой город Бор, на другом берегу Волги, напротив города Горького, где старший брат в то время учился в университете.

С.Э. Она могла забрать вас из детского дома?

И.Ш. Нет. Куда она могла нас забрать, раз у нее самой не было ни работы, ни жилья? Она приехала поближе к старшему брату, который жил в университетском общежитии, сняла комнатку в городе Бор и устроилась на работу вахтером на химфаке университета.

С.Э. А где находились детские дома, куда вас троих направили из Москвы в 1937 году?

И.Ш. Старшего брата, как школьника, направили в детдом в Горьком. Я попала в дошкольный детский дом в селе Саваслейка (потом кто-то решил переименовать его в Севастлейку), Кулебакского района, в 20 километрах от Мурома. Это Горьковская область. Младшего брата направили в детский дом в Павлове на Оке. Это тоже Горьковская область.

Наш детдом располагался в бывшей усадьбе графов Уваровых, в двух деревянных домах, принадлежавших ранее обслуживающему имение персоналу. Помню, там еще был обычный деревенский заборчик, и когда мы были маленькими, ходили вдоль него внутри участка, всегда

ходили небольшой кучкой, поскольку всего боялись. Потом мы стали летом ходить в ближний лесок, а затем и вовсе могли свободно ходить по ближайшей сельской местности.

Поскольку наш детдом был дошкольным, через год всех восьмилеток должны были отправить в другой — школьный. Наш директор совсем не хотел отдавать своих замечательных «дошколят» в чужой, школьный, и сумел добиться перевода своего детского дома в разряд школьных. Но не успел вовремя, и часть талантливых ребят ему пришлось отдать в другой детдом. Со следующего года наш детдом стал школьным, и мы в нем остались.

С.Э. Рядом было село?

И.Ш. Село находилось приблизительно в полутора километрах.

С.Э. Эти детские дома были специально для детей репрессированных?

И.Ш. Вообще-то нет, но у нас много было таких детей, о чем мы тогда не знали. Наш директор был идеалистом, ему следовало бы поставить памятник. Он твердо придерживался правила «сын за отца не отвечает» и держал в тайне ото всех сведения о родителях воспитанников.

С.Э. В детдоме была своя школа?

И.Ш. Первые два класса мы учились в детдоме. К нам приходил учитель. Потом, в третьем и четвертом классах, мы стали ходить в сельскую школу. Ходить нам приходилось далеко, примерно два километра.

И зимой, и летом. В пятом классе мы уже ходили в новую школу, построенную посередине между селом и мызой, где находился детдом.

С.Э. Вы учились в одной школе вместе с сельскими детьми?

И.Ш. Да, с 3-го класса вместе с сельскими детьми. Между прочим, они нам завидовали, так как до войны мы были хорошо одеты. Помню, как-то, в классе третьем, однажды мы явились все в красных фетровых валенках, и посмотреть на нас собралась детвора всего села. Вообще, мы были много лучше обеспечены по сравнению с селянами. Кормили нас нормально, три раза в день, даже когда началась война. В войну нам меньше 400 граммов хлеба не давали. Наш директор заботился о нас и добывал для нас продукты со всего района. Когда поступала заграничная помощь, нам тоже доставалось немало.

С.Э. То есть он был действительно настоящий директор, педагог?

И.Ш. Был ли он педагогом по образованию — не знаю, но человеком был настоящим.

С.Э. А кем он был по происхождению? Из дворян?

И.Ш. Не знаю, кем он был по происхождению. Очевидно, из рабочих. Там, в 12 километрах от нас, в то время располагался крупный Кулебакский металлургический завод. И, между прочим, там было много рабочих из нашего села.

С.Э. Он был молодой?

И. Ш. Ему было меньше 30. Он был холостой и вскоре женился на воспитательнице. Кроме директора, молодыми были счетовод (помо ему, Григорий Пуговкин, который погиб на Халхин-Голе) и бухгалтер. Общались они с нами по-простому, мы играли вместе в лапту и т. п. Молодыми были еще и две воспитательницы. У нас было доверительное отношение друг к другу.

С. Э. А какой процент репрессированных детей был в вашем детдоме?

И. Ш. По-моему, репрессированных было большинство, но кроме директора никто об этом не знал. Были и осиротевшие дети из окрестных мест, о них все было известно. Мы, например, знали, что у Коли Веснина отец — милиционер, погиб при исполнении служебных обязанностей. От нас он ничем не отличался.

С. Э. А сколько всего было человек?

И. Ш. Доходило до 90 человек.

С. Э. А дети в детдоме, они что-то вспоминали про своих родителей?

И. Ш. Нет, в разговорах не вспоминали, у нас в этом отношении было какое-то молчаливое табу.

С. Э. Эта тема была полностью закрытой? Даже близкие люди не делились между собой?

И. Ш. Просто в этом не было потребности. Большинство детей ничего не знали о родителях, а директор, если и знал, то молчал.

Приведу пример: году в 1938-м к нам привезли группу детей из Кемеровской области, города Сталинск-Кузнецкий: Зою и Надю Чикишевых, Клаву Гузееву и Женю Кемпе. Там тогда расстреляли группу инженеров с заводов и рудников Кузбасса (в том числе и жен). Через несколько лет, при устройстве на работу, Жене Кемпе понадобилось заполнить анкету. Так как о родителях он ничего не знал, то сделали запрос нашему директору, хотя на тот момент он уже не был директором. Иван Николаевич ответил, что он знает, но не скажет. Вот такой у нас был директор. А в 1946 году, за год до того, как мне нужно было покинуть детдом, директора арестовали. Его, первого секретаря райкома и председателя лучшего колхоза арестовали по так называемой «бериевской разверстке». Так тогда было. Его все знали в районе, поскольку он был очень уважаемым человеком, к тому же честным, порядочным и общительным, и отбывал он срок в одной из ближайших колоний.

С. Э. А в чем его обвинили?

И. Ш. Мы этого не знали, но если «постараться» — то многое можно придумать. Например, наши ребята залезли к кому-то в огород, пошалили, похватили кое-чего. Если бы любовью крестьянин пожаловался, этого мальчишку отправили бы в детскую колонию. Чтобы этого не случилось, директор взял и показательную порку им устроил. Это ему, возможно, и вменили.

С. Э. И за это его арестовали?

И. Ш. Думаю, что нет. Возможно, сначала арестовали, а потом обвинение «нашли».

Мы протестовали. В то время за вучем, по совместительству баянистом и культработником, у нас был человек, прошедший войну, который вернулся, так как был ранен в ногу. Мы его очень любили. Он написал письмо в защиту директора, и большинство старших ребят его подписали. Я не знаю, куда это письмо отправляли... Когда одна из воспитательниц пыталась выяснить, кто организовал это письмо, мы — молчок! Никто никогда об этом не узнал. У нас ябедников терпеть не могли. Да их почти и не было.

С. Э. Вам повезло, у Вас был хороший директор.

И. Ш. Да. Действительно, повезло.

С. Э. А Ваши братья что рассказывали? Как они?

И. Ш. У старшего брата были две воспитательницы, которые при любых конфликтах выступали в его защиту — две Екатерины Ивановны — Дугина и Чорба. У первой в 1937 году расстреляли мужа, а с 1941-го два ее сына воевали. Ее предки были родом из соседней деревни, они тоже были Шляпниковы. О предках другой воспитательницы мне ничего не известно. Но знаю, если чуть что происходило, они за брата заступались. Мой брат был с характером, отличавшимся от моего. Он никогда ни во что не вмешивался, был отличником, интересовался наукой о природе и всем новым.

В детдоме и школе знали, что его отец — «враг народа», и однажды учительница городской школы принесла книжку З.И. Фазина «Крепость на Волге», о гражданской войне в Астрахани, где отец — председатель реввоенсовета фронта, якобы продался капиталистам или купцам за балычок и коньячок, или за что-то в этом роде... Там была фраза об отце, когда его отозвали в Москву: «Эта шляпа улетела». Она и послужила поводом к травле, прекратили которую обе Екатерины Ивановны.

С. Э. Скажите, а с ним учились уголовники?

И. Ш. Нет, там были обычные ребята. Для уголовников были колонии.

С. Э. А что Вы можете сказать о своем младшем брате?

И. Ш. Младший попал в дошкольный детдом. Ему достались воспитатели, преданные вождю. Мальчишке было пять лет, его только что вырвали из дома, он был в то время рассеянным, и если он на прогулке отставал от идущей группы детей, то воспитатели с издевочкой говорили: «Его, наверное, на машине возили». Это был элемент классовой ненависти. Они, мол, простой народ, а мы, так сказать, «новые буржуи». На самом деле отцу редко удавалось доставать машину. Он же не был из числа главных партийцев. Но, будучи из «вциковских» работников, он иногда мог брать машину, чтобы отвезти на дачу детей, так как автобусы в то время со станции Перхушково к нам не ходили.

Когда младший брат достиг школьного возраста, его вместе с другими перевели к нам, и мы через два года встретились. В отличие от моего, тогда у него был достаточно спокойный, неконфликтный характер. Я же никогда не оставляла обиду без ответа.

Позднее, когда настало мое время поступать в университет, нас обоих перевели в детдом в городе Горьком, в тот же, где раньше был старший. Я вскоре рассталась с детдомом, поступив в университет, и ушла в его общежитие. Брат же остался и учился в той же школе, что и старший. И та же учительница принесла книжку Фазина. Но если старший сносил это молча, то младший начал ребятам, которые пытались его дразнить, раздавать оплеухи. В детдоме предупредили маму, чтобы она его забрала, иначе его должны будут отправить в колонию, и ему пришлось перебраться в город Бор, к маме. Там он закончил школу.

С.Э. Из воспоминаний о репрессиях известно, что после ареста родителей ребенок в школе должен был публично отречься от них. У вас не было такого?

И.Ш. Не было. Мы ничего не знали о родителях друг друга. Но помню, что, когда к нам привезли группу из Кузбасса, наш директор мне тихонько сказал, что их родители расстреляны. Иногда он со мной чем-то делился. Об отце он с сочувствием сказал: «Большой был человек».

Многим ребятам, когда они покинули детдом, удалось что-либо узнать о родителях, кому-то удалось даже отыскать матерей...

С.Э. Цель отправки вас в детдом состояла в том, чтобы забрать квартиру? У вас, по большому счету, квартира была кооперативная, не государственная. У вас отобрали ее? У вас же есть какие-то родственники, чтобы они могли вас забрать?

И.Ш. Когда кого-то арестовывали, забирали, как правило, полностью все имущество и, чаще всего, без всякой описи. Иногда конфисковали только имущество самого арестованного. Нас ни у кого не могли оставить, так как родственники боялись взять нас: это грозило арестом и им. Мы же были как раз теми, кто был в «особом списке».

Внесу некоторую ясность: мы находились в «особом списке», включавшем детей «особо опасных врагов», и по мере взросления нам предназначалось быть репрессированными. Директора детдомов регулярно отчитывались о нашем пребывании там. Это была сталинская инициатива. Ему нужно было сломить волю определенных людей, для чего подвергнуть репрессиям их детей, а также просто для того, чтобы другим не повадно было быть непослушными... Из нас первым и был репрессирован Юра.

С.Э. Вы после детдома поступили в университет?

И.Ш. Да. Вообще-то детей «врагов народа» в вузы не допускали, но детдомовцев по закону были обязаны принять. Первым поступил в университет старший брат Юрий. Он был старше меня на четыре года.

В 1948 году, когда ему исполнилось 22 года, его арестовали. Маму на тот момент уже освободили, и она находилась в городе Бор. Это под Горьким, на другом берегу Волги.

С.Э. Ее освободили, а сына арестовали?

И.Ш. Сына арестовали позднее, через два года.

С.Э. По статье как сына врага народа?

И.Ш. Нет, он шел по статье 58-10, «антисоветская агитация». У него в комнате общежития и на кафедре в университете было по провокатору, которые докладывали о разговорах... Из следственного дела видно, что самое страшное его высказывание, что в Америке инженер получает гораздо больше, чем у нас.

Арестовали брата, когда он уже оканчивал университет: сдал госэкзамены и оставалось защитить диплом.

Чтобы узнать что-либо о брате, я поехала в Москву. В приемную Калинина. Мама дала мне адрес А.М. Коллонтай, и я с ней познакомилась. Как я понимаю теперь, она была напугана, боялась за судьбу сына, а мое сообщение об аресте брата должно было только усилить ее беспокойство.

С.Э. Вы приехали в Москву и встретились с Коллонтай? В то время она уже была на пенсии?

И.Ш. Она была на пенсии и вернулась в Москву. Была практически инвалидом.

С.Э. Вы к Коллонтай попали по знакомству?

И.Ш. К Коллонтай я попала через маму.

С.Э. Она знала ее прежде?

И.Ш. Александра Михайловна Коллонтай и мой отец около шести лет (1911–1916) были, как сейчас говорят, гражданскими мужем и женой. Когда Ленин громил на съезде «рабочую оппозицию», он сказал в виде шутки: «Коллонтай и Шляпников давно спелись», что вызвало веселый смех в зале, поскольку всем товарищам были известны их отношения.

С.Э. И что Коллонтай Вам сказала?

И.Ш. Что она могла мне, почти ребенку, толком сказать? Ничего. Мы просто поговорили... Я думаю, что она боялась и говорить.

С.Э. То есть она Вас выслушала и ничего Вам не сказала. Она была запугана?

И.Ш. Полагаю, что она в то время вообще была напугана, так как страшно боялась за судьбу сына. Но, кстати, ни сына, ни ее не тронули.

Потом я обратилась в приемную к Калинину.

С.Э. А в каком году это было?

И.Ш. Это было в 1948 году, когда арестовали брата.

С.Э. Калинин умер в 1946.

И. Ш. Видимо, в народе приемная Верховного Совета по-прежнему называлась Калининской, поэтому тогда так и говорили — к Калинин. Мне там объяснили, что никто ничего не может решить, что это не в их власти, рекомендовали обратиться в местные органы МГБ.

Старшему брату присудили десять лет спецлагеря и направили в «Минлаг» (Инта, Коми АССР), где основная работа была на угольной шахте. Правда, он плохо подходил для такой работы, был тощим, слабым от постоянного недоедания, так как на стипендию мало что мог себе позволить, а подрабатывать студенты не больно могли. Да и что он мог бы делать? Грузить что-то на пристани он не смог бы, не осилил бы. Ему просто физически не хватало для этого сил. Поэтому работать в шахте он просто не смог бы. Поскольку он был с образованием, хорошо разбирался в физике, его направили на обслуживание вентиляционных приборов. Не понимая, что происходит, в чем его вина, в первое время он постоянно писал прошения о пересмотре дела и получал только отказы. Решив, что все дело в его фамилии, он был готов поменять фамилию Шляпников на Вошинский — девичью фамилию матери, но безрезультатно. Новый поток обращений о пересмотре дела Юра возобновил с середины 1953 года, и до февраля 1955 года получал отказы.

В 1950 году забрали и маму, во второй раз. Предполагалось отправить ее в Нарым, но за отсутствием туда этапа привезли в Енисейск, более приличное место, на бессрочное поселение. Работала за городом

в одном из подсобных хозяйств, ухаживала за коровами, курами и кроликами. Потом была водовозом в находившейся в то время в Енисейске геологоразведочной экспедиции, возила с речки на лошади воду в бочке. Тогда речка была еще чистой, а колодцы непригодными. Ранее, когда меня еще не арестовали, мама прислала деньги на пишущую машинку, которую я успела ей послать. Так она могла подрабатывать.

С. Э. А Вас когда арестовали?

И. Ш. Меня арестовали в середине четвертого курса. Это было 7 февраля 1951 года.

С. Э. Вас арестовали прямо в университете?

И. Ш. Нет, не в университете. Это произошло во время каникул, когда я должна была лечь на операцию в больницу, поскольку страдала сильным косоглазием. И тут пришли за мной. Вначале они пришли к девчонкам в общежитие. Те им сказали, где я. Вот меня и забрали прямо из больницы...

С. Э. И Вас отвезли в НКВД?

И. Ш. В местное управление МГБ, в их «больничку», в одиночную «палату». Камера была в полуподвальном помещении, в ней была кровать и табуретка. Был ли стол, не помню. Я не ела целую неделю, не хотела. Потом ко мне подселили жену расстрелянного в 1938-м бывшего старого большевика-питерца Г.Е. Евдокимова — Ксению Васильевну, отбывшую ранее срок в лаге-

ре. Ей было за шестьдесят, она работала поварихой в детском саду в том же селе, где находился наш детдом. Арестовали ее повторно, как и многих, кто ранее был в заключении. Причем арестовывали повторно даже тех, кто оставался жить и работать при лагере.

Когда маму арестовали, младший брат остался один, ему тогда еще не было восемнадцати. Он оканчивал школу в городе Бор. Мама при аресте успела оставить ему немного денег и свои неоплаченные счета за работу. К тому же ему помогали родители одноклассников. Кажется, хозяйка квартиры ничего с него не брала, так как она очень за него переживала, думаю, что и подкармливала... Закончив школу, он хотел завербоваться куда-нибудь подальше, в частности, на Сахалин, но его не взяли — «по анкетным данным». Пришлось завербоваться на стройку, в Москву. Работал такелажником. Зимой на стройку прибыли уголовники, так они спасались от холодов. Жил с ними в общежитии, мирно. Поскольку он закончил десять классов, они ему предлагали: поступи на юридический, закончишь, устроишься, например, в Армавир, будешь работать прокурором. Мы тебе будем помогать, будем тебя снабжать. Но он им ответил: «Меня, наверное, раньше вас арестуют». Тогда он уже знал, что старшего брата арестовали, а насчет меня еще ничего не знал.

С.Э. Уже тогда происходило сращивание уголовного мира с государством.

И.Ш. По-видимому, да.

Арестовали младшего брата недели через три после меня. Во время следствия сидевшие с ним в камере «уголовнички» советовали, чтобы он подписывал все, что ему предложат, иначе только дольше продержат, но все равно посадят. Но брат был осторожен в своих ответах, и в результате следствия ему смогли только приписать, что мы с ним вели антисоветские беседы. Больше не смогли ничего придумать. Он же говорил мне потом: «Я категорически ничего не подписывал, что касалось тебя». Тем не менее в деле записано, что он вел со мной антисоветские разговоры.

С.Э. Оба ваших брата сидели до 1956 года?

И.Ш. Да. И братья, и мама освобождены в августе 1956 года.

С.Э. Вы сказали, что при Ленине было лучше, чем при Сталине. Вас за это осудили?

И.Ш. Следователь на одном из допросов предъявил мне обвинение в том, что я будто бы говорила, что раньше, при Ленине, было лучше, чем при Сталине. Я тогда по неосторожности буркнула: «Мама говорила». И следователь, очевидно, так и записал, что мы с мамой вели антисоветские беседы. Возможно, это и стало для следователя предлогом определить мне, как и братьям, статью 58-10 часть 1 и назначить 10 лет лагеря.

Отмечу интересный факт: когда я подписывала протоколы допросов, ни о каких таких разговорах

там не упоминалось, а при просмотре архивных материалов я обнаружила, что в протоколе есть эта запись и мои подписи были абсолютно одинаковыми во всех протоколах, хотя я расписывалась небрежно, как попало, и несколько утолщенными, как факсимиле...

Я не помню дословно, что мама говорила о Ленине, но что-то в этом духе. Поскольку она могла говорить со мной после 8-летнего пребывания в тюрьме и лагере, вряд ли она произносила вообще имя Сталина, но я не знаю, что Ленин делал бы, проживи он дольше. После первого инсульта в 1921 году он стал таким озлобленным, что постоянно писал «расстрелять»...

С.Э. До инсульта он тоже писал «расстрелять».

И.Ш. Действительно, он с 1917 года говорил и писал это слово буквально автоматически, видимо, не думая, но не было ни одного его приказа об этом.

С.Э. Как не думая? Он писал не только «учиться, учиться и еще раз учиться», но и «расстрелять, расстрелять и еще раз расстрелять».

И.Ш. Мне за 20 лет работы в архивах это не встречалось. Но может быть, мне это не давали?

С.Э. Это не в архивах, а в опубликованном собрании сочинений. Давайте сейчас про Ленина не будем. Вас обвинили в том, что Вы сказали, что при Ленине было лучше, а при Сталине хуже?

И.Ш. Я не жила при Ленине и не знаю, как тогда жили. Вообще-то, я была обычным советским человеком, выросшим на агитационных легендах. Когда старшего брата арестовали, я даже написала Сталину жалобу, считая, что брата арестовали по ложному обвинению. Глупость своего поступка я поняла, когда мне следователь задал вопрос: кому я писала? И ответила: не помню.

С.Э. Когда Вас арестовали, Вас допрашивали?

И.Ш. Без этого не обошлись.

С.Э. Вас избивали на допросах?

И.Ш. Нет. Более того, вначале следователь вызывал на допросы ночью. Я выразила недовольство. Сказала, что ночью хочу спать. И меня стали вызывать днем. Ему самому, видимо, было так удобнее. Во время так называемого «допроса» он на самом деле готовился к политзанятиям.

С.Э. То есть энтузиазма, который был в годы «Большого террора», у следователей уже не было?

И.Ш. Они знали, что они должны делать.

С.Э. Много раз Вас вызывали на допросы?

И.Ш. Если бы я помнила... Вызывали столько, сколько было положено.

С.Э. То есть это делалось формально?

И.Ш. Думаю, что формально. Он все равно знал, что он там в итоге

напишет. Помню, один раз ему в помощники дали сотрудника с голубыми погонами. Кажется, это был «эмгэбэшник». Он и стал придумывать какие-то глупости — то, чего я не говорила. Если это были мелочи, то я заявляла ему: записывайте, но я этого нигде никогда не говорила. Наверное, их не совсем устраивало то, что уже до этого было записано в протоколах допросов.

С. Э. Выходит, что они Вас особенно и не допрашивали.

И. Ш. Действительно, особенно не допрашивали. Я большую часть времени сидела в сторонке, пока следователь занимался своими делами. Но, подчеркну, что он знал, что ему следует писать, чтобы меня посадить. Потом, когда я смогла просмотреть дела братьев, мамы и свое, мне их по запросу присылали из Горького в Москву, я в этом могла убедиться.

С. Э. Вас осудили на десять лет. Куда Вас отправили?

И. Ш. Вначале было так: перед тем, как ознакомить меня с обвинительным актом, его подписал помощник областного прокурора: «согласен». Когда документы попали к самому прокурору города и области, ознакомившись с ними, он увидел, что ни одна девчонка ничего не сказала на допросе против меня. Одна из них даже пробовала меня защищать, за что ее потом из университета исключили, воспользовавшись тем, что ее мать, будучи простой буфетчицей, допустила растрату. О какой растрате могла идти речь, не знаю, но эту девочку исключили из университета.

В общем, прокурор города Горького и области мне поменял статью на одну — очень изумительную. Она мне страшно нравится. Это статья 7-35, которая состоит из двух частей и предусматривает заключение на 5 лет или ссылку на 10 лет. Часть А — для тех, кто сожительствоует с иностранцами. Касающаяся меня часть Б — за связь с врагами народа. За какую же связь в моем случае? Определенно, только за кровную, так как, когда отца арестовали, мне было всего лишь 4,5 года и ни о чем я с ним не могла даже говорить. Однако в лагерь по этой статье прокурор меня не направил и назначил пять лет ссылки. Но Особое Совецание при МГБ СССР увеличило срок до десяти лет, то есть отправили меня в ссылку, но на максимальный срок.

С. Э. А когда Вас отправили?

И. Ш. Из Горького нас отправили в мае, с остановкой в Кировской пересыльной тюрьме для формирования этапа. В это время мама была в Енисейске и писала мне, что там плохо и трудно с работой, поэтому я отказалась от Енисейска, и меня повезли на Ангару, в Мотыгино, в район железных рудников. От Красноярска нас везли на барже по Енисею и Ангаре, и, высадив на берегу, нас предоставили самим себе: устраивайтесь, как сумеете. Приехавшую со мной Евдокимову кто-то вскоре взял няней.

Кстати, в Мотыгино находилась лаборатория, и я подала заявление на работу, но мне почему-то не сообщил комендант, что меня были готовы туда взять. Видимо, их ответ до меня просто не дошел.

Когда нас везли на Ангару, в этапе около четверти из тех, кто плыл с нами на барже, были отбывшими срок уголовниками. Среди политических почти все были направлены в ссылку, также отбыв немалые сроки, и среди них молодежи было мало. Один из их среды во время переезда заболел, у него была высокая температура, и ему нужно было помочь. Но как? Если не было даже кружки, чтобы его напоить. Пришлось о нем позаботиться. Потом мы с ним подружились и были вместе года два.

В 1951 году этому парню было 24 года, а он уже успел отбыть в лагере 8 лет как «агент карательных органов», и, следовательно, осудили его по такой страшной статье, которая не подлежит реабилитации, всего в 16 лет. Как это произошло?

Он жил недалеко от Брянска, в небольшом городе Бежице. Ему было четырнадцать лет, когда началась война, а отец был на фронте, и он убежал из дома к партизанам. Попал в отряд С.А. Ковпака и выполнял задания наравне со взрослыми, ходил и в качестве связного в Бежицу. Однажды, когда он направлялся в город, при выходе из леса был задержан немецким патрулем. Поскольку при нем не оказалось ничего подозрительного, а на вид ему было лет 12, то его привели в комендатуру, выпорол ремнем и запретили выходить из города. Вернуться к партизанам ему не удалось, так как в таких случаях конспирация была строжайшая.

Когда Бежица была освобождена от немцев, кто-то из соседей донес, что паренек был захвачен в лесу

немцами, но они его отпустили... Соответствующие органы, не теряя время даром, осудили 16-летнего паренька на 8 лет заключения в лагере.

Так и сложилась его судьба... А кто собирался выяснять то, что было на самом деле, если нужно было только ставить «галочки» и отчитываться о «проделанной работе»? По отбытии срока он был направлен в ссылку. Кто учитывал хотя бы его возраст?..

С.Э. Он Вас охранял от уголовников?

И.Ш. Этого просто не требовалось. Я с уголовниками нормально общалась. «Политические», которые были постарше меня, считали, что я чуть ли не из их круга. Но я была детдомовской и могла общаться с другими. Если спокойно и нормально разговариваешь с их старшим, то можно было свободно ходить даже в лес. Никто из них меня и словом не обидел. Но, одна тонкость: если ты не одна.

С.Э. В ссылке, куда Вас направили, были уголовники и политические?

И.Ш. Да, были и те, и другие. Большинство составляли те, кто был направлен в ссылку после отбытия тюремного или лагерного срока. Были и ссыльные по приговору, как я, в основном политические.

С.Э. Депортированные?

И.Ш. Были не прямо депортированные, а уже отсидевшие в лаге-

рях представители этой категории. Помню, среди них была Анна Гржибовская, молоденькая девушка из Латвии, приблизительно моего возраста. Она в лагерь попала сразу из гимназии, так как была из тех, кто листовки развешивал, когда русские пришли. Помню, что были двое из «бендеровцев».

С. Э. Их раньше «бендеровцами» называли?

И. Ш. Тогда все время так называли. Потом выяснилось, что их командир был Бандера, а не Бендера. В общем, у нас было их двое: женщина и мужчина, которые воевали. Они были малообщительными. Но женщина очень хорошо вязала, и мы на этой почве стали с ней постепенно общаться. У нее где-то совсем недалеко, в Сибири, были депортированные родители. Может быть, потом она и уехала к ним.

С. Э. Вы на шахте не работали?

И. Ш. Нет. Нас никто не заставлял там работать. Сначала мне пришлось поработать на ручном бурении в месте залежей талька.

С. Э. Это где, в шахте?

И. Ш. Нет, не в шахте. Снаружи нужно было вручную бурить скважины до глубины двадцать метров.

С. Э. Вначале Вы занимались бурением, а потом что Вы делали?

И. Ш. А потом, когда у меня появился старший сын, грибов кому-то соберешь по заказу, или продашь их,

и т. п. Когда он пошел в садик, я работала с геодезистами.

С. Э. У Вас уже ребенок родился?

И. Ш. Это уже был конец 1952 года.

С. Э. Вы замужем не были? Так это тот парень, который был партизаном?

И. Ш. Да, это был он. Позднее мы расстались, так как мне как он, так и другие, действительно никто не был нужен. Мне была нужна свобода, я же независимая детдомовская «шпана».

С. Э. Вас уже не заставляли работать, когда ребенок появился?

И. Ш. Работать нас никогда не заставляли. Привезли — и устраивайся, как можешь! Если бы мне тогда дали ответ, то я бы, конечно, пошла работать в лабораторию. Как я Вам уже говорила, я подавала заявление, но мне комендант не сообщил. Почему так получилось, я не знаю.

С. Э. А до какого года Вы там находились?

И. Ш. В начале 1954 года, после того как родился второй сын, я переехала в Енисейск, где находилась до конца января 1955 года, до реабилитации и освобождения от ссылки. Работала в лаборатории у геологов.

Меня реабилитировали раньше многих репрессированных, поскольку, как всегда, я поступила не как все, не по стандартным правилам. Так как формально все мы были комсомольцами, я взяла да и обратилась за помощью в ЦК ВЛКСМ, и с его

помощью в ноябре 1954 года была реабилитирована, а в январе 1955-го, когда пришли все мои документы, была освобождена. Вернулась в Горький и со второго семестра 4-го курса продолжила учебу. Дети остались с мамой.

С.Э. У вас уже было двое детей? Они в ссылке родились?

И.Ш. Да.

С.Э. Вы с тем партизаном больше не виделись?

И.Ш. Нет, больше не виделись. Причем, уехав, я даже адреса своего не оставила.

С.Э. И он Вас не искал?

И.Ш. Он не умел искать. К тому же я их адрес знала, а они моего знать не могли.

С.Э. Когда Вас арестовали, Вас не исключили из комсомола?

И.Ш. А меня никто не спрашивал, комсомолка я или нет.

Вернувшись в Горький, с лета 1955 года я начала хлопотать о реабилитации мамы и братьев, обращаясь во все высшие инстанции. Помню, что в декабре этого года получила ответ, что мой старший брат осужден правильно... Но потом я еще много писала во все инстанции... Тогда уже Хрущев был, но я, скорее всего, писала просто на ЦК КПСС, а конкретно ему не писала.

Реабилитировали моих всех в один день – 19 мая 1956 года.

С.Э. Это когда уже всех освобождали?

И.Ш. Нет, не знаю, может быть и всех. Но моих троих освободили конкретно по моим заявлениям и всех сразу; но пока все с документами решилось, пока они доехали... только в августе они вернулись.

С.Э. Все приехали в Горький?

И.Ш. Нет.

С.Э. Они все вместе и сразу приехали в Москву? Это не было запрещено?

И.Ш. В Горький, доучиваться, приехал только Юрий. Мама и Александр приехали в Москву.

С.Э. Ее реабилитировали?

И.Ш. Ее же реабилитировали вместе с братьями.

С.Э. Поэтому она могла приехать в Москву?

И.Ш. Да, она могла приехать в Москву. Причем даже как бы «с почетом» все получилось: кто-то из возвратившихся ранее посоветовал ей обратиться в ЦК КПСС, и ей дали место в его общежитии.

С.Э. Где работала Ваша мать после ссылки?

И.Ш. В отделе учета и распределения жилплощади, видимо, при Моссовете.

Вернувшись в Горький, старший брат за год заново сделал диплом-

ную работу, сдал экзамены и, получив диплом, остался работать в Горьком.

Я к этому времени окончила университет и устроилась на работу в город Жуковский. При обращении относительно возвращения жилья в Москве, мне дали комнату в Жуковском в коммунальной квартире.

Александр жил в комнате со мной и готовился к поступлению в институт.

Я и мама продолжали хлопотать о жилье в Москве, но всем нам, кроме мамы, поначалу было отказано, так как мы не москвичи и на момент ареста там не жили... Маме же предлагали комнату в коммуналке, около кладбища.

Пришлось опять обивать пороги ЦК. Наконец, благодаря моим «неустанным» обращениям в ЦК и усилиям мамы, работавшей в одном из отделов Моссовета, нам все же, в конце 1957 года или в начале 1958-го, дали на шестерых трехкомнатную квартиру площадью в 45 кв.м., правда, со смежными комнатами.

С.Э. Маме дали квартиру?

И.Ш. Дали маме, но на всех нас, и старший брат вскоре тоже приехал в Москву и поступил на работу в Институт химической физики. Годы через два и я перевелась на работу в тот же институт, где был и Юра.

С.Э. Когда Вы получали квартиру, Вам была оказана какая-то помощь со стороны бывших товари-

щей отца по партии? Было такое, что они помогали после смерти Сталина, или такого не было?

И.Ш. Помню, что нам один раз помог А.И. Микоян. Поскольку нам не возвратили кооперативную дачу, а вернули только взнос за нее (в 6 раз меньше стоимости ее к тому времени), мы просили его помочь нам получить хотя бы землю. Дело в том, что, когда отец был председателем акционерного общества «Металлоимпорт», он был в подчинении у наркома торговли Микояна, потому мы к нему и обратились, и он помог.

С.Э. Для реабилитированных были предусмотрены какие-то денежные компенсации или что-то еще?

И.Ш. Когда возвращались, получалась двухмесячная зарплата с последнего места работы. А вот двухмесячную стипендию нам не дали. Стипендия — это же не зарплата.

С.Э. Мы представили вкратце историю репрессий Вашей семьи. Это очень важно, поскольку многие люди сегодня не верят, что при Сталине людей расстреливали, сажали в тюрьмы, отправляли в лагеря и в ссылки по надуманным обвинениям. Теперь давайте перейдем ко второй части вопросов. Расскажите, почему Вы решили писать книгу о Вашем отце? Но прежде скажите, почему Вашего отца не реабилитировали при Хрущеве?

И.Ш. Они практически никого из «оппозиционеров» тогда

не реабилитировали полностью. Все было в руках ЦК партии. Сколько мы пытались туда писать, но для них наш отец все равно был врагом партии. А раз враг партии...

Тогда мы поставили вопрос о простой реабилитации, как это тогда называлось, «в гражданском порядке». Маме кто-то помог выйти на связь с Хрущевым. Кто-то там у него работал по этому профилю. Мы написали ему, и в январе 1963 года отца реабилитировали в «советском порядке». Подчеркну, что не в партийном, а именно в советском. Мы потом еще много раз обращались в ЦК, так как без партийной реабилитации нам невозможно было попасть в архив и хотя бы что-то узнать о своем отце, узнать истину, а не изгаженные квазиисториками сведения. Столько бумажек-отписок у меня осталось, вплоть до того, как мне помогли решить вопрос партийной реабилитации при М.С. Горбачеве. Это был 1988 год. С тех пор мне разрешалось работать в архивах.

Правда, я взялась за работу по розыскам сведений о жизни и деятельности отца задолго до его реабилитаций — еще в 1958 году, когда доступными мне были только библиотеки. Но резкую активизацию моих усилий в борьбе за честное имя отца вызвал факт издания уже в 1986 году книги Георгия Холопова «Грозный год». Это книга про Астрахань 1918 года. В ней пишется, что мой отец, будучи председателем РВС фронта, умышленно разлагал его работу, препятствовал снабжению армии, потворствовал расхищению присылаемых запасов и своими действиями радовал против-

ников. По версии автора, отец был грубым, жестоким бюрократом, руководившим фронтом, не выходя из кабинета, и т. п.

С.Э. По советской версии истории Гражданской войны Ваш отец уже в 1918 году был «двурушником»?

И.Ш. Да. «Двурушником», вернее даже «врагом народа», отец в исторической литературе изображался начиная примерно с 1935 года, а в «художественной» литературе первой была книга З.И. Фазина, вышедшая ранее 1943 года, о которой я говорила раньше.

С.Э. То есть первым побуждением к написанию Вашей книги об отце было то, что его память была оклеветана в литературе.

И.Ш. Да, но где можно было найти истину, если даже в «спецхраны» библиотек не было доступа. Пришлось довольствоваться тем, что было доступно. Собирала я сведения об отце по большей части в библиотеке им. Ленина и начала с открытых источников, с литературы о Гражданской войне.

После выхода книги Холопова я написала свою «контрверсию» событий, страничек на семьдесят, основываясь на том, что вычитала, что узнала из книг, в которых тогда еще так не лгали, то есть из книг, изданных до 1930 года.

С.Э. Вы опровергали Холопова?

И.Ш. Я направила эту контрверсию в ЦК КПСС, когда в должности

заведующего политотделом ЦК был А.Н. Яковлев. Он распорядился направить мой материал в «Военно-исторический журнал» для установления истины и публикации. Но Яковлев вскоре перешел на другую работу, а новый заведующий не мог ничего определенного ответить на запрос редакции, нужно ли опубликовать мое опровержение?

С.Э. Они не стали опровергать Холопова?

И.Ш. К тому времени в журнале, после тщательного ознакомления специалиста с литературой, уже была его положительная рецензия на мой материал, но, не имея указания из ЦК, в апреле 1987 года, в № 4 журнала опубликовали только небольшую статью об искажении исторических событий (статья от редакции).

Одновременно я решила обратиться в прокуратуру с просьбой возбудить дело о клевете. Из прокуратуры вначале мне ответили, что Холопов переиздал эту книгу 11 раз, начиная с 1956 года, и срок давности привлечения к ответственности истек. После длительной переписки с различными инстанциями партийное руководство поручило прокуратуре Ленинграда заняться моим вопросом. Приехавшая оттуда представительница поинтересовалась, кто из историков может дать заключение о книге. Согласились два доктора наук, В.Д. Поликарпов, В.Т. Логинов, и кандидат наук И.П. Донков. В качестве «болваночки» я для ознакомления дала им мой материал. Познакомившись с литературой и архивным материалом, историки пришли к заклю-

чению, что образ Шляпникова, созданный Холоповым, находится в противоречии с историческими данными. На вопрос прокуратуры о мотивах такого изображения Шляпникова Холопов ответил, что он написал так, потому что его мать пострадала на Каспийско-Кавказском фронте: когда они бежали с Кавказа в Астрахань, у нее поездом отрезало или повредило ногу. А Шляпников, видите ли, в этом виноват. Получив заключение историков, из прокуратуры мне ответили, что Холопов не имел права так писать, и сообщили, что его книгу больше публиковать не будут.

С.Э. Мы как раз подводим наше интервью к Вашей только что вышедшей книге об отце. Вы начали с того, что решили опровергнуть клевету. Почему тогда Вы все же решили писать многотомное исследование?

И.Ш. Я этого просто не ожидала. Первые два уже написанных тома как-то сами получились толстыми. Я решила описать жизнь отца задолго до того, как узнала о клевете Холопова. С 1958 года я стала ходить в «ленинку», искала, смотрела, что можно найти, связанное с отцом.

С.Э. Вы расспрашивали мать об отце?

И.Ш. Вы знаете, я не могла ее расспрашивать. У меня язык не поворачивался это делать. Она, как и многие родственники осужденных «на 10 лет без права переписки», продолжала его ждать. Я больше расспрашивала старшего брата, так как он иногда беседовал с ней.

С. Э. Вы не хотели ее беспокоить?

И. Ш. Конечно. Специально я ее никогда не расспрашивала, только если она сама начинала... В основном это были бытовые картины воспоминаний. Помню, она рассказывала о своей приятельнице, Симе Рыжовой, с которой работала в Петрограде еще в 1918 году. Они вместе в комсомол вступали... и даже в партию. Молодые были... Эта приятельница потом работала секретарем у Ежова. Она помогала маме, как могла. Тайно помогал и Ежов, если мог... Но потом ее расстреляли.

С. Э. Ее расстреляли, когда арестовали Ежова?

И. Ш. Нет, позднее, в январе 1940-го (арестовали в 1938-м).

С. Э. А что мать об отце рассказывала?

И. Ш. Практически ничего. Знаю, что они вместе были во Франции. Фотография была с открытия советского посольства... Мама стоит себе в сторонке, а рядом с отцом стоит и что-то говорит какая-то молоденькая девушка. Кто-то даже подумал, что это жена, но нет, мама тихо себе в сторонке стояла.

С. Э. Значит, мать Вы ни о чем не расспрашивали, а пошли в библиотеку?

И. Ш. Библиотеку я посещала только в выходные, потому что в другие дни работала. С 1958 до 1985 год я работала в Институте химической физики. Потом институт разделился, образовалось еще два института.

Один из них занимался разработкой атомной бомбы. Кстати, моя бывшая начальница ездила в Семипалатинск на полигон, работала в лаборатории и получила сильное облучение.

С. Э. До 1988 года Вы ходили только в библиотеку, а с 1988 года Вам уже разрешили ходить в архив?

И. Ш. Когда я ходила в библиотеку, я успела написать две статьи. Одна из них была с критикой того, как в течение ряда лет трансформировалось описание деятельности Русского Бюро ЦК в феврале 1917 года историком Е.Д. Черменским. Она опубликована в №4 журнала «История СССР» за 1988 год. В «Вопросы истории» в 1988 году я направила статью по фронту в Астрахани – критику ряда книг и, в частности, доклада Г.К. Орджоникидзе в Совнарком от 10 июля 1919 года, опубликованного в 1939 году под названием: «Год гражданской войны на Северном Кавказе». Отмечу, что часть этого доклада, относительно плохого снабжения фронта, кражи и разбазаривания присылаемых из Центра грузов, дословно приводится в книге Холопова.

После публикации мне выдали справку, подтверждающую, что в журнале есть моя работа, и я смогла получить доступ в ГАРФ. В Центральный партийный архив (сейчас РГАСПИ) я смогла попасть только после партийной реабилитации отца, то есть после октября 1988 года.

В архивах мне начал попадаться очень интересный материал об участии отца в революции 1905 года, о пребывании в эмиграции с 1907 года и др. Я поняла, что если

я буду писать об отце, то нужно обязательно давать сведения и об его окружении и условиях, в которых он жил и работал; по-другому никак не получается. Когда же я описывала какое-либо событие, допустим, когда мой отец находился за границей и собирался ехать в Россию, я должна была описать все, что было в то время в России, потом уже — как он приехал, вошел в курс дела и т. п. Так все и собиралось, обрабатывалось, а потом писалось. Вот так и набирается немало материала.

Интереснейшее занятие — читать письма эмигрантов. Департамент полиции все это подбирал...

С. Э. Перлюстрированные письма Вашего отца тоже есть в департаменте полиции?

И. Ш. Нет, его письма были забраны и переданы в партийный архив — теперь РГАСПИ. Там были как письма Ленину, которые писал отец из-за границы, так и письма Ленина к нему. Отец пытался сохранить все письма к нему, но часть из них пропала. Не при аресте в 1935 году, а при возвращении в Россию осенью 1916 года.

С. Э. Вы представили широкий исторический фон, то есть не только документы, связанные с отцом, но и то, что происходило в то время в стране.

И. Ш. Ничего не обсуждая при этом и не оценивая события, я просто излагала их ход. Причем я старалась подобрать и представить материал так, чтобы обычным простым людям, не специалистам, было понятно и интересно его читать, потому

что научные исторические статьи я и сама не очень-то могу читать.

С. Э. Второй и третий тома уже написаны?

И. Ш. Я вторую книгу разделила на две части. Первая часть второй книги, которая охватывает период с апреля по 1 октября 1917 года, отдана в издательство, но для издания нужны средства, а я пока не могу реализовать даже часть имеющейся в моем распоряжении первой книги. Нет ни спонсора, ни гранта; а я же никто — нищий человек «с улицы».

Остаток материала от второго тома (часть 2) требует еще доработки. Он должен охватить весь октябрь 1917 года (правда, по старому стилю).

С. Э. А вторую часть второго тома Вы еще пишете?

И. Ш. Надеюсь относительно скоро закончить.

С. Э. Успеете его издать до столетней годовщины Октябрьской революции? А когда Вы следующий том будете писать?

И. Ш. И то и другое не знаю, мне пока сложно сказать. Все зависит от здоровья. Насчет издания же все зависит от финансов.

С. Э. А сколько всего будет томов?

И. Ш. Тем более не знаю. Опять же, все зависит от того, насколько мне здоровья хватит. Сбранного материала у меня немало....

С. Э. Ясно. В общем, труд еще долгий.

И. Ш. Долгий — это не то слово...

С. Э. Материал у Вас уже собран?

И. Ш. Собран, конечно, не полностью. Не обработан материал по Гражданской войне. Но, скорее всего, нужно будет еще поработать в архиве. Не знаю, по моей ли просьбе или по другим причинам, но был открыт третий фонд архива Троцкого. Первые два фонда я уже смотрела, а третий еще не видела. Есть материал по АО «Металлоимпорту», по Рабочей оппозиции.

С. Э. Вы еще в архиве будете работать?

И. Ш. Да. Я сейчас вынуждена буду досмотреть газеты за октябрь 1917-го для того, чтобы закончить доработку второй части книги 2, затем мне следует вкратце осветить начало деятельности Наркомата труда, не смотрела документы по работе отца во Франции (если дадут) и другие.

С. Э. Я понял, что предстоит большая работа. Давайте вернемся к теме Ленина. Ваше отношение к Сталину я понимаю и разделяю. Мы с Вами не считаем его положительным героем русской истории. А каково Ваше отношение к Ленину?

И. Ш. Понимаете, в чем дело, я ведь не ленинец, никогда им не была и поэтому подробно его жизнь не изучала. У меня нет кумира. Но, с другой стороны, деятельность Ленина в 1917 году сыграла не ма-

ленькую роль в судьбе нашей страны, и не только... Ни Керенский, ни кадеты с промышленниками, ни генералы не могли объединить народ, и, хотя история не терпит сослагательного наклонения, полагаю, что страна потерпела бы поражение от немцев.

С. Э. Считаете, что Ленин навел порядок? Точно так же говорят и сталинисты. Сталин, по их мнению, да, жестко, но все же навел порядок в стране. В чем Вы усматриваете разницу между ними?

И. Ш. Разница между ними в основном состоит в том, что у них были разные отклонения психологии от нормы, разные «фобии». Но лично сам Ленин не подписывал ни одного смертного приговора. Если кто-то был против него, то он таких людей просто отстранял от себя, и все.

С. Э. То есть товарищей по партии он увольнял, но не расстреливал.

И. Ш. Он никого не расстреливал.

С. Э. Он расстреливал заложников.

И. Ш. Так было принято обеими враждебными сторонами — отвечать на гибель их сторонников. Расстреливали повсеместно и без всяких приказов. В этом отношении разница между красными и белыми состояла в том, что красные расстреливали, а белые вешали. Но Ленин никого не расстреливал...

С. Э. Как он не расстреливал, если он давал приказы захватывать заложников?

И. Ш. Я таких приказов не знаю. По-моему, без конца бросаемые им призывы — «расстреливать» буржуев, помещиков и прочих эксплуататоров — использовались им в основном как агитационные, в целях привлечения на свою сторону немущих. И поэтому Ленину верил народ, поддерживал его.

С. Э. Сталину народ тоже верил.

И. Ш. А верил уже позднее и потому, что все в стране было поставлено на беспрекословном подчинении, так требовалось и было безопасно. Вождизм начался уже при Ленине. Повторю, что я — не ленинец, и с большим уважением отношусь к Л. Д. Троцкому.

С. Э. Вы видите плюс Ленина в том, что он товарищей по партии не расстреливал, а увольнял. В этом плане он был большим гуманистом?

И. Ш. В сравнении со многими другими — большим гуманистом.

Вообще, я почти полностью согласна с характеристикой, данной В. И. Ленину в 1919 году находившимся в Омске при власти Колчака Ауслендером, человеком с университетским образованием, который, желая понять, что представляет собой В. И. Ленин, специально ходил слушать его выступления:

«В нем может совмещаться многое, как в человеке — и мягкость, и бесчеловечная бездушность, и добросовестность в работе, и явная неслыханная преступность для достижения нужной ему цели.

Он вне жизни, он весь в отвлеченности, в формулах, таких стройных и четких на доске лаборатории и таких жутких, когда воплощаются они в жизнь.

Но последнее ему почти не видно. Настоящий ученый должен быть несколько маньяк своих идей. Это не только в вульгарных комедиях профессора бывают рассеянны, слепы и глухи ко всему жизненному.

Так должно быть. Для профессора ассирийских древностей ничего, кроме клинообразных надписей, не должно существовать важного и драгоценного в жизни; все остальное — мелочи, досадные помехи для отвлеченных научных опытов.

Настоящий ученый может быть человеком нежнейшей души и может бесстрастно замучить в своей лаборатории тысячи животных или, если ему позволить, людей для подтверждения своей точной отвлеченной мысли. Он просто не заметит предсмертных судорог, не услышит хриплых стонов — ему мускулы и клетки.

Несомненно, в Ленине есть нечто от этой подлинной, жуткой отвлеченности. <...>

С умом отвлеченным, холодным, узким, он, конечно, не настоящий ученый, а только полученный, полутемный делец, конспиратор, подпольный интриган.

Сочетание чудовищное и такое роковое для России. Он проделывает свой страшный опыт над Россией, он вонзает свой не вполне искусный

ланцет в живое тело. Может быть, опыт не вполне будет удачен, может быть, пациент умрет, но разве это важно — важно проверить математическую формулу. Миллионы гибнущих для него только кролики, глупые, бессмысленные кролики, для того и созданные, чтобы их и можно было разрезать, даже не усыпляя хлороформом.

Уже тогда, в мае месяце, в его словах звучали сильные ноты равнодушия, пессимизма. Может быть, ничего не выйдет, опыт не удался, что ждет Россию, что ждет рабочих и крестьян, вождем которых он себя зовет — не все ли равно.

Он искренно бесстрастен, искренно глубоко равнодушен, умрут или нет кролики, над которыми он произвёл свой опыт.

Так спокойно и отчетливо этот тучный, лысый человек со скучным лицом говорил о вещах страшных, что голод, братоубийственная война — все это неизбежно, все это предвидел, что все это входит в его математические расчеты.

И ни разу я не почувствовал, чтобы живое человеческое чувство вспыхнуло в нем, все были выкладки, сухие, логически четкие, отвратительно отвлеченные.

Но в нем есть сила, он умеет заразить своим спокойствием, своим бесстрашием, умеет заставить поверить (пока его слушаешь) в химеры страшные. <...>

Ленин — это мозг большевизма, изворотливый, хитрый, твердый мозг,

который найдет точные логические формулы для всего самого отвратительного, который сумеет оправдать самое отвратительное и безумное. <...> Ленин все-таки пусть безумный маньяк, готовый на преступление для достижения своих целей (ведь он верит твердо, что истину-то, формулу, математически неопровержимую, он знает), все-таки это человек мысли и идеи. <...>

У Ленина есть все-таки доля благоразумия, рассудительности, он, не задумываясь, разрежет кролика, необходимого для опыта, но он не будет с садическим упоением убивать бесцельно, мучить бесполезно. Если он окончательно убедится, что опыт не удался, он, быть может, найдет в себе капельку честности, чтобы громко заявить об этом».

С.Э. То есть Ленин был гибкий. Как Вы считаете: правильно, что большевики сделали революцию, или без этой революции русская история пошла бы по более благоприятному пути?

И.Ш. Не знаю, что было бы. Понимаете — к сожалению, шла война, и думаю, что немцы одолели бы Керенского с его генералами.

С.Э. Надо было делать революцию?

И.Ш. Я долго занималась изучением того времени и в конце концов пришла к выводу, что без этого Россия не смогла бы победить в войне и, скорее всего, в любом случае дело дошло бы до гражданской войны. И все равно победил бы в ней вооруженный народ.

С.Э. Но немцы в любом случае проиграли войну. Россия не была бы под немцами долго.

И.Ш. Это уже другой вопрос: а кто этому помог, посодействовал? Считаю, что инициированное Лениным братание солдат сыграло огромную роль в немецкой революции.

Я же говорю, что я не ленинец. Ленин безобразно относился ко всем, кто был хоть в чем-то с ним не согласен. Об этом, в частности, писала в дневнике и А.М. Коллонтай, которая пришла к таким выводам на примере отношения его к Шляпникову, поддержавшему в 1916 году Евгению Бош, Г. Пятакова и Н.И. Бухарина в вопросах издания ими журнала «Коммунист». Теперь мы это видим и по имеющимся в архивах письмам.

С.Э. Вы читали дневники Коллонтай?

И.Ш. Да. Надо заметить, что в них иногда не хватает целых листов, встречаются и вырезанные части страниц, есть и замазанные чернилами отдельные слова или целые

строчки. Надо полагать, что, вернувшись домой, Александра Михайловна старалась убрать из дневников все, что касалось не только моего отца, но и других «врагов народа», а также любые критические замечания, так как боялась, что все, о чем она думала и писала, дойдет до Сталина. Еще бы! Она очень боялась за сына, который работал во Внешторге. Тем более она знала, что у Молотова забрали жену, а у Микояна сыновей. Но, к счастью, ее сына не тронули.

Сейчас думаю, что исходное содержание «порезанных» ею дневников сохранено. Мне рассказали, что при возвращении А.М. Коллонтай в Москву ей не сразу отдали два чемодана с дневниками, а только месяца через два. Думаю, что за это время над ними трудились спецорганы, они не могли не сделать копии... Уверена, что фотокопии этих дневников должны быть. Но как сейчас добраться до них? Они же тоже одна из страниц истории...

С.Э. Благодарю Вас. Это было очень интересное интервью.

«I WAS ROBBED OF THE MEMORY OF ALL MY PREVIOUS LIFE»

Interview with I. A. Shlyapnikova on the occasion of the release of the book: *Shlyapnikova I. A. Aleksandr Shlyapnikov i ego vremya*. M.: Novyi hronograf, 2016. 1054 s.

Shlyapnikova Irina A. — the daughter of G. A. Shlyapnikov, people's commissar of labor of the first bolshevik government, the author of the memoirs about her father (Moscow)

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www.istorex.ru

А. А. Рыбалка

СЕМЬ НЕВЕСТ ТИРАНА ИВАНА (А. И. СУЛАКАДЗЕВ И ЖЕНЫ ИВАНА ГРОЗНОГО)

Ключевые слова: Хронограф, Сулакадзев, Сахаров, Зерцало, фальсификация, царские браки, приписки

Автор осуществляет поиск дополнительных сведений, характеризующих ранние представления о матримональной политике царя Ивана Васильевича в контексте бытования фальсификата «Хронограф о браках Царя Иоанна Васильевича», приписываемого А. И. Сулакадзеву. Полученные результаты позволяют указать на несколько известных произведений XVIII в., таких как работы А. П. Сумарокова, Г. Ф. Миллера, Т. С. Мальгина, как на источники тех сведений фальсификата, происхождение которых остается по сей день неясным. Помимо этого анализируется судьба самого рукописного сборника, содержавшего фальсификат, подтверждается принадлежность его лицу, создавшему поддельный источник — Сулакадзеву. В конце статьи автор предлагает комментированный полный текст «Хронографа о браках», практически неизвестный по русскоязычным публикациям.

Фигура первого русского царя Ивана Васильевича, как известно, спорна, спорны его деяния и спорно даже число его жен. Последнее, пожалуй, несколько неожиданно для правителя времен позднего Ренессанса, когда количество даже и собственно русских источников уже не так скупо, однако факт остается фактом — брачная политика царя Ивана в 70-е гг. XVI в. сумбурна и не-

сколько смутна, что прослеживается как по источникам его времени, так и по более поздним.

Иностранные и собственно русские источники варьировали и количество, и списочный состав жен, хотя обычно назывались числа пять или семь, а имена первых и последней жены оставались неизменны. Тем не менее у Н. М. Карамзина, впервые опубликовавшего полный, ставший каноничным, список в 1821 г., были все основания писать, что «сказания о семи бракосочетаниях Иоанновых были доселе неверны и несогласны одни с другими». Ка-

© Рыбалка А. А., 2017

Рыбалка Андрей Александрович — начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, Научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза); antike@yandex.ru

рамзин, однако, обнаружил «следующее, если не современное, то по крайней мере в начале XVII в. писанное» свидетельство в рукописи, озаглавленной «Елагинская смесь» (Карамзин 1988, т. 9: прим. 494):

«Первая Царица Настасья Романовна Юрьева. Вторая Царица Марья Темрюковна Черкасов Пятигорских. Третья Царица Марфа Васильевна Собакиных. Четвертая Царица Анна Алексеевна Колтовская <...> и потом понял пятаю Царицу Васильчикову. Шестую сказывают, что имал молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сиречь с женищем; седьмую Царицу Марью Федорову Нагих, и от нее родился Царевич Димитрей».

Николай Михайлович провел сопоставление этого списка с другими имевшимися на тот момент свидетельствами и признал список из рукописи Елагина наиболее достоверным, в чем за ним по сию пору следуют и остальные исследователи.

Между тем скупость и лаконичность елагинского списка смущала заинтересованных вопросом современников и, как писал позднее А.А. Зимин, «это предание дало повод известному поддельщику рукописей начала XIX в. А.И. Сулакадзеву сочинить рассказ о том, что Грозный “обращился со вдовою Василисою Мелентьевою...”» (Зимин 1986: 41). Речь идет о пародийно-сатирическом сборнике XVIII в. (не позднее 1768 г.), содержащем Сказку об Ерше, Птичий совет, Калязинскую челобитную, О куре и лисице, Чины на море птицам, Гисторию о купце сибирском из Тобольска, Гимн бороде, пародию на «Отче наш», Дифи-

рамб Бахусу¹. По словам М.Н. Сперанского, на мнение которого и ориентировался Зимин, в конце этого сборника содержится «на л. 156 об. – 157 выписка рукой Сулакадзева из Хронографа о браках Грозного» (Сперанский 1956: 100).

Сборник происходил из собрания И.П. Сахарова и был введен в научный оборот в 1864 г. А.Ф. Бычковым, который кратко описал его в годовом Отчете Публичной библиотеки (Отчет 1864). Именно Бычков первым обратил внимание на «весьма любопытные... сведения» об Ивановых женах и привел выписки о Василисе Мелентьевой и Марье Долгорукой, отметив, что «о браке этом до сих пор не было известно» (Отчет 1864: 60). Это ошибочное, как мы далее покажем, мнение, на наш взгляд, оказало существенное влияние на судьбу отрывка, называемого в дальнейшем «Хронографом о браках». Как источник уникального свидетельства он стал восприниматься в качестве аутентичного, хотя и не получил большой популярности – позднее, в 1914 г., сведения о Настасье Романовой и Марье Черкасской использовал С.К. Шамбинаго в своей работе о народных песнях про царя Ивана (Шамбинаго 1914: 35).

После публикации известной работы М.Н. Сперанского (Сперанский 1956) стало хорошим тоном приводить при ссылке на «выписку» сомнения в ее аутентичности, хотя в популярной литературе сведения из нее, особенно об утоплении Долгорукой, используются регулярно.

¹ Ныне – РНБ. Q.XVII.17.

До последнего времени работ, специально посвященных анализу текста выписки, не было, однако недавно была опубликована статья английского слависта и специалиста по матримональной политике московских князей и царей Рассела Мартина, в которой вопрос рассматривается специально (*Martin 2013*). Статья весьма интересна, и автор, пытаясь выяснить историю текста «Хронографа о браках», подробно и довольно убедительно приводит параллели из Карамзина, однако дальше не идет, констатируя, что «восстановление полного спектра источников Хронографа в настоящее время невозможно». Однако исчерпал ли автор все возможности, которые имел? Полагаем, нет; Мартина совершенно не заинтересовала докарамзинская традиция перечней Ивановых жен, достаточно представительная, а главное, как мы покажем ниже, содержащая многие параллельные Хронографу сведения, вызвавшие недоумение Мартина.

Кроме того, Мартин не рассматривает гипотетическое авторство Александра Ивановича по существу, ограничиваясь констатацией того, что «большинство историков, исследовавших Хронограф... расценили его как изделие... Сулакадзева». Однако не историк, а филолог-славист М.Н. Сперанский был единственным, кто, без аргументации, атрибутировал текст Сулакадзеву, и все последующие исследователи попросту приняли его точку зрения. Но о сборнике, содержащем Хронограф², мало кто и писал, а единственный

автор обстоятельной статьи о сборнике, Н.Н. Розов, атрибутировал запись о покупке рукописи на толкучем рынке в Петербурге последнему владельцу сборника И.П. Сахарову (*Розов 1958: 485*). Несмотря на то, что Розов ссылается на Сперанского, сама «выписка из Хронографа» его совершенно не интересует, и он, видимо, упомянул его просто как автора, писавшего ранее о сборнике, не обращая внимание на то, что атрибутируемая им Сахарову запись Сперанским, очевидно, приписывалась Сулакадзеву.

Между тем Иван Петрович Сахаров и сам был человеком, от которого можно было ожидать «древностелюбивых проказ», тем более что им в 1836 г. в «Сказаниях русского народа» был опубликован сборник свадебных чинов русских великих князей и царей. Правда, в записи о покупке рукописи сказано, что это произошло в январе 1817 г. в Петербурге, тогда как в то время 10-летний поповский сын Ваня Сахаров, скорее всего, катался на санках по Туле. Розов не пропустил анахронизм — 1817 г., но счел достаточным отговориться тем, что Сахарову «было свойственно мистифицировать своих читателей».

Возник очевидный вопрос — если Розов анализировал почерк Сахарова и убедился в его тождественности записям на рукописи, не ошибся ли Сперанский? Но тогда не все ли помянут Сулакадзев? Ведь явных указаний на принадлежность ему сборника в рукописи нет. Нет указаний и на Сахарова, однако сборник поступил в Императорскую публичную библиотеку в составе его

² ОР РНБ. О.XVII.17.

собрания, после смерти владельца в 1863 г., т.е. до распродажи вдовой Корсака библиотеки Сулакадзева в начале зимы 1870 г.

Оставалось обратиться к самой рукописи. Образцы почерков представлены далее: это (1) сама запись на последнем листе сборника; (2–3)

образцы почерка Сулакадзева; (4–5) образцы почерка Сахарова.

Сравнение образцов показывает, на наш взгляд, правоту Сперанского и обоснованность атрибуции Розова. Довольно мелкий, убористый и достаточно ровный почерк Сахарова мало похож на «небрежное гра-

1
М. она ишла купута вводу, но вскоут
встала на дна, и пошла на
покупку. рубли в Санктпетербурге
1817. в 2 рубля. по купуна за 5
и в те время можно было
бы за купуна.

2
Графъ Сергѣй Козимичъ! Знанаго способнаго и гра-
жданскаго Ступицы, и для напечатаннаго Соображеннаго
и весте дѣла нашихъ вѣдѣнъ Писковича, и вѣдѣ
дѣла и вѣдѣ что онъ онъ знаменитъ и вѣдѣ
благодарности эти вѣдѣ на пологѣ и вѣдѣ
по вѣдѣ. ОБЪЕДИНЕНА, вѣдѣ и вѣдѣ
офензивнаго Графа Козимича Задурнаго вѣдѣ

3
Дѣло мое Раздѣлъ 27. февраля 1868. Это на вѣдѣ
дѣло вѣдѣ Никитасъ Анкадича, и
сообщаю вѣдѣ, и вѣдѣ вѣдѣ
дѣла и вѣдѣ на 15. тысячу сербскихъ,
дѣло вѣдѣ, что вѣдѣ, и вѣдѣ
вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ
и вѣдѣ, вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ
и вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ

4 При уривке земли горами, на 100000 кв. саженей
 земли уравниваются. Когда земля при перемене
 или с добрым трудом 50%, при переде в горах
 25%, совершено худшая земля при переде в горах
 более в 2%. Таким образом 25 'саженей' худшей земли ра-
 вняется 50 'хорошей', 150 'саженей' худшей = 100 'хорошей'; 150 'саженей'
 = 200 'саженей' худшей земли

5 Предг отыскал манускрипт из Москвы (в 1846, в сфрагист) приехал к месту
 прощания Н. М. Смирнов. Подписаны у В. Г. А. Манускрипта. Отсюда дру-
 го приехал у А. В. Смирнов. Покинул Емю она была и передала ему
 Емю Баруцкий. В 1847 году я привез с собою на первом поезде
 манускрипт — и в сфрагисте манускрипта у меня не было. Манускрипт — слово
 же оборотом в манускрипте. Вскоре я убедился, что манускрипт. Отсюда
 же слово, в сфрагисте Баруцкий манускрипт, в сфрагисте манускрипта, в сфрагисте
 манускрипта 25 рублей. Манускрипт же, обе стороны манускрипта, манускрипта
 манускрипта, манускрипта, манускрипта, манускрипта, манускрипта, манускрипта, манускрипта

жданское письмо», выражаясь слова-
 ми Н.А. Охотиной-Линд, характер-
 ное для текстов Сулакадзева. Почерк
 Сулакадзева, несомненно, имеет
 черты сходства с почерком записи,
 как по общему стилю письма, так
 и по начертанию отдельных букв.
 В этом смысле особенно показатель-
 ны «н» и «т» в середине слов. Менее
 характерны, но также обращают
 на себя внимание «б» и «д», впро-
 чем, в одном из образцов Сахарова
 можно найти похожие начертания.
 Отметим еще и прописную «Р» в од-
 ной из библиографических заметок
 (и сама заметка оформлена типично
 для Сулакадзева — последовательно
 указание всех изданий сочинения),
 разница между написанием у Сулака-
 дзева и Сахарова тут очень заметна.

То же «н» присутствует, заметим,
 и в тексте самого Хронографа, где
 Сулакадзева все-таки претендовал
 на некоторую стилизацию.

Остается констатировать, что Ро-
 зов проявил небрежность, атрибу-
 тировав запись на основании того,
 что она показалась ему последней
 по времени, без анализа почерка.
 Все это очень обидно, поскольку
 мнение Розова попало в официаль-
 ное описание рукописи и, наверня-
 ка, будет тиражироваться дальше.

Вернемся к более интересной те-
 ме — содержанию текста Хроногра-
 фа. Этот текст, вопреки достаточ-
 но высокой частотности ссылок,
 до последнего времени не был опу-
 бликован полностью и обрел полное
 печатное воплощение лишь стараниями
 Мартина в 2012 г. в приложении
 к его книге (Martin 2012) (в
 обсуждаемой статье Мартина текст
 приводится на английском).

Посему нам кажется целесообраз-
 ным привести в приложении
 к статье оригинальный текст из ру-

кописи и прокомментировать его в меру сил. Говоря об источниках текста «выписки», Мартин проявляет сдержанность и даже об «Истории» Карамзина пишет осторожно, что Сулакадзев «явно имел доступ к этой работе», получавшей восторженные отзывы в печати. Уточним, что, судя по каталогу, Сулакадзев располагал и 1-м, и 2-м изданиями Карамзина, причем каждое из них оценивалось им в 125 руб.³ Соответственно, с теми сведениями, параллели с которыми находит в «выписке» Мартин, он познакомился в 1821 г., когда была выпущена IX часть «Истории». Помимо Карамзина, Мартин обращает внимание, с подачи А.А. Зимина, только на Шереметьевский список думных чинов, который, как он уточняет, был опубликован в конце XVIII в. Действительно, список был опубликован в 1791 г. в 20-й части «Вивлиофики» Новикова, и 20 частей новиковского издания значатся также в каталоге книг Александра Ивановича⁴.

На этом Мартин останавливается, мы же, помятуя слова Карамзина, что «сказания о семи браках Иоанновых были доселе неверны и несогласны одни с другими», дерзнули осуществить поиск «одних и других» по разным печатным историческим сочинениям, предшествовавшим Карамзину. Долго искать не пришлось, и любопытно, что первые печатные перечни жен царя Ивана были составлены двумя наиболее, наверное, талантливыми русскими литераторами 3-й четвер-

ти XVIII в. и самым фундированным историком того времени. Речь, разумеется, о Ломоносове с Сумароковым и о Миллере.

Михайло Васильевич предметно занялся русской историей в конце 50-х, после того как стал одним из первоприсутствующих академической Канцелярии. Масштабную «Русскую историю», к коей он сразу приступил, ему пришлось по обстоятельствам отложить и в 1759 г. заняться учебным пособием для великого князя Павла Петровича, получившим название «Краткий российский летописец» и изданным год спустя.

Во второй, основной части этого сочинения соавтором Ломоносова выступал А.И. Богданов, и она несет в себе следы влияния более ранних учебников — киевского «Синописа» и сочинения дьяка Федора Грибоедова, который составил в 1669 г. апологетическую «Историю о царях и великих князьях земли Русской», в которой обосновывались права Романовых на российский престол и, в частности, отмечалась особая роль Настасьи Романовой в благотворном влиянии на царя Ивана, что не преминул отметить и Ломоносов.

Интересующий нас текст содержится в третьей части сочинения Ломоносова, именуемой «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями». Как свидетельствуют исследователи, эта часть «является самостоятельным исследованием Ломоносова по доступным ему источникам.

³ РНБ. Ф. 18. Д. 14. Л. 1об.

⁴ РНБ. Ф. 18. Д. 14. Л. 1об.

В числе взятых им из Библиотеки книг находился первый том “Родословных таблиц” Иоганна Гюбнера (*Genealogische Tabellen. Leipzig, 4 vol.*), включавший родословие русских царей, переиздававшийся несколько раз с добавлениями и исправлениями. Ломоносов пользовался также русскими рукописными родословными государей. <...> В “Родословии” прослеживаются связи рюриковской династии с дворами других европейских стран; эта генеалогия имела целью показать крупное значение Руси в общеевропейской истории» (*Ломоносов 1952: 590*) Заметим, что демонстрация подобных связей была целью и «Родословия» Лаврентия Хурелича, составленного в 1673 г. и остающегося по сию пору полностью неизданным. Помимо Хурелича, в числе «русских рукописных родословных», доступных Ломоносову, следует назвать «Собрание от летописателей» Феофана Прокоповича (1725) и «Родословие Царей» П.Н. Крекшина (1746). Что они писали про жен царя Ивана, нам, впрочем, неизвестно.

Хотя упомянутый выше Гюбнер пишет, что жен у Ивана было семь, Михайло Васильевич в надлежащем месте приводит перечень из пяти жен:

44. **Царь Иван Васильевич.** *Царицы:* 1) Настасья Романовна Юрьевича Захарьиных, 2) Марья Темрюковна, княжна черкасская горских, 3) Марфа Васильевна Собакина, в монахинях Иона, 4) Дарья Ивановна Колтовская, пострижена на Тихвине во время строгого наказания новгородцев, 5) Марья Федоровна Нагих. (*Ломоносов 1952: 356*)

Любопытно указание, что злосчастная Марфа Собакина стала инокиней под именем Иона (очевидно, что это мужское имя, под которым окончил свои дни сам царь Иван), а упомянутая под монашеским именем Анна Колтовская оказывается Ивановной (неверное отчество получилось, вероятно, из записи «Царица Иванова Дарья»), постриженной во время новгородского погрома. Конечно, Ломоносов сведений этих не выдумывал, разве что, неверно понял свой источник. На Собакину по сходству имен перенесено, видимо, монашество Нагой. А монашеское имя Колтовской свидетельствует о том, что сведения о ней взяты из записей о пожалованиях ей в связи с браками царя Михаила.

В какой мере работа Ломоносова с перечнем была самостоятельной? Р.В. Свирская пишет, что «следы работы Ломоносова над родословной таблицей сохранились в виде черновой записи, находящейся среди материалов к “Российской грамматике” и содержащей сведения о супругах царей Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Федоровича и Василия Ивановича»⁵ (*Ломоносов 1952: 591*) Действительно, на указанном листе (на самом деле Годунов остался там без жены) фигурной скобкой причислены Ивану Настасья Романовна, царица Дарья Ивановна Колтовских, Марья Темр., Марья Федоровна Нагих. Следовательно, в указанное время Ломоносов не знал еще о Марфе Собакиной, кроме того, ему была неизвестна

⁵ Архив АН СССР. Ф. 20. Оп. 1, № 5, Л. 58об.

точная последовательность жен. Ниже мы покажем, какого рода текст мог послужить источником для этого первого перечня.

«Краткий летописец» несколько раз переиздавался и был широко известен. Обсуждаемым перечнем воспользовались Н.Г. Леклерк в «Histoire de la Russie ancienne et moderne» (1783), Матвей Комаров в «Описании тринадцати свадеб» (1785), Т.С. Мальгин в 1-м издании «Зерцала российских государей» (1789), И.В. Нехачин в «Историческом словаре» (1793). Никто из названных авторов не повторяет за Ломоносовым, что Колтовская была пострижена «во время строгого наказания новгородцев», вероятно, осознавая анахронизм, хотя они и добивают несчастную девицу Марфу операцией по смене пола, именуя ее Ионой. Мальгин неудачно попытался дополнить текст Ломоносова приписав Марье Черкасской пострижение происками Бориса Годунова, совершенное в действительности над Марьей Нагой, и подарил горской княжне тем самым второе отчество – Федоровна (Мальгин 1789: 77–78).

Среди русских литераторов через некоторое время нашелся человек, пожелавший восполнить перечень двумя недостающими женами. Это был извечный литературный противник Ломоносова и самый известный тогдашний драматург Александр Петрович Сумароков. Хотя Сумарокова, в отличие от Ломоносова, обычно не рассматривают всерьез как историка, он является автором нескольких вполне добротных для того вре-

мени исторических сочинений. Причем в этом качестве Александр Петрович выступил практически одновременно с Ломоносовым, опубликовав в конце 50-х гг. корпус надгробных надписей Архангельского собора Московского Кремля, а вслед за тем напечатал статью со сказаниями о начале Москвы. Однако большую часть своих исторических сочинений Сумароков написал и опубликовал в последние десять лет своей жизни, когда, уволенный со службы, он поселился на постоянное жительство в старой русской столице. Там в 1774 г. он напечатал «Краткую московскую летопись», в которой к более ранним своим сказаниям о начале Москвы он присоединил краткие характеристики московских князей и царей, а о царе Иване среди прочего говорит следующее (Сумароков 1787: 172):

Онъ называется грознымъ; но я все то прехожу молчаніемъ; и ради того не упоминаю ни объ усмирении новгородцевъ, ни ливонцовъ. При немъ пострадалъ митрополитъ филиппъ за недопущение раздробить россію.

«Летопись» Сумарокова завершилась разделом «Таблица о супругахъ Московскихъ Государей» (Сумароков 1787: 162), где автор причислил Ивану всех причитающихся ему жен:

Иванъ василіевичъ. 1. настасья ромаиовна юрьева: скончалася: мать царя ѳедора ивановича. 2. марья темрюковна княжна черкасская: разведена. 3. марѳа василіевна собакина: пострижена. 4. анна григоріевна

васильчикова: погубла. 5. княжна долгорукова: погубла. 6. дарья ивановна колтовская: пострижена. 7. марѳа ѳедоровна нагихъ: мать царевица димитрія: осталася вдовою.

Отметим, что Колтовская (традиционно) и Нагая упомянуты под своими монашескими именами, хотя пострижение последней не отмечено, вероятно потому, что произошло после смерти царя Ивана. В этой части «Таблицы» имеются явные несуразности: Черкасская не была разведена, Собакина пострижена, Васильчикова не погубла. Источники Сумарокова в этой части неочевидны, хотя в Петербурге он имел возможность работать с рукописями в библиотеке АН, а в Москве в архиве КИД, Миллер был ему приятелем и постоянным корреспондентом. Анализу исторических изысканий Сумарокова посвящено немного работ, но те, которые имеются, свидетельствуют о том, что Сумароков, помимо того, что традиционно излагал источники современным языком, позволял себе редактирование, интерполяции, компиляцию. Например, рассказывая о смерти Андрея Боголюбского, он выставляет мстителем Всеволода, а не Михалку, поскольку о первом намерен говорить дальше, а второй ему не интересен. В опубликованном виде список, наверняка, собственная работа автора сочинения. Характерно, что шесть жен приводятся под полными именами и лишь неизвестно откуда взявшаяся Долгорукова только «княжна».

Текст Сумарокова позволяет отчасти прояснить ситуацию с пре-

словутой «княжной Долгорукой», о которой Мартин написал: «Долгорукова не упоминается ни в одном другом источнике; единственное свидетельство ее существования хронограф Сулакадзева, которого просто не достаточно, чтобы это существование подтвердить. Хотя некоторые биографы Ивана IV включили ее в свой список царских жен, следует согласиться с теми, кто рассматривает ее как чистую выдумку Сулакадзева» (Martin 2013: 451–452). Мартин не прав. Долгорукова упоминается Сумароковым, более того, им упоминается и факт ее насильственной смерти. Судя по всему, кроме фамилии (возможно, искаженной) в его распоряжении не было никаких подробностей об этом браке.

Рискнем предположить, что «княжна Долгорукова» взята не из рукописного перечня жен царя Ивана. «Развод» Марьи Черкасской наводит на мысли о знакомстве Сумарокова с известным сообщением Джерома Горсея о третьем браке Ивана: «He discards his *Cherca* wife, and puts her in a Monastery, and among many of his owne Subiects, chuseth to *Natalia* Daughter to *Kneaz Pheodor Bulgaloue* a great Commander in his warres, who soene after lost his head, and his Daughter within a yeere was shorne a Nunne» (Тем временем он отдал свою черкесскую жену, постриг ее в монахини и поместил в монастырь, а в супруги выбрал из многих Наталью, дочь своего подданного князя Федора Булгакова, высокого военачальника, или воеводы, обладавшего большим доверием и опытом. Однако вскоре тому отрубили голову, а его дочь также

через год была пострижена в монахини) (*Purchas* 1626: 975). Сумароков свободно владел французским и немецким и мог получить сведения о публикации Перчеза при посредничестве сочинения на одном из этих языков либо от их непосредственного носителя. Очевидно, что в исходном сообщении Горсея речь идет о Наталье Федоровне Булгаловой, и источник Сумарокова в таком случае должен быть сокращенным и искаженным. Понятно, что «Булгалова» это Булгакова, а не Долгорукова и в исходном сообщении «погибает» отец царевой жены, а не она сама, но мы уже отметили, что, если это предположение вообще верно, в распоряжении Сумарокова было не исходное сообщение, а его пересказ. Отметим к этому, что если во времена царя Ивана князя Булгаковы-Голицыны действительно были в наличии, то в XVIII в. такое имя в роду Голицыных уже вышло из употребления, и интерпретатор *volens nolens* должен был подбирать созвучное. Имя Долгоруковых, на наш взгляд, к таковым относится.

Путаница в родословных и супружеских связях могла, впрочем, просистекать и непосредственно из рукописных источников, с которыми приходилось работать тогдашним исследователям. Приведем характерный, на наш взгляд, пример. Много лет назад С. О. Шмидт опубликовал небольшой «летописчик» из сборника 2-й половины XVIII в. (*Шмидт* 1974: 349), содержащий, помимо описания опричных жестокостей царя Ивана, разные сведения о матримональной политике московских царей.

А в 7056-м году государь царь и великий князь Иван Васильевич первую свою супругу царицу Дар(ь)ю Ивановну постриг в Тифине, в девичьем монастыре, и совокупился вторым браком на дочери Романа Юрьевича Юрьева девице Анастасии Романовны, от рождения своего в 18 лето; от нея родился царь и великий князь Феодор Иоаннович; а в 7058-м году преставилась царица Анаста(с)ья Романовна. <...> Она государь царь и великий князь Иоан Васильевич сочетался первым браком в лето от рожества христово, понял девицу Дарию Ивановну, дочь Ивана Колтовскаго. Вторым браком сочетался в лето, понял девицу, дочь Романа Юрьевича Юрьева, Анастасию Романовну. Третьим браком сочетался в лето, понял девицу, дочь Федора Нагих, Марфу Федоровну. Пишет же в родословии дворянском. В лето в 81 князю Иоанну Васильевичу Грозному привезли из Рима невесту царевну Софию, деспота царя амморейскаго // дочь, а с нею приехали служить два брата, Юрьи да Дмитрий Мануйловы дети, греки, а был у деспота царя во Аммарей боярами. И государь их пожаловал: велел себе служить. И от них пошел род Траханиотовых в. За сыном его царем Феодором Иоановичем царица была дочь Федора Гадунова Ирина Федоровна, сестра бывшему царю Борису Федоровичу Гадунову. За вторым сыном, царевичем Иоанном Иоанновичем, была первая супруга Александра Богдановна, дочь Богдана Юрьевича Сабурова. Пострижена была царем Иоанном Васильевичем при жизни супруга его в Суздале в Покровскомъ монастыре; вторая ево

супруга была Парасковья Михайловна, дочь коширенина Михаила Соловаго. За государем царем Михайлом Федоровичем первая супруга была княжна Мар(ь)я Володимировна, Володимера Дмитриевича Долгорукова дочь, а сочетался в лето 1625, которая вскоре преставилась. Того ж году царь Михайла Федорович сочетался вторым браком на Евдокии Лукьяновны, дочери Лукьяна Стрешнева. 1627, преставилась царица Дар(ь)я Ивановна, супруга царя Ивана, Васильевича, которая от него была пострижена в Тифине. 1630, родился царевич Алексей Михайлович, крещен в Чудове монастыре патриархом Филаретом Никитичем, а восприемник был Троицкаго монастыря келарь Александр. 1631 году был в Москве великой пожар, что едва не вся Москва выгорела, и такие сильные были громовые погоды и жестокие ветры, что главы и кресты с церквей, и з домов кровли ломало, и самые хоромы с места на место бурею перебрасывало. 1633 году преставился патриарх Филарет Никитич. 1645 году июля 12 преставился царь Михаил Федорович, от рождения в 49 лето, царствовав 32 лета. Того ж году каранован на царство сын ево царь Алексей Михайлович. Пишет а же в одном летописце 7072 году: женился государь на царице Марье Темрюковне из черкаса⁶.

Текст наглядно демонстрирует, с какими сумбурными массивами данных приходилось работать исследователям того времени. Любопытно, что в примере перечислены

именно четыре жены царя Ивана с очевидным нарушением последовательности, как и в черновой записи Ломоносова. Понятно, что обмануться на счет Софьи Палеолог Михайло Васильевич не мог бы, а первая и последняя ивановы жены были известны благодаря их сыновьям, но на правильное место он Колтовскую так и не сдвинул. Княжна Марья Долгорукова (царица Марья, первая жена Михаила Федоровича) упоминалась, например, совместно с ивановой женой царицей Дарьей, коей они с царем Михайлом отправляли подарки, но путаница здесь маловероятна, все-таки не дед и внук Ивана Васильевичи...

«Таблица» Сумарокова переиздавалась позднее в собрании его сочинений и мало того, имела хождение в рукописных сборниках отдельно от остального текста «Краткой московской летописи». Мальгин, впрочем, отнесся к ней недоверчиво и «дополнительных» Анну Васильчикову с княжной Долгоруковой в «ломоносовский» список не включал, говоря о них, начиная со 2-го издания «Зерцала», отдельно и крайне скептически. Распространению перечня Сумарокова отчасти воспрепятствовало и появление несколько лет спустя специального сочинения о женах царя Ивана, принадлежавшего перу самого мэтра тогдашнего русского источниковедения — Г.Ф. Миллера.

Миллеру приходилось обращаться к родословным росписям на протяжении всей своей научной карьеры, и обращение не всегда шло ему

⁶ ГПБ. Ф. IV. № 631. Л. 4об. — 6об.

во благо, был случай, когда Миллеру прямо запрещали заниматься составлением генеалогий, однако это не отвадило упрямого академика от темы. В 1779 г. Миллер, пятнадцать лет как «москвич», был уже вполне благополучен и не вполне здоров (тем не менее благодаря отсутствию вредных привычек он пережил более молодых Ломоносова и Сумарокова). В тот год он напечатал в Санкт-Петербургском немецком журнале статью «Nachrichten von des Zaren Iwan Wasiliewirsch Vermahlungen», которая вскоре была переиздана на русском языке в академическом Месяцеслове под названием «Известия о браках царя Ивана Васильевича» (Миллер 1779). Хотя автора главным образом интересовали брачные претензии царя Ивана на иностранных дам, прежде всего на Марию Гастингс, в начале статьи он приводит сведения о всех семи женах царя, которые ему удалось собрать. Это, видимо, первый перечень, в котором сделана попытка собрать даты бракосочетаний и смертей/пострижений ивановых жен. Миллеру тут удалось далеко не все, однако его сведения в дальнейшем были использованы с некоторыми дополнениями и изменениями Н.И. Новиковым (он даже цитирует Миллера, не ссылаясь, однако, на него) и Т.С. Мальгиным (дополнившим сведения еще и информацией о происхождении семейств, к которым принадлежали дамы, взятой им из Миллером же опубликованных родословных книг). Принципиальным отличием от списка Сумарокова являются сведения о пятой жене царя. Миллер не знал либо проигнорировал сведения Сумарокова (он называет

Собакину Степановной и не использует отчество Васильчиковой — Григорьевна), сам же написал следующее (Миллер 1779: 103–104):

Пятая супруга изъ какого дому была, неизвѣстно. Въ монастырскомъ извѣстїи сказано только, что она называлась Марїею, а въ инокиняхъ Марѳею. Но здѣсь примѣчается та большая ошибка, что кончина ея поставлена в 7000. (1492) году Юля 20 дня. Но какъ церковь дала разрѣшенїе уже одинъ разъ на четвертый бракъ, то Его Царское Величество при семь и по слѣдующихъ бракосочетанїяхъ своихъ требовать онаго почиталь уже не за нужно.

Очевидная и грубая ошибка, разумеется, это сведения о Марье Нагой, которая и умерла 20 июля и была «пятой женой» по «ломоносовскому» списку. Причина ошибки, вероятно, в том, что Марья была пострижена только в 1591 г., после трагической гибели сына, несколько лет спустя после смерти мужа, и уверенность в том, что она не могла быть похоронена в Вознесенском монастыре, поскольку пострижена была на Белоозере, в монастыре св. Николая на Ваксе. Действительно, инокиня Дарья Колтовская погребена в Тихвине, но она и не была реактуализирована во время Смуты Димитрием Самозванцем, в отличие от Нагих. Время возвращения Нагой в Москву и ее смерти уточнил позже Т.С. Мальгин в «Зерцале российских государей» (Мальгин 1794: 391).

Авторитет Миллера заставил ориентироваться на его список князя

М. М. Щербатова (он прямо на Миллера и ссылается) и Н. И. Новикова (опубликовавшего в 1790 г. вслед за Комаровым свадебные разряды московских князей и царей), однако люди попроще, вроде Мальгина и Нехачина, миллеровские сведения о «пятой жене» проигнорировали. Нехачин (1795) указывает просто, что имя и род «пятой жены» неизвестны, а Мальгин, отказывавшийся выстраивать в единый ряд всех семерых жен, пишет о «княжне Долгоруковой» Сумарокова (скрывая, по своему обыкновению, источник под именем «бытописателя»), высказывая при этом крайний скепсис относительно этих сведений (Мальгин 1794: 391). В начале следующего столетия Ефим Филиповский, адаптируя текст Мальгина к гравюрам П. П. Бекетова из «Пантеона государей» (1807), все-таки вставил Васильчикову и Долгорукову между Собакиной и Колтовской, потеснив Анну Алексеевну с ее законного места (Пантеон 1807: 153).

На наш взгляд, именно в «Зерцале» Тимофея Мальгина содержатся основные сведения «выписки», которым Мартин не нашел параллелей у Карамзина. Хотя Мальгин ныне забыт, в то время книга его была весьма популярной. «В конце XVIII в. имя Тимофея Семеновича Мальгина (1752–1819), плодовитого литератора и составителя краткого общедоступного учебника российской истории – выдержавшего за короткое время три издания “Зерцала российских государей”, пользовалось широкой известностью. Как книгой во всех отношениях полезной, “Зерцалом” награ-

ждались по выпуску студенты и кадеты, сам же автор получил за него высочайшую награду (золотую табакерку с бриллиантами)» (Лепехин 1984: 29).

Три издания «Зерцала» отличались объемом, редактированию подвергся и текст о женах Ивана. В 1-м издании их было пять, в последующих семь (Мальгин 1789: 77–78; Мальгин 1794: 390–391). Окончательный вид текст приобрел в 1807 г. у Ефима Филиповского, переписавшего в «Пантеон» текст 3-го издания «Зерцала» с незначительными дополнениями (Пантеон 1807: 152–153). Запись о каждой жене сопровождалась связанными с ней датами, дополнительными сведениями, и структура построения текста Филиповского в наибольшей степени соответствует организации текста в «выписке». Этим «выписка» принципиально отличается от известных «летописных» списков жен, где нет дат и может не быть даже полных имен.

В таком состоянии дела и оставались до Карамзина. Какой видится нам в настоящий момент история исходного списка жен царя Ивана? Полагаем, что изначальный список содержал семь имен и именно от своих русских информаторов получили это число иностранные авторы, никогда, впрочем, не перечислявшие всех имен. Оригинальными списками являются, на наш взгляд, известные ныне списки XVIII в. из «Елагинской смеси»⁷, первый полный список со вдовой Василисой и Разрядной книги из фонда

⁷ ОР РНБ. Ф. 550. Q.IV.217.

МГАМИД⁸, найденной Мартином, где Василиса причислена к роду Радиловых (*Martin* 2013: 455). Характерно, что они отличаются в деталях, следовательно, не являются буквальными копиями. Поскольку Василиса аттестована была в этих списках как «женище» — наложница, многие иные копиранты сочли возможным исключать ее имя из списка. При этом общее число жен могло как оставаться без изменений (Московский летописец), так и последовательно уменьшаться на единицу (Постниковский летописец). Кроме того, существовали, видимо, варианты «коротких» списков, которые составлялись новыми переписчиками путем агрегации сведений непосредственно из текста летописи («Летописчик» Шмидта, как вариант). Такие списки, как правило, содержали неточности и ошибки.

Тем не менее «короткие» списки наиболее известных жен подтверждались свадебными разрядами, духовными, договорными грамотами и т. п. источниками, постепенно вводившимися в научный оборот в XVIII в. Когда авторы середины столетия попытались восстановить полный список жен, имя Анны Григорьевны Васильчиковой было выявлено довольно рано, хотя подробных сведений о ней собрать не удавалось, Синодик опальных царя Ивана, свадебный разряд стали доступны гораздо позднее. Имя же «женища» Василисы Мелентьевой Радиловой оставалось неизвестно до Карамзина. В связи с этим сведения об этой жене, считавшейся

«пятой», либо объявлялись неизвестными, либо переносились с другой женщины, либо реконструировались по недостоверным сведениям из иностранных источников. «Княжна Долгорукова», на наш взгляд, обязана своим существованием эрудиции и любопытству Сумарокова. Но, разумеется, не так думал наш герой Александр Иванович Сулакадзев — взявшись, под впечатлением от сочинения Карамзина, составлять свой собственный перечень, он счел необходимым использовать все имена, которые оказались ему доступны.

Любопытно распределение текста «выписки». Если на л. 156об. содержатся сведения о четырех женах Ивана, то на каждом из лл. 157 и 157об. только о двух, причем две трети каждого из листов занимают записи о княжне Долгорукой и Василисе, т. е. как раз о тех женах, достоверных сведений о которых нет. Чем меньше у автора «выписки» было информации, тем больше он стремился ее распространить. По сути, про каждую из них он сочиняет короткую историю, чего и близко нет, когда он пишет об известных по источникам женах, где он скорее сокращает потенциально возможный текст. Так он исключает сведения о знатном происхождении жен Ивана, которое неизменно отмечал Мальгин.

Каков статус текста «выписки»? Нам кажется, что, если говорить о мотивах, это не фальсификация и не мистификация, а авторский текст, попытка Сулакадзева разобраться с имеющейся информацией о браках царя Ивана. Побудительным

мотивом послужила, вероятно, IX часть «Истории» Карамзина, поэтому составление «выписки» вряд ли далеко отстоит от 1821 г. «Зерцало» Мальгина он наверняка знал ранее, в его каталоге отмечены два издания — 1-е и 3-е. Был ли рассчитан текст на кого-то, кроме самого автора, судить сложно, но то же можно сказать и про многие иные «проказы» Сулакадзева.

Остается решить, как сборник попал к Сахарову. Это произошло заведомо до распродажи библиотеки (Сахаров умер раньше), деловой контакт же агрессивного русофила Сахарова с «полячишкой» Корсаком кажется маловероятным, это не его круг общения. В каталоге рукописей Сахарова от 1842 г. такого сборника нет, посему более вероятной кажется половина 40-х гг., когда вдова фон Гюч активно пыталась продать библиотеку, настаивая на продаже всего собрания целиком. Сахаров внимательно следил за ситуацией, неоднократно писал о положении дел своим корреспондентам, явно осматривал библиотеку, возможно, был и автором рекламной заметки в «Отечественных записках». Он тесно взаимодействовал с А.И. Кастериным, посредничавшим при продаже библиотеки, хотя личное отношение к деятельности Кастерина было у него сложным. Рискнем предположить, что Сахаров в то время «выпросил» сборник либо у самой вдовы, либо, что вероятней, у Кастерина. Конечно, Ивана Петровича, известного собирателя фольклора, интересовали основные статьи сборника, а не рассмотренная нами здесь «выписка»...

ПРИЛОЖЕНИЕ

изъ Хронографа. о браках Царя Иоанна Васил.^{9 10}

Въ лѣто <7055>. 1547. **юевраля <13>**¹¹ сочεται бракомъ царь Иванъ Васильевичъ на Анастасіи Романовне Захаріиной, *иже нужне умре <7>* августа <7068>.

Въ лѣто <7069> — 1560 августа <21> *обращися царь вторично на Маріи Феодоровнѣ*¹² черкасской горской, **и съ**

⁹ Помимо уже указанного Мартином Карамзина, мы выделили в «выписке» заимствования из «Вивлиофики», 3-го издания «Зерцала» и «Пантеона». Для удобства все заимствования выделены разными шрифтами — полужирный Карамзин, курсив Мальгин, полужирный курсив «Вивлиофика» и подчеркнутый «Пантеон». Комментарии к записи о каждой жене Ивана даны в виде примечаний. Числа в угловых скобках < > в оригинале записаны кириллицей. Как заметил Мартин, дублирование дат от С.М. датами от Р.Х. проведено в «выписке» последовательно, некоторые даты пропущены, однако все первые даты — даты свадеб — дублированы.

¹⁰ Вид заголовка, на наш взгляд, не дает оснований для закрепившегося названия «выписки» — «Хронограф о браках...». В конце первой строки стоит точка и, на наш взгляд, смысл этого текста надо понимать так: [Выписанные] из Хронографа [сведения] о браках царя Иоанна Васильевича. Т.е. автор не имеет в виду никакого «Хронографа о браках», а сообщает, что имел под рукой некий Хронограф, из которого выписал сведения о женах царя Ивана. Жен в его хронографе нашлось восемь, чему ни в каких источниках больше соответствий нет.

¹¹ Сулакадзев последовательно предпочитает сведения Карамзина. В данном случае у Карамзина ошибка — в «Зерцале» (Мальгин 1789: 77) и Пантеоне (Пантеон 1807: 152) правильная дата — 3 февраля, подтверждаемая свадебным разрядом. Уже эта дата дает все основания считать, что перед нами зависимый от Карамзина текст.

¹² Ошибка в первом издании Мальгина, у которого там только пять жен, причем

туги нравныя и зѣло лютые терпи умре сентября <1-го> лѣта <7078> 1570.

Въ лѣто <7079>. **1571.** октября <28> соборнѣ пояль царь дѣву **ноугородскую гостію** Марфу Васильевну Собакину. но пожи съ нею больнѣ, отъя животе и **умре ноября <13> дня**

Въ лѣто <7080>. **1572.** априлія <29> забы законъ царь и поя за ся устраши церковныя власти¹³, **Анну Алексѣевну Колтовскую** но пожи в тугѣ и мученіи съ нею, и насильнѣ постриже ю на Тихфинѣ. умре априлія <6> <1626> лѣта.

Въ лѣто <7081> 1572, ноемврїя¹⁴ <11> **дня, прїя молитву**¹⁵ и сочтася отай

сведения о иночестве Марьи Нагой попали к Марье Черкасской, из-за чего у нее появилось отчество Федоровна, смутившее Мартину. Сам Мальгин, впрочем, дает двойное отчество (*Мальгин* 1789: 78). Во 2-м и 3-м изданиях Мальгин сведения о монашестве Черкасской не повторяет, однако второе отчество приводит (*Мальгин* 1794: 390). Сулакадзев попросту исключил басурманское отчество.

¹³ Запрос Иваном разрешения на четвертый брак подробно рассмотрен у Карамзина. Новиков, зная только монашеское имя Колтовской, связывал разрешение на брак с «царицей Анной» с Васильчиковой, почему она и указывалась до Карамзина четвертой в перечнях жен. У Мальгина «по разрешению местного собора». Поскольку он не включает Васильчикову в общий список, Колтовская у него на своем месте.

¹⁴ Дата брака от Р.Х. несет следы правки. Не исключено, что дата брака заимствована из мальгинской же даты свадьбы с Маврой Собакиной – ноябрь 1572 г. Противоположна браку с Собакиной сама интрига – Мавра умерла после свадьбы, не утратив девства, Долгорукова выходит замуж не будучи девственной. Сама история с утоплением, полагаю, сочинена по мотивам мужеубийцы Улиты, жены сына Юрия Долгорукого.

¹⁵ У Карамзина эта характеристика относится к браку с Василисой.

на княжнѣ **Маріи**¹⁶ Ивановна¹⁷ Долгорукая¹⁸, кою утопи въ рѣцѣ Серѣ, въ колымагѣ, затисную крѣпцѣ, на ярыхъ конехъ, и воскручинися, занеже въ ней не обрѣте дѣвства¹⁹; а погуби ю на утре ноемврїя <12> дня. Но вельми бысть добра и красоты юныя колпицы²⁰, и восплакася, повелѣ златополосную главу церкви

¹⁶ «Мария, а в инокинях Марфа» у Новикова, налицо путаница с Нагой по совпадающему порядковому номеру.

¹⁷ У Леклерка, а также в 1-м и 2-м изданиях «Зеркала» такое отчество приписано Колтовской, хотя во 2-м издании Мальгин уточняет: «а по надгробной надписи Алексеевну».

¹⁸ Мальгин специально оговаривается, что сведений о времени и обстоятельствах этого брака нет. Нельзя исключить, что до источника Мальгина – Сумарокова дошло в сильно искаженном виде сообщение Джерома Горсея о третьем браке Ивана: «He discards his *Cherca* wife, and puts her in a Monastery, and among many of his owne Subiects, chusethe to *Natalia* Daughter to *Kneaz Phedor Bulgalouea* great Commander in his warres, who soene after lost his head, and his Daughter within a yeere was shorne a Nunne» (*Purchas* 1626: 975). Любопытно, что Сумароков и в 1-м издании Мальгин действительно писали о монашестве Черкасской.

¹⁹ Решительно невозможно допустить, чтобы повитухи не осматривали половые органы претенденток в царские невесты, не столько ради девства, сколько ради выявления возможных заболеваний. Степень безумия лиц, рискнувших представить на смотр дефлорированную девушку, сложно себе представить.

²⁰ В рассматриваемое время подходящих в отцы юной красавицы Иванов Долгоруких было двое. Первый, сам по себе ничем неизвестный, имел братьев Тимофея Ивановича и Григория Чорта, бывших при военных делах все 70-е гг. и в конце концов ставших окольным и черниговским воеводой соответственно. Другой Долгорукий, Иван Шибан, также непрерывно был головой, воеводой и наместником, последовательно повышаясь в чинах. Поскольку деструкция родных юной княжны при таком вопиющем скандале была неизбежна и при менее эксцентричном человеке, чем царь Иван, остается предположить, что имя злосчастной

слободы Александровой очернить чрезъ полосу злату²¹.

Въ лѣто <7083> 1574. июля <5> на день Офонасія опять царь о здравѣ дыша яростію благослови-ся у попа духовнаго своего²² и обин-чаяся на Анне *Василіевне*²³ Васильчи-ковой, и заточи ю нужне²⁴ августа <14> на канунъ успенія²⁵.

утопленницы никакого отношения к реальности не имеет.

²¹ Покровский храм Александровской слободы одноименен известному московскому собору Покрова на Рву, некоторые купола ко-его действительно полосаты. Однако храм в Слободе имеет шатровый четырехскатный купол. Надо полагать, что позолоченным он никогда не был.

²² Дата брака от С. М. несет следы правки. См. у Карамзина (*Карамзин* 1988: 273): «...уже не требуя благословения от Епископов». Сулакадзев тем не менее специально отмечает участие священника.

²³ Отчество происходит, вероятно, из ошибки у Щербатова (или его источника), который использовал его вместо фамилии Васильчикова — Анна Васильевна, «о роде которой мы никакого известия не имеем». Эти сведения заимствовал Мальгин, присовокупив отчество уже к фамилии Васильчикова (Анна Васильчикова есть у Новикова), и хотя в Пантеоне указано верное отчество — Григорьевна, Сулакадзев, не находя отчества у Карамзина, предпочел следовать Мальгину. Отметим, что Мальгин выводит Васильчикову и Долгорукову за хронологический перечень жен, упоминая их особо и добавляя, что «сих обстоятельств не только достоверными, но ниже вероятными или правдоподобными почитать не можно» (*Мальгин* 1794: 391). В данном случае Мальгин характеризует и свои источники, говоря, что «некоторые бытописатели прилагают к оным пяти еще яко бы двух супруг», тем самым подчеркивая, что его сведения происходят не из первоисточников, а из современных сочинений.

²⁴ То же следует и из указания Карамзина на смерть Анны в Суздальском Покровском монастыре.

²⁵ Нарочитая краткость брака, видимо, обусловлена указанием Карамзина, что никто

Въ лѣто <7085>. 1577. января в <23> на канунъ послова, и яко видѣнья очей царскихъ, царь обратися со вдовою **Василисою Мелентьевною**²⁶, ю же муже ее опричник

из Васильчиковых не успел получить значительных чинов. Современные исследователи относят брак ко 2-й половине января — началу февраля 1575 г. и находят, что он продолжался около года.

²⁶ Дата брака от С. М. несет следы правки. В рукописи Елагина далее следует «сиречь с женищем», следовательно, Василиса рассматривается, как наложница. В этом, вероятно, причина того, что ее имя исключалось из перечня жен, даже в тех случаях, когда общее их число оценивалось в семь душ. Отсюда, видимо, и разногласия при попытке восстановления имени седьмой (а по порядку пятой) жены в работах авторов конца XVIII в. Не знаем, имеет ли смысл вспоминать библейского Урию, но вдова должна была быть молодой, следовательно, смерть ее мужа естественной. Таковая, подходящая, и предложена. Поскольку мотив убийства должен быть достаточно весомым, Василиса хороша «как ни в сказке сказать, ни пером описать». Кобрин, приводящий подробную справку о крещеном татарском князе Иване Мокшеевиче Тевекелеве, комментирует сведения «выписки» о его казни следующим образом: «...не исключена возможность, что при подделке записи Сулакадзев своеобразно интерпретировал недошедший до нас источник» (*Кобрин* 1959: 75). А. И. именно «своеобразно интерпретировал», а источник известен, это «Послужной список старинных Бояр и Дворецких, Окольных и некоторых других придворных чинов, с 6970 по 7184 (то есть с 1462 по 1676) год», составленный в семье Шереметевых (Древняя российская вивлиофика. Ч. XX. М., 1791). Именно в нем одном приводятся сведения, что «оружничий князь Иван Деветелеевич» в лето 7085 «выбыл». В иных источниках князь именуется Тевекелев, Теукелев, Теукчеев. Сулакадзев разумно предположил, что «выбыл» означает опалу, а скорее всего и казнь. Оружничий должность как раз подходящей близости к телу государя, чтобы Василиса могла положить на него глаз — предшественником Тевекелева был князь Афанасий Вяземский, а преемником Богдан Бельский. Но молод князь Иван Мокшеевич не был, было ему около сорока, судя по разрядам.

закла; зело у рядна и красна, тако-
вые не бысть в девах, коих возя-
ще на зрение царю, и невзлюбися
и <1> мая въ Новѣградѣ и не отдохну
затоци ю²⁷, чтя ю зрящу яро на *оруж-
ничаго Ивана Девтелева Князя, коего
и казни.*

Въ лѣто <7088>. **1580. сентембрія**
<2> оженися царь въ восьмые
на Маріи Θεодоровнѣ Нагово, отъ
ея же родися <19>. октября <7091>
лѣта царевичъ Димитрій по креще-
нью, **а на молитвѣ Оуарѣ**, кой пре-
терпѣ много скитаясь, <юж> на мо-
сковском царствѣ закланъ²⁸, а она
умре юля <20> лѣта <7116>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зимин 1986 – *Зимин А. А.* В канун гроз-
ных потрясений: Предпосылки первой
Крестьянской войны в России. М., 1986.

Карамзин 1988 – *Карамзин Н. М.* Исто-
рия Государства Российского / изд. И.
Эйнерлинга. В 12 т. В 3 кн. СПб.: В тип.
Эдуарда Праца, 1842–1843 (репринт в 4
томах, 1988).

Кобрин 1959 – *Кобрин В. Б.* Состав Оприч-
ного двора Ивана Грозного // Архео-
графический ежегодник за 1959 год. М.:
Наука, 1960. С. 16–91.

Лепехин 1984 – *Лепехин М. П.* Об одном
неосуществленном замысле Тимофея
Мальгина // Ежегодник Рукописного
отдела Пушкинского Дома на 1980 год.
Л., 1984. С. 29–73.

²⁷ В Пантеоне (Пантеон 1807: 153) «в заклю-
чении скончавшуюся» – характеристика
Долгорукой. В принципе, она следует из со-
общения Горся. Трудно сказать, консульти-
ровался ли Филиповский с автором «Зерца-
ла» лично, но такое вполне возможно.

²⁸ Совершенно прозрачное указание, что
Димитрий Самозванец настоящий царевич,
никем доселе незамеченное. У Мальгина
(*Мальгин 1794*: 391) упоминается *Лже-дими-
трий*, вернувший инокиню Марфу в Москву.

Ломоносов 1952 – *Ломоносов М. В.* Полное
собрание сочинений / АН СССР. Т. 6:
Труды русской истории, общественно-
экономическим вопросам и географии.
1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР,
1952.

Мальгин 1789 – Зерцало российских го-
сударей с 862 по 1789 год, Изображаю-
щее их родословие, союзы, потомство,
время рождения, царствования, кончи-
ны и вкратце деяния с достопамятными
происшествиями / Сочинил из повест-
вованных достоверных российских пи-
сателей в удовольствие любящих отече-
ственную историю, в пользу же и ради
удобнейшаго руководству к познанию
оной юношеству Тимофей Мальгин,
коллежский ассессор. СПб.: При Имп.
Акад. наук, 1789.

Мальгин 1794 – Зерцало российских го-
сударей, изъображающее от Рождества
Христово с 862 по 1794 г. Высокое их
родословие, союзы, потомство, вре-
мя жизни, царствования и кончины,
место погребения и вкратце деяния
с достопамятными происшествиями /
По достоверным российским бытописа-
ниям в удовольствие любителей отече-
ственной истории, наипаче же в пользу
и удобнейшее руководство к познанию
оной юношеству сочинил и 3-м издани-
ем, вновь рассмотренным, исправлен-
ным и дополненным издал, Имп. Рос-
сийской академии член коллежский ас-
сessor Тимофей Мальгин; Иждивением
трудившагося. (3-е изд.). В царственном
граде Св. Петра: При Имп. Акад. наук,
1794.

Миллер 1779 – *Миллер Г. Ф.* Известия
о браках царя Ивана Васильевича //
Мѣсяцеслов исторический и геогра-
фический на 1779 год. СПб., 1779.
С. 100–112.

Отчет 1864 – Отчет Императорской
публичной библиотеки за 1863 г. СПб.,
1864. С. 59–60.

Розов 1958 – *Розов Н. Н.* Об одном па-
родийно-сатирическом сборнике
XVIII в. // Труды Отдела древнерусской

литературы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. В.И. Малышев. Т. 14. М., Л., 1958. С. 481–485.

Сперанский 1956 – Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. // Проблемы источниковедения. 1956. Т. V. С. 56–101.

Сумароков 1787 – Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе / А.П. Сумароков; собраны и изданы Н. Новиковым. Ч. VI. М.: Университетская типография Н.Новикова, 1787.

Пантеон 1807 – Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний великих князей российских, царей, императоров и их пресветлейших супруг и детей; их правления, силы и славы, различных войн и междоусобных раздоров до введения монархического самодержавия, бунтов и проч. от Р.Х. с 862 года до ныне благополучно царствующаго великаго государя императора Александра I. Самодержца Всероссийскаго.; С достопамятными примечаниями о высоком их родословии, союзах, потомстве и времени жизни, царствования, кончины и месте погребения. С изображением гравированных их портретов. / Иждивением и труда-

ми, из разных достоверных бытописателей и манускриптов собранное и в свет изданное для пользы российского благороднаго юношества кол. сов. Еф. Филиповским. М.: В типографии Платона Бекетова, Ч. 2., 1807.

Шамбинаго 1914 – Шамбинаго С.К. Песни времени царя Ивана Грозного: исследование. СПб.: Тип. И.И. Иванова, 1914.

Шмидт 1974 – Шмидт С.О. Поздний летописчик со сведениями по истории России. // Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. М., 1974.

Martin 2012 – Martin R.E. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2012.

Martin 2013 – Martin R.E. Truth and Fiction in A. I. Sulakadzev's Chronograph of the Marriages of Tsar Ivan Vasil'evich // Canadian-American Slavic studies. Revue canadienne-américaine d'études slaves 47(4):436-458. January 2013.

Purchas 1626 – Purchas S. Purchas His Pilgrimage or Relations of the World and the Religious Observed in all Ages and Places Discovered from the Creation unto this Present, etc.: 4-th ed. L., 1626. P. 973–992.

SEVEN BRIDES OF THE TYRANT IVAN
(A. I. SULAKADZEV AND THE WIFES OF IVAN THE TERRIBLE)

Rybalka Andrey A. – head of Department of implementation of systems and means of information security, Scientific and production company «Kristall» (Penza)

Key words: Chronograph, Sulakadzev, Sakharov, Zertsalo, falsification, royal marriages, additions

The author searches for additional information characterizing the early ideas about the matrimonial policy of Tsar Ivan Vasilyevich in the context of the existence of falsification «The Chronograph about the Marriages of Tsar John Vasilievich», attributed to A. I. Sulakadzeff. The results obtained make it possible to point out several well-known works of the eighteenth century, such as the works of A. P. Sumarokova, G. F. Miller, T. S. Malgina, as the source of those falsified information, the origin of which remains unclear to

this day. In addition, the fate of the handwritten collection containing the counterfeit is analyzed, the person who created the counterfeit source – Sulakadzeff – is confirmed. At the end of the article the author offers a commentary full text of the «Chronograph about Marriages», almost unknown in Russian-language publications.

REFERENCES

Karamzin N.M. *Istoriia Gosudarstva Rossiiskogo* / izd. I. Einerlinga. V 12 t. V 3 kn. St. Petersburg: V tip. Eduarda Pratsa, 1842–1843 (reprint v 4 tomakh, 1988).

Kobrin V.B. Sostav Oprichnogo dvora Ivana Groznogo // *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1959 god.* Moscow: Nauka, 1960. P. 16–91.

Lepkhin M.P. Ob odnom neosushchestvlennom zamysle Timofeia Mal'gina // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1980 god.* Leningrad, 1984. P. 29–73.

Kratkoe istoricheskoe i khronologicheskoe opisanie zhizni i deianii velikikh kniazei rossiiskikh, tsarei, imperatorov i ikh presvetleishikh suprug i detei; ikh pravleniia, sily i slavy, razlichnykh vojn i mezhdusobnykh razdorov do vvedeniia monarkhicheskago samodержavii, buntov i proch. ot R.Kh. s 862 goda do nyne blagopoluchno tsarstvuiushchago velikago gosudaria imperatora Aleksandra I. Samoderzhitsa Vserossiiskago.: S dostopamiatnymi primechaniiami o vysokom ikh rodoslovii, soiuзах, potomstve i vremeni zhizni, tsarstvovaniia, konchiny i meste pogrebeniia. S izobrazheniem gravirovannykh ikh portretov. / *Izhdiveniem i trudami, iz raznykh dostovernnykh bytopisatelei i manuskriptov sobrannoe i v svet izdannoe dlia pol'zy rossiiskago blagorodnago iunoshestva kol. sov. Ef. Filipovskim.* Moscow: V tipografii Platona Beketova, Ch. 2., 1807.

Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii / AN SSSR. T. 6: *Trudy russkoi istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. 1747–1765 gg.* Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952.

Martin R.E. *A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Rus-*

sia. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2012.

Martin R.E. Truth and Fiction in A.I. Sulakadzev's Chronograph of the Marriages of Tsar Ivan Vasil'evich // *Canadian-American Slavic studies.* Revue canadienne-américaine d'études slaves 47(4):436–458. January 2013.

Miller. G. F. Izvestiia o brakakh tsaria Ivana Vasil'evicha // *Mʹsiatsoslov istoricheskii i geograficheskii na 1779 god.* St. Petersburg, 1779. P. 100–112.

Otchet Imperatorskoi publichnoi biblioteki za 1863 g. St. Petersburg, 1864. P. 59–60.

Purchas S. *Purchas His Pilgrimage or Relations of the World and the Religious Observed in all Ages and Places Discovered from the Creation unto this Present, etc.*: 4th ed. L., 1626. P. 973–992.

Rozov N.N. Ob odnom parodiino-satiricheskom sbornike XVIII v. // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury / AN SSSR.* Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom); Otv. red. V.I. Malyshev. Vol. 14. Moscow; Leningrad, 1958. P. 481–485.

Shambinago S.K. *Pesni vremeni tsaria Ivana Groznogo: issledovanie.* St. Petersburg: Tip. I.I. Ivanova, 1914.

Shmidt S.O. Pozdniy letopischnik so svedeniiami po istorii Rossii. // *Letopisi i khroniki.* Sb. statei. 1973 g. Moscow, 1974.

Speranskii M.N. Russkie poddelki rukopisei v nachale XIX v. // *Problemy istochnikovedeniia.* 1956. Vol. V. P. 56–101.

Sumarokov A.P. *Polnoe sobranie usekh sochinenii v stikhakh i proze* / A.P. Sumarokov; sobrany i izdany N. Novikovym. Ch. VI. Moscow: Universitetskaia tipografiia N.Novikova, 1787.

Zertsalo rossiiskikh gosudarei s 862 po 1789 god, Izobrazhaiushchee ikh

rodoslovie, soiuzy, potomstvo, vremia rozhdeniia, tsarstvovaniia, konchiny i vkrattse deianii s dostopamiatnymi proisshestviiami / *Sochinil iz povestvovaniu dostovernykh rossiiskikh pisatelei v udovol'stvie liubiashchikh otechestvennuiu istoriiu, v pol'zu zhe i radi udobneishago rukovodstvu k poznaniuu onoi iunoshestvu Timofei Mal'gin, kollezhskii assessor.* St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1789.

Zertsalo rossiiskikh gosudarei, iz"obrazhailushchee ot Rozhdestva Khristova s 862 po 1794 g. Vysokie ikh rodoslovie, soiuzy, potomstvo, vremia zhizni, tsarstvovaniia i konchiny, mesto pogrebeniia i vkrattse

deianiia s dostopamiatnymi proisshestviiami / *Po dostovernym rossiiskim bytopisaniiam v udovol'stvie liubitelei otechestvennoi istorii, naipache zhe v pol'zu i udobneishee rukovodstvo k poznaniuu onoi iunoshestvu sochinil i 3-m izdaniem, vnov' razsmotrennym, ispravlennym i dopolnennym izdal, Imp. Rossiiskoi akademii chlen kollezhskii assessor Timofei Mal'gin; Izhdiveniem trudivshagosia.* (3-e izd.). V tsarstvennom grade Cv. Petra: Pri Imp. Akad. nauk, 1794.

Zimin A.A. *V kanun groznykh potriasanii: Predposylki pervoi Krest'ianskoi voiny v Rossii.* Moscow, 1986.

Е. М. Камова

С РУССКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...

Рец.: Полонский Пинхас. «Библейская динамика. Комментарий на книгу Бытия» том. 1. М.: ООО «Столичная пресса», 2016. 720 с.

Библия является основой человеческой цивилизации. Без нее не было бы христианства и ислама, которые выросли из иудаизма, и не было бы всего того мира, в котором мы живем. Библейский текст — это основа основ, а не просто «литературный памятник». Библия — вечная Книга для всех поколений. В то же время прочесть эту книгу очень сложно. А есть ли смысл в Библии, или мы его придумываем? Смысл есть, и его надо понять, но как?

Помню свою попытку в юности прочесть Библию. Начало было прочитано быстро, как какие-то приключения. Но так же быстро все забылось. Бесконечные перечисления имен не имели для меня никакого смысла. Даже самая поэтическая библейская книга — «Песнь Песней» — не произвела на меня ожидаемого впечатления. Наоборот, после «Суламифи» Куприна, основанной на библейской истории, было странно читать

набор бессмысленных для меня, несвязанных между собою фраз подлинника. Конечно, Куприн с понятным сюжетом был гораздо интереснее. Так и остался тогда для меня открытым вопрос, что же такого в этой Библии, почему ее следует читать? Если это божественный текст, то он относится ко всем и ко мне в том числе, но как же его понять?

Как сделать вечный библейский текст актуальным сегодня? Как связать библейскую древность с современностью? Для этого необходим комментарий — «интерфейс» между библейским текстом и современным человеком. Каждая эпоха требует своего комментария к библейскому тексту. Классический еврейский комментарий Раши написан тысячу лет назад и адресован тем, кто уже понимает, о чем речь, для кого актуальным является, например, вопрос, почему Всевышний говорит о себе во множественном числе в связи с Адамом. А неискушенному человеку, который хочет прочесть и понять Священное писание, классический комментарий помогает мало.

© Камова Е. М., 2017

Караваных Елена Михайловна (Елена Камова) — писатель, редактор (Москва); karavannykh1970@mail.ru

Существующие на настоящий момент комментарии к Библии на русском языке представлены в основном работами христианских (католических, протестантских, православных) авторов. Это оригинальные комментарии «Толковая Библия» (1904–1913) А. П. Лопухина и «Введение в Ветхий Завет» (1908–1917) П. А. Юнгерова, а также переводы на русский язык комментариев европейских и американских авторов, такие как «Библия с комментариями» Дж. Сваггерта» (2013), «Полноценная жизнь. Библия с комментариями» Д. Стемпса (2006), «Женевская учебная Библия» (2012). Таким образом, современных оригинальных комментариев Библии нет, а комментарии начала XX в. с тех пор не переиздавались. В то же время переводные комментарии 1560 г. (Женевская Библия) и 1990-х гг. (Сваггерт и Стемпс) до сих пор регулярно переиздаются большими тиражами.

Все эти комментарии объединяет общая задача показать, что еврейская Библия – Ветхий Завет – предсказывает, предвосхищает и подтверждает появление мессии-спасителя.

Во введении к Женевской Библии говорится, что основная смысловая и сюжетная линия книги Бытия – спасение. Лопухин в «Толковой Библии» утверждает, что «центральной идеей всех Библейских писаний... является учение о Мессии, Сыне Божьем, Иисусе Христе... Как предмет чаяний Ветхого Завета... Иисус Христос является тем краеугольным камнем, на основе которого заложено здание нашего

спасения». Телеологический подход этих комментариев сочетается с их назидательным стилем. Авторы не предлагают читателю поспорить или поразмышлять, а дают готовые ответы. Например, «Полноценная жизнь» Стемпса является по сути катехизисом, содержащим и готовые вопросы, и ответы на них.

Исключением в этом ряду христианских комментариев Библии являются две книги: «Введение в Ветхий Завет» (русский перевод 1998 г.) Э. Янга и «Фольклор в Ветхом завете» Дж. Фрэзера (русский перевод 1931 г.). Эти авторы, анализируя источники и авторство библейских текстов, разными путями пришли к сходным выводам. В книге Янга, которую сам автор определяет как труд по изагогике (теологической дисциплине, рассматривающей вопросы единства, авторства, датировки, подлинности и литературных особенностей библейского повествования), выдвинут и обоснован тезис о соавторстве человека (от Адама до Праотцов и Пророков) и Всевышнего в написании Библии. В книге Фрэзера на обширном фольклорном и этнографическом материале показано, что опыт, подобный библейскому, был пережит и до сих пор переживается человечеством не только в религиозной, но и в повседневной жизни. Таким образом, оба автора показали, что человек принимал активное участие в Божественном творении мира и библейского текста и что религия (понимаемая не как доктрина, а как динамическая система взаимоотношений между Богом и человеком) по-прежнему актуальна и продолжает развиваться. Сходные идеи

лежат в основе комментария «Библейская динамика».

На первый взгляд, название книги Полонского кажется оксюмороном. Ведь библейский текст, в котором нельзя изменить ни одной буквы, — это канон, нечто застывшее. А какая может быть динамика у статики? Автор спорит с распространенным представлением о том, что религия — это вещь статическая, это данность от Бога, и дело человека только выполнять заповеди. В библейском тексте мы видим, что Бог не просто так дает Свои законы и заповеди, но делает это в диалоге с человеком. И самое главное — Божественное откровение продолжается. Если мы верим в то, что Бог создал мир и продолжает им руководить, а это одна из основ религиозной веры, это значит, что Он продолжает с нами разговаривать. Если религия предстает вещью застывшей, то она не может адекватно отвечать миру, который все время изменяется. Полонский утверждает, что религия — это такая же развивающаяся по своим законам структура, как наука или искусство. Для того чтобы религия стала адекватной миру, она должна быть динамичной.

Свою первую книгу Полонский издал в подпольных условиях в 1981 г. в Москве. Это была «Пасхальная Агада с комментариями для современного читателя». Для многих советских евреев 1980-х гг. это был единственный доступный текст Агады. С 1987 г. Полонский живет в Израиле, где преподает в университетах Бар-Илан и Ариэль. С 2000 г. он опубликовал более 25 книг

по еврейской традиции и философии — на русском языке. Некоторые из этих книг переведены на английский и иврит. Книги Полонского посвящены как историческим, так и современным аспектам существования религии в мире, а также актуальности религии. Автор видит свою задачу в модернизации ортодоксального иудаизма и интеграции традиционной религии с универсалистскими ценностями. В книге «Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству» (2009) Полонский разъясняет суть базисных мировоззренческих различий между иудаизмом и христианством. Иудаизм и христианство уникальны в истории человечества потому, что две эти религии имеют один общий священный текст (ТаНаХ, он же «Ветхий Завет») и различаются только комментариями к нему. Книга Полонского «Рав Кук. Личность и учение» (2006) посвящена создателю философской концепции религиозного сионизма. Книга «Израиль и человечество. Новый этап развития» (2010) развивает концепцию модернизации религии в эпоху перемен и выдвигает идею новой религиозной системы «универсального иудаизма для всего человечества» — Бней Ноах (Сыновья Ноя). Комментарий «Библейская Динамика» — главная работа, которой Пинхас Полонский занимается последнее десятилетие. Это первый случай в истории, когда новый комментарий к Торе издается по-русски, а уже потом переводится на другие языки. Начиная с 2006 г. «Библейская динамика» публикуется отдельными выпусками в Израиле, США, Украине. В 2016 г. вышло первое российское издание

комментария — «Библейская динамика. Комментарий на Книгу Бытия. Том 1».

Книга начинается с развернутого авторского введения, в котором изложена концепция, перечислены источники и сформулирован метод нового комментария к Библии.

Тора (Пятикнижие, основа Библии) дана человечеству Свыше, и текст ее неизменен. Каждое поколение людей читает и понимает этот текст по-своему. Вместе с тем каждое новое прочтение Библии не отменяет, а дополняет и углубляет предыдущее. Автор комментария «Библейская динамика» отталкивается от изначального «классического» понимания Библии, принимая его как неотменимое, «ортодоксальное». Добавляя к нему свое новое понимание, Полонский, по его словам, идет «путем ортодоксальной модернизации» (с. 8).

В основе этого «пути» лежат идеи рабби Авраама-Ицхака Кука (1865–1935), величайшего каббалиста и создателя философии религиозного сионизма. Идеи Кука развил рабби Йехуда-Леон Ашкенази-Маниту (1922–1996). Его последователь рабби Ури-Амос Шерки (р. 1959) систематизировал и изложил учение рабби Ашкенази-Маниту в серии лекций по Торе. Именно на эту разработку рабби Шерки опирается автор «Библейской динамики». По словам Полонского, его книга «представляет собой первое изложение подхода рабби Ашкенази-Маниту к Торе, опубликованное в виде книги с последовательным систематическим комментарием»,

в которой идеи Ашкенази-Маниту и Шерки составляют около 80 % материала, а остальные 20 % являются собственными дополнениями Полонского (с. 9–10).

Ключевыми моментами книги Бытия, комментарием к которой является первый том «Библейской динамики», выступают истории библейских патриархов — Праотцов Авраама, Ицхака и Якова. Анализ этих историй — основной предмет книги, автор которой задает следующие вопросы: «Каким образом Авраам, Ицхак и Яков... развивались как личности? Как под воздействием различных обстоятельств и внутренней работы менялись их взгляды и идеи?» (с. 10).

Объяснение динамики Праотцов в книге Полонского базируется на каббале, мистическом направлении в иудаизме. По словам автора, «главным результатом деятельности Праотцов было создание еврейского народа, через который Божественный свет был передан человечеству. Главным результатом деятельности Моисея стала передача еврейскому народу Торы, Божественного Учения. И лишь небольшой частью этого учения является каббала... Тора (через “дочерние религии” иудаизма, т.е. христианство и ислам) заложила все духовные основы современной Западной цивилизации, а каббала — это только вкусовая приправа к этой цивилизации. Тора фундаментальна, а каббала функциональна» (с. 14). Во взаимоотношениях Всевышнего с Праотцами важно не только содержание их общения и полученная Праотцами информация

Свыше, но и сам процесс общения и получения информации (каббала в буквальном переводе с иврита — «получение»). Для Праотцов этот процесс был органическим, естественным, не требующим объяснения. Спустя многие столетия объяснения просто необходимы, без них понимание динамики Праотцов будет неполным. Понятийный аппарат и методологию для объяснения и представляет каббала.

Тора в том виде, в котором ее получил Моисей на горе Синай, не была разделена на главы. Единственным делением текста, обозначаемым на письме, является «деление... на “абзацы”». Эти абзацы бывают “закрытые” и “открытые”. Это разделение идет от дарования Торы, и каждый абзац представляет собой логически заверченный отрывок» (с. 40). Важнейшей частью еврейского ритуала является еженедельное чтение фрагментов Торы, поэтому впоследствии для такого ритуального использования евреи разделили текст на недельные главы: Берешит, Ноах, Лех Леха... Всего 54 главы. Каждую неделю читают новую главу Торы, чтобы уложиться в годичный цикл. Недель в году 52, поэтому в некоторые недели читают по две главы. Дочитана Библия — закончился год, и наступает год новый. Новый не потому, что приходит Дед Мороз и кладет под елку подарки, а потому что Книга дочитана, и ее начинают читать с начала — замыкается цикл. Христианская Библия (как Септуагинта — греческий перевод, так и Вульгата — латинский перевод) была разделена на главы весьма произвольно нееврейски-

ми переводчиками и богословами. Первоначально аналога этому делению в еврейском оригинале не было. Такое дополнительное деление на главы проникло в еврейский текст в Средневековье. «В период вынужденных дискуссий с христианами, которые ссылались на свое разделение Библии, евреи были вынуждены занести его и в свои книги, чтобы отвечать на христианские доводы», — пишет Полонский (с. 39). Но ни деление на абзацы, ни деление на недельные главы, ни каноническая христианская структура глав не помогают современному читателю в понимании библейского текста.

В основе структуры «Библейской динамики» — традиционное еврейское деление на недельные главы, которое придает русскоязычному тексту изначальную аутентичную еврейскую форму. Недельные главы разделены Полонским на авторские главы, которые структурируют комментарий, организуя текст по смыслу: ключевым фигурам (например, «Каин и Авель» — глава 10, с. 93–104, «Сара и Агарь» — глава 22, с. 220–231); событиям (например, «Жертвоприношение Ицхака» — глава 29, с. 322–345); понятиям (например, «Лестница Якова» — глава 37, с. 445–457); проблемам еврейской и не только еврейской жизни (например, «Избрание, вера и монотеизм» — глава 16, с. 156–161, «Мужчина и женщина» — глава 8, с. 68–71). Таким образом, используя эту новую вольную неортодоксальную структуру, Полонский открывает неискушенному, но ищущему смысл современному читателю этот самый смысл.

Авторские главы рассматривают широкий спектр вопросов, включая индивидуальную этику, семейные отношения, проблемы политики, войны и мира, философию истории.

Комментарий Полонского опровергает привычный нам стандарт религиозной этики — повиновение и беспрекословное исполнение заповедей, — объясняя, что умение думать самостоятельно, размышлять и даже спорить с Богом гораздо важнее повиновения. Для иллюстрации этого Полонский сравнивает двух величайших праведников — Ноаха (Ноя) и Авраама (с. 134). Ноах делал только то, что скажет ему Бог. Авраам, наоборот, спорил с Богом, заступаясь за людей. И в этом — их большое отличие. Умение задавать вопросы — это умение думать. Когда человек думает, он развивается, и именно развития ждет Бог от человека.

Взаимоотношения в семье построены на сходных принципах. По мнению автора, семья — не иерархическая структура, в которой мужчина главный. Напротив, мужская и женская роль в семье одинаково важны, хотя равновесие может колебаться в различных ситуациях. Например, говоря о высоком статусе женщин в семье Яакова, Полонский пишет: «Большая роль жены вообще характерна для Праотцов еврейского народа, но в истории Яакова это особенно заметно» (с. 479).

Более того, дети являются полноправными членами семьи наравне со взрослыми. Например, запрещается женить детей без их согласия.

«Поэтому сцена из пушкинского “Дубровского” — когда папенька вынуждает Машеньку выходить замуж за чужого ей человека, а она лишь умоляет отца не выдавать ее замуж... — в еврейском обществе была невозможна», — считает Полонский (с. 379).

Полонский показывает, что Богом также установлены нормы социальной жизни и социальной справедливости. Примером этого может служить история города Содомы. «Главным его преступлением было не то, что жители Содомы грабили или убивали, такое случается повсюду, а то, что это было объявлено нормой для общества» (с. 133). Полонский утверждает, что в таких условиях важнейшую роль играет не только Божественный суд и Божественный гнев, но и позиция людей, живущих в этом обществе и понимающих его недостатки. Ситуацию могли бы спасти люди, «которые возопили бы о грехах города, призвали окружающих к раскаянию» (с. 134)

Миролюбие — это хорошо, но в реальном мире войны ведутся на повседневной основе, а часто и неизбежны. Эту реальность признает Бог. Он не может прекратить войны, это дело людей. А люди часто находятся в очень сложном положении и все время поставлены перед выбором. Например, при разделе земель с Лотом Авраам стремился любой ценой не допустить военного конфликта, но оказывается, «нежелание принимать локальные жесткие решения сегодня оборачивается необходимостью воевать по-крупному завтра» (с. 419–420).

Комментируя многочисленные большие и малые войны, описанные в книге Бытия, Полонский делает выводы актуальные и для сегодняшнего дня, в частности, для понимания и решения арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке: главное не победа, а правильное использование результатов победы.

По мнению Полонского, подобно событиям, описанным в книге Бытие, еврейскую историю от Праотцов до наших дней невозможно объяснить в телеологических терминах христианства. Эта история не имеет начала и конца, ее суть — динамика, незавершенность, развитие отношений между Богом и человеком. Еврейская история асинхронна с историей человечества. Например, «золотой век» испанского еврейства (IX–XIII вв.), сопровождавшийся беспрецедентным расцветом наук, философии, поэзии, совпал с мрачайшими страницами в истории европейских Средних («темных») веков. Для других народов еврейская история — это хаос («иудейский хаос», по образному выражению О. Мандельштама), в то время как их собственная история и общественное устройство — образец порядка. По мнению Полонского, такой взгляд сделал неизбежным Холокост — войну немцев, нации порядка, против евреев, нации хаоса (с. 403).

Авторские главы «Библейской динамики» делятся на подразделы, каждый из которых включает в себя, как правило, от одного до трех стихов Торы (всего несколько строк текста), за которыми следует подробный авторский комментарий.

Он не только объясняет эти стихи, как бы переводя их на современный нам язык, но также рассматривает их как в контексте книги Бытия и других ключевых еврейских текстов, так и в контексте современной жизни. Например, подраздел 7.7 «Еврейское представление о рае» главы 7 «Адам в саду Эденском» начинается стихом «И взял Господь Бог человека, и поместил его в саду Эденском, чтобы возделывал его и охранял его» (Бытие 2:15). Комментируя этот стих, Полонский объясняет, что Адам в саду не бездействовал, а занимался интеллектуальной работой — творил, «возделывал сад». Первые интимные отношения Адама и Евы и рождение их детей также относятся ко времени их пребывания в саду. В этом главное отличие от христианского представления о Рае, который считается местом покоя и бездействия и где интимные отношения — грех.

Основным и по сути единственным недостатком «Библейской динамики» является отсутствие в книге научно-справочного аппарата. С одной стороны, то, что в тексте нет ссылок на источники, значительно облегчает чтение и делает книгу более доступной для неискушенного читателя. С другой стороны, как для расширения кругозора новичков, так и для критического восприятия текста более сведущими в теме и материале читателями справочный аппарат необходим. Возможно, ссылки перенасытили бы и сделали буквально «непроходимым» и без того сложно организованный текст. Однако привязанная к разделам комментария библиография русскоязычной литературы по иудаизму,

помещенная в приложении к книге, могла бы открыть читателям пути дальнейшего более глубокого изучения темы. В приложении можно также поместить глоссарий еврейских терминов («Парша», «Згула», «Квур» и т. п.), которые объясняются лишь единожды, а встречаются в тексте многократно. На основе глоссария с добавлением таких общих терминов, как «семья», «женщина», «война», «смерть», «общество» и т. п., необходимо составить предметный указатель, более чем уместный в такой важной и такой объемной (720 страниц) книге.

Знаменательно, что комментарий «Библейская динамика» появился именно в Израиле. Эта страна поразительным образом соединяет в себе тысячелетнюю традицию и динамику современной жизни — в политике, культуре, науке и социуме. К сожалению, у нас не было традиции, как у евреев, изучать Библию всю жизнь. Мы только недавно начали опять ходить в церковь. Некоторые делают это так, как будто совершают языческий обряд: зажигают свечку, говорят волшебные слова и надеются, что заветное желание исполнится; с той же свечой заговаривают в квартире углы от не-

чистой силы. Как правило, на этом понимание религии у многих заканчивается, а, например, ответить на вопрос, с каких слов начинается Библия, смогут немногие. «В начале было слово» — неправильный ответ. Так зачем современный человек открывает Библию? Потому что так принято среди верующих, или все же в поисках Бога? Комментарий Полонского — для тех, кто, открыв Книгу книг, хочет открыть для себя ее смысл и наконец понять, что написано в Библии.

С русской точки зрения, в книге Полонского есть еще один смысл, так сказать «второй уровень» для тех, кто хочет пойти еще дальше. Более 120 лет назад автор учебника еврейской истории на русском языке С. М. Дубнов писал: «Изучение еврейской истории... имеет двойное общественное значение: для евреев оно — источник самопознания, а для неевреев оно может служить источником гуманных и добрых чувств». Прочитав первый том «Библейской динамики», хочется верить, разделяя наивную надежду еврейского историка, что, познав мудрость и опыт другого народа, мы научимся понимать и уважать своих соседей и самих себя.

FROM THE RUSSIAN POINT OF VIEW...

Rev.: Polonskii Pinkhas. «Bibleiskaia dinamika. Kommentarii na knigu Byt'ia' vol. 1. Moscow: OOO «Stolichnaia pressa', 2016. 720 p.

Karavannykh Elena M. (Elena Kamova) — writer, editor (Moscow)

В. А. Солонарь

Рец.: *Изабел Халл*. Ключок бумаги: нарушение и создание международно-правовых норм во время Великой войны. Итака: изд-во Корнельского университета, 2014. [Isabel V. Hull. *A Scrap of Paper: Breaking and Making International Law during the Great War*. Ithaca, N. Y.: Cornell university Press, 2014 xiii. 368 p.]

Книга Изабел Халл, выдающегося историка вильгельмовской Германии, бросает вызов устоявшимся представлениям о месте Великой войны в европейской и мировой истории и ее смысле. Эти представления сводятся к тезису о ненужности этой войны и о том, что все европейские правительства несут равную ответственность за ее начало и чудовищные жертвы, к которым она привела. В отличие от того, как мы воспринимаем Вторую мировую войну, в которой, в соответствии с расхожим мнением, есть не только победители и побежденные, но и герои и злодеи, Великую войну мы чаще всего вспоминаем как одну сплошную трагедию, без победителей и без героев, но с миллионами и миллионами жертв.

Только лишь горы трупов, миллионы калек, бесконечное страдание рядовых граждан во имя целей, которые сегодня, как кажется, и определить то невозможно. Учитывая, что через двадцать лет после окончания Великой войны мир вполз в новую, еще более разрушительную, но с теми же участниками, кажется несомненным, что победа в Великой войне стран Антанты не принесла ни устойчивого миро-

вого порядка, ни условий для успешного экономического развития и прогресса цивилизации. Жертвы были напрасны, напрашивается вывод.

Я говорю «мы», имея в виду граждан европейских стран и Америки, Востока и Запада – в этом вопросе оценки большинства совпадают. Понимание Великой войны в постсоветских государствах во многом все еще определяется ленинскими формулами о «войне империалистической с обеих сторон», в которой одна банда грабителей боролась с другой. Хотя в последнее время в России появилась тенденция коммеморации российских солдат, погибших в Великой войне, как патриотов и героев России, эта тенденция сосуществует со взглядом на эту войну как бессмысленную и безвыигрышную. Такое положение, вообще говоря, не удивительно, если учесть, при каких обстоятельствах страна вышла из войны, а также то, что советские вожди оправдывали этот выход ее якобы «антинародным» характером. Сложнее понять, почему в общественном мнении и бывших западных союзников – Англии, Франции, США – тоже господствует такая точка зрения. Ведь они войну выиграли, продиктовали Германии свои условия мира, создали Лигу наций для сохранения всеобщего мира. Конечно, вскоре

© Солонарь В. А., 2017

Солонарь Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США); Vladimir.Solonari@ucf.edu

Германия развязала новую войну, которая привела к воссозданию антигерманской коалиции, но не является ли этот факт всего лишь подтверждением того, что без глубокой реконструкции германского общества и государства устойчивый мир в Европе и во всем мире вообще был невозможен? В конечном счете из того обстоятельства, что после Первой мировой последовала Вторая мировая, вовсе не обязательно вытекает, что Первая была бессмысленна. Это обстоятельство может объясняться и просто тем, что плодами победы не удалось воспользоваться в полной мере, чтобы завершить такую реконструкцию.

Халл убедительно показывает, что было много причин, вследствие которых уже в межвоенный период в западных странах — Англии, Франции, США — утвердилось мнение о ненужности Первой мировой войны вплоть до того, что даже германская ответственность за ее начало более не казалась несомненной в странах-победительницах. Сказались усталость и отвращение от тягот войны, и экономические трудности, которые переживал западный мир в межвоенный период, и — особенно в Англии — стремление поскорее реинтегрировать германскую республику в международное сообщество, которое и без того потеряло равновесие после самоизоляции ленинско-сталинской России. Однако особое значение имели целенаправленные усилия германского министерства иностранных дел и, в частности, созданного им «Кабинета по вопросам вины» (Schuldreferat) во главе с дипломатом и юристом Бернхар-

дом Вильгельмом фон Бюловом, который с лета 1918 г. спонсировал публикацию документов и исследований, а также проведение академических конференций по вопросам истории происхождения Первой мировой войны, в первую очередь дипломатической истории. Потерпев поражение в области пропаганды во время войны, немцы решили перевести дискуссию в поле, казалось бы, неангажированных академических исследований, которые были призваны опровергнуть навязанную Версальским договором статью о германской вине за развязывание войны. Особую известность приобрела многотомная публикация дипломатических документов из германских архивов в серии *Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes* [под ред. Johannes Lepsius, Albricht Mendelssohn Bartholdy, and Fridrich Timme (Berlin, 1922–1927)].

Хотя техника публикаций была образцовой, как показали последующие исследования, на самом деле серия основывалась на тенденциозном отборе документов и сопровождалась частичным закрытием неудобных материалов в особые фонды и даже уничтожением тех, которые считались особенно вредными для германских внешнеполитических целей (р. 11).

Усилия немецких «патриотически» настроенных историков и дипломатов увенчались успехом: их версия утвердилась в американских, английских и в меньшей степени французских академических кру-

гах. Разоблачения фальсификаторов веймарского периода пришли слишком поздно — в 80–90-е гг., когда сформировавшийся на основе немецкой версии консенсус уже устоялся.

Халл не предлагает еще одну дипломатическую историю происхождения Первой мировой войны. Для нее концентрация на этом вопросе уводит в конечном счете в сторону от более важной проблемы о смысле и целях войны, которые не укладываются в рамки дипломатических интриг и империалистической конкуренции в странах Африки и Азии. Акцент на истории дипломатии она считает унаследованным от германской историографии веймарского периода, призванной дискредитировать статью версальского договора о вине Германии за развязывание войны. Она предлагает нам вернуться к тому, как сами участники и, в частности, западные союзники — Англия и Франция, позднее США — понимали смысл войны и свои цели в ней как в начале войны, когда решался вопрос о том, следует ли в ней участвовать Англии, так и во время ее проведения. Халл напоминает, что уже в первые недели и месяцы войны англичане, которые не были связаны союзными обязательствами ни с Россией, ни с Францией, ясно сформулировали причины, которые подвигли их вступить в войну — нарушение со стороны Германии бельгийского нейтралитета.

Такое прочтение смысла войны, как ее понимала Англия, вступление в войну которой на стороне Франции и России предопределило

поражение Германии и ее союзников, потому что принесло на чашу весов огромные ресурсы, которыми не располагали Центральные державы, рискует показаться наивным или еще хуже, апологетическим по отношению к английской правящей элите. Сегодня скептический взгляд — его носители называют себя «реалистами» — на английскую политику накануне и во время Первой мировой войны господствует в американской историографии и в особенности в политологии и теории международных отношений. «Реалисты» подчеркивают расхождение материальных интересов Англии и Германии в сфере мировой торговли и английские страхи, вызванные ростом морской мощи Германии. Они также обращают внимание, что для британских консерваторов и части либералов эвентуальное господство Германии на европейском континенте в случае полного разгрома России и Франции представлялось катастрофой: в течение веков Англия боролась против гегемонии какой-либо одной державы на европейском континенте и никак не могла допустить этого в 1914 г. Нарушение Германией бельгийского нейтралитета дало английским радикальным либералам хороший повод поддержать вступление Англии в начавшуюся войну, но само по себе оно не было причиной такого вступления, утверждают «реалисты».

В противовес такой интерпретации Халл утверждает, что на самом деле нарушение бельгийского нейтралитета изменило отношение к войне не только части либеральной партии, но, что гораздо важнее,

английских средств массовой информации, которые вначале тоже относились к ней отстраненно, а потом и всего общества. Без такого сдвига в общественных настроениях Англия, демократическая (хотя и не полностью демократическая, с нашей сегодняшней точки зрения) страна, не вступила бы в войну, а если бы и вступила, то правительство не смогло бы вести ее с такой решимостью и в полной мере мобилизовать ресурсы страны и империи.

Когда немецкие войска вторглись в Бельгию, — начинает свой анализ Халл, — они совершили неслыханное преступление против международного права, которое являлось основой европейского порядка со времени окончания наполеоновских войн. Это право вырабатывалось усилиями европейских дипломатов и юристов на протяжении столетия, и большинство европейских государственных деятелей считали его незыблемым условием стабильности и экономического процветания, которое континент принесло столь значительное улучшение материальных условий жизни в прошедшее столетие. Стабильность международно-правовых норм была особенно важна для Британии, процветание которой покоилось на многочисленных договорах — политических и экономических, — заключенных ею с другими странами и подкрепленных британской морской и финансовой мощью. Британские государственные деятели и юристы это прекрасно понимали. Как сказал британский посол сэр Эдвард Гошен германскому канцлеру Теодальду фон Бетману-

Гольвегу во время своей последней аудиенции 4 августа 1914 г., т. е. уже после того как Соединенное Королевство объявило войну Германии: «Мы не можем не выполнить наше торжественное обязательство [защитить бельгийский нейтралитет], потому что в противном случае никто более не будет доверять нашим обязательствам». Если для Германии договор о бельгийском нейтралитете был всего лишь «клочком бумаги», как высказался в предыдущей беседе с британским послом Бетман-Гольвег, то для Англии его соблюдение было вопросом чести и доверия к ней, в конечном счете — вопросом «жизни и смерти» в не меньшей мере, чем для Германии таким вопросом был разгром Франции и России (р. 42).

Другими словами, объясняет Халл, для Англии и Франции (к сожалению, она практически ничего не говорит о российских мотивах) вопрос о святости договоров и престиже международного права был не пустой идеалистической болтовней, а самым настоящим вопросом выживания. Как их внутренний порядок был основан на первенстве закона, так и порядок международный должен был быть основан на международном праве, и его нарушение великой европейской державой — Германией — угрожало их национальным интересам в самом прямом и непосредственном смысле, даже если, как это было в случае с Англией, ее национальная территория не подвергалась нападению.

Подробный разбор последствий нарушения бельгийского нейтралитета со стороны Германии для

вступления Британии в войну и определения ее характера и целей Британии подводит к главному выводу книги: международное право было центральным вопросом международных отношений во время Первой мировой войны, споры относительно его значения и понимания занимали важнейшее место в дипломатических усилиях разных стран, и определение того, как и в какой степени оно ограничивало способы ведения войны, находилось в центре внимания правительств. Все участники сознавали, что открытое нарушение законов войны неизбежно ухудшило бы отношение к нарушителю в нейтральных странах, главной из которых были Соединенные Штаты, долгое время старавшиеся оставаться вне этой схватки. Однако полное использование тех видов оружия, в которых одна из участниц обладала технологическим или стратегическим преимуществом, даже в нарушение законов войны, могло, считали некоторые военные, склонить чашу весов в пользу этой стороны и привести ее к окончательной победе. Как применять такие преимущества с наименьшими репутационными потерями, предпочтительно оставаясь в рамках международных норм, а при необходимости придавая им выгодное для участника толкование, было чрезвычайно важным вопросом для каждой стороны. Поэтому все правительства живо обсуждали эти вопросы, хотя, как показывает Халл, не все учитывали международное право в равной степени.

Халл демонстрирует необычайно широкие для современного исто-

рика познания в области международного права, к которому представители этой профессии в значительной мере утратили интерес по сравнению с ситуацией начала XX в. Предпринятый в работе сравнительный анализ процесса принятия решений по этим вопросам в германских и английских (а также, хотя и в меньшей степени, французских) правительственных кругах поражает не только широтой охвата и глубиной проникновения в материал, но и скрупулезной точностью. Суть выводов автора может быть сведена к следующему: все страны нарушили законы войны, но они нарушили их по-разному, в разной степени и с разными последствиями. В данной рецензии нет возможности рассмотреть все аспекты этой проблематики, среди которых применение отравляющих газов, бомбардировки незащищенных населенных пунктов, обращение с военнопленными и гражданским населением оккупированных территорий. Скажем лишь, что по всем этим пунктам Халл показывает, что послужной список западных союзников был намного лучше немецкого (но не австро-венгерского). Среди спорных вопросов важнейшим и наиболее спорным был вопрос о ведении морской войны.

Начнем с того, что главным оружием Великобритании, а возможно и всех западных союзников в той войне, была морская блокада Германии. Поскольку значительную часть своего продовольствия и промышленного сырья Германия до войны импортировала и поскольку вступление в войну России автоматически прервало поставки

из этой страны, морская блокада нанесла Германии тяжелейший удар — как по ее промышленности, так и по ее населению, которое в течение войны систематически недоедало. Демографы считают, что в результате блокады от 300 до 424 тыс. немцев умерли преждевременно (так называемая избыточная смертность (р.169)). Вклад блокады в победу был очень высок — до пятидесяти процентов, считают военные историки (р. 170). Однако ее законность с самого начала была и все еще остается весьма проблематичной. Не вдаваясь в детальное обсуждение тонкостей международного права, которое никогда не отрицало легальность блокады, но устанавливало на нее определенные ограничения с целью защитить права и интересы нейтральных стран и облегчить участь гражданских лиц, скажем лишь, что, как показывает Халл, английская блокада не была вполне законной, хотя нарушения и были интерпретированы британским правительством как применение традиционных норм в новых условиях. При этом англичане всегда стремились учесть права нейтральных стран — и не только США — и компенсировать их убытки. Само собой, они никогда не топили суда нейтральных стран и не убивали их граждан.

Ответом Германии на английскую морскую блокаду была подводная война. Не обладая сравнимым с английским надводным флотом, немцы инвестировали значительные средства в подводный флот еще до войны и наращивали его мощь в течение войны. Стратегическая цель немцев состояла в том, чтобы

добиться полного прекращения торговли Англии с остальным миром, что неизбежно должно было, по немецким расчетам, поставить эту страну на колени и вывести ее из войны. Для этого нужно было топить как можно больше транспортных кораблей, выходящих из или направлявшихся в английские порты, вне зависимости от того, были ли эти суда английскими или нейтральных стран. Потопление судов нейтральных стран без предупреждения и без попыток их остановить и отконвоировать в немецкий порт, а также спасти гражданских лиц, находившихся на борту, получило название «неограниченной подводной войны» и было беспрецедентной практикой. Англичане и нейтральные страны считали ее нарушением законов войны, а немцы отмечали, что эти законы не распространялись на подводные лодки, поскольку они были составлены до их появления. Новое оружие создает новую ситуацию, и на нее не распространяются прежние законы, утверждали немцы, вызывая тем самым возмущение во всей Европе, как воюющей с ними, так и нейтральной, а также в Америке.

Американское возмущение и угрозы вступить в войну во имя «свободы морей», особенно после потопления немцами пассажирского лайнера «Лузитания» в мае 1915 г., в результате которого погибли 1198 пассажиров и матросов, в том числе 128 американцев, возымели эффект, и в мае 1916 г. Германия приостановила неограниченную подводную войну. Однако в феврале 1917 г. она вернулась к этому методу, что спровоцировало вступ-

ление в войну Соединенных Штатов. Тем самым Германия потеряла последнюю возможность предотвратить собственное поражение. По иронии судьбы, эффективность неограниченной подводной войны была лишь не намного выше эффективности подводной войны, ограниченной традиционными нормами, включавшими предупреждение и отконвоирование транспортных судов или их потопление, но только после спасения экипажа и пассажиров. «Шокирует тот факт, — пишет Халл, — что когда [в феврале 1917 г. — В.С.] Германия публично отвергла международно-правовые ограничения на ведение войны на море, тоннаж потопленных судов возрос на ничтожные 11,2 процента [по сравнению с периодом с октября 1916 г. по январь 1917 г., когда возросший и усовершенствованный немецкий подводный флот был близок к достижению своей стратегической цели. — В.С.]. И вот из-за этих-то 11,2 процентов командование флота спровоцировало вступление в войну США».

Не менее поразительно и то, что когда канцлер Бетман-Гольвег в мае 1916 г. настоял перед кайзером Вильгельмом, чтобы подводный флот следовал традиционным правилам применения силы по отношению к гражданским судам (как канцлер, так и кайзер справедливо опасались, что в противном случае Америка вступит в войну) и кайзер издал соответствующее распоряжение, командование флота... просто приостановило до октября того же года ведение подводной войны, даже не уведомив об этом ни кайзера, ни канцлера. Такое неподчинение

приказу кажется невероятным, но оно было возможно во Втором рейхе, где армия и флот представляли собой закрытые для постороннего взгляда корпорации, привыкшие действовать самостоятельно в рамках стратегии, которую они сами же и разрабатывали. Причиной же отсутствия субординации было упрямое желание командования флота доказать всем, что к новому оружию — подводным лодкам — законы надводной войны были неприменимы. Вот что писал вице-адмирал Рейнхард Шеер в меморандуме от 30 сентября 1915 г., в котором он изложил позицию военно-морского командования по этому вопросу: «Новое оружие [он имел в виду подводные лодки. — В.С.] требует нового закона. Таково естественное развитие права во всех областях. Его применение не является незаконным. <...> Сказано ведь, что “международное право пишется теми, у кого есть власть”. У нас такая власть будет, если мы разгромим Англию. Если же мы воздержимся от применения единственного средства, которое может нанести поражение Англии, то Англия сама [после своей победы. — В.С.] наложит жесткие ограничения на подводный флот и его использование, тем самым навсегда обеспечив свое преобладание на море» (р. 268). Военно-морское командование, таким образом, преследовало цель не просто выиграть Первую мировую войну, но и обеспечить преобладание Германии на обозримое будущее, и именно поэтому оно стремилось навязать всему миру свои правила ведения войны на море. Поразительно, что, выстраивая свои представления о будущем, адмиралы

просто экстраполировали насущную ситуацию на долгую перспективу, не учитывая неизбежного изменения массы факторов — таких как новые технологии, внешнеполитические задачи и международные конфигурации, которые по необходимости ограничивают возможность предвидеть будущее.

Здесь мы подходим к одной важной теме, развитой Халл в ее предыдущей книге «Полный разгром. Военная культура и практика в имперской Германии» (*Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany* Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006). В ней Халл подробно аргументировала свой тезис об «институциональном экстремизме» немецких вооруженных сил, которые со времен грандиозного успеха во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. выработали представление о полном разгроме противника как единственной рациональной цели любой войны. Именно стремление добиться такого разгрома, вкупе с огромным престижем армии и флота в немецком обществе и правящей элите, и привело к тому, что немцы вели войну, часто игнорируя или грубо недооценивая политическую цену своих действий, таких как вторжение в нейтральную Бельгию, расправы над гражданскими лицами, посмевшими оказать сопротивление интервентам, жестокий грабеж оккупированных территорий и, наконец, неограниченная подводная война. Для полной победы над противником любые средства были применимы, считали германские генералы, и политические и моральные соображения не дол-

жны были создавать препятствий на пути к этой цели.

Новая книга Халл ввела новый аспект в интерпретацию германской военной политики во время Первой мировой войны: уникальный среди европейских великих держав упор на применение или угрозу применения военной силы как единственный правосоздающий фактор. Иными словами, убеждение, что не вековые правовые традиции, не международное общественное мнение и не консенсус — или хотя бы «полуконсенсус» — ученых-юристов, а именно воля победителя и его интересы диктуют правила игры на международной арене, в том числе законы войны. Халл считает, что правительственные круги Англии и Франции были в курсе таких настроений в Германии, поскольку они в полной мере проявились на международных конференциях еще до начала Первой мировой войны, посвященных кодификации законов войны (большинство из них было создано по инициативе России). Они, таким образом, имели полные основания опасаться, что победа Германии приведет к торжеству «права силы» на международной арене, при котором права малых наций, стабильность и справедливость потеряют значение. В стремлении предотвратить такой результат и состояла главная цель их, и прежде всего Англии, а затем и США, участия в войне, и их декларации на этот счет не были только лишь пропагандистским шумом.

С другой стороны, немецкое правительство систематически преувеличивало последствия поражения для

своей страны, считая, что на кону было само существование Германии — опасность, которая существовала только в воображении немецких правящих кругов. Считая, что выбор был между полным разгромом противника и национальной катастрофой, немецкие правящие круги вначале вступили в войну, которую страна не могла выиграть, поскольку их действия спровоцировали вступление в войну Англии. Затем они несколько раз прибегли к экстремистским методам ведения войны, которые восстановили против Германии ряд нейтральных стран, в первую очередь США, нанесли ей долговременный репутационный ущерб (тут уместно вспомнить, что Германия поддержала большевистскую революционную пропаганду в России) и в конечном счете лишили Германию возможности выйти из войны до того, как ее истощение и развал вооруженных сил сделали дальнейшее сопротивление невозможным. Тем самым немецкие правящие круги лишили свою страну шанса заключить относительно благоприятный для нее компромиссный мир.

Рецензируемая книга была отмечена престижным «Сертификатом заслуг» Американского общества по изучению международного права. Большинство рецензий были положительными. Немногочисленные критики высказались в том смысле, что Халл преувеличила значение права в процессе принятия решений в Англии, специалистом по истории которой она не является. Они также сочли необоснованным мнение Халл о том, что методы морской блокады, примененные англичана-

ми против Германии, были в целом легальными. Хотя аргументы Халл мне показались более убедительными, чем ее критиков, я воздержусь от занятия позиции в этом споре, поскольку не являюсь специалистом по этой проблематике. Так или иначе, все рецензенты согласны, что это исследование вернуло в центр внимания научного сообщества проблемы международного права во время Первой мировой войны, и в этом его огромная заслуга¹.

В заключение несколько слов о том, почему эта книга вызвала у меня повышенный интерес. Это связано, не скрою, с растущей ролью международного права в наше все более беспокойное время. Быть может, мне следовало бы сказать, с проблемой игнорирования международного права. В современной России принято считать, что международное право — это своего рода фикция, о которой «Запад» вспоминает, когда ему это выгодно, в частности для сдерживания России, и забывает, когда применяет силу в своих интересах. Несомненно, легальность некоторых действий американских администраций в последнее время

¹ См. Бенжамин Зиммерманн (Benjamin Ziemann) на сайте проекта Института исторических наук Университета им. Александра фон Гумбольдта в Берлине H/Soz./Kult. Kommunikation und Fachinformation für die Geschichtswissenschaften <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-22790> (открыт автором 9 октября 2016 г.) и Джон Кутан (John Coogan) на сайте H-Net международной междисциплинарной организации ученых и учителей, главный офис которой расположен в Университете штата Мичиган, <https://networks.h-net.org/node/28443/discussions/55267/h-diplo-essay-121-review-essay-scrap-paper-breaking-and-making> (открыт автором 9 октября 2016).

весьма сомнительна. Вторжение в Ирак в 2003 г. было, на мой взгляд, вопиющим примером пренебрежения международно-правовыми нормами и международным общественным мнением со стороны самоуверенной Америки. Такого же мнения придерживается и Халл, которая написала в предисловии к своей книге: «Я испытываю глубокое отчаяние от зрелища того, как моя страна ведет “войну против терроризма” незаконными методами» (р. X).

Однако тяжелые последствия иракской войны продемонстрировали, насколько контрпродуктивен международно-правовой нигилизм и насколько важно для всех стран, в том числе самых сильных, соблюдение международно-правовых норм. К со-

жалению, последующие действия российского руководства показали, что оно сделало из этой трагедии прямо противоположные выводы. А именно, оно решило, что если американцам «позволено» игнорировать международное право, то так могут поступать и русские. Похоже, этого же мнения придерживается и администрация Дональда Трампа. Так одно беззаконие пытаются использовать для оправдания другого. От такой динамики впору впасть в отчаяние. Как Халл написала свою книгу как своего рода предупреждение американским политикам, так и я решил изложить ее выводы для русскоязычной публики с той же целью. Международное право и его уважение нужно всем, потому что в нем залог нашего выживания.

Rev.: Isabel V. Hull. *A Scrap of Paper: Breaking and Making International Law during the Great War*. Ithaca, N. Y.: Cornell university Press, 2014. xiii. 368 p.

Solonari Vladimir A. – PhD, Professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

А. И. Рупасов

Рец.: Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. Изд. испр. и доп. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 864 с.

Обширная проблематика истории российского приграничья довольно долго в отечественной историографии занимала маргинальное место. Пробуждение интереса к ней можно отнести к 1990-м гг., но в силу ряда обстоятельств тогда этот интерес ограничивался узкими хронологическими рамками межвоенного периода, преодоление которых происходило постепенно. Параллельно интерес к различным аспектам истории приграничья стали также проявлять исследователи из Польши, Эстонии, Германии, Латвии, Финляндии. Так, в Эстонии за последнюю четверть столетия к ним обращались Пирет Лотман, Мартин Сепсель, Энн Кюнг, Лииси Таймре и др., при этом они в основном обращались к истории того же XVII в., что и автор рецензируемой книги. Из финских историков следует упомянуть Юкку Кокконена, Киммо Катаяла, Кристера Кувая, Макса Энгмана, Яна Самуельсона.

Бурный XVII в. не только значительно изменил пределы Российского государства на западе и юге. Пожалуй, именно в это время слово «граница» приобретает то смысловое значение, которое вкладывается в него сейчас. Расплывчатое слово «рубеж» уходит в прошлое,

проникшее через Польшу германское *die Grenze* (польск. *granica*) становится общепринятым институциональным понятием, жестко отграничивающим «своих – свое» от «их – чужое», реальным серьезным препятствием на пути взаимопроникновения культур. Для централизованного территориального государства, которым и являлось Российское государство к XVII в., граница стала ключевым институтом обеспечения государственного суверенитета. Именно данный аспект наиболее досконально исследован А. Селиным на примере русско-шведских переговоров о прохождении межгосударственной линии границы и, собственно, процесса проведения делимитации после подписания Столбовского договора в 1617 г. Тогда оказался запущенным процесс формирования на этой части западной границы протяженного вглубь социально-территориального анклава с особым режимом государственного контроля, обусловливавшего проведение ряда социально-экономических мероприятий (впрочем, редко отличавшихся планомерностью). С другой стороны, с неизбежностью возникает вопрос о том, каковой представлялась в то время в Москве глубина этого приграничья. Если в отношении Пскова нет сомнений в том, что этот город принадлежит полосе приграничья, то как воспринимался Новгород, который неоднократно оказывался в центре

© Рупасов А. И., 2017

Рупасов Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург); rupasov_ai@mail.ru

мобилизационных мероприятий, обусловленных развитием военно-политической ситуации? Приобрел ли он в силу этого статус приграничного города? Вольно или невольно, но автор включает в состав приграничья весь северо-запад Российского государства (при рассмотрении, например, «приграничной инфраструктуры» в очерке «Легальные пересечения границы»).

Невозможно избавиться от впечатления, что этот интересный труд готовился к печати в исключительной спешке. Автору явно не хватило времени перечитать текст полностью — от первой страницы до последней, не довольствуясь структурной компоновкой ранее написанных очерков (структурные недоработки бросаются в глаза особенно при чтении очерков «Миграция и репатриация» и «Охрана границ»; очерк «Легальные пересечения границы» более напоминает некий расположенный в хронологическом порядке справочный материал). Великолепное знание автором материалов Посольского приказа и Посольского стола Новгородской приказной избы и их анализ не вызывают никакого сомнения. Собранный им материал и уникален, и поразительно живописен, касается ли это организации встреч шведских и русских делегаций для проведения работ по делимитации границы, вылавливания перебежчиков, организации встреч посольств или борьбы с моровым поветрием. Однако складывается впечатление, что именно обилие привлеченных материалов и обостренное желание максимально их использовать привело к тому, что

текст оказался обремененным как не относящимися к поднимаемым в книге проблемам фактами, так и многочисленными повторами. А тем, что автор избавил себя от необходимости дать хотя бы краткое описание основных событий на протяжении исследуемого им столетия, он невольно подчеркнул, что его труд предназначен исключительно специалистам, и остальным читателям придется догадываться о причинах некоторых событий и тех временных лагун, которых немало в тексте книги. В результате, например, выпадает тема изменения польско-шведской границы в Лифляндии, повлекшей и изменение русско-шведской границы. Обилие имевшихся в распоряжении автора материалов, расстаться с которыми при написании работы ему, видимо, было жаль, не раз сказывалось не только на общей структуре книги, но и на изложении материала внутри небольших параграфов. Так, параграф «Приезд и отъезд гонцов и посланников в Новгород и Псков» довольно подробно повествует о приезде первого жениха Ксении Годуновой принца-изгнанника Густава, о встрече в Новгороде датского принца Юхана, о приеме в Пскове графа Вольдемара, сына Кристиана IV (потенциального жениха русской царевны). Однако кого-либо из них затруднительно отнести к гонцам или посланникам.

Огромное количество безусловно интересных событий, о которых автор знает, подается, если так можно сказать, в «обрезанном виде». Так, им упоминается, что в 1622 г. отряд новгородских казаков, шедший из Корелы и Орешка, был ограб-

лен в Соломенском погосте старостой погоста Самулкой Павловым и церковным дьячком Бориском Кузминым (с. 176). Невольно возникающий у читателя спрос на объяснение, какое отношение данное событие имеет к поднимаемым в книге проблемам, как пара мужиков справилась с пусть и небольшим отрядом казаков, да и чем, собственно, дело закончилось, остается неудовлетворенным. Чем кончилась упомянутая на с. 327 миссия генерала Эрика Ольстенера 1650 г. — для читателя неизвестно, как, впрочем, неизвестно, зачем и предпринималась. Если учесть сделанную автором выше оговорку, что он не стремится к описанию русско-шведских дипломатических контактов в XVII в., то появление этого восьмистрочного параграфа малообъяснимо. В 1636 г. игумен Деревяницкого монастыря, по словам автора, упоминал до 60 семей, вывезенных шведами в Ингерманландию из вотчины монастыря во время эвакуации войск Делагарди в марте 1617 г. А. Селин считает эту цифру малореальной, но одновременно указывает, что в монастыре была составлена подробная роспись таким крестьянам (с. 230). На вполне уместный в этом случае вопрос, соответствовали ли данные этой росписи заявлению игумена, ответа в книге нет. Не понятно, как критическое описание книги Я. Галлена и Дж. Линда, опубликованной в Хельсинки в 1991 г., оказалось в изданной в 1987 г. монографии И. П. Шаскольского (с. 11, 12). Даже упомянутая статья Линда была опубликована в 1997 г.

отразилась в нарушении хронологии при повествовании о тех или иных событиях. На с. 339 читателю сообщается, что примерно 7 января 1667 г. Адольф Эберс выехал из Нарвы в Новгород, чтобы далее проследовать в Москву. Однако несколькими страницами ниже, когда речь заходит о желательности для шведской стороны приступить к так называемым плюским переговорам 15 июня 1666 г., то автор сообщает, что прибывший в Москву в ранге посланника Эберс уверил московские власти о готовности шведских представителей прибыть к этому сроку (с. 342). Сроки окончания боевых действий на с. 268 относятся автором к началу 1659 г., а на с. 401 — к осени 1658 г., еще более эту тему выхода из войны запутывает упоминание письма генерала Б. Горна псковскому воеводе И. А. Хованскому от 28 июля 1658 г. о том, что он не возражает даром отпустить всех русских пленных (с. 271).

Порой складывается впечатление, что автор проявляет излишнюю заботливость в отношении читателя, неоднократно напоминая ему об уже сказанном — начиная с краткого предисловия, в котором дважды упомянуто о том, что книга «выросла» из описания фонда 109 «Порубежные акты» научного архива Санкт-Петербургского института истории РАН (с. 3, 5). В последующем о событиях и действующих лицах можно прочесть одну и ту же информацию не раз и не два.

Автор не всегда задумывается над выбором слов, невольно ставя читателя перед выбором, чему он

должен верить. Так, остается неясным, основательными или неосновательными были претензии шведов в 1636 г., когда они «огульно» и в то же время, замечает автор, «справедливо» «сразу пошли на обострение спора», «утверждая, что на московской стороне находится более двух тысяч перебежчиков из Кексгольмского и Выборгского уездов» (с. 242). Стремление сплести словесное кружево, в котором главными элементами оказываются многочисленные и не всегда согласованные, а то и неуместные дополнения, иногда порождает стилистических монстров.

Наличие многочисленных картографических материалов в книге (картами их назвать затруднительно), даже несмотря на невысокое качество их исполнения, в определенной мере облегчает восприятие информации, особенно когда речь идет о незначительных географических деталях. Эти хотя и схематичные картографические материалы действительно необходимы. Однако, с другой стороны, данные некоторым рисункам названия и приведенные на них обозначения, а в ряде случаев отсутствие таковых заставляют сомневаться в необходимости появления такого рода материалов в книге. Так, на карте 30 («Место, где произошло нападение на отряд кн. И.А. Хованского в 1617 г.»), охватывающей пространство от Чудского озера до Белоозера, обнаружить место упоминаемого события невозможно (с. 449). На карте 29 («Военные действия зимней кампании 1656/1657 г.») (с. 401) или на карте 38 («Юг Новгородской земли и паника в декабре 1629 г.») ни собствен-

но военных действий, ни тем более декабрьской паники 1629 г. глазу читателя не явлено.

Вполне понятно, что при транслитерации шведских и финских имен можно столкнуться с некоторыми проблемами. В отношении передачи имен наиболее известных деятелей в российской историографии ранее уже сложилась определенная традиция, хотя принятым ныне нормам транслитерации она и не вполне соответствует. В силу этого желательно при передаче фамилий придерживаться какого-то одного принципа и тем более не транслитерировать фамилию одного и того же лица по-разному.

Вполне уместным было бы уточнение автором некоторых биографических данных в отношении тех шведских деятелей, которые неоднократно упоминаются в тексте. Так, если речь идет о событиях 1660 г., то стоит знать, что новый ингерманландский губернатор Симон Гельмфельд (Simon Grundel Helmfeldt) (с. 269) был Симоном Грюндем и только в 1674 г. вместе с титулом барона получил фамилию Grundel-Helmfelt. Автором упоминается на с. 330 «посланник секретарь Адриан Меллер». Секретарь чего — остается читателю неясным. В данном же случае речь идет об Адриане Мюллере, возведенном в 1662 г. в дворянство под фамилией Росенмюллер, секретаре рыцарского дома Ингерманландии, переводчике со шведского на немецкий. Учитывая довольно неточные упоминания в литературе тех постов, которых Карл Юлленгельм удостоился 5 апреля 1617 г., желательным было бы

внести определенные уточнения. Ведь он назначался генеральным наместником не только в Нарву. Не возражая, что на портрете на с. 307 дано изображение Фредерика III, герцога Гольштейн-Готторпского, невольно обращаешь внимание на легенду, которой сопровождается сам гравированный портрет и которая дарит глазам читателя иную титулатуру. Если возглавлявший шведское посольство в 1629 г. Антон Моnier имел ранг посланника, то почему в ссылке на опубликованный ранее документ он именуется послом (с. 298)? Неоднократно упоминаемый автором Эрик Трана (Эрик Андерссон, Ээриikki Анттипойка) фамилию Трана получил только в 1626 г., когда был возведен в дворянство, в силу этого не вполне корректно при описании более ранних событий использовать ее. К тому же его отец Антти Пеканпойка носил, скорее всего, фамилию Куркинен (Журавлев), так что полученная Эриком фамилия Трана (trana – шведск. серый журавль) была лишь переводом с финского.

Наиболее странным из всей книги являются последний очерк «Наследие» и полуторастраничное «Заключение». «Наследие» в содержательном плане оказалось весьма скромным, подталкивающим к мысли о неуместности довольно высокопарного названия очерка. «Заключение» по содержанию затруднительно воспринимать именно как заключение. Фактически единственный вывод, к которому автор приходит, сводится к двум строкам: «Приграничные территории ... были той зоной, где диффузия московской и шведской культур шла наиболее интенсивно» (с. 661). Однако именно о диффузии культур в обширной монографии фактически ничего нет.

Книга А. Селина, безусловно, исключительно интересна. Невольно испытываешь досаду от того, что многими напрашивающимися при ее чтении выводами, обобщениями воспользуются другие, а не не замечивший собственных открытий автор.

Rev.: Selin A. A. Russko-shvedskaja granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanie, funktsionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki. Izd. ispr. i dop. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr «Blits', 2016. 864 p.

Rupasov Aleksandr I. — doctor of historical sciences, coordinating researcher of the Saint Petersburg Institute of history, RAS (Saint Petersburg)

А. В. Шабашов

Рец.: *Квилинкова Е. Н.* Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев, 2016. 732 с.

Творчество Елизаветы Николаевны Квилинковой, безусловно, представляет собой особое явление в современном гагаузоведении. Это и колоссальный творческий багаж — 10 монографий (большинство из которых весьма объемны), и более двухсот других работ (библиография сочинений автора приводится в примечаниях к рассматриваемой монографии) — на момент написания этой рецензии. И большое число поставленных, часто фактически впервые, исследовательских задач и проблем, касающихся различных сторон культуры и истории гагаузов. И колоссальный объем впервые введенного в научный оборот эмпирического, прежде всего, полевого и архивного материала. Данная рецензия посвящена юбилейной, десятой по счету монографии Е. Н. Квилинковой.

Будучи ограниченным объемом жанра рецензии, дать содержательный и подробный анализ труда объемом в 730 страниц, посвященный чрезвычайно разнообразной проблематике гагаузоведения, практически невозможно. К сожалению, иные рецензии сводятся либо к пересказу содержания работы, приправленному хвалебными панегириками, либо к субъективному критиканству, порой переходящему на личности

(поэтому любые, даже конструктивные замечания встречаются с подозрением). К этому следует добавить прочные традиции nepoтизma, сохраняющиеся как в Гагаузии, так и в Молдове в целом. Поэтому данная работа скорее представляет собой «некоторые заметки и соображения» в связи с монографией Е. Н. Квилинковой «Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен)».

Достоинства монографии, как и предыдущих книг автора, значительны. Это введение в научный оборот большого пласта нового эмпирического материала, что является результатом 25-летних полевых этнографических исследований Елизаветы Николаевны в Молдове, Украине, Болгарии и других районах расселения гагаузов. Автору рецензии не доводилось работать с ней «в поле», но текст монографии показывает критическое, аналитическое отношение исследователя к информации, предоставляемой этнофорами, неплохую источниковедческо-этнологическую подготовку, на наш взгляд, достаточно редкую в среде постсоветских этнологов.

Особо следует сказать о фольклорно-собирательской деятельности исследователя. Накопленные и ранее опубликованные отдельно материа-

© Шабашов А. В., 2017

Шабашов Андрей Васильевич — Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова; shebashaga@ukr.net

лы по гагаузскому фольклору, в том числе сакральному, позволяют автору значительно расширить источниковедческую базу и пролить дополнительный свет на духовную и общественную жизнь народа (см. главу 6 рассматриваемой монографии).

Упомянутый эмпирический материал, наверняка, станет подспорьем еще не одному поколению гагаузоведов-этнологов, историков, фольклористов, лингвистов.

Это же касается и архивных источников. Из множества изученных Е. Н. Квилинковой дел, хранящихся в фондах Национального архива Республики Молдова, была извлечена и введена в научный оборот ценная разнообразная информация, отражающая вопросы брака, правового положения женщины и ее роли в общественной жизни, землевладения, деятельности органов местного самоуправления и многое другое. Эта источниковедческая работа Е. Н. Квилинковой не только стала ей подспорьем в попытках решения актуальных проблем изучения духовной и общественной жизни гагаузов, но и наметила дальнейшие исследовательские перспективы в гагаузоведческой науке.

Таким образом, опираясь на весьма солидную источниковую базу и достаточно хорошо владея историографией гагаузоведения (свидетельство тому – 4-й подраздел 1-й главы монографии «Гагаузоведение в Республике Молдова: историография вопроса»), автор, на наш взгляд, как правило, правильно ставит основные проблемы в изучении истории и культуры гагаузов. А это уже зна-

чительная часть для того, чтобы исследование можно было бы считать успешным.

Профессионально пользуясь прежде всего сравнительно-историческим методом, Е. Н. Квилинкова смогла осветить и во многих случаях дать достаточно исчерпывающие ответы на многие вопросы, касающиеся различных сторон этнокультуры гагаузов: особенностей самоидентификации различных групп гагаузов, эволюции их этнического самосознания, места родного языка в самосознании народа, роли христианства в этнической истории, системе и эволюции их календарной и семейной обрядности и многого другого. Само перечисление поставленных Елизаветой Николаевной проблем, которые, по нашему мнению, ей удалось достаточно успешно осветить и/или решить, заняло бы весь оставшийся объем данной рецензии. Хотя многие из рассмотренных сюжетов отчасти повторяют предыдущие монографии автора, вполне целесообразно было вернуться к ним и в этой, более обобщающей характере книге, учитывая ничтожность тиражей многих из этих работ (Например, «Курбан у гагаузов (Архаическая современность)» (Кишинев, 2015) – 50 (!) экземпляров).

В связи со сказанным, остановимся на некоторых возникших у автора рецензии критических замечаниях, а также на тех моментах, которые, по крайней мере, имеют дискуссионный характер.

Если говорить в целом, то главным недостатком работы мы считаем

склонность исследователя, так сказать, к романтически-пропагандистской стилистике, частому украшиванию, как нам кажется, действительности в выводах, к которым нельзя прийти, даже опираясь на сам материал и анализ Е. Н. Квилинковой. Речь идет об определенной «подгонке» материала под заранее сформулированный ответ. Даже названия некоторых структурных разделов монографии звучат как лозунги, призывы или, в лучшем случае, как выводы: «Православие – основополагающий фактор гагаузской этнической идентичности»; «Фольклор – важнейший элемент культурной традиции и средство межкультурной коммуникации» (не хватает только восклицательных знаков в конце).

Эта тенденция проявляется в целом ряде рассмотренных автором сюжетов. Так, хотя и интересна сводка собранной информации по автору и экзоэтностереотипам (впрочем, она в основном охватывает только позитивные для гагаузов высказывания), представленная в пункте 4.1 главы 2 «Об особенностях гагаузского национального характера», выводы, к которым, по сути, приходит Е. Н. Квилинкова, несколько обескураживают. Гагаузы – *трудолюбивые, зажиточные, высоко нравственные, певущие, религиозные, простые, бесхитростные, правдивые, храбрые, бесстрашные, щедрые, гостеприимные, дружелюбные, свободолюбивые, справедливые, толерантные, мудрые, умные* и т. д., и т. п. Данные оценки перекликаются, например, с автором XVIII в. Карлом Линнеем, который противопоставлял «белокожего, белокурого и голубоглазого европей-

ца, который *проницателен и пытлив... и управляется законами*», например, «африканцам», у которых «*черная кожа... и который ленив, флегматичен, хитер, равнодушен и подчиняется произволу*».

Не желая принизить высоких моральных качеств гагаузского народа (что, впрочем, по нашему мнению, скорее является не имманентно присущей чертой именно этого народа, а отражением более стойкого, длительного, по определенным причинам, чем у некоторых других окружающих народов, сохранения у них старых добрых крестьянских традиций), хотелось бы задать вопрос, а кто, хотя бы из окружающих гагаузов народов, *ленив, безнравственен, труслив, хитер, жаден, негостеприимен, глуп* и т. п.?

В этой связи, кстати, следует заметить, что при всем понимании, так сказать, гуманистического пафоса и соответствии сложившейся этнополитической конъюнктуре выводов автора об «исторически сложившейся традиции добрососедских отношений между гагаузами и молдаванами» (с. 678), буквально с этим согласиться трудно. Скорее следовало бы говорить об амбивалентных отношениях между этими народами. Конечно, вряд ли в этом можно винить широкие народные массы, тот или другой этнос, между которыми, действительно, всегда имели место тесные добрососедские бытовые контакты. Но и на сознание широких масс, к сожалению, негативно влияли и влияют политики, определенным образом заангажированные «элиты». Вряд ли автор не знает о событиях в Бес-

сарабии в начале XIX в., связанных с переселением значительной части гагаузов с земель молдавских помещиков на юг — в Буджак. А также о событиях середины этого же века — бегстве многих гагаузов из отошедших к Молдавскому княжеству придунайских сел (о чем упоминается в работе). Как и об обстоятельствах, сложившихся начиная с 1918 г., и, наконец, о событиях на рубеже 1980–1990-х гг.

В данном контексте следует сказать, что монография не соответствует своему названию — «Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы» и заявленной цели: «... осмысление места гагаузов среди других этносов и этнических групп Молдовы» (с. 15). Об этнокультурном пространстве Молдовы (которое должно бы стать фоном, полотном, при таком названии) в книге, в общем-то, вообще не говорится. А обозначенной проблеме, да и то с натяжкой, посвящена лишь последняя — 9-я глава монографии. На самом деле, предметом работы является духовная и соционормативная культура гагаузов, хотя автор достаточно компетентно периодически и обращается к межкультурному взаимодействию гагаузов с другими народами Бессарабии и его результатам.

Крайне упрощенным и конъюнктурным представляется и вывод Е. Н. Квилинковой о том, что «православие — основополагающий фактор гагаузской этнической идентичности» (пункт 3 главы 2). Даже с точки зрения здравого смысла, если бы это было так, то никаких условий для выкристаллизова-

ния гагаузского этноса в Бессарабии (процесс, который в целом адекватно характеризует сам автор) в православном окружении не было, и на сегодняшний день гагаузы представляли бы собой в лучшем случае субэтнические группы болгар и/или молдаван. Хотя и упрощенно, но можно было бы сказать, что такими стержнями стали православие (на Балканах) и гагаузский язык (в Буджаке), но двух стержней, как известно, не бывает.

Впрочем, процесс формирования этноса (этногенез) и его существования настолько сложный, многофакторный, неоднозначный, что есть основания сказать о его некоем мистическом характере. Почему, например, существует определенный антагонизм, даже на бытовом уровне, между гагаузами и болгарами, о котором прекрасно известно тем, кто проживает в Буджаке? И это несмотря на единство православной религии, практическую тождественность всех сторон их бытовой культуры. Можно, наверное, найти какие-то мелкие бытовые детали, отличающие гагаузов от болгар с точки зрения материальной культуры, но мало-мальски знающие местную этнографию специалисты прекрасно осведомлены, например, что западные болгары по своей бытовой культуре «в разы» больше отличаются от восточных болгар, чем последние от гагаузов. Тем не менее это не разрушает этнического единства болгарского народа.

Даже язык не имеет принципиального значения. Очень близкий пример — приазовские греки, примерно половина которых (урумы)

говорит на тюркском, другая — русмы — на греческом, при этом они осознают свое этническое единство и ни к каким этнодифференцирующим процессам разница в языке здесь не приводит.

Впрочем, более принципиально другое. Можно согласиться с Е.Н. Квилинковой и, в общем-то, это общеизвестный факт, что гагаузы в своем самосознании являются очень стойкими, даже фанатичными приверженцами православия. Это некое «духовное знамя», религиозная манифестация народа. Они, как правило, крайне негативно, нетолерантно относятся к представителям других конфессий. Но на этом практически все и заканчивается. Под православной оболочкой, христианской символикой и некоторыми внешними атрибутами этой религии в гагаузе легко просматривается закоренелый язычник, и их верования и мировоззрение в лучшем случае можно обозначить как языческо-православный синкретизм.

Ярко проявляется это в обряде кровавого жертвоприношения (*курбан*), который подробно характеризуется в пункте 3 главы 3 монографии. Автор утверждает, что «курбан... стал у гагаузов... неотъемлемой частью православной обрядности... отражающий веру человека в Бога, его преданность христианству и отношение к долгу перед Всевышним» (sic!) (с. 264). Отнюдь не давая никаких оценочных суждений, просто становясь на канонические христианские позиции, и отнюдь не отрицая того, что бытовое христианство в раз-

ных уголках мира приняло порой весьма экзотические формы, следует сказать, что курбан — не просто нехристианский, а кощунственный, антихристианский обряд.

Согласно учению христиан-протестантов, жертва за весь мир принесена однажды и навсегда самим Иисусом Христом, в его крестной смерти, после чего уже никакая новая жертва не нужна и не уместна. По учению же католической и православной церквей, эта однажды и навсегда принесенная Иисусом за род человеческий жертва не исключает многократного и необходимого личного соединения каждого христианина с Жертвой евхаристической в обряде причастия. То есть понятие жертвы в этих деноминациях полностью ограничивается причастием — таинством евхаристии, при этом это не собственно жертва как таковая, которую делают люди, а сопричастие, приобщение к уже совершенной жертве Христовой.

Выводы из этого таковы. Необходимо поставить основную задачу изучения религиозности гагаузов таким образом. Почему гагаузы, сохранив идеологию, мировоззрение и практику своей старой языческой веры и фактически не имея представления о сущности, пафосе христианства, не только формально приняли эту религию, но и в своем самосознании являются ее фанатичными сторонниками? Почему, вместе с тем, такой устойчивой оказалась старая традиция, несмотря на все усилия православных священников Российской империи еще с начала XX в. сломать

ее (о чем, кстати, богатый материал собрала и систематизировала Е. Н. Квилинкова)? Каким образом и какими этапами происходило переплетение этих противоположных тенденций? Наконец, надо попытаться сделать системную реконструкцию той традиционной дохристианской веры, характерной для предков гагаузов, что, кстати, прольет свет и на вопросы этногенеза гагаузов, на их древние этнокультурные связи.

Неудачным мы считаем подраздел 1.1 главы 4 «Традиционные типы семей». Е. Н. Квилинкова одновременно пользуется несколькими, но взаимоисключающими типологиями семьи, причем некоторые из них следует списать в архив. К последним можно отнести классификацию семьи по количеству поколений в ней. Дело в том, что большее количество поколений может быть в более простых типах семьи (например, отцовская однолинейная община), а меньшее — в более сложных (например, братская, горизонтальная община), тогда как в этой типологии подразумевается обратное.

Неверен вывод о том, что «у бессарабских гагаузов преобладающую часть составляли так называемые малые семьи, включающие супругов и детей (двухпоколенная семья)»

(с. 302). Это, как ни странно, может быть действительным только для ранних этапов после переселения, в дальнейшем, на протяжении большей части бессарабского периода истории, у гагаузов большинство людей входило в состав отцовских однолинейных и отцовских многолинейных семейных общин — «сложных» форм семьи.

Также вызывают недоумение и некоторые другие утверждения автора, такие как: «...доминирование индивидуальных семейств (sic!), билатеральных родственных отношений и т.д.». От термина «латеральность» в современной этнологии начали отказываться как от бессодержательного, но если его все же использовать, тогда смысл этой «заумной» фразы можно «расшифровать» так: *особенностью* (sic!) гагаузов является учет в родственных отношениях как родства со стороны отца, так и родства со стороны матери. А можно ли найти народ, у которого было бы не так?

Несмотря на высказанные замечания, труд Елизаветы Николаевны Квилинковой в целом представляет определенную ценность и как научное изыскание, и как подспорье для пропаганды и более глубокого знакомства с родной (гагаузской) культурой и историей.

Rev.: Kvilinkova E. N. Gagauzy v etnokul'turnom prostranstve Moldovy (Narodnaia kul'tura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz' prizmu svyazi vremen). Kishinev, 2016. 732 p.

А. С. Стыкалин

Рец.: Егорова Н. И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения. 1955–1965 годы. М.: Институт всеобщей истории РАН, «Аквилон», 2016. 320 с.

При изучении всего комплекса политических механизмов, задействованных разными сторонами в условиях холодной войны в целях снижения международной напряженности, устранения угрозы ядерной войны, равно как и урегулирования локальных военных конфликтов, достойное внимание следует уделять не только контактам по официальным дипломатическим каналам, но и всему многообразию инструментов многосторонней дипломатии (См.: Многосторонняя дипломатия 2012). Заметное место среди них занимала деятельность международных пацифистских организаций, включая Движение сторонников мира, с конца 1940-х гг. активно использовавшееся руководством СССР в своих внешнеполитических целях. Новым, весьма серьезным шагом в изучении этого феномена можно считать, на наш взгляд, монографию д.и.н. Н. И. Егоровой, руководителя Центра по изучению холодной войны ИВИ РАН, одного из ведущих отечественных специалистов по истории холодной войны, автора многочисленных работ, неоднократно обращавшегося в них к проблемам многосторонней, народной дипломатии, а в более узком плане – дипломатии, осуществлявшейся через

общественные организации пацифистской направленности.

Обширный историографический раздел свидетельствует о глубоком знании автором как отечественной, так и зарубежной историографии вопроса. Возможно, стоило бы уделить несколько больше внимания анализу в контексте рассмотрения просоветского Движения мира материалов трех Совещаний Коминформа, опубликованных в 1997–1998 гг. со вступительными статьями и подробными комментариями Л. Я. Гибианского (Совещания Коминформа 1998), а также первоначальной в разработке своей тематики и не утратившей научной ценности книге Г. М. Адиебекова (Адиебеков 1994).

Н. И. Егорова в определенной мере полемизирует с широко распространенной среди части западных исследователей точкой зрения о том, что послевоенное Движение сторонников мира было всецело инспирировано Москвой. Исследователь показывает, что оно отнюдь не было изначально советским проектом. Приводимые Н. И. Егоровой факты свидетельствуют о том, что в странах Западной Европы, испытавших на себе трагический опыт Второй мировой войны, уже в 1946–1947 гг. проявлялись сильные антивоенные настроения снизу, связанные с опасениями возникновения новых вооруженных конфликтов.

© Стыкалин А. С., 2017

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

Особенно сильны эти настроения были, пожалуй, во Франции, втянувшейся уже в 1946 г. в войну в Индокитае. В процессе подготовки первого Совещания Коминформа, состоявшегося в Польше в сентябре 1947 г., сталинское руководство не придавало слишком большого значения созданию просоветских организаций пацифистского толка и применению антивоенных лозунгов во внешнеполитической пропаганде, оно не дало ход и соответствующим предложениям, исходящим от Г. Димитрова. Ситуация стала несколько меняться начиная с 1948 г., когда Вроцлавский конгресс деятелей культуры в защиту мира (25–28 августа), отнюдь не советская, а польская и французская инициатива, был использован Советским Союзом в политико-пропагандистских целях. Однако вплоть до рубежа 1940–1950-х гг. руководство СССР скорее следовало за развитием антивоенных движений в странах Западной Европы, нежели непосредственно инициировало их.

Историкам известно, что к началу 1950-х гг., когда закончилась явной неудачей попытка сместить лобовым ударом руководство югославской компартии во главе с неугодным Москве, слишком самостоятельным Й. Брозом Тито, Сталин и его окружение явно разочаровались в Коминформе, который в ходе массивной антиюгославской кампании 1948–1949 гг. выступал главным инструментом советской внешней политики. После 1949 г. большие совещания Коминформа вообще не созывались. Из опубликованного в свое время Г. М. Адибеквым письма П. Тольятти Сталину

(Источник 1995) и ряда других источников начала 1950-х гг. мы знаем, что именно лидер итальянских коммунистов первым обратил внимание Сталина на необходимость переключить главное внимание с Коминформа на движение мира и сделать его важнейшим инструментом достижения внешнеполитических целей Москвы. В этой связи ждешь от исследователей даже не столько анализа роли Тольятти, сколько обстоятельных размышлений о том, **как сказался на изменении советского внешнеполитического инструментария и, в частности, на перенесении главной ставки с Коминформа именно на движение сторонников мира полный провал антиюгославской кампании**, не решившей задачи по устранению титовской команды, а, напротив, только сплотившей на платформе безоговорочной поддержки своего режима граждан весьма проблемного многонационального государства: сталинский вызов заставил сербов, хорватов и т. д. на время забыть о межэтнических распрях и острых взаимных обидах ради противостояния общему врагу. Судебный процесс по делу Л. Райка в Венгрии (сентябрь 1949 г.) и последовавшая за ним резолюция третьего Совещания Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» (ноябрь 1949 г.) вообще заставляют задуматься над масштабом и абсурдностью сталинских фальсификаций, пытавшихся убедить весь мир в том, что в корне противоречило не только здравому смыслу, но и пережитому опыту совсем недавно закончившейся войны (мы помним о том, что в Югославии с ее массовым движением

сопротивления погиб примерно каждый десятый). Ведь в самом деле: прошло всего 4 года после окончания Второй мировой войны, еще не зажили раны и были совершенно свежи у всех воспоминания о войне и раскладе сил на полях сражений, но политическая конъюнктура требовала, чтобы миллионы людей во всем мире «забыли» как раз о том, на чьей стороне воевала народно-освободительная армия Югославии под предводительством маршала Тито — оказывается, вся освободительная борьба народов Югославии была (если верить коминформовской пропаганде) чистейшим обманом, никакого вооруженного сопротивления не было, одна имитация, ведь во главе ее якобы стояли не антифашисты, а лица, действовавшие по приказу гестапо. Объявление Тито и его окружения союзниками нацистской Германии не только оскорбляло несколько миллионов живых участников югославской героической эпопеи, называя их в лучшем случае слепыми жертвами гитлеровской провокации, но и фальсифицировало всю картину Второй мировой войны, ставя фундаментальные вещи с ног на голову. Подобного рода обвинения против Югославии и методы осуществления сталинской политики (не в последнюю очередь показательные судебные процессы в Восточной Европе по образцу больших московских процессов 1930-х гг.), конечно, ослабили СССР в пропагандистском плане, оттолкнули от него немало симпатизантов из числа западной леволиберальной интеллигенции, уважавшей огромный вклад СССР в победу над нацизмом (данные 1945–1946 г.

действительно говорят о заметном усилении симпатий к СССР не только в Западной Европе, но и в США). Показательно, что уже в декабре 1949 г. А. Фадеев докладывал Сталину (с. 57) об отходе от СССР части «буржуазных деятелей», т. е. об уже проявившихся к тому времени первых кризисных тенденциях в просоветском движении мира. Тем не менее более «стойкие» на Западе, приняв отлучение Югославии от мирового коммунизма, сохранили себя в качестве сторонников или попутчиков СССР, **однако могли это сделать только на платформе борьбы за мир (!) как наиболее привлекательной для них в свете опыта Второй мировой войны. Иными словами, когда в ход шли пацифистские лозунги, западное общественное мнение оказывалось особенно податливым влиянию Москвы.**

Что же касается масштабов сталинских кампаний борьбы за мир, то приводимые в документах аппарата ЦК ВКП(б) данные вызывают, конечно же, у исследователей вопросы. Могло ли количество людей, подписавших ту или иную петицию, приблизиться к миллиарду человек, учитывая, что все население планеты едва превышало в то время три миллиарда? Не было ли все это профанацией? Нам известно, конечно, какими методами проводились кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием в странах советского блока (в Венгрии, например, епископ Й. Грёс, фактически возглавлявший венгерскую католическую церковь после ареста в 1948 г. кардинала Миндсенти, был тоже арестован в 1951 г. и пригово-

рен к длительному сроку тюремного заключения именно за недостаточную мобилизацию своей паствы на сбор подписей). Разумеется, вне советского блока у Сталина и мирового коммунистического движения не было столь же эффективных средств массовой мобилизации людей на подписание подобных воззваний. Как бы то ни было, ни в коей мере нельзя отрицать, как справедливо пишет Н.И. Егорова, сильные «исходные антивоенные настроения масс, порожденные памятью о Второй мировой войне и начавшейся в годы холодной войны гонкой вооружений (особенно ядерных), созданием военных блоков и их инфраструктуры, милитаризацией экономики и ее социально-политических последствий». Ведь, как продолжает далее автор, параллельно просоветскому и опиравшемуся на финансовую помощь СССР Движению мира существовали и набирали с каждым годом силу другие антивоенные движения, «что свидетельствовало о наличии весьма веских причин для озабоченности широких кругов общественности проблемами войны и мира в условиях холодной войны и особенно в периоды локальных войн (в Корее, Индокитае, Алжире и др.) и международных кризисов (Суэцкий, второй Берлинский, Карибский)» (с. 62). Заметим, кстати, в связи с арестом в Италии в 1950 г. в процессе сбора подписей под Стокгольмским воззванием 10 тыс. сторонников мира (с.70) и другими подобными случаями, что эти люди, конечно же, представляли перед судом и заключались в тюрьмы не как сторонники мира, а как советские агенты. В конце концов,

шла война, пусть и «холодная», и средств ведения войны выбирать не приходилось — к этой проблеме позже в своих широко известных мемуарах «Люди, годы, жизнь» не раз обращался Илья Эренбург, одна из центральных фигур советского движения мира.

Показательны свидетельства Н.И. Егоровой о том, что еще при жизни Сталина лица, стоявшие во главе советского комитета защиты мира, стали заботиться о расширении социальной базы международного движения мира, направляемого СССР. А значит, и о необходимости корректировать риторику, чтобы воззвания борцов за мир по возможности не очень напоминали резолюции компартий. В послесталинский период, особенно после XX съезда КПСС, советское доминирование в движении встречало, как показывает автор, все большее противодействие в левых и леволиберальных западных кругах. Дискуссии, развернувшиеся осенью 1956 г. в связи с попытками навязать движению советскую интерпретацию венгерских событий, особенно отчетливо показали нежелание активистов Всемирного совета мира смириться с положением этой структуры как придатка советской дипломатии. По мере эмансипации движения мира от советского влияния о корректировке риторики приходилось заботиться все больше и больше. Москве надо было считаться с тем, что уже с 1953 г. в среде западных попутчиков, как демонстрирует в своей работе и Н.И. Егорова, стала активно проявляться тенденция к ослаблению политизации и идеологизации

движения, все больший акцент теперь делался на гуманистическое содержание миротворческой деятельности. Сказывалось и общее ослабление напряженности в мире, и формирование нового, более умеренного внешнеполитического курса СССР после смерти Сталина — уже в 1954 г. в Кремле и на Старой площади уделяют больше внимания использованию движения мира не в целях антиамериканской, антиимпериалистической пропаганды, а для решения конкретных и локальных международных проблем (таких как, например, заключение мира в Индокитае). Это, впрочем, только стимулировало использование движения для поддержки конкретных советских внешнеполитических инициатив, что в свою очередь не способствовало преодолению в нем кризисных тенденций. Из советских активистов международного движения мира более других сделал для расширения его социальной базы И. Г. Эренбург — и в своей практической деятельности по установлению и закреплению связей с западными партнерами (особенно из элитной леволиберальной интеллигенции), и настойчивыми напоминаниями советскому руководству в письмах о том, что следование движения в фарватере советской дипломатии снижает его эффективность и не способствует преодолению тенденции к расколу. Усилия выдающегося писателя и публициста не были напрасны. Хотя патерналистское отношение Кремля к движению сохранялось, тем не менее к 1964 г. уже и в партийно-государственном аппарате, судя по приведенным Н. И. Егоровой документам, ос-

знают, что «движение сторонников мира не является союзом политически единым. В нем объединяются действия самых различных миролюбивых сил, выступающих против войны». А это значило, что «попытка перестроить движение сторонников мира по классовому или партийному принципу привела бы к расколу движения, к его резкому ослаблению или даже разрушению» (с. 261). Проблема конкурентоспособности просоветского движения мира в условиях возникновения (особенно с началом войны во Вьетнаме) все новых и новых пацифистских организаций встала к середине 1960-х гг. со всей остротой.

Как показывает приведенный в книге богатый материал, при идеологическом обосновании своей деятельности по мобилизации масс на борьбу за мир Москва постоянно сталкивалась с трудноразрешимой дилеммой. С одной стороны, надо было неустанно указывать на опасность глобальной войны. А с другой стороны, оставались в силе большевистские идеологемы о неминуемом крахе капитализма в противоборстве с более высокой общественной формацией. Ускорителем этого краха могло бы стать, соответственно, военное столкновение двух систем. Именно с учетом этой дилеммы (а не только в контексте острой подковерной борьбы за власть в послесталинском Советском Союзе) надо воспринимать своеобразную дискуссию между Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым, точнее реакцию Хрущева на высказывания Маленкова о том, что новая мировая война может привести к уничтожению всей че-

ловеческой цивилизации. Взгляды на эту проблему наиболее влиятельных лидеров международного движения мира (включая Ф. Жолио-Кюри) вполне перекликались, как показывает Н.И. Егорова, с позицией Маленкова. Тем не менее в обстановке острой борьбы за власть в СССР первый послесталинский премьер-министр был подвергнут резкой критике за свой «пессимизм». Однако позже и сам Хрущев оказался, упрощенно говоря, в роли раскритикованного им Маленкова, когда на рубеже 1950–1960-х гг. развернулась острая полемика между КПСС и китайской компартией по вопросам войны и мира, за которой стояли принципиальные расхождения в понимании стратегии и тактики мирового коммунистического движения, что находилось, разумеется, в тесной связи с борьбой двух великих коммунистических держав за доминанцию в этом движении. Вообще сохранявшаяся в советских внешнеполитических доктринах установка на проведение различий между предназначением советского и американского ядерного оружия демонстрировала на фоне китайского вызова еще большую свою ущербность и надуманность, что нашло отражение среди прочего в негативном отклике в мире на временное возобновление в 1961 г. в СССР испытаний ядерного оружия.

Влиянию советско-китайских противоречий на ситуацию в движении сторонников мира в 1960-е гг. в работе уделено достойное внимание. Может быть, стоило бы уделить большее внимание программному выступлению Мао Цзэдуна на боль-

шом московском совещании компартий в ноябре 1957 г. о том, что Китаю, лишь недавно приступившему к социалистическому строительству, в сущности, не страшна ядерная война, поскольку независимо от человеческих потерь в лагере социализма главным итогом ее явится уничтожение империализма. Китайский вызов движению сторонников мира возник в одночасье, и на него надо было как-то реагировать, не форсируя при этом раскол в мировом коммунистическом движении и лагере его союзников. О том, каковы были отклики в пацифистских кругах всего мира, в том числе связанных с СССР, на столь откровенные высказывания Мао Цзэдуна и как подобная риторика Мао сказалась на возникновении и дальнейшем обострении советско-китайской полемики, в монографии можно было бы порассуждать по-подробнее. Как показывает автор, заботы об ослаблении китайского влияния не только на движение сторонников мира, но и на весь широкий спектр массовых общественных движений, особенно в странах Азии и Африки, способных выступить в роли внешнеполитических попутчиков СССР, все больше занимают в 1960-е гг. внимание Москвы. В этой связи хотелось бы только заметить, что выступления китайцев против советских планов разоружения, запрещения ядерных испытаний и особенно заключения договора о нераспространении ядерного оружия с известным сочувствием воспринимались во многих странах мира, поскольку в этих планах нередко виделось плохо завуалированное стремление одной из сверхдержав сохранить достигнутое

превосходство в военной сфере над всеми другими (кроме США) игроками на международной арене. Даже входившая в советский блок Румыния приняла лишь с серьезными оговорками предложенный СССР проект договора о нераспространении ядерного оружия, заключенного в 1968 г. Тем не менее китайский фактор в целом работал на активизацию сотрудничества Советского комитета защиты мира со все более широким спектром миролюбивых сил — это особенно проявилось в процессе подготовки договора 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

При чтении страниц о «поездах мира» сразу вспоминаются и некоторые другие, не менее важные кампании по мобилизации мирового общественного мнения в защиту советских концепций борьбы за мир. Это, в частности, фестивали молодежи и студентов, каждый из которых был проведен в тех или иных конкретно-исторических условиях: пражский 1947 г. состоялся в месяцы, когда только еще шла проработка в рамках мирового коммунистического движения стратегии и тактики борьбы за мир, будапештский 1949 г. был неотделим от масштабной антиюгославской кампании, а московский 1957 г., напротив, — от поисков после XX съезда КПСС менее сектантских подходов к попутчикам в антиимпериалистической борьбе. Тесной смычке между движением борцов за мир и международным молодежным прокоммунистическим движением стоило бы уделить, на наш взгляд, достойное внимание будущим историкам.

В связи с событиями осени 1956 г. (венгерская революция, Суэцкий кризис) хотелось бы подчеркнуть, что усиление волны антисоветизма в западном общественном мнении, поставившей под угрозу раскола Движение сторонников мира, было связано не только с подавлением венгерского восстания, но и с прозвучавшей в меморандуме советского правительства в ночь с 5 на 6 ноября плохо скрытой угрозой применения мощного (читай: ядерного) оружия против менее сильных держав — Великобритании и Франции, ответственных за углубление Суэцкого кризиса.

Предметом дальнейших, специальных исследований может стать активное участие в советском движении мира Русской православной церкви. В условиях хрущевских гонений на церковь участие РПЦ в международных кампаниях борьбы за мир являлось главным способом ее легитимации в глазах власти, наилучшим доказательством права на существование, и руководство РПЦ уже поэтому не могло не придавать ему большого значения. С другой стороны, в Кремле и на Старой площади при Хрущеве сколько-нибудь позитивная сторона в деятельности РПЦ связывалась только с ее причастностью к движению мира. Одной из наиболее ярких фигур в советском движении сторонников мира, много сделавшей для расширения его международных связей, был многолетний глава отдела внешних связей РПЦ митрополит Николай (Ярушевич).

Сюжет об изгнании весной 1957 г. штаб-квартиры ВСМ из Вены ин-

интересно поставить в контекст австрийской внешней политики. Для нейтральной Австрии, полный суверенитет которой получил международно-правовое признание лишь в соответствии с договором, подписанным в 1955 г., венгерские события явились пробным камнем нейтралитета, поэтому австрийские власти все делали для того, чтобы избежать упреков в нарушении нейтралитета в ту или иную сторону. Показательно также, что высылка из Вены штаб-квартиры ВСМ не вызвала официального протеста со стороны СССР, ведь афишировать прямую связь этой структуры с Москвой было не в интересах советского руководства.

В силу значимости Карибского кризиса октября 1962 г. как феномена международных отношений, надо помнить о широком осмыслении его опыта в международных пацифистских кругах, о влиянии этого кризиса на настроения в мире. Даже внутри советского блока действия СССР, приведшие к беспрецедентной с точки зрения угрозы атомной войны ситуации, вызвали большие опасения. Известно, например, что осенью 1963 г. румынская дипломатия предпринимает тайный ход в целях обеспечения безопасности страны на случай повторения Москвой внешнеполитической авантюры, подобной размещению ракет на Кубе, породившему Карибский кризис. В октябре 1963 г. в кулуарах Генассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Румынии К. Мэнеску просил госсекретаря США Д. Раска при новом возможном возникновении угрозы ядерного конфликта рассмотреть

Румынию не как союзника СССР, а как нейтральное государство, которое не может нести ответственности за все принятые в Кремле без консультации с союзниками пагубные внешнеполитические решения (а пагубность решения, приведшего к Карибскому кризису, была признана, как известно, и соратниками Хрущева, указавшими на опасность этой авантюры при его отстранении в октябре 1964 г.).

С большим знанием дела, на основе проработки огромного количества архивного материала написаны разделы о Дартмутских встречах представителей СССР и США, о ситуации, возникшей в международных движениях сторонников мира в связи с войной во Вьетнаме. Как отмечалось выше, проблемы войны во Вьетнаме и международного отклика на нее ставятся автором в контекст советско-китайского соперничества за влияние в мире. Кроме того, Н. И. Егорова показывает, что предпринятые с началом войны во Вьетнаме попытки акцентировать антиамериканский и антиимпериалистический характер направляемого СССР Движения сторонников мира способны были только усилить его международную изоляцию, ослабить связи с другими движениями, и это вынудило Москву сделать некоторые шаги в интересах повышения авторитета движения. Речь идет среди прочего и об использовании механизмов многосторонней дипломатии при давлении на руководство Северного Вьетнама в целях занятия им более реалистической и конструктивной, менее прокитайской позиции.

Резюмируя, заметим: монография Н.И. Егоровой, выполненная на высоком научном уровне, станет хорошим подспорьем в работе для широкого круга специалистов по истории международных отношений в новейшее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адибеков 1994 — Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.

Источник 1995 — «Очень тяжело выражать мнение, не совпадающее с Вашим». Почему П. Тольятти отказался от предложения И. Сталина // Источник. 1995. № 3. С. 149–152.

Многосторонняя дипломатия 2012 — Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. Сборник статей / отв. ред. Н.И. Егорова. М., 2012.

Совещания Коминформа 1998 — Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998.

Rev.: Egorova N.I. "Narodnaia diplomatiia' iadernogo veka: dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniia. 1955–1965 gody. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, «Akvilon', 2016. 320 p.

Stykalin Aleksandr S. — candidate of historical sciences, coordinating researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

REFERENCES

Adibekov G.M. *Cominform i poslevoennaya Evropa*. Moscow, 1994.

“Ocheny tyazhelo virazhaty mnenie ne sovpadaiushee s Vashim”. Pochemu P. Togliatti otkazalsya ot predlozheniya Stalina // *Istochnik*. 1995. No. 3. P. 149–152.

Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoi sisteme mezhdunarodnih otnoshenii. Sbornik statei / отв. redactor N.I. Egorova. Moscow, 2012.

Soveschaniya Cominforma. 1947, 1948, 1949. Dokumenty i materialy. Moscow, 1998.

М. В. Белов

ОРИЕНТАЛИЗМ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ: НОВАЯ КНИГА О РУССКОМ ВЗГЛЯДЕ НА ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ

Рец.: *Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.*

Цель монографии Виктора Таки «Царь и султан», годом ранее опубликованной в Лондоне на английском языке, заключается в том, чтобы, по определению самого автора, данному им во введении, предложить «первый опыт культурной истории русско-турецких контактов с момента установления дипломатических отношений в конце XV в. и вплоть до Крымской войны». Ведь эти контакты были «важным аспектом российского открытия Востока и не менее важной главой в истории вестернизации российских элит». Помимо участия в дебатах об ориентализме вообще и о российском ориентализме в частности, автор прокламировал намерение внести свой «вклад в культурную историю империи, дипломатии и войны»

(с. 5). И это совсем не пустые слова: вводный раздел монографии содержит важные пояснения относительно методологической оптики исследования и подчиненного ей композиционного решения. А оно, несомненно, оригинально: разбор мизансцен в дипломатических верхах сменяется жестокой прозой турецкого плена, батальное полотно военных кампаний дополняется портретированием балканских народов в аллегорическом и моральном плане.

Впрочем, настройка методологической оптики не лишена трудностей. Следуя за Э. Саидом, Таки определяет ориентализм как «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии Востока и (почти всегда) Запада» (Саид 2006: 9). Интенция Саида, как известно, состояла в систематическом подрыве этой сконструированной и фетишизированной дихотомии как продукта колониальной экспансии, экономической

© Белов М. В., 2017

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); belov_mihail@mail.ru

эксплуатации, военно-политического господства и культурной гегемонии. Поскольку «Восток» (и равным образом «Запад») переставали быть категориями конкретного анализа, эпистемологический сдвиг постколониальной критики направлял внимание к анализу самих этих мистифицированных категорий и к деконструкции лежащих за ними значений. Но как избежать категориально-аналитического использования старой дихотомии?

Предваряющая исследование гипотеза Таки гласит, что «Россия была первой не западной нацией, вставшей на путь сознательной и целенаправленной вестернизации». Напротив, «запоздавшая» с этим поворотом, кризисная Турция представлялась удобной (для самоутверждения российской европеизированной элиты) «противоположностью постпетровской России, которой вплоть до Крымской войны удавалось с видимым успехом перенимать западное знание и технологии власти» (с. 6). Нарисовав такую систему координат, автору потребовалось сделать сразу несколько оговорок. Под «Западом», по его мнению, не следует понимать «существующую ныне общность ценностей или геополитический союз», хотя «вовлеченность в <...> конфликты наделила западных соседей Московии определенной общностью исторического опыта (Ренессанс, Реформация, научная революция), которая едва ли распространялась на царей и их подданных» (с. 7).

Остается загадкой, следует ли считать такую *прото*западную общ-

ность своего рода историческим предначертанием, поскольку «не западный» мир не знал перечисленных в скобках феноменов¹, или же результатом более сложных взаимодействий на глобальном уровне? Являются ли заимствования чужого опыта только уделом «не западных» наций, обреченных на поверхностные имитации в силу несовместимости их культурного фундамента с новоевропейской «мутацией»? Разумеется, нет! Но и отраженный в глазах восхищенного, подавленно-го или испуганного им, смотрящего на него извне наблюдателя «Запад» появился не сразу, в петровские и постпетровские времена говорили о «Европах» (с. 8)². Может быть, мы здесь имеем дело с продуктом «улучшенного импорта» — побоч-

¹ Перечень неизвестных России феноменов можно продолжить, невзирая на их оценку: эпидемия «охоты на ведьм» не докатилась до Московии, зато она знала всплеск автоагрессии и религиозных гонений после Раскола. А некоторые страны Европы, в свою очередь, не испытали (полноценной) Реформации, но в то же время пережили ее зеркальное отражение — Контрреформацию. Есть и точки соприкосновения: социальные волнения середины XVII в. в России по механизму своего возникновения имеют некоторое сходство с так называемыми «синхронными революциями», происходившими одновременно в Западной Европе, а также с «казачьей революцией» в Речи Посполитой.

² Авторы нижеуказанной статьи предлагают различать «европеизацию» и «вестернизацию», обуславливая это различие «культурой» и «цивилизацией» (как их понимает П. Штомпка). С этой точки зрения, Россия не нуждалась в европеизации, поскольку принадлежала миру христианской культуры, в то время как цивилизационной вестернизации, помимо нее, подверглись многие европейские страны (Алексеева, Редин, Рей 2016: 3–20). Продолжая эту логику, можно утверждать, что Османская империя (ее элиты) подвергалась и европеизации, и вестернизации.

ным звеном европейского ориентализма?

Продуктивной новацией монографии Таки стали отказ от статичности в рассмотрении международных отношений и их реинтерпретация в духе «новой политической истории»: «...сами способы ведения войны и переговоров о мире были предметами борьбы, в ходе которой соперники старались навязать друг другу предпочтительные формы дипломатии и войны и сделать их нормативными. Исследование этой борьбы демонстрирует гетерогенность самого пространства взаимодействия между империями, дополняющую гетерогенность политико-административного пространства самих империй, которую помогла выявить новейшая историография» (с. 20).

Предложенное видение нашло реализацию в первой главе монографии, в которой раннемодерная дипломатия, в силу гипертрофированности ее представительской функции и свойственной ей избыточной ритуальности, характеризуется (со ссылкой на работы М. Фуко) «в значительной степени соотношением тел в пространстве». Поэтому каждая из стадий посольских акций — «путешествие, торжественный въезд и аудиенция — представляла собой определенную разновидность телодвижений, имеющих большое символическое значение», напоминая «политический театр» (с. 32–33). Автором рассмотрены все этапы этих церемониальных соревнований, иногда чреватых оскорблением «государевой чести», но все ж таки сохраняя

сих функции балансира в межгосударственных отношениях (важное дополнение: так продолжалось, пока Россия не начала претендовать на черноморские берега). Конфликтная ситуация задавалась расхождениями в посольском обычае, но ее суть лежала глубже: «В то время как османы называли себя “убежищем правителей” и “пристанищем мира” <...> великие князья и цари московские стремились утвердить равенство своего статуса по отношению к султанам, которых они называли “братьями”» (с. 34). Стоит заметить, что подобная ситуация не была уникальна и, возможно, еще более рельефно проявилась в отношениях России с цинским Китаем³.

По мере вестернизации российской элиты в результате «петровского поворота» и с интеграцией посланников Петербурга в дипломатический «интернационал» Восточного Рима, турецкие ритуалы подверглись неизбежной ориентализации взгляда российской стороны и, более того, роль «первых учеников» позволяла русским критиковать европейцев за компромиссы в отношениях с Портой и отклонение от цивилизованных стандартов. Парадокс заключался в том, что Турция раньше ознакомилась с европейской дипломатией, а сам Константинополь был первоначально важной площадкой по выработке ее норм, однако инкорпорация России в этот мир происходила более стремительно. А вот итоговый вывод автора в первой главе (после рассуждений

³ См., например, работы В.С. Мясникова, а также: (Григорьева 2000).

о генезисе «русской угрозы») звучит оригинально, но однобоко: «... как конструируемая культурная дистанция, так и реальное культурное сближение одинаково способны породить политический конфликт» (с. 70). Предложенная последовательность легко переворачивается, и равным образом политический конфликт способен конструировать и культурную дистанцию, и воображаемую близость. На практике эти процессы часто переплетаются и поддерживают друг друга.

Другим методологическим сдвигом, заявленным во введении монографии, стал отказ от текстуального солипсизма в духе Ж. Деррида, превращающего культурную историю в «замкнутый круг взаимосвязанных референций». Взамен этого Таки высказал умеренную предпосылку, «согласно которой анализ текстов может и должен позволять реконструировать социальные феномены как совокупность конкретного человеческого опыта» (с. 25). Приветствуя это допущение, следует оговориться, что «конкретность» опыта подразумевает его неоднозначность, противоречивость, не говоря уже о различиях его у разных социальных агентов, поэтому вряд ли существовал единый и неделимый «российский исторический опыт» даже на элитарном уровне, хотя в нем и можно выделить определенные изменчивые доминанты. Кроме того, трансляция опыта в тексте обусловлена коммуникативной ситуацией и (часто) предзаданными формами выражения, поэтому она всегда селективна, что усложняет работу историка, но не лишает ее смысла.

Иллюстрацией сложностей, возникающих на этом пути, является вторая глава монографии, посвященная эволюции восприятия турецкого плена. Применительно к допетровской эпохе автор пользуется в качестве источника «расспросными речами», записанными в Приказе Патриаршего дворца. Характер этих свидетельств потребовал сделать как минимум две существенные оговорки. Во-первых, речь идет не о военнопленных, а об обращенном в рабство крымчаками с целью продажи или выкупа служилом и неслужилом населении, как правило, низкого социального статуса. Во-вторых, «ответы пленников выглядят шаблонными и, судя по всему, хотя бы отчасти несут следы влияния самих расспрашивающих или писцов» (с. 81). Нет никаких сомнений, что клирики из Патриаршего дворца были главным образом озабочены повреждением веры тех, кто так или иначе возвратился из турецкого плена, рассматривая их как неизбежно отпавших от «благодати» и как потенциальные источники «заказы». Ловушкой для возвратившихся оказывалось то обстоятельство, что шанс на побег появлялся только у тех категорий пленников, которые повышали свой статус в турецком обществе хотя бы на одну-две ступени, а это как раз было чревато принятием ислама. Для нейтрализации обвинений в отступничестве подопечные церковных реинтеграторов сообщали им о своем кригто-православии, даже если и сознавались в формальной перемене веры, а также (если речь идет о служилых людях) представляли плен как продолжение царской службы; некоторые позднее смешивали плен с па-

ломничеством к святым местам. Таким образом, «язык власти» переплетался в «расспросных речах» с изобретенными под давлением стратегиями самозащиты.

Разумеется, совершенно иной характер имеют рассказы о турецком плене офицеров-дворян «золотого века» русской культуры. Промежуточным звеном между двумя эпохами служит повествование нижегородского купца В.Я. Баранщикова, по-разному изложившего свои мытарства на допросе у губернатора И.М. Ребиндера и в составленной не без участия кого-то из литературного мира Петербурга книге «Нещастные приключения...» (1787). Нет ничего удивительного, что ранне-модерная Россия не знала аналогов многочисленным европейским нарративам о плене, сопряженным со структурой и мотивами плутовского романа⁴. Книга Баранщикова восполняла этот пробел в то время, когда как раз этот жанр возымел некоторую популярность у низового читателя. «Приключения» Баранщикова сопрягались с эстетикой сентиментализма и испытывали возможности элиты сопереживать герою-недворянину. «При этом отношение этой публики к пленнику не могло быть и однозначно негативным, хотя бы потому, что некоторые представители российского дворянства попадали в плен во время русско-турецких войн» (с. 98).

Дальнейшее «облагораживание» плена решало загадку сохранения

дворянской «чести» в обещающих условиях (автор подчеркивает здесь преемственность старой моральной дилеммы — внешнее принуждение и внутренняя реакция, — лишь обновившейся в результате секуляризации). Ситуация усугублялась тем, что дворянская «честь», будучи групповым феноменом, подлежала контролю товарищей по несчастью⁵, поэтому нередко пленным офицерам приходилось выбирать между социальной и физической смертью. В литературных репрезентациях эта проблема вуалировалась и снималась переносом акцента на страдания пленного, эмоциональным осуждением турецкого варварства или плена вообще (под влиянием европейских образцов), эстетизацией вынужденного шутовства, введением образа «благородного турка» или какого-то другого персонажа в качестве чудесного помощника. Пройдя через такие процедуры, литературный «пленник становился идеальным объектом для коллективного сопереживания» (с. 116). Следовательно, «амбивалентность» плена можно рассматривать еще и в терминах «травмы» и ее повествовательной, а также социальной «терапии».

Точно так же, как своего рода «травму рождения» петровской империи, можно представить и неудачный Прутский поход 1711 г., поскольку, уверяет автор в третьей главе монографии (о «турецких кампаниях»), этот поход задал проблематичный сценарий военных действий, который пытались потом пересмотреть

⁴ В допетровский период не существовало ни соответствующей ему читательской аудитории, ни самой установки на вертикальную мобильность.

⁵ Хотя в чрезвычайных условиях он с неизбежностью ослабевал.

наследники Петра. В результате последовательного чередования «турецких» и «европейских» кампаний, особенно интенсивного на рубеже XVIII–XIX вв., «постулат о превосходстве европейской военной науки уравновешивался идеей о том, что каждый народ <...> выработал свою собственную манеру ведения войны». И это «противоречие между универсалистским и релятивистским определениями военного искусства» (с. 128) затем бесконечно повторялось. Частичным выходом из этой коллизии стала концепция «малой войны», порожденная наполеоновской эпохой. Риторическая ориентализация в описаниях «турецких кампаний», созвучная изображениям ратных побед и оправдывающая собственную жестокость (правда, до определенных пределов), тем не менее осталась неполноценной: «...османская военная организация оказалась в конечном счете слишком самобытна, чтобы восприниматься европейцами и россиянами в качестве прототипа прочих азиатских армий» (с. 167).

Тема российской специфики в дискурсивной ориентализации Османской империи продолжена в четвертой главе монографии, которая посвящена возникновению и меняющемуся обсуждению темы ее упадка. Сложность состояла в том, что сама Россия за ее рубежами часто представлялась как страна не вполне европейская, а самодержавный характер власти порождал ненужные аллюзии в случае критики восточного деспотизма. Поэтому русский читатель мог узнать, например, что этот упадок стал следствием «ограничений, налагавшихся на сул-

танскую власть силой традиции» (с. 190), а переводы иностранных авторов тенденциозно купировались. Первоначально кризис и ослабление Турции толковались либо как следствие изнеженности и дурных страстей, либо как результат варварства. Но «к середине XIX столетия тема повреждения народных нравов пороками цивилизации вытеснила более раннюю критику враждебности османов просвещению» (с. 198). Осуждение реформ Танзимата в России совпало с более настороженным отношением к Западу вообще⁶ и с общеевропейской ностальгией по «истинному Востоку». Эта критика могла скрывать разные политические установки (либеральную или консервативную), но в любом случае обеспечивала ее авторам «позиционное превосходство», что подтверждает высказанную еще во введении гипотезу о «компенсирующем [неуверенность в себе] ориентализме» (с. 216).

В. Таки обратил внимание на то, что «количество русскоязычных публикаций об Османской империи превосходит количество публикаций, посвященных Франции и Германии» (с. 9)⁷, и объяснил это «компрессией форм взаимодействия». «Дневники и мемуары участников русско-турецких войн, рассказы пленных и дипломатическая переписка сыграли роль

⁶ В. Таки трактует национализирующий дискурс «народности» как «свидетельство определенной идейной зрелости, приобретенный наиболее европеизированным сегментом российского общества» (с. 207).

⁷ Если прибавить к «описаниям» переводы с французского и немецкого, а также книги на этих языках, имевшие хождение в России, соотношение резко изменится.

медиумов, в которых жестокости военного конфликта обрели символическое выражение в репрезентациях военного соперника» (с. 17). И поскольку эти репрезентации по мере своего усложнения породили российские варианты дискурсов о Востоке и Балканах, автор пригласил «исследователей, работающих в этом направлении, поразмыслить о том, как образы отдельных империй превращаются в репрезентации исторических регионов» (с. 18). Пользуясь этим приглашением, сразу внесем короткую ремарку: дискурсивное освоение Османской империи как целого продвигалось параллельно с выделением ее субрегиональных (квазиэтнических, локалистских) фрагментов⁸, при этом превращение Балкан в отдельный регион стало следствием ожидаемого вытеснения Турции из Европы.

Собственно на фрагментарность знаний о народах Европейской Турции, сохранявшейся вплоть до Крымской войны, указывает и автор в заключительной, пятой главе исследования. Однако, по его мысли, она «отражала последовательность “открытия” россиянами подвластных султану народов» (с. 219). Поскольку В. Таки не дает однозначного пояснения такой последовательности (позволим себе усомниться в ее строгости), она предстает либо просто случайной, либо композиционно оправданной.

Первичным и во многом модельным для российского общества стал интерес к грекам, который обуславливается прививкой классицизма, сразу

же приобретшего «геополитические измерения в контексте русско-турецких войн екатерининской эпохи» (с. 221–222)⁹. Поддерживаемое сверху эллинофильство вскоре испытало разочарование, результатом которого стало противопоставление «старых» (идеализированных) и «новых» греков. А магнитом для негативных эмоций с конца XVIII в. оказались греки-фанариоты, часть из которых тогда или чуть ранее была призвана на российскую службу. Стереотипы «коварства», приписываемые им, по мнению В. Таки, отчасти были заимствованы из западноевропейской литературы, а отчасти воскрешали формулы грекофобии допетровской эпохи, возникшие еще после Флорентийской унии. Можно указать еще на один канал риторики вражды – деятелей освободительных движений балканских славян. Впрочем, автор не подтверждает свидетельствами значимость *русской* грекофобии вплоть до середины XIX в., хотя, разумеется, на государственном уровне интерес к грекам подчинялся политической актуальности.

Вторичность «открытия» славян корректируется тем обстоятельством, что отношения с черногорцами российская дипломатия и церковь поддерживали, пускай с перерывами, на протяжении всего XVIII в., начиная с Прутского похода¹⁰. Однако справедливо, что

⁹ Далее известный «греческий проект» и связанная с ним культурная мифология излагаются со ссылкой на исследования А. Л. Зорина и В. Ю. Проскуриной.

¹⁰ Особый интерес к грекам в то же самое время всецело подчинялся общеевропейской классицистской моде.

⁸ Ср.: (Курьянов 2004: 21–37).

в широком публичном дискурсе знания о них распространили среди-земноморская экспедиция Д. Н. Сеньявина и ее мемуаристы вскоре после окончания наполеоновской эпопеи. Примерно к этому же времени относится популяризация сербов. «В глазах россиян сербы могли быть одновременно доблестными героями, благородными дикарями и истинно православными людьми. Это почти невозможное сочетание религиозных, классицистских и руссоистских черт объясняет, почему в первые три десятилетия XIX в. сербы практически монополизировали внимание» (с. 241). При этом опущены другие очевидные объяснения: сербские восстания 1804–1813 и 1815 гг., опередившие Греческую революцию; готовность правительства России поддерживать освободительные устремления «малых народов» в условиях ширящейся французской экспансии; славянизация сознания какой-то части российской элиты на фоне общего патриотического подъема.

В свою очередь задержка в обращении внимания российской публики к болгарам или румынам, отмеченная автором монографии, по-видимому, объясняется более поздним проявлением их национальной активности. Раздражение от вестернизации румынской элиты после реформ 1830-х гг., хотя и могло объясняться ее «неславянским происхождением» (с. 261), уже в середине XIX в. не было исключительным. Вопреки панславистскому настрою, то же раздражение испытывали авторы, посетившие Сербию и даже Черногорию: они возлагали надежды преимущественно на простой

народ. А «моральная палитра» (с. 262), которая использовалась для определения «национальных характеров» Европейской Турции, конечно, не зависела полностью от модельных портретов греков, но подчинялась скорее традиции тогдашнего «статистического народознания» и популярным литературным амплуа.

Придирчивый взгляд может обнаружить в монографии В. Таки и некоторые другие частные поводы для полемики, однако это не умаляет главной заслуги автора: ему действительно удалось по-новому посмотреть на историю отношений России и Турции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева, Редин, Рей 2016 — Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М. П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 3–20.

Григорьева 2000 — Григорьева Е. А. Российско-китайские отношения второй половины XVII — первой четверти XVIII века в контексте развития внешнеполитической доктрины империи Цин. Дис. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2000. 481 с.

Куприянов 2004 — Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37.

Саид 2006 — Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.

Таки 2017 — Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.

ORIENTALISM OF THE COMPETITIVE WESTERNIZATION: A NEW BOOK ABOUT THE RUSSIAN VIEW OF THE OTTOMAN EMPIRE

Rev.: Taki V. Tsar' i sultan. Osmanskaia imperiia glazami rossiiian. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 320 p.

Belov Michael V. — Ph.D., the Head of the Chair of Modern and Contemporary History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

REFERENCES

Alekseeva E. V., Redin D. A., Rei M. P. “Evropeizatsiia”, “vesternizatsiia” i mekhanizmy adaptatsii zapadnykh novovvedenii v Rossii imperskogo perioda // *Voprosy istorii*. 2016. No. 6. P. 3–20.

Grigor'eva E. A. *Rossiisko-kitaiskie otnosheniia vtoroi poloviny XVII – pervoi chetverti XVIII veka v kontekste razvitiia vneshnepoliticheskoi doktriny imperii Tsin*. Dis. ... k.i.n. Nizhnii Novgorod, 2000. 481 p.

Kupriianov P. S. Predstavleniia o narodakh u rossiiskikh puteshestvennikov nachala XIX v. // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2004. No. 2. P. 21–37.

Said E. V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka*. St. Petersburg: Russkii mir, 2006.

Taki V. *Tsar' i sultan. Osmanskaia imperiia glazami rossiiian*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 320 p.

М. И. Роднов

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО КЛЮЧИКА

Рец.: *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб.: Алетейя Историческая книга, 2014. 780 с.

Творчество московского автора М. А. Давыдова находится на стыке политологических изысканий и аграрной истории. Его труды выходят при полной деградации в обеих столицах интереса к аграрной проблематике пореформенного периода. Последний специалист в головном Институте российской истории РАН, С. А. Козлов, автор прекрасных монографий по модернизации аграрного строя, последнюю работу выпустил про... англичан (*Козлов 2015*)!

В центре по истории России XIX — начала XX вв., помимо патриарха нашей науки, выдающегося исследователя А. П. Корелина, нет ни одного специалиста по истории крестьянства, составлявшего в эту эпоху не менее 80 % населения страны. Российский народ, собственно говоря, вообще никто не изучает!

© Роднов М. И., 2017

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа); rodnov@ufacom.ru

Вся надежда на созданный Центр экономической истории под руководством крупнейшего знатока судеб советской деревни В. В. Кондрашина. Среди формирующегося состава встречаем И. Н. Слепнёва, последние годы работающего в научных фондах, одного из учеников А. М. Анфимова.

Пока в ведущих центрах «раскачиваются», опустевшее в Москве (и в Петербурге) пространство аграрной истории заполняют авторы, специализирующиеся на политологических трудах. Фактический материал, источник служит лишь фундаментом для эффектных выводов, рассчитанных на масс-медиа, внимание издателей и спонсоров. Эти авторы (добавим пресловутого Б. Н. Миронова, др.) постоянно опровергают своих явных или фикционных противников. Данная историография очень похожа на так называемую альтернативную историю, каждый опус которой обязательно содержит разоблачение официальной науки, которая непременно скрывает правду.

Последний труд М.А. Давыдова — логичное свидетельство его эволюции. Политологический дискурс открыто вынесен на первое место, теперь читатель узнает наконец правду, какой была Российская империя накануне краха. Видимо, для этого в новую монографию включены старые тексты. Автор все выпрямляет Пизанскую башню. Это его право, но почему в издательстве «Алетейя» думают, что в наш информационный век прежние труды М.А. Давыдова недоступны? У богатых свои причуды.

Работы М.А. Давыдова уже подвергались критическому разбору (Кузнецов 2012). Полностью солидарен с Игорем Анатольевичем и, чтобы не повторяться, выберу в новом «кирпиче» М.А. Давыдова два момента. Первый — источники.

Действительно, стенания по поводу источников у столичных аграрных политологов многолетние и не случайные. Желание создать «верную» теоретическую концепцию для всей огромной Российской империи требует единой источниковой базы. А ее и нет! Есть только публикации официальной статистики Центрального статистического комитета МВД, но уровень ее достоверности опроверг еще Д.Н. Иванцов (Иванцов 1915).

Весь абсурд казенной статистики, например, показывает сборник ЦСК за 1910 г., который сообщает, что под тремя главными хлебами в Златоустовском уезде Уфимской губернии владельческий посев составил 64 117 дес. При том, что в земледельческой зоне Златоустов-

ского уезда частновладельческого (помещичьего и пр.) землевладения вообще никогда не существовало, а в горах Южного Урала сельское хозяйство отсутствует (Роднов, Дегтярёв 2008: 52).

Сначала веривший в непогрешимость информации, которую волостные писаря и урядники брали с пальца, пола, потолка, М.А. Давыдов затем сам стал ее критиковать. Но отказаться от казенной цифири нельзя. На чем же еще глобальные выводы строить?

Этот набивший оскомину вопрос выеденного яйца не стоит. Плоха казенная статистика? Найди хорошую. А ее и искать не надо. В библиотеках лежат сотни пудов всевозможных статистических сборников почти по всем губерниям (Лёвин 2012; 2014). Но, как черт от лада-на, шарахаются от знаменитой, всемирно признанной русской земской статистики.

Я, например, могу сообщить предельно точные сведения о посеве по каждой волости, каждой деревне (общине) и даже каждому крестьянскому хозяйству Уфимской губернии, опираясь на земскую статистику. Фантазии волостных писарей и петербургских сочинителей из ЦСК МВД мне просто не нужны. Для региональных историков такой проблемы не существует. Возьми сборник статистических сведений по Тамбовской, Ярославской, Калужской губернии и смотри. Не говоря уж об архивах.

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», — выразился

в Крымскую войну Лев Толстой. Все любовно выстроенные концепции, якобы объясняющие ход российской истории, рушатся при столкновении с конкретным региональным материалом. И разная она, эта земская статистика. В каждой губернии творили самостоятельно.

Единственный раз в отечественной истории, во второй половине XIX – начале XX вв., существовала независимая региональная статистика. Ни до, ни после этого не было никогда! И сейчас центральная власть не выпускает статистику из своих рук. Им только волю дай! Такое насчитают в регионах...

Слабость источниковедческого «фундамента» заставляет искать новые, но тоже общероссийские источники. М. А. Давыдов предпочитает ведомственную статистику, в последнее время им введены в оборот сведения податных инспекторов за 1890-е гг. Вышла обширная статья (Давыдов 2016: 83–151), целиком включенная в последнюю монографию. Для сведения издательства «Алетейя» – ежегодники «Экономическая история» доступны в Интернете.

Итак, М. А. Давыдов – пламенный борец «с негативистским подходом к жизни пореформенной России». Мы в главе третьей «кирпича». Непосильных платежей не было – яростно спорит автор во вступлении. А с кем? Демагогический прием «оппозиционной публицистики» (с. 152) он нашел в забытом сборнике – Ленинград, 1991, – о существовании которого лично я узнал из его же книги. А затем обрушился на ека-

теринбуржца С. А. Нефёдова, который привел стандартный пример, что помещичьи крестьяне получили земли меньше, государственные больше, условия освобождения первых были лучше, а вторых – хуже (разве не так?). Стиль Давыдова: «... пропагандисты которого и сегодня с апломбом невежества»... Издательство «Алетейя» случайно не забирает на выпуск листовок?

Далее М. А. Давыдов в разделе 3.1 подробно разбирает вопрос – связаны ли были размеры наделов и недоимки. Погубернские данные показывают отсутствие зависимости между этими двумя факторами.

Две обширные публикации (статья и раздел в монографии) посвящены изучению этого сюжета, правда, всего по одному источнику и за два года. Удивленный таким вниманием, беру работу 1902 г. уфимского статистика Митрофана Павловича Красильникова, именно он в 1926 г. будет руководить организацией лучшей советской переписи.

В начале этой превосходной монографии, в силу нелюбви М. А. Давыдова к земской статистике, ему не знакомой, читаем: «...величина обложения не находится в соответствии с земельным обеспечением», приводятся доказательства по рядам крестьян. Но так как земля является главным источником «для отправления всякого рода повинностей», Красильников анализирует величину платежей на единицу удобной земли. Самый общинный и малоземельный Мензелинский уезд стоял на первом месте – 50 коп. с десятины, самые фермерские

и многоземельные платили меньше, Белебеевский уезд — 35 коп., Стерлитамакский — 30 коп., Златоустовский — 24 коп. (*Красильников* 1902: 7–8).

Из-за архаичности системы налогообложения в царской России, в основе начисления суммы налогов лежали ревизские души десятой ревизии 1858 г., в выигрыше оказывались многоземельные и ранее малонаселенные уезды, где активно складывалось фермерское хозяйство. Через столетие после Красильникова М. А. Давыдов узнает об аналогичной ситуации с Николаевским уездом Самарской губернии (с. 178). И, потрясенный, даже напишет отдельный параграф 3.5 под ошеломляющим заголовком: «Историографический сюрприз: задолженность состоятельных крестьян».

На самарской сессии Симпозиума по аграрной истории в 2014 г., чьей темой как раз была «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.» (Фискальная политика 2014), как участник заявляю: никто из специалистов не утверждал, что податное бремя крестьянства всецело зависело от размеров надела. Любой историк-аграрник отметит комплекс факторов (промыслы, уровень развития экономики в регионе, транспортные пути, последствия природных бедствий и пр., и пр.).

Кстати, в разделе 3.2 М. А. Давыдов рассуждает о возникновении недоимок. Снова откроем земскую литературу. М. П. Красильников: иное дело недород! Тут «взыскание

всякого рода повинностей обычно приостанавливается», затем из хлебозапасных магазинов и главным образом казны выдают ссуды зерном на еду и посев, а для бедноты «ссуда нередко даже и превышает обычный высев» в одну-две десятины. О голодовке, «ныне считаемой народом не за гнев, а за милость Божью», говорили в 1903 г. в трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (*Роднов* 2002: 171).

Конечно, если игнорировать земскую статистику, сколько еще открытий нас ждет. Смотрим сноски у М. А. Давыдова — идет сплошной пересказ Бржеского, Головина, Чичерина с Озеровым. Н. К. Бржеский, конечно же, хорош, но не до такой степени, чтобы его одного цитировать на страницах 197–202. Может, издательство «Алетейя» раскошелится и переиздаст Николая Корниловича? Выпустит собрание сочинений, великолепный автор! Хватит читать Бржеского в пересказе М. А. Давыдова. Желаем оригинал!

От изумительных трудов Н. К. Бржеского возвращаемся к изумляющему сочинению М. А. Давыдова. Все очевидно, Российская империя процветала: налоги не обременительные, модернизацию раскошегарил Витте, перевозки по железным дорогам росли, сбережения в сберкассах повышались, Столыпинская реформа — успех (я тоже так считаю), агрономическая помощь и кооперация, все в ажуре. По крайней мере сантиметрами прогресс не измеряет, как некоторые (*Nefedov, Ellman* 2016).

Дискуссии вокруг падающей Пизанской башни казенных публикаций, попытки найти чудодейственный источник, по которому можно все посчитать (начиная с анекдотических сантиметров) – и сразу истина откроется и воссияет в лучезарной славе автора! – напоминают поиски золотого ключика. Нашел, открыл замочек и вот она – подлинная история России.

Второе. Теория. Как умилительно выглядят сравнения прогресса Российской империи по М. А. Давыдову... с 1913 г. (с. 373 и др.). Ничего не напоминает?

Простые теоретические концепции (смена полюсов) некоторых историков выглядят особенно архаичными на фоне реального инструментария для изучения истории России до и после 1913 г. Экономика и социальная структура общества были (и есть) многоукладными.

Десятилетиями работает в Москве группа экономистов, социологов, историков под руководством Т. Шанина и А. М. Никулина, которые изучают многоукладную Россию, издана обширная литература (Рефлексивное крестьяноведение 2002; Многоукладность России 2009). Причем исследователи современного аграрного (и не только) строя РФ непрерывно используют само понятие многоукладности, для них это объективная реальность, лежащая за окном.

Тюменские историки уже выпустили карту многоукладности Тюменской области (Шелудков, Рассказов 2017), исследователь из Улан-Удэ

рассказывает о пригородной революции «в многоукладной России» (Бреславский 2016: 91). Действительно, не видеть многоукладность современной экономики и жизни невозможно. Тем более многоукладность была присуща имперскому периоду, когда общество и народное хозяйство представляли сложнейший «пирог» из разных, часто антагонистических, принципиально отличных страт.

Только количественные показатели роста – больше пили водки и чаю с сахаром, ездили по железной дороге и пр. – не показывают качественных процессов, в каждой социальной страте происходивших по-разному. Например, когда провели Самаро-Златоустовскую железную дорогу, в прилегающих волостях Уфимской губернии произошла буквально революция: возникли сотни новых поселений, пшеничные поля, мельницы, крупные торговые центры. Но если взять железные дороги нечерноземных губерний, подобного не наблюдается.

На Южном Урале «чугунка» создала удобный путь для вывоза хлеба и иных товаров, а в Нечерноземье приход железной дороги означал, что по ней хлынет дешевое и качественное зерно с востока и юга и убьет местное производство. Многоукладность имеет вертикальное и горизонтальное протяжение, даже национальный фактор присутствует.

Умозрительное восприятие России как некоего единого рыночного пространства издавна вызывало возражения. Так, главная претензия

А.Ф. Фортунатова к А.И. Скворцову — «игнорирование потребительского хозяйства и сосредоточение внимания только на меновом хозяйстве» (Кузнецов 2017: 82). В численном отношении большинство российской деревни к началу XX в. по-прежнему относилось к полунатуральному, патриархальному крестьянству, община господствовала. Это факт.

В предвоенной России одновременно происходили взаимоисключающие процессы. Наряду с несомненным прогрессом рыночной экономики, наблюдался регресс — в общинной зоне деревни выдавливались предпринимательские слои, острейшим стал демоэкологический кризис, среди патриархального крестьянства сформировался маргинальный слой «потомственной» бедноты, люмпен-пролетариата, уже не имевшего почти никаких шансов вырваться из нищеты, оставаясь в деревне. А города развивались медленно, а фермерское хозяйство активно внедряло передовую технику, сокращая потребление живого труда (Роднов 2002).

Россия накануне Великой войны переживала острейшую борьбу традиционного общества с наступающим капитализмом, которая разворачивалась не только в политической литературе, на митингах и забастовках, она происходила в деревне. Бедняцко-средняцкие массы, подпитываемые постоянным притоком новых поколений, уничтожали ростки частной собственности и предпринимательства в общине, утверждая уравнилельные принци-

пы распределения наделной земли и организации хозяйства. Община моментально поглотила столыпинских хуторян после 1917 г.

Народное право, подчеркивал современник, «сохранилось не как омертвевшие и окаменевшие “устой” дореформенной, “первобытной культуры”, а как живой и мощно растущий, укореняющийся и разветвляющийся организм» (Качоровский 1906: 250).

И каждый социальный слой многоукладной экономики по-разному воспринимал инновации, заниматься подсчетами «средней температуры по больнице» бессмысленно. Россия разная по вертикали и по горизонтали. В 1918 г. она четко разделилась на традиционалистский центр и рыночные окраины, яростно сражавшиеся друг с другом. Поэтому проблема источников действительно выходит на первый план.

Поиски «золотого ключика» ни к чему не приведут. Нужна кропотливая обработка земского статистического наследия с учетом новой коммерческой (банковской и др.) и ведомственной (транспортной и др.) статистики. Если, конечно, цель автора — научный поиск, а не погоня за медийным успехом, для чего надобно нарисовать благостный образ пряничной страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Бреславский 2017 — Бреславский А.С. «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.

Давыдов 2016 – Давыдов М. А. Земля и подать в пореформенной России: зависели ли платежи и недоимки от площади крестьянских наделов? // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М., 2016.

Иванцов 1915 – Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915.

Качоровский 1906 – Качоровский К. Народное право. М., 1906.

Козлов 2015 – Козлов С. А. Русские люди об англичанах в XIX – начале XX века. М., 2015.

Красильников 1902 – Красильников М. П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. Уфа, 1902.

Кузнецов 2012 – Кузнецов И. А. Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии // Экономическая история: Ежегодник. 2011/2012. М., 2012.

Кузнецов 2017 – Кузнецов И. А. Алексей Федорович Фортунатов и становление крестьянских исследований в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.

Лёвин 2012 – Лёвин С. В. Судьба земского статистика / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 2012.

Лёвин 2014 – Лёвин С. В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье. Тамбов, 2014.

Многоукладность России 2009 – Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М., 2009.

Рефлексивное крестьяноведение 2002 – Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.

Роднов 2002 – Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.

Роднов, Дегтярёв 2008 – Роднов М. И., Дегтярёв А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008.

Фискальная политика 2014 – Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014.

Шелудков, Рассказов 2017 – Шелудков А. В., Рассказов С. В. Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.

Nefedov, Ellman 2016 – Nefedov S., Ellman M. The development of living standards in Russia before the first world war: an examination of the anthropometric data // Revolutionary Russia. 2016. Vol. 29, No. 2.

IN THE SEARCH OF THE GOLDEN KEY

Rev.: Davydov M. A. Dvadsat' let do Velikoi voiny: rossiiskaia modernizatsiia Vitte-Stolypina. St. Petersburg: Aleteiia Istoricheskaiia kniga, 2014. 780 p.

Rodnov Mikhail I. – doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of history, language and literature of the Ufa scientific center, RAS (Ufa)

REFERENCES

Breslavskii A. S. "Prigorodnaia revoliutsiia" v regional'nom sreze (Ulan-Ude) // *Krest'ianovedenie*. 2017. Vol. 2. No. 1.

Davydov M. A. Zemlia i podat' v poreformennoi Rossii: zaviseli li platezhi i nedoimki ot ploshchadi krest'ianskikh nadelov? // *Ekonomicheskaiia istoriia: Ezhegodnik. 2014/15*. Moscow, 2016.

Fiskal'naia politika i nalogovo-povinnostnye praktiki v agrarnoi istorii Rossii X–XXI vv.: XXXIV sessiia Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy: Tézisy dokladov i soobshchenii: Samara, 23–26 sentiabria 2014 g. Moscow, 2014.

Ivantsov D. N. *K kritike russkoi urozhainoi statistiki. Opyt analiza nekotorykh ofitsial'nykh i zemskikh tekushchikh dannyykh*. Petrograd, 1915.

Kachorovskii K. *Narodnoe pravo*. Moscow, 1906.

Kozlov S. A. *Russkie liudi ob anglichanakh v XIX – nachale XX veka*. Moscow, 2015.

Krasil'nikov M. P. *Platezhi, nedoimki i prodovol'stvennaia zadolzhennost' naseleniia Ufimskoi gubernii*. Ufa, 1902.

Kuznetsov I. A. *Russkaia urozhainaia statistika 1883–1915 gg.: istochnik v kontekste istoriografii* // *Ekonomicheskaiia istoriia: Ezhegodnik. 2011/2012*. Moscow, 2012.

Kuznetsov I. A. *Aleksei Fedorovich Fortunatov i stanovlenie krest'ianskikh issledovaniy v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* // *Krest'ianovedenie*. 2017. Vol. 2. No. 1.

Levin S. V. *Sud'ba zemskogo statistika* / pod red. N. A. Troitskogo. Saratov, 2012.

Levin S. V. *Stanovlenie i razvitie zemskoi statistiki v Povolzh'e*. Tambov, 2014.

Mnogoukladnost' Rossii: istoricheskie korni, sostoiianie i perspektivy / otv. red. T. E. Kuznetsova. Moscow, 2009.

Nefedov S., Ellman M. The development of living standards in Russia before the first world war: an examination of the anthropometric data // *Revolutionary Russia*. 2016. Vol. 29, No. 2.

Refleksivnoe krest'ianovedenie: Desiatiletie issledovaniy sel'skoi Rossii / pod red. T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilova. Moscow, 2002.

Rodnov M. I. *Krest'ianstvo Ufimskoi gubernii v nachale KhKh veka (1900–1917 gg.): sotsial'naia struktura, sotsial'nye otnosheniia*. Ufa, 2002.

Rodnov M. I., Degtiarev A. N. *Khlebnyi ry-nok Ufimskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka*. Ufa, 2008.

Sheludkov A. V., Rasskazov S. V. *Karta mnogoukladnosti: prigorodnye i periferiinye zony Tiimenskoi oblasti* // *Krest'ianovedenie*. 2017. Vol. 2. No. 1.

А. А. Тесля

СООБЩЕСТВО СОЧУВСТВУЮЩИХ

Рец.: *Свешников А. В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с. (серия «MEDIAEVALIA»).

Вышедшая в прошлом году в серии «MEDIAEVALIA» объемистая монография А. В. Свешникова является, как это и отмечается в предисловии, фактически исправленным и дополненным изданием его работы 2010 г., опубликованном в издательстве Омского госуниверситета им. Ф. М. Достоевского «Петербургская школа медиевистов начала XX века: Попытка антропологического анализа». Сразу же отметим, что изменение заглавия, на наш взгляд, является удачным решением — теперь оно гораздо точнее отражает содержание работы, в центре которой находится фигура основателя и главы петербургской школы медиевистики И. М. Гревса (1860–1941) и анализ системы образующих школу связей, центрированных на основателя, при этом связи между учениками Гревса рассматриваются во вторую очередь.

Согласно определению, даваемому автором, научная школа есть «реальное профессиональное сообщество,

© Тесля А. А., 2017

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

конструируемое в системе разнообразных значимых социальных, культурных и интеллектуальных контекстов и дискурсов посредством определенного набора целенаправленных действий, описываемых через <...> термин “школообразующие практики”. При этом школа <...> постоянно конструируется, переформируется и репрезентируется в разных контекстах» (с. 10, подробное обоснование и раскрытие данного понимания «научной школы» см.: с. 37–41). Рассмотрению истории сообщества, основанного и на протяжении нескольких десятков лет возглавляемого Гревсом, характерных особенностей устройства, обусловленных как местом и временем, так и особенностями личности учителя, посвящена рассматриваемая работа.

Если сам Гревс считал свою научную судьбу неудачной, то автор исследования, как нам представляется, в данном случае избыточно следует за своим героем. Во всяком случае, трудно счесть «неудачной» академическую судьбу историка, с ранних лет получившего широкое признание среди коллег, в первую очередь со стороны своего наставника, В. Г. Васильевского. Оно позволило

Гревсу не только занять профессорскую должность в столичном университете без докторской диссертации (последнюю он так никогда и не защитил, степень доктора ему была присвоена уже в 1934 г., при восстановлении системы научных званий), но и — после увольнения из-за политических волнений в университете в 1899 г. — вернуться спустя три года в университет на ту же кафедру, на которой он теперь пробудет вплоть до 1923 г. Сам Гревс многократно жаловался на то, что мало сделал, лишь небольшое из задуманного довел до публикации — однако этому утверждению противоречит его весьма объемная библиография, включающая как собственные работы профессора, в том числе заслуженно известные «Очерки по истории римского землевладения», так и осуществленные под его редакцией издания: в частности, благодаря его трудам появился русский перевод фундаментального сочинения Фюстеля де Куланжа (историка, им наиболее почитаемого) «История общественного строя древней Франции» (т. I–VI, СПб., 1901–1916), в 1907 г. выходит «История и система средневекового мировоззрения», а на закате жизни, в 1940 г., он составляет и пишет объемное предисловие к двухтомному изданию фрагментов «Мемуаров» герцога де Сен-Симона. Созданной же им научной школе посвящена вся рассматриваемая работа.

Критичность оценок связана, как нам представляется, с двумя обстоятельствами — во-первых, с чрезвычайно высокими критериями, с которыми подходил к себе сам Гревс — он сопоставлял себя с луч-

шими учеными своего времени и находил свой вклад недостаточным, в чем, разумеется, был справедлив — но при этом, упрекая себя, тем самым находил, что внутренне был способен равняться с самыми первыми: он не достиг, по своей вине или слабости, тех вершин, на которые имел право притязать. Во-вторых, она объяснима расхождениями со временем — причем отнюдь не только наступившим после 1917 г.: уже в глазах людей, приходивших в университет в 1900-е, Гревс самой манерой поведения, чтения лекций, обращения с окружающими производил впечатление для кого-то «милой», а для кого-то отчуждающей старомодности. Характерно, что его любимым писателем, на изучение которого он потратил массу сил и времени, добившись нетривиальных результатов, был И. С. Тургенев — поэтика последнего, в том числе и поэтика жизни, была созвучна ему. Здесь обнаруживается характерное сходство с его любимым учеником, Н. С. Анциферовым, для которого подобным лицом стал А. И. Герцен — по примечательному преданию, достоверное подтверждение, что Наталья Герцен была неверна Александру и вплоть до своей смерти не порвала с Гервегом, стало известием, которое тот не смог пережить: учитель и ученик действительно «вживались» в прошлое. Независимо от того, насколько это оказывалось верно с точки зрения исторического познания, они делали прошлое частью себя — отстраненное изучение было прямой противоположностью того, к чему стремился и в чем видел смысл Гревс: точное знание, строгие методологические процедуры

служили проверке, но то, что надлежало проверять, испытывать на достоверность, следовало добывать иным способом.

Тем, что препятствовало ему добиться того, на что сам Гревс считал себя способным, или во всяком случае приблизиться к этому в большей степени, чем он осуществил на деле — было представление о том, что в первую очередь человек учится жить, проживать свою жизнь, а наука способствует ему в этом. Иными словами, наука, при всем значении, за ней признаваемым, не была для Гревса высшей ценностью — «посвятить всего себя науке» отнюдь не представлялось ему верным решением. Как отмечает А.В. Свешников, Гревс стремился «быть не столько “учителем науки”, сколько “учителем жизни”» (с. 205) — не получив достаточного результата в науке, он посвятил всего себя преподаванию, но при этом само преподавание понимал как воспитание — образование для него не было отделено от формирования личности, а последняя требовала постоянного ухода и возделывания. Говоря о своем учителе, В.Г. Васильевском, но излагая свой собственный идеал профессора, Гревс в 1899 г. писал:

«Весьма важно, чтобы специальная ученость выростала в уме университетского преподавателя на плодотворной почве общего научного образования, организуемого философским мировоззрением. Кроме того, в работе профессора и на кафедре во время чтения лекций, и в кабинете за составлением курса должны заметно выступать и эмоцио-

нальные стимулы. <...> Ему нужно только любить и чувствовать юношество, к которому он обращается, чтобы понять его высшие интересы, следить за ними и симпатизировать им. Он призван служить этим лучшим потребностям растущих поколений с помощью слова и личного общения и поэтому должен обладать нелегким искусством сближать их членов с наукой, зажигать их силой речи, уметь выбирать, строить и излагать научный материал так, чтобы он входил в сознание слушателей, возбуждая ум, волнуя чувства, перерождая душу» (с. 205–206).

Школа, созданная Гревсом, покоилась во многом именно на эмоциональной общности, включая тех, кто отзывался на эмоциональный настрой профессора — закономерно, что на Высших женских курсах («бестужевских») его авторитет «был весьма высок, гораздо выше, чем в университете» (с. 206): он строил систему «привязанностей», к чему студенчество относилось гораздо критичнее курсисток — а самый близкий из студентов университета, Анциферов, подобно учителю, был склонен к лирическим излияниям (которыми полны его поздние воспоминания, как только автор касается памяти об университете или итальянской экскурсии 1912 г.). Чувствуя себя тесно в строгих рамках академической истории, он в дальнейшем найдет себя в гораздо более свободной эссеистике.

Уделяя массу времени преподаванию, Гревс в центр своей работы — что отражало общие тенденции историко-филологического образования в России — ставил семинары,

год за годом обращаясь к тем или иным аспектам преимущественно культурной истории средневековья. При этом в отличие от лекций, читаемых им раздельно в университете и на ВЖК, семинары он организовывал для отобранных им участников совместные (проводя их либо в университете, либо у себя дома), собирая вместе наиболее, на его взгляд, одаренных и заинтересованных студентов и курсисток. Ставка на серьезное образование курсисток оправдала себя — его ученица О.А. Добиаш-Рождественская стала первой женщиной, получившей статус приват-доцента историко-филологического факультета Петроградского университета (в 1915 г.). Именно среди своих учениц (к числу которых относятся также Е.Ч. Скржинская, первый биограф своего учителя, А.Д. Люблинская, А.И. Хоментовская) он нашел наиболее преданных продолжателей заложенной им школьной традиции. Напротив, два наиболее известных из учеников Гревса, Н.П. Оттокар и Л.П. Карсавин, сначала отделились, а затем оказались в конфликте со своим учителем — по мере того, как они выросли и добивались признания как ученые (причем Карсавин быстро превзошел своего наставника и в формальном плане, защитив докторскую, которую так и не представил Гревсу), им все более чуждым становился старомодно-пафосный стиль общения Гревса. В педагогических практиках последнего большую роль играли экскурсии (в 1920-е, изгнанный из университета, он найдет для себя отдушину в организации экскурсионного дела в Петрограде-Ленинграде) — в них Гревс на-

ходил лучшее выражение практики путешествий, будучи сам страстным туристом и полагая «бродяжничество» трудно переоценимым благом в деле понимания культуры: жизнь нужно изучать, обязательно прикасаясь к тому месту, где она протекала. Хотя за все время своей университетской деятельности Гревс организовал только две экскурсии своих учеников в Италию, в 1907 и в 1912 гг., они стали одними из самых памятных событий в его жизни, как и в жизни некоторых из учеников. Экскурсии должна была предшествовать двухлетняя работа на семинаре, а непосредственно путешествию предпосылались прочитанные учениками профессора специальные курсы, долженствующие настроить взгляд путешествующего. При этом для Гревса было важно в самом путешествии эмоциональное погружение — участник должен был не только «обозревать древности», но научиться сочувствовать увиденному. Свидетельством отчуждения молодых ученых, уходящих от наставника в самостоятельное плавание, стала неготовность Оттокара и Карсавина в 1912 г. поддержать этот настрой — в прочитанных ими лекциях они делали упор на научность, критически воспринималась готовность Гревса ради красоты сюжета припоминать легенды, отвергнутые исследователями — а наиболее показательным стал отказ группы экскурсантов добираться до Ассизи пешком, причем решительнее всего против выступил Оттокар — сам Гревс с единомышленниками отправился тем путем, как ходили во времена Франциска, резонно полагая, что важно почувствовать прошлое своими ногами,

увидеть тот путь, которым ходил сам святой, а не одну лишь начальную и финальную точку. Молодой Оттокар оценил этот подход как «лунатизм» (с. 255) — упреки подобного рода, надобно полагать, были чувствительны Гревсу, свидетельствуя об истончении прежних личных связей. Примечательно, что на защите докторской Карсавина в 1916 г. он будет адресовать диссертанту упреки именно в недостаточной научности работы (см. гл. IV, в деталях анализирующую конфликт Гревса с Карсавиным).

Детально рассматривая практики, образующие и поддерживающие школу (в первую очередь особенности построения семинаров, экскурсии, коллективные работы и переписку), автор большое внимание уделяет изменениям, которые претерпела школа Гревса уже в 1920–1930-е гг. Во-первых, сам основатель оказался отлучен от университетского преподавания (вернется он только в 1934 г., вместе с Добиаш-Рождественской, благодаря другому своему ученику, Н.Н. Розенталю, в это время ставшему заведующим созданной кафедрой истории средних веков в ЛГУ) и утрачивает практически все свои институциональные позиции в медиевистике. Во-вторых, раскол школы, связанный с позицией Оттокара и Карсавина, преодолевается самим ходом внешних обстоятельств — оба исследователя оказываются исключенными из отечественного университетского пространства: Карсавин будет выслан из страны в 1922 г., а три года спустя Оттокар отправится в зарубежную командировку, из которой предпочтет не возвра-

щаться. В результате вместо «спора за лидерство» происходит иное — ключевое положение в переформированной школе приобрела Добиаш-Рождественская, к этому времени снискавшая высокий научный авторитет и одновременно обретшая относительно «спокойную» позицию в Публичной библиотеке — т.е. получившая институциональный ресурс и рамку для дальнейшей работы. В это время происходит движение исследовательской проблематики — в стремлении найти пространство, приемлемое в новых условиях, при сочетании профессиональных интересов исследователей и требований времени. Первоначально такой проблематикой представлялась история повседневности — юбилейный сборник в честь 40-летия научно-педагогической деятельности Гревса, подготовленный Добиаш-Рождественской, целиком посвящен «средневековому быту» — а затем научные «дети» и «внуки» Гревса из тех, что останутся в профессии и выживут, в большинстве своем предпочтут исследования в области «вспомогательных исторических дисциплин»: держаться вдалеке от «больших теорий» и масштабных обобщений станет для них универсальной мерой предосторожности.

История была для Гревса, как и для по крайней мере некоторых из его учеников, «формой борьбы за вечность» (по формулировке Анциферова) — старомодный историк искал в прошлом «вечных начал». Он стремился оставить память о себе — и вместе с тем испытывал сомнение, что его будут помнить, вновь и вновь принимался за ме-

муарные тексты, стремясь «напомнить моим ученикам после моей смерти» (с. 364): «Я не страдаю честолюбием, а все же не хочется совсем пропасть в небытие» (там же). По крайней мере с этой точки зрения он мог бы быть доволен своими учениками — те, кто оставил после себя мемуарные тексты, неизменно вспоминали об учителе с пиететом или легкой усмешкой по поводу «светлой личности», но, как писал вполне критичный к Гревсу

В.В. Вейдле, «не уважать его было нельзя, да и нельзя было не полюбить его при более близком знакомстве. <...> Разбираться в людях, находить таланты он умел хорошо, и таланты эти умел возвращать, обходясь с ними бережно и любовно. Оттого и были у него столь блестящие — и столь непохожие один на другого ученики» (с. 210), только став которыми они получали право обращаться к Ивану Михайловичу по его прозвищу — padre.

THE COMMUNITY OF SYMPATHIZERS

Rev.: Sveshnikov A. V. Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaia shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 415 p. (seriia «MEDIAEVALIA').

Teslya Andrei A. — dr., senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU)

М. В. Батшев

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Рец.: Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: Переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов. М., Новое литературное обозрение, 2017. 560 с.

Эпистолярное наследие эпохи Александра I до сих пор еще полностью не введено в научный оборот. Поиск, изучение и подготовка к публикации эпистолярных памятников, вышедших из-под пера главнейших действующих лиц того времени, сопряжены со множеством трудностей.

Самой большой трудностью, на наш взгляд, является то, что эти документы разбросаны по множеству архивов, которые находятся в разных городах и странах. Другой проблемой, часто являющейся препятствием для исследователей, является язык, на котором написаны письма. Исследователю кроме родного языка необходимо хорошее знание иностранных языков: французского и немецкого. Без последнего языка при чтении источников можно и обойтись, он потребует только для изучения литературы по теме, которой в Германии издано большое количество.

© Батшев М. В., 2017

Батшев Максим Владимирович – научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва); bmv@list.ru

Большинство писем написано представителями высшей аристократии в годы правления императора Александра I на французском языке. Переписка между членами императорской фамилии не была исключением. Часть этой корреспонденции вводится теперь в научный оборот.

Основной массив представленных в данном издании писем составляют письма великой княгини Марии Павловны к брату императору Александру I за 1804–1825 гг. и его ответные послания за те же годы. Кроме этого, здесь представлены письма императрицы Елизаветы Алексеевны к Марии Павловне. Отсутствие в издании писем великой княгини к императрице¹, при том что об их существовании упоминается почти в каждом письме Елизаветы Алексеевны, делает издание не полным и к тому же сильно затрудняет восприятие писем, отправленных из одного из углов.

Публикации текстов писем предшествует обширная вступительная статья, названная Е. Дмитриевой «Между немецкими Афинами и Се-

¹ Е. Дмитриева во вступительной статье пишет, что письма Марии Павловны к Елизавете Алексеевне не сохранились.

верной Пальмирой: история домашним образом». Статья начинается с того, что публикуемые письма сохранились в архиве до наших дней благодаря детям Марии Павловны, которые нарушили волю матери и сберегли часть ее корреспонденции вместо того, чтобы ее уничтожить, как она просила их в своем завещании: «Я желаю, чтобы письма еще ныне здравствующих людей были им возвращены, остальные же сожжены; тем не менее я даю своему сыну право их просмотреть, и в случае, если в них найдется что-то важное и интересное для Дома, он может их сохранить» (с. 5). Благодаря сыну Марии Павловны, великому герцогу Карлу Александру, который не стал уничтожать ее обширную корреспонденцию, мы и имеем в своем распоряжении данное издание. Письма сохранились в специальном фонде, который начал формироваться еще при ее жизни и созданию которого сама Мария Павловна уделяла большое внимание. О ее стремлении упорядочить свои документы один из немецких историков сказал: «Ей удалось соединить русскую бюрократию с саксонским порядком». В конце XIX в. все сохранившиеся документы были переданы в Тайный главный государственный архив, который с течением времени стал Главным государственным архивом Тюрингии. Согласно указу великого герцога Карла Александра, изданному в 1872 г., все ее письма и бумаги не подлежали публикации и были закрыты для историков. Исследователи получили доступ к документам только в конце 1950-х гг., и с тех пор в Германии вышло несколько монографий, написанных на этих мате-

риалах, а также были подготовлены документальные публикации, увидевшие свет в Германии и России.

Основной массив опубликованных в «Переписке из трех углов» писем имеет любопытную особенность. Они крайне эмоциональны, но при этом очень мало информативны. В письмах брат и сестра обмениваются постоянными уверениями в дружбе, братской любви и передают друг другу теплые пожелания. Сообщения новостей о жизни друг друга были в их письмах крайне редки. Такая информация передавалась главным образом через их мать, вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Она состояла в переписке с Марией Павловной, и через нее император Александр получал новости о жизни в Веймаре своей сестры, а та в свою очередь узнавала о событиях и происшествиях, имевших место в Санкт-Петербурге. Поэтому переписка между братом и сестрой в большей степени представляла собой канал для поддержания дружеских отношений, а не для обмена информацией.

Опубликованные в приложении письма Марии Павловны к другому брату, Константину Павловичу, за 1804–1805, 1809 гг. сильно отличаются по своей стилистике и создаваемой в них атмосфере от писем к старшему брату. В них значительно меньше эмоций и разнообразных переживаний автора, но зато встречаются упоминания о различных событиях в жизни Марии Павловны. Она предстает в письмах к Константину другим человеком: «Знайτε, Константин, что я смеялась как сумасшедшая, читая все,

что вы мне о том пишете» (с. 360). «Ваш юмор восхитителен и ваши каламбуры смешны» (с. 366).

В письмах к Константину она не чувствует себя такой скованной, как в письмах к старшему брату, и потому делится с ним своими впечатлениями не только от жизни внутри герцогской семьи, но и тем, что привлекает и забавляет ее во время прогулок по городу: «И хотя я лично не знакома ни с одним из этих людей, я, можно сказать, душевно с ними связана по тому, как они меня узнают; в особенности женщины исполняют арии в мою честь самым грациозным образом, какой только можно себе представить. Здешний бургомистр имеет обыкновение носить парик, это исключительно элегантный субъект, местные бюргеры называют его Дон Жуан. Меня это очень забавляет, и вас, я надеюсь, также сильно рассмешит, добрейший мой друг» (с. 364). Письма Константина очень много для нее значили, ведь рассказывая ей в письмах различные истории, происходившие в Петербурге или армии, свидетелем которых он был, брат поддерживал в ней ощущение сопричастности к делам семьи и помогал ей бороться с одиночеством и оторванностью от родных: «Вы не можете себе представить, какой счастливой вы меня делаете, когда описываете мне все эти шаловливые глупости, мне кажется, что я все еще там, где витают все мои мысли» (с. 369).

Несмотря на то, что она уже является супругой наследника герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах, Мария Павловна продолжает ощущать себя русской великой княгиней.

Об этом свидетельствует фраза из письма к Константину Павловичу: «Наш монарх (имеется в виду ее брат Александр I. — М.Б.) славный малый, но так как я уверена, что у него немало дел, если судить по политическим слухам, которые здесь распространяются, я не стану ему писать на этот раз» (с. 371)

В вошедших в состав данного издания письмах Марии Павловны к своему супругу Карлу Фридриху она предстает как нежная жена и заботливая мать.

Но самым драгоценным из всех опубликованных в книге источников личного происхождения является, на наш взгляд, дневник Марии Павловны за 1805–1808 гг. Текст ее дневника, включенный в данное издание, довольно своеобразен. В нем мало записей, разбитых по дням. По организации текста дневника видно, что его автор не работал над ним систематически, фиксируя события немедленно после того, как стал их свидетелем, а делал записи спустя определенное время после события. Зафиксированные в дневнике различные временные периоды отделены друг от друга указанием года и повторяющейся записью: «Разные примечательные вещи, которые я видела».

В дневнике содержится рассказ об увиденном ею в различных городах Германии, а также подробные рассказы о ее впечатлениях от общения с Гете.

В дневнике приводится подробная запись лекций о происхождении различных цветов, прочитанных Ге-

те. Великая княгиня зафиксировала содержание и других лекций Гете, на которых ей довелось присутствовать. Описывая свои впечатления от одного из рассказов Гете, объяснявшего ей произведение одного художника, она пишет: «Неизвестно чем восхищаться больше: воображением, которое создало эти орнаменты, умелой рукой, которая их так хорошо нарисовала, или гением, объяснившим их нам» (с. 456).

К опубликованному комплексу документов Е. Дмитриевой и Ф. Шедви подготовлены комментарии,

а также именной указатель. Комментарии отличаются большой информационной насыщенностью. Именной указатель в данном издании составлен оригинально. В алфавитном порядке выделены все правящие дома Европы того времени и все представители этих домов, расставлены в этих разделах в алфавитном порядке.

Отсутствие в книге географического указателя делает работу с опубликованными ценнейшими источниками не такой удобной, как хотелось бы.

IRREGULAR TRIANGLE

Rev.: Aleksandr I, Mariia Pavlovna, Elizaveta Alekseevna: *Perepiska iz trekh uglov (1804–1826). Izvlecheniia iz semeinoi perepiski velikoi kniagini Marii Pavlovny. Dnevnik [Marii Pavlovny] 1805–1808 godov.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 560 p.

Batshev Maxim V. — researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D.S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

О. В. Кузнецов

ОТ КОГО ИСХОДИЛ ВЫЗОВ НАЦИОНАЛИЗМА?

Рец.: Иванов А. А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.

Проблема, к которой обратился А. А. Иванов, на первый взгляд кажется не столь уж актуальной для современного российского общества, несмотря на данные социологических опросов, приводимые автором и отражающие устойчивые симпатии немалой части россиян (36% от ВЦИОМ в 2014 г. и 54% от Левада-Центра в 2015 г.) к лозунгу «Россия для русских» (с. 3–4). Сходная проблема должна скорее волновать жителей тех европейских стран, власти которых гостеприимно распахнули границы для мигрантов и беженцев с «взорванного» Востока и из Северной Африки. В России в последние годы острота национальных отношений, напротив, кажется, спала.

Однако в такой многонациональной стране, как наша, в вопросе межнациональных отношений всегда необходимо быть, что называется, начеку, не допуская обострения проблем в этой области

© Кузнецов О. В., 2017

Кузнецов Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета (Волгоград)

изнутри и не позволяя сделать это искусственно извне. В то же время нужно осознавать (и А. А. Иванов ясно дает понять это читателям), что лозунг «Россия для русских» – всего лишь своеобразная верхушка айсберга, выражение целого пласта и других внутри- и внешнеполитических проблем. Действительно, с одной стороны, мы никак толком не можем определиться с моделью дальнейшего развития страны – либеральной, западной или традиционно-консервативной. С другой стороны, существует, безусловно, необходимость проведения внешней политики, преследующей наши государственные интересы. Дискуссии на эти темы ведутся ежедневно на страницах периодической печати, в различных телевизионных передачах, на пространствах Интернета. Наконец, если должна существовать национально-государственная идея (а споры о ней также периодически возникают), а вместе с ней, как нам представляется, должно существовать и то, что можно было бы назвать концепцией власти, весь смысловой контекст лозунга «Россия для русских» едва ли удастся проигнорировать при их

формулировании. Крайне малое число исследований, посвященных этому лозунгу (о чем свидетельствует краткий историографический очерк во введении), делает книгу А.А. Иванова актуальной не только в политическом, но и в научном аспекте.

Введение предваряют слова, которые, видимо, можно рассматривать как эпиграф: *Sine ira et studio* (с. 3). А уже из дальнейшего текста выясняется, что это базовая установка автора. Именно так, *без гнева и пристрастия*, он намерен подойти к изложению вопроса: не ставя целью «реабилитировать или же заклеить рассматриваемый лозунг», А.А. Иванов стремился, по его словам, представить «подробный анализ содержания девиза-долгжителя», «дать заинтересованному и думающему читателю максимально объективную и развернутую картину становления этого клише, показав всю его неоднозначность и спорность, которая характеризовала лозунг “Россия для русских” с первых же дней его существования» (с. 12–13). Такая позиция понятна в первую очередь по соображениям деликатности самой темы. Поэтому объяснимо желание автора «заставить» по возможности полно высказаться тех, кто изначально схлестнулся в спорах вокруг данного лозунга. Авторской установке подчинена и композиция книги. Примерно три четверти ее отведено приложению, в котором помещены источники — тексты (преимущественно публицистического характера) второй половины XIX — начала XX вв. и примечания к ним.

Автор обозначает проблему в том виде, в каком она существует в общественном сознании на сегодняшний день. Даже беглый анализ позиций представителей различных политико-идеологических течений, социальных слоев и национальностей убеждает А.А. Иванова в многообразии современных подходов к толкованию лозунга «Россия для русских» и отношений к нему. Вырисовывается парадоксальная картина. Те, против кого этот лозунг формально, казалось, должен быть направлен, зачастую не находят в нем ничего экстремистского, могущего ущемить интересы национальных меньшинств. И наоборот: формальные, так сказать, носители этого лозунга нередко сомневаются в его необходимости. Хронологически и содержательно автор ограничивает свое исследование историей происхождения лозунга, его трактовками и полемикой вокруг него в российском обществе второй половины XIX — начала XX вв. (с. 12).

Прежде всего А.А. Иванов обращается к проблеме, как он сам ее определяет, «рождения лозунга». Перебрав различные версии, существующие на сей счет в литературе, исследователь приходит к заключению, что у истоков такого лозунга стояли «представители славянофильского лагеря» (с. 24). Значительно труднее оказалось выяснить, «кем и когда именно была сформулирована чеканная формула “Россия для русских”». В том, что данная формула была скопирована с лозунга «Америка для американцев», у автора нет сомнений, тем более что на это указывали и сами современники — русские консерваторы

и националисты (с. 54–55). На страницах русской периодической печати лозунг появился впервые, видимо, в газете «Весть» в 1867 г. (с. 29) в связи с призывом сосредоточиться на внутренних проблемах и не жертвовать русскими интересами в угоду зарубежным славянам, при всем к ним сочувствии. Попутно автор весьма аргументировано опровергает версии об авторстве этого лозунга таких людей, как редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, прославленный генерал М. Д. Скобелев, а также император Александр III. При этом А. А. Иванов специально отмечает, что лозунг «Россия для русских», при всей его распространенности и даже популярности, в том числе и в правящих верхах, в рассматриваемый в книге период «ни вербально, ни тем более в письменной форме, никогда не провозглашался представителями высшей государственной власти Российской империи» (с. 132).

Автор прослеживает не столько, может быть, эволюцию лозунга «Россия для русских», сколько его функционирование, выявляя особенности трактовок, отношение к нему, полемику вокруг него и т. д. на разных временных отрезках: во второй половине XIX в., на рубеже веков, в начале XX в., в период Первой мировой войны, Февральской революции. В итоге просматривается следующая схема функционирования лозунга «Россия для русских». Трактовки этого лозунга во второй половине XIX в. «были чужды радикализма и тем более экстремизма» (с. 131). В начале XX в., когда «градус национализма» вы-

рос, трактовки лозунга отличались большей «воинственностью и ультимативностью». В предвоенные годы лозунг использовался в политической полемике редко, «градус радикализма существенно снизился». Наконец, в годы Первой мировой войны лозунг приобрел «ярко выраженные антинемецкие черты» и имел «скорее патриотическую, нежели националистическую окраску» (с. 132). А. А. Иванов подмечает любопытную закономерность: трактовки лозунга напрямую зависели от характера правительственной политики. Чем более «национальной и патриотичной» она была, тем миролюбивее оказывались трактовки. И наоборот: «космополитизм верхов» приводил к «радикализации лозунга», к стремлению его сторонников «как бы “докричаться” до власти и общества» (с. 133).

Обратим внимание еще на некоторые важные, на наш взгляд, наблюдения и выводы автора. Так, он отмечает, что в лозунге «Россия для русских» была своеобразно актуализирована уваровская «теория официальной народности». Для русских консерваторов лозунг «Россия для русских» выступал как трактовка «последнего члена уваровской триады», подчиненного первым двум, а потому с ними неразрывно связанного. Русские националисты, напротив, ставили «народность на первое место в ущерб другим членам уваровской триады» (с. 133–134). Такое покушение на самодержавный принцип было, естественно, «в корне неприемлемо для монархистов-традиционалистов» (с. 134). Как видим, через сопоставление двух весьма эффектных формул автор

выявляет отдельные идеологические разногласия в правом лагере, проводя в нем даже своеобразную дифференциацию. (Впрочем, типология правых не является предметом ни интересующей нас книги, ни настоящих заметок, поэтому едва ли стоит на этом сюжете останавливаться подробнее).

Трудно не согласиться с автором книги в том, что изучение истории лозунга «Россия для русских» теряет всякий смысл, если не разобраться досконально, кого в этой формуле следует считать русскими. Анализ трактовок понятия «русские» при использовании названного лозунга привел ученого к выводу о том, что оно имело как более узкое толкование (только великороссы), так и достаточно широкое (православные и даже «все верноподданные»). Вообще в главе, посвященной этому сюжету, автор выделяет различные нюансы, связанные с определением «русского»: этническая, государственная, религиозная принадлежность. А для части националистов важным критерием были, к примеру, политические взгляды. На этом основании некоторые представители правого лагеря (В.А. Бобринский, В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков) готовы были отказать в праве называться русскими кадетам П.Н. Милюкову и Ф.И. Родичеву (с. 119–120). Жаль только, что формат, которым автор сам себя ограничил, позволяет ему во многих случаях лишь констатировать те или иные факты.

Между тем здесь мы видим вполне современную проблему отношения к идейному наследию (либераль-

ному, консервативному, социалистическому), извлечения из него правильных уроков. Вспомним русских либералов середины – второй половины XIX в. – К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина. Неудачи России в Крымской войне не вызывали у них чувства радости или злорадства. Публикуя в герценовских «Голосах из России» свои критические размышления о бедственном состоянии современной им России, они подчеркивали, что ими не руководили нелюбовь к отечеству или стремление «создать новые затруднения» правительству, «найти точку опоры для оппозиции или недовольных в России», «надежды завязать тесные связи между революционными элементами в России и Западной Европе». Все перечисленное выше К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин отвергали как предательство: «Нет! Наша любовь к родине выше всяких подозрений. Русский и изменник – два понятия, которые между собою никак не клеятся» (Голоса из России 1974: 10).

При всем разнообразии трактовок понятия «русские» в известной формуле, для автора принципиально важно одно, наиболее существенное, пожалуй, обстоятельство: «...несмотря на эволюцию термина “русские” и его постепенное сужение, даже в самых радикальных своих трактовках он в рассматриваемый исторический период никогда не сводился до принципов этнической чистоты, кровного родства или расово-биологического критерия, совершенно чуждых православной традиции» (с. 122). Этот вывод является аргументом, не единственным, но и не последним по важности, в пользу

авторской концепции. К ней мы, собственно, и подошли.

Суть авторской концепции, как мы ее поняли из основной части книги, заключается в следующем. Несмотря на различные трактовки лозунга «Россия для русских», придание ему более умеренного характера или, напротив, его «радикализацию», в целом он все же имел *преимущественно* оборонительный, а не наступательный характер. Приведем авторские характеристики этого лозунга, относящиеся к разным периодам: хотя он и приобретал «националистические черты», но был тем не менее лишен «какой-либо шовинистической составляющей» (с. 33); «направлен не против нерусских народностей, населяющих Российскую империю, а против сепаратизма, антирусских выступлений, “низкопоклонства перед Западом”» (с. 50); «для русских националистов начала XX в. лозунг “Россия для русских” отнюдь не сводился к шовинистическим трактовкам и не ставил своей задачей “разжигание межнациональной ненависти”» (с. 93) и т. д.

И еще один важный, по сути концептуальный момент. Какова в целом роль лозунга «Россия для русских», каковыми были его идеологические и политические возможности? Автор отчасти дает ответ на этот вопрос. Данный лозунг не мог консолидировать даже правый лагерь, он «не столько объединял консервативно-патриотические силы страны, сколько порождал многочисленные споры о правомерности и перспективности его использования, вызывая критику и неприятие

не только у левого и либерального лагеря, но и у части консерваторов и националистов» (с. 137). И уж тем более он не мог «играть роль объединяющего и стабилизирующего фактора в качестве *общеевропейского государственного императива*» (с. 132), что прекрасно понимали российские императоры и потому не декларировали его.

Таким образом, после прочтения основной части книги (до приложения) складывается цельное представление о лозунге «Россия для русских»: его происхождении, содержательном наполнении на протяжении второй половины XIX – начала XX вв., полемике вокруг него, даже о дальнейших перспективах его использования, функционирования. Другими словами, цель, которую поставил автор, достигнута.

Достижение цели закрепляется приложением «Лозунг “Россия для русских”: апология и критика (1867–1917)». В него включены тщательно подобранные А. А. Ивановым 54 текста названного периода и его примечания к ним. Ни в малейшей степени не ставя под сомнение правомерность авторского отбора текстов, заметим вместе с тем, что в глаза бросается один хронологический разрыв: после текста, датированного 1867 г., идет публикация за 1894 г. Собственно, эта часть книги вполне может иметь самостоятельное значение и заслуживает отдельного разбора.

Возможно, на этом можно было бы поставить точку. Однако остаются некоторые вопросы. Если мы пра-

вильно поняли авторскую мысль о преимущественно оборонительном характере лозунга «Россия для русских», порой на грани отчаяния («как бы “докричатся” до власти и общества»), возникает вопрос: а в чем же тогда заключался *вызов* национализма? Кто, кому и зачем бросал этот вызов? И еще один вопрос, несколько опережающий последующее изложение: можно ли было, провозгласив лозунг «Россия для русских», борясь за его реализацию, нейтрализовать подлинные вызовы национализма?

Кроме того, в авторском анализе нам как «заинтересованному читателю» кое-чего все же не хватило. Совсем немного не хватило историко-смыслового контекста, в котором этот лозунг зародился и пребывал. Безусловно, автор книги прекрасно представляет себе этот контекст, оговаривая почти сразу, что лозунг «Россия для русских» выступал составной частью более широкой проблемы — «русского вопроса», на полный охват которого он не претендует (с. 12). Тем не менее историко-смысловой контекст, как нам представляется, позволяет увидеть сам лозунг «Россия для русских» объемнее, многограннее. В то же время этот контекст, быть может, даст возможность несколько уточнить некоторые авторские оценки и наблюдения. Попробуем пояснить свою мысль.

Вернемся к истокам лозунга «Россия для русских». Коль скоро он являлся составной частью «русского вопроса», невольно напрашиваются ассоциации с проектом решения национального вопроса

в России П.И. Пестелем: «Все племена должны слиты быть в один народ. <...> При всех мероприятиях Временного верховного правления в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременною целью иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить, так чтобы обитатели целого пространства Российского государства *все были русские*» (Восстание декабристов 1958: 149). В отношении каждого народа, населявшего империю, П.И. Пестель предлагал меры, в результате которых «все различные племена, в России обретающиеся, к общей пользе совершенно обрусуют и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень благоденствия, величия и могущества» (Восстание декабристов 1958: 150). И хотя здесь нет формулы «Россия для русских», по своему содержанию это тоже «Россия для русских», пусть и с иным, нежели во второй половине XIX — начале XX вв., смысловым наполнением. Современный исследователь, специалист в области истории русской общественной мысли В.А. Китаев, размышляя о политических взглядах П.И. Пестеля, его аграрной программе, критическом отношении к европейскому капитализму, наконец, о его явном тяготении к культурному архаизму, задался вопросом: «...не имеем ли мы в таком случае дело с уникальной попыткой синтезировать три основные идеологемы нового времени — либерализм, социализм, консерватизм?» (Китаев 2016: 120). Продолжим вопросы: а не имеем ли мы в таком случае дело с попыткой

поиска П. И. Пестелем русской национальной Правды, понятной и близкой народу, соответствующей его представлениям о справедливом государственном устройстве, опирающейся на христианские ценности, апеллирующей к историческим истокам российской государственности? И «Россия для русских», в понимании П. И. Пестеля, не была ли составной частью этой Русской Правды?

Коль скоро лозунг «Россия для русских» имеет не только внутривнутриполитическую, но и внешнеполитическую составляющую, то он, вне всякого сомнения, тесно связан с концепцией государственного суверенитета. И здесь можно, видимо, отыскать его глубокие корни, уходящие в толщу столетий¹. Для понимания и учета историко-смыслового контекста большое значение имеет характер внешней политики России в период, предшествовавший возникновению нашего лозунга. Ведь он не случайно появляется на страницах русской периодической печати именно в 1860-е гг. Настоящими моментами истины для России стали Крымская война и польское восстание 1863 г.

Крымская война дала повод для беспощадной критики консервативны-

¹ В 1489 г. Иван III отверг предложение германского императора Фридриха III принять королевскую корону, мотивируя это тем, что он государь «на своей земле значала, от первых прародителей», поставленный от Бога. По мнению биографа Ивана III Ю. Г. Алексеева, «так в терминах средневекового миропонимания была впервые сформулирована доктрина полной суверенности Русского государства и исторической преемственности его традиций» (Алексеев 1991: 188).

ми публицистами русской дипломатии и лично Александра I и Николая I, которые, по выражению М. П. Погодина, «сами священной своей особою, скакали на перекладных, как фельдъегери, в Троппау и Лайбах, Верону и Вену, а о Берлине говорить нечего, чтоб как можно скорее и действительно доставить свою помощь и успокоить любезных союзников. Никаких трудов и стараний они не щадили, а употребленных миллионов русских денег и счесть трудно» (Погодин 2011: 267). Это была критика внешней политики России, главное содержание которой, на взгляд консерваторов, составляли защита чужих государственных интересов и полное игнорирование собственных. В ходе этой критики была сформулирована та программа внешней политики Александра III, которой так восхищались некоторые его современники, не забывая при этом упрекнуть предшественников царя-«миротворца» в том, что при них Россия воевала за интересы других народов и ничего не делала для себя².

² Заметим попутно, что функционирование лозунга «Россия для русских» в царствование Александра III в книге рассмотрено очень скрупулезно, что абсолютно оправданно. Александр III действительно представляется, пожалуй, самым русским из всех российских императоров. Правда, наслаждаться благодатной картиной его царствования мешает как минимум одно тревожное обстоятельство. Эта «русскость» приобретала очевидные черты идеологической и политической архаики, обращенности монархии не в будущее, а в прошлое. Не утрачивала ли верховная власть внутренней энергии, динамики, способности идти в ногу со временем, не превращалась ли она в пассивного, порой равнодушного наблюдателя за быстро меняющейся жизнью, за которой уже отчаялась угнаться?

Польское восстание 1863 г. показало среди прочего, к чему может привести отсутствие внятно сформулированной и последовательно проводимой политики по национальному вопросу. Скажем прямо: это восстание и стало одним из подлинных вызовов национализма³, брошенным властям и заставшим их врасплох, несмотря на то, что с подобным они уже сталкивались (восстание в Польше в 1830 г.), но, похоже, не сделали должных выводов. Этот подлинный вызов национализма был абсолютно закономерен, исторически обусловлен. Быстрое развитие капитализма в пореформенный период стимулировало национальное самосознание национальных меньшинств Российской империи, их стремление к самостоятельности. Конституционный проект П.И. Пестеля возник в нашем разговоре неслучайно. Его план русификации «всех различных племен, в России обретающихся», не был вызовом национализма (в нем еще не было необходимости), это был шаг на опережение, чтобы исключить в перспективе любые вызовы национализма, равно как пестелевская установка на централизованное государство должна была исключить в будущем вызовы федерализма.

Польский вызов не был единственным. Наряду с ним угроза вызовов национализма исходила, в частности, из Западных и Остзейских губерний, Финляндии. На очереди была, по-видимому, Украина. Да и движение славян тоже было

вызовом национализма, вызовом не только Турции и Австро-Венгрии, но и России: как она себя поведет, чью сторону примет.

Вернемся к Польше. «Все наши недочеты и недостатки, все наши бедствия и опасности, все наследие наших зол были последствием самоотрицания и самоуничтожения. 1863 г. был в этом отношении великим годом в нашей истории: он возвел к ясному и всеобщему сознанию необходимость национальной политики в наших внутренних и иностранных делах», — размышлял впоследствии М.Н. Катков о некоторых уроках восстания в Польше (*Катков* 1897: 477). В период польского восстания и в течение нескольких лет после него М.Н. Катков сформулировал основные принципы русской национальной политики. И это был не вызов национализма, а ответ на него. А.А. Иванов приводит, со ссылкой на Н.Х. Бунге, «программу действий», которую признавал необходимым принять Александр III (с. 38). Фактически это была программа М.Н. Каткова, изложенная им на страницах «Московских ведомостей» примерно за полтора десятилетия до восшествия на престол Александра III.

На примере М.Н. Каткова хотелось бы предложить одно уточнение к концепции автора, как мы ее поняли. По мнению А.А. Иванова, лозунг «Россия для русских» в трактовке М.Н. Каткова имел скорее оборонительный, нежели наступательный характер (с. 33). И далее, со ссылкой на С.М. Санькову, говорится о том, что лозунг, в понимании М.Н. Каткова, призван был служить прежде

³ Это, кстати, подтверждается источниками, подобранными А.А. Ивановым в приложении.

всего задаче изживания в русском народе самоуничужения, развития в нем национального самоуважения (с. 33); это тоже «работает» в пользу тезиса об оборонительном характере позиции редактора «Московских ведомостей».

Предлагаемое уточнение сводится к следующему. Если это оборона, то в полном соответствии с известным выражением: «лучшая защита — нападение». Мы сейчас говорим, повторимся, о содержании программы М. Н. Каткова по национальному вопросу, также представляющей собой смысловое поле лозунга «Россия для русских». По справедливому замечанию В. А. Твардовской, автора книги о М. Н. Каткове, для редактора «Московских ведомостей» сохранение империи стало главным условием выживания самодержавия после отмены крепостного права и вступления России в эпоху быстрого развития капиталистических отношений (Твардовская 1978: 72). Сохранить империю можно было, на взгляд М. Н. Каткова, только путем проведения последовательной русской национальной политики. Ее конечной целью публицист видел русификацию национальных меньшинств, что предполагало административное единство всех частей государства, существование только одной нации — русской, одного официального языка — русского, одной государственной церкви — православной. Все названное по определению предполагало активные наступательные действия. Обороны здесь было явно недостаточно. К тому времени, когда на страницах газеты «Московские ведомости» впервые появляется ло-

зунг «Россия для русских», ее редактор уже отказался от своей первоначальной идеи общего для России и Царства Польского представительства. Он занял достаточно жесткую позицию по вопросу о какой-либо вообще автономии для Царства Польского, придя к заключению, что всякая автономия неизменно «будет гальванизировать польскую национальность повсеместно». Поэтому М. Н. Катков приветствовал все меры правительства, направленные на русификацию Польши. Вот как должен был выглядеть в его глазах один из результатов такой политики: «Благонадежный поляк в России есть тот, кто отказывается быть поляком» (Катков 1898: 36). Трудно представить достижение этой цели «скорее оборонительной политикой». Не менее активную наступательную политику М. Н. Катков предлагал проводить, в частности, в Западном крае и Остзейских губерниях (см. подробнее: (Кузнецов 2000)).

В различных проявлениях самобытности национальных меньшинств М. Н. Катков усматривал элементы сепаратизма, угрожавшие целостности империи. Позиция редактора «Московских ведомостей» по национальному вопросу изначально имела антисепаратистскую направленность. Поэтому в смысловом отношении М. Н. Катков раньше, чем П. И. Ковалевский, придал лозунгу «Россия для русских» антисепаратистское значение.

Говоря об историко-смысловом контексте лозунга «Россия для русских», трудно пройти мимо фигуры Ф. М. Достоевского, в частно-

сти, его понимания мессианского предназначения России и русского народа, феномена русского человека. Для него русский человек — это «всечеловек»; таковым он осознал себя после почти полуторавековых скитаний по Европе. Напомним: в знаменитой Пушкинской речи Ф.М. Достоевский говорил о всемирной любви и всемирной отзывчивости (как «главнейшей способности нашей национальности») русского человека, призванного «внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» (Достоевский 1984: 148).

В связи с историко-смысловым контекстом функционирования лозунга «Россия для русских» хотелось бы отметить еще один момент. До Февральской революции само существование этого лозунга, даже в радикальной его трактовке, было, скажем так, в некоторой степени легитимизировано существованием ограничений по национальному признаку. Разумеется, подъем национального самосознания в пореформенной России, о чем говорилось выше, естественно, вел к росту сепаратистских настроений, стремлению национальных меньшинств к большей самостоятельности, что подрывало легитимность лозунга «Россия для русских». Еще одним

ударом по нему был параллельно существовавший лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, иногда дополнявшийся к тому же его авторами требованием неперемного ущемления прав великороссов как условия искупления ими исторической вины перед национальными меньшинствами. Этот второй лозунг был внешне гораздо более привлекательным и прозрачным (при всем его далеко неоднозначном внутреннем содержании) для представителей национальных меньшинств, не ставил их в тупик вопросом о том, где их место в «России для русских» и есть ли оно там вообще. Отмена Временным правительством «национальных ограничений» лишала лозунг «Россия для русских», даже в самой широкой трактовке, остатков прежней легитимности, придавая ему, по крайней мере внешне, характер «категорического императива», а позиции его сторонников идеологически и политически существенно ослаблялись позицией большевиков по национальному вопросу. Подлинные вызовы национализма лозунг «Россия для русских», как нам представляется, нейтрализовать не мог, ибо не в состоянии был противостоять естественному ходу истории. С приближением краха самодержавия приближался и крах империи.

Историческое сознание — вещь уникальная. Оно совмещает в себе «все три модуса исторического времени — прошлое, настоящее и будущее» (М.А. Барг). Обращение к прошлому всегда лучше позволяет понять настоящее и заглянуть

в обозримое будущее. Поэтому значение книги А. А. Иванова не сводится лишь к постановке и успешному разрешению проблемы истории возникновения лозунга «Россия для русских», его трактовок, полемики вокруг него во второй половине XIX — начале XX вв. и т. д. Материалы книги (и ее основной части, и приложения) позволяют «заинтересованному и думающему читателю», обратившись к нашему историческому опыту, лучше понять нашу современную политическую жизнь. Эта книга заставляет размышлять о том, какой должна быть современная, да и будущая Россия, на каких основаниях строить это будущее. Что касается вопроса «Для кого же в конце концов Россия?» — мы не просто дали, а выстрадали ответ на него всем нашим историческим опытом. А к вызовам национализма надо быть всегда готовыми и знать, как на них реагировать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев 1991 — *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 240 с.

Восстание декабристов 1958 — Восстание декабристов: документы. Т. VII: «Русская Правда» П. И. Пестеля и со-

чинения, ей предшествующие / под ред. М. В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1958. 691 с.

Голоса из России 1974 — Голоса из России. Выпуск первый, книжка I. М.: Наука, 1974. 152 с.

Достоевский 1984 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 520 с.

Катков 1897 — *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1866 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1897. 654 с.

Катков 1898 — *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1868 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. 807 с.

Китаев 2016 — *Китаев В. А.* Общественная мысль и историческая наука в России XVIII–XX вв.: проблемы историографии. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2016. 271 с.

Кузнецов 2000 — *Кузнецов О. В.* Национальный вопрос в публицистике М. Н. Каткова (1860-е годы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Философия. 2000. Вып. 5. С. 40–49.

Погодин 2011 — *Погодин М. П.* Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 832 с.

Твардовская 1978 — *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия: М. Н. Катков и его издания. М.: Наука, 1978. 279 с.

FROM WHOM DID THE CHALLENGE OF NATIONALISM COME?

Rev.: Ivanov A. A. Vyzov natsionalizma: Lozung "Rossiia dlia russkikh" v dorevoliutsionnoi obshchestvennoi mysli. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016. 511 p.

Kuznetsov Oleg V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Russian history, Volgograd State University (Volgograd)

REFERENCES

Alekseev YU.G. *Gosudar' vseya Rusi*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1991. 240 p.

Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*: v 30 t. Vol. 26. Leningrad: Nauka, 1984. 520 p.

Golosa iz Rossii. Vypusk pervyj, knizhka I. Moscow: Nauka, 1974. 152 p.

Katkov M.N. *Sobranie peredovykh statej «Moskovskikh vedomostej», 1866 god*. Moscow: Izdanie S.P. Katkovej, 1897. 654 p.

Katkov M.N. *Sobranie peredovykh statej «Moskovskikh vedomostej», 1868 god*. Moscow: Izdanie S.P. Katkovej, 1898. 807 p.

Kitaev V.A. *Obshhestvennaya mysl' i istoricheskaya nauka v Rossii XVIII–XX vv.: problemy*

istoriografii. Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo NNGU, 2016. 271 p.

Kuznetsov O.V. Natsional'nyj vopros v publitsistike M.N. Katkova (1860-e gody) // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4. Istorija. Filosofija. 2000. Vyp. 5. P. 40–49.

Pogodin M.P. *Vechnoe nachalo. Russkij dukh*. Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii, 2011. 832 p.

Tvardovskaya V.A. *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya: M.N. Katkov i ego izdaniya*. Moscow: Nauka, 1978. 279 p.

Vosstanie dekabristov: dokumenty. Vol. VII: «Russkaya Pravda» P.I. Pestelya i sochineniya, ej predshestvuyushhie / pod red. M.V. Nechkinoy. M.: Gospolitizdat, 1958. 691 p.

М. М. Минц

Рец.: Куренков Г. А. От конспирации к секретности: Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) — ВКП(б), 1918–1941 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 255 с.: ил.

Тотальная секретность являлась неотъемлемой чертой советской системы. Круг сведений, подлежащих засекречиванию, был настолько велик, что подробный его анализ мог бы занять целую книгу. Помимо собственно государственной тайны существовали сведения «для служебного пользования», ограничивался доступ в библиотеки и архивы. Наследие этой системы живо до сих пор, несмотря на «архивную революцию» 1990-х гг. Формально введенный в законодательство тридцатилетний срок секретности по существу остается лишь на бумаге, поскольку даже после его окончания документ может быть рассекречен только с согласия фондообразователя или его правопреемника. Широко разрекламированное в свое время рассекречивание документов Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) на практике принесло лишь незначительный эффект из-за того, что техническая работа по непосредственному рассекречиванию дел, как обычно, затянулась, а документы центральных органов стратегического управле-

ния и многие другие по-прежнему остаются на секретном хранении. Больше того, еще в начале 2000-х гг. в том же ЦАМО действовал длинный перечень сведений, которые запрещалось выписывать даже из не-секретных документов (например, любые сведения о нарушении советскими войсками законов и обычаев войны, даже непредумышленном), а все сделанные исследователем выписки подлежали обязательной проверке сотрудниками архива, имевшими право вымарывать из них абзацы, не соответствующие правилам. В отдельных случаях ситуация, и без того абсурдная, доходит до явных курьезов: к примеру, фонд Главного разведывательного управления в РГВА (разумеется, целиком засекреченный) содержит, как следует из датировки в списке фондов, документы конца XIX в., и это не опечатка.

Для сравнения: в тех же США большинство секретных документов по истечении тридцатилетнего срока рассекречиваются автоматически, лишь для особо ценных документов этот срок может быть продлен до пятидесяти лет. Таким образом, документы, возникшие до середины 1960-х гг., рассекречены уже практически полностью, так что, например, по истории со-

© Минц М. М., 2017

Минц Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва); <http://michael-mints.ru>

ветского военно-промышленного комплекса в послевоенный период в американских архивах можно получить едва ли не больше информации, чем в российских. В других западных странах сроки рассекречивания могут отличаться, но сути дела это не меняет. Российские граждане, впрочем, уже настолько привыкли к «родной» практике засекречивать все, что только можно, что многие коллеги (даже постсоветского поколения) по сей день не могут в это поверить и убеждены на полном серьезе, что самые важные документы западных спецслужб так и остаются засекреченными. Можно услышать и такие рассуждения, что архивы рассекречивать не надо, поскольку в документах упоминаются фамилии сотрудников НКВД или разведчиков-нелегалов, даже если речь идет о документах 1940-х гг.

В подобных условиях история института государственной тайны в Советском Союзе приобретает исключительный интерес. Достаточно упомянуть о том, что при источниковедческом, а затем и историческом анализе, скажем, советских стратегических планов 1940 – первой половины 1941 г. необходимо в числе прочего учитывать принятые в то время правила работы с документами, имеющими гриф «особо важно», иначе можно прийти к ошибочным выводам. Изучение этих правил и их эволюции для исследователя, таким образом, приобретает не только чисто познавательное, но и вполне конкретное инструментальное значение.

Решение указанной задачи применительно к довоенному СССР об-

легчается тем обстоятельством, что многие документы данного периода к настоящему времени все же рассекречены. Важным шагом на этом пути, несомненно, является рецензируемая монография, посвященная режиму секретности в партийных органах РКП(б) – ВКП(б) в 1918–1941 гг. Автор книги – Геннадий Александрович Куренков, выпускник МГИАИ (1989), кандидат исторических наук (РГГУ, 2010), в настоящее время работает в РГАСПИ. Целью своего исследования он выбрал системный анализ целей, задач и механизмов защиты информации в РСФСР – СССР в межвоенный период. Хронологические рамки работы: от прихода большевиков к власти в России, означавшего их превращение из полуподпольной организации в легальную правящую партию, до начала Отечественной войны, сопровождавшегося созданием чрезвычайных органов власти и еще более резким ужесточением режима секретности. В качестве источников в книге используются в основном рассекреченные документы Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, отложившиеся в РГАСПИ.

В первой из двух глав монографии описываются создание и эволюция секретных партийных подразделений, во второй – основные направления их деятельности. Ситуация в 1920-е гг. анализируется подробнее, чем в 30-е, видимо, из-за того, что значительная часть документов 30-х гг. по-прежнему засекречена. Почти не рассматривается, к сожалению, вопрос о том, какие именно сведения относились к партийной и государственной тайне, в книге

дается лишь самая общая информация.

По наблюдениям автора, формирование целостной и централизованной системы защиты информации началось в начале 1920-х гг. и в основном завершилось к концу десятилетия. В этот период была, в частности, разработана необходимая нормативная база (более подробные инструкции продолжали уточняться и в последующие годы). Доступные в настоящее время документы не позволяют определить точную дату создания секретных подразделений РКП(б)/ВКП(б). Автор предполагает, что это произошло в 1919 г., когда, собственно, и начал формироваться партийный аппарат как таковой. До этого партийные решения, в том числе и секретные, проводились через государственные органы. Под 1919–1920 гг. упоминаются несколько подразделений, занимавшихся секретным делопроизводством. В 1920–1921 гг. функционировал Секретный отдел Управления делами ЦК, в 1921 г. он был преобразован в Бюро Секретариата ЦК, в 1926 г. – в Секретный отдел ЦК, в 1934 г. – в Особый сектор ЦК. Секретные подразделения создавались и в местных партийных органах. Свою работу они осуществляли во взаимодействии с ВЧК/ОГПУ.

Постепенно совершенствовался и порядок работы с секретными документами. В начале 1920-х гг. партийные органы руководствовались инструкциями, выпущенными для государственных учреждений. С 1923 г. начали издаваться специальные внутрипартийные инструк-

ции. В 1922 г. впервые упоминаются так называемые «закрытые письма» – особая категория секретной переписки между центральным аппаратом и местными партийными организациями, предназначенной главным образом для сбора информации о положении на местах. К 1923 г. относятся первые упоминания об «особых папках», содержащих наиболее тщательно засекреченные сведения по вопросам внешней политики, обороны и т.д. Еще более высокий уровень секретности составляли «внепротокольные решения» высших органов партии.

Параллельно с этим формировалась система партийных архивов. В 1935 г. был создан Центральный партийный архив Института Маркса – Энгельса – Ленина (ЦПА ИМЛ) – нынешний РГАСПИ. «Документы партийных архивов, – отмечает автор, – были закрыты для беспартийных, а к секретным документам допускались только члены партии по решению соответствующего партийного комитета. Кремлевские архивы ЦК (Политбюро, Оргбюро, Секретариата), а также архивы Секретного отдела, отделов ЦК всегда оставались закрытыми, допуск к ним был строго ограничен даже для сотрудников ЦК» (с. 79). После распада СССР документы аппарата ЦК были переданы во вновь образованный Архив Президента РФ.

Работу по предотвращению утечек секретной информации выполняли и цензурные органы. Первый перечень сведений, составляющих государственную тайну, был утвержден

еще во время Гражданской войны. Новый перечень, составленный в 1922 г., вводил уже правила не только для военного, но и для мирного времени. На его основе был разработан первый общесоюзный перечень 1923 г., дополнительно переработанный в 1925 г. В мирное время объем информации, подлежащей засекречиванию, был сокращен, но, как отмечает автор, лишь формально. Во-первых, для целых категорий *несекретной* информации вводился гриф «не подлежит оглашению», во-вторых – отдельные категории сведений могли быть опубликованы лишь с разрешения того ведомства, к компетенции которого они относились. Граница между секретной и несекретной информацией была, таким образом, довольно условной, как и в случае с партийными архивами.

С начала 1930-х гг. количество секретных документов резко возросло, а круг допущенных к ним лиц существенно сократился, что отразило не только рост международной напряженности, но и окончательное свертывание внутрипартийной демократии. Основные принципы организации защиты информации оставались неизменными на всем протяжении изучаемого периода (обоснованность доступа к секретным сведениям, персональная ответственность, материальная заинтересованность лиц, допущенных к государственной тайне). Как показало проведенное исследование, защита партийных тайн в межвоенные годы осуществлялась в целом довольно эффективно: «Несмотря на определенные отрицательные моменты в деятельности советской

контрразведки, разведслужбам соперничающих с Советским Союзом государств, по их признанию, было очень трудно работать в нашей стране» (с. 203–204).

Важнейшим фактором, влиявшим на режим секретности в СССР, автор считает внешнеполитический («холодная война», по его мнению, началась сразу после окончания Гражданской войны в России), хотя и соглашается с тем, что в отдельных случаях повышенная секретность была обусловлена соображениями внутриполитической борьбы и могла приводить к злоупотреблениям.

Работа в целом производит благоприятное впечатление, главным образом благодаря значительному объему собранного в ней фактического материала. К сожалению, этого нельзя сказать о ее аналитической и особенно оценочной части. Автор по существу оправдывает систему тотальной секретности, сложившуюся в СССР в межвоенный период: «Отвечая на вопрос, насколько была оправданна система защиты партийно-государственной тайны в партийных органах, можно вполне определенно сказать, что, несмотря на освещенные в данной работе недостатки, система защиты информации в партийных органах РКП(б) – ВКП(б) в 1918–1941 гг. в целом соответствовала условиям и требованиям исторического момента, исходя из реалий того времени, социально-экономической, внутренней и внешнеполитической обстановки. Анализируя изменение в политике в конце 1920-х или 1930-х гг., западные историки

старательно обходят факт систематического давления западного мира на СССР. Капиталистическое окружение, которое видело в Советской России угрозу своему существованию, не дало новому строю развиваться в такой степени, чтобы он мог наглядно продемонстрировать свои преимущества» (с. 219). Тотальная секретность, по мнению автора, оправдывается, в частности, тем, что белогвардейские, а затем и иностранные спецслужбы, в том числе нацистские, интересовались предельно широким кругом вопросов, включая экономику Советского Союза и биографии его лидеров. О том, что решение этих вопросов было возложено на спецслужбы именно из-за стремления советского руководства засекретивать едва ли не всю сколько-нибудь значимую информацию, автор не задумывается.

Не задумывается он и о том, что чрезмерная секретность, вопреки распространенному заблуждению, не укрепляет, а, наоборот, подрывает защиту информации. Если иностранной разведке действительно необходимо заполучить тот или иной секрет, она почти наверняка рано или поздно до него доберется; задача контрразведки состоит

не в том, чтобы секрет не был раскрыт никогда, а в том, чтобы он был раскрыт как можно позже. Для этого, в свою очередь, требуется максимальная концентрация ресурсов на ограниченном количестве по-настоящему важных тайн, только так можно закрыть все или почти все возможные лазейки, позволяющие заинтересованным специалистам подобраться к искомой информации обходными путями. Тотальная секретность приносит прямо противоположный результат, что мы и можем наблюдать на примере Советского Союза, где многие секреты являлись таковыми лишь для советских же граждан.

Автор, однако, этим не ограничивается и оправдывает даже современную закрытость российских архивов, ссылаясь ни много ни мало на бывшего председателя КГБ и члена ГКЧП В.А. Крючкова, утверждавшего в свое время, что «неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб... государству в целом» (цит. по: с. 221). Какие именно документы 80-летней давности способны сегодня «нанести непоправимый ущерб государству в целом», остается лишь догадываться.

Rev.: Kurenkov G. A. Ot konspiratsii k sekretnosti: Zashchita partiino-gosudarstvennoi tainy v RKP(b) — VKP(b), 1918–1941 gg. Moscow: AIRO XXI, 2015. 255 p.: ill.

Mints Mikhail M. — candidate of historical sciences, senior researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow)

Е. Н. Савенко

ПО БЕСКРАЙНИМ ПРОСТОРАМ САМИЗДАТА

Рец.: Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах: вып. 3 / сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». М., 2016.

Конец 2016 г. ознаменовался замечательным событием — вышел в свет третий выпуск альманаха «Acta samizdatica / Записки о самиздате», подготовленный Государственной публичной исторической библиотекой и Обществом «Мемориал». За три года, прошедшие со времени появления пилотного номера, альманах успел внести весомый вклад в копилку знаний о социокультурном феномене, называемом *самиздатом*. Не стал исключением и очередной выпуск «Acta samizdatica». Обращает на себя внимание удачная структура и информативность сборника. Логически обоснованным выглядит разделение выпуска на три части: исследовательские работы, публикации и материалы, включающие в себя воспоминания представителей культурного андеграунда. Впечатляет широкий диапазон тем, рассматриваемых в альманахе. В сборнике представлены как обобщающие статьи

об особенностях «классического» самиздата (статья Алексея Макарова «Самиздат хрущевской эпохи»), так и материалы, освещающие историю возникновения и содержание отдельных неподцензурных изданий: анархического журнала «Великий Отказ», газеты «Свободное слово», реферативного журнала «Сумма» и др. С весьма необычного и интересного ракурса рассмотрен *известный информационный бюллетень «Хроника текущих событий»* в статье *Геннадия Кузовкина и Анны Кирзюк. Авторы исследуют неподцензурный правозащитный журнал как источник по истории слухов, являвшихся своеобразным индикатором умонастроений после сталинского общества.*

Ценно, что ряд статей подготовлен не просто исследователями, но непосредственными участниками самиздатской деятельности. Историю журнала «Великий Отказ» освещает один из бывших редакторов издания, историк Петр Рябов. Об уникальном реферативном журнале «Сумма» рассказывает Вячеслав Долинин, член редколлегий

© Савенко Е. Н., 2017

Савенко Елена Нальевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск); helensav@ngs.ru

самиздатских изданий «Часы» и «Острова». Подробности запуска в неподцензурное пространство неопубликованного «Письма Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуя» раскрывает один из крупнейших исследователей самиздата, участник правозащитного движения в СССР Габриэль Суперфин.

Бесспорное достоинство нового выпуска альманаха — публикации, базирующиеся на архивных материалах РГНИ, РГАСПИ, НИЦ «Мемориал», УФСБ по Москве и Московской области и других организаций. Характер публикуемых документов, позволяющих реконструировать отдельные *события истории самиздата*, чрезвычайно разнообразен. В их числе листовки подпольной группы «Движение революционных коммунаров», характеризующие настроения молодежи 1970-х гг.; документы секретариата ЦК КПСС, посвященные обсуждению мемуаров В. В. Шульгина «Годы»; материалы, раскрывающие механизм запрета рукописи Роя Медведева о Сталине; отрывки из изъятого при обыске у Александра Гинзбурга самиздатского сборника; текст речи защитника в судебном процессе иркутянина Сергея Боровского — автора сочинения «Политические принципы либеральных демократов» и др.

Чрезвычайно интересна статья организатора базы данных «Советская самиздатская периодика»,

профессора Университета Торонто Анны Комароми о современном состоянии и перспективах применения информационных технологий при изучении самиздата. Необходимость создания электронных ресурсов, которые позволили бы ввести в научный оборот малодоступные, недостаточно известные материалы несанкционированной печати и раскрыть информационный потенциал самиздата, осознается многими отечественными и зарубежными исследователями. Опыт *реализации такого рода цифровых проектов*, безусловно, *заслуживает пристального внимания и имеет большое значение для разработки новых информационных ресурсов* (Савенко, Балуткина 2016: 24–30).

В рамках отзыва сложно дать исчерпывающую оценку насыщенного и интересного содержания третьего номера «Acta samizdatica». В целом же следует отметить высокий уровень материалов, опубликованных на его страницах. Хочется пожелать альманаху творческого долголетия. На бескрайних просторах самиздата еще немало материалов, ждущих своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Савенко, Балуткина 2016 — Савенко Е. Н., Балуткина Н. А. База данных «Неподцензурная периодика Сибири (1920–1990 гг.)» // Библиосфера. 2016. № 4. С. 24–30.

OVER THE EXPANSES WITHOUT LIMITS OF SAMIZDAT

Rev.: Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manakh: vyp. 3 / sost. E. N. Strukova, B. I. Belenkin, pri uchastii G. G. Superfina; Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaja

biblioteka Rossii; Mezhdunarodnoe istoriko-prosvetitel'skoe, blagotvoritel'noe i pravozashchitnoe obshchestvo "Memorial". Moscow, 2016.

Savenko Elena N. – candidate of historical sciences, leading researcher of the State scientific-technical library of the SB of the RAS (Novosibirsk)

REFERENCES

Savenko E.N., Balutkina N.A. Baza danykh "Nepodtsenzurnaia periodika Sibiri

(1920–1990 gg.)' // *Bibliosfera*. 2016. No. 4. P. 24–30.

К. Б. Петунин

ОТ АМЬЕНА ДО ХАЛХИН-ГОЛА. ПУТЬ ДЛИННОЮ В 20 ЛЕТ

Рец.: *Белаш Е. Ю.* Танки межвоенного периода. М.: Тактикал Пресс, 2014. 224 с.

Развитие и применение танковых войск в 1920–1930-х гг. — не самая популярная тема у отечественных военных историков. И их можно понять — межвоенный период в глазах читающей общественности зачастую просто теряется на фоне грандиозных танковых сражений Первой и Второй мировых войн. Многих исследователей гораздо больше привлекают первые робкие шаги грозных боевых машин, изменившие тем не менее ход войны, а также их звездный час, сопровождаемый поистине эпическими танковыми батальями и стремительными стратегическими и тактическими маневрами, решавшими судьбы целых государств. Однако именно межвоенный период позволил военным промышленно развитых стран сформировать и опробовать на практике концепции применения танков, а также создать новые или отправить в музеи и «на свалку истории» старые модели, а подчас и типы танков.

© Петунин К. Б., 2017

Петунин Константин Борисович — Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград); konstantin.pet.rf@mail.ru

Именно становление танковых войск как самостоятельного рода войск, происходившее в 1920–1930-е гг., рассматривается в книге «Танки межвоенного периода» Евгения Юрьевича Белаша. В монографии описываются танковые подразделения Великобритании, Германии, США и СССР, отслеживается развитие теории применения бронетанковых сил этих стран, а также рассматривается боевое применение бронетехники в ходе больших и малых военных конфликтов межвоенного периода, происходивших на территории СССР, Китая, Испании, Монголии, Польши и ряда колоний европейских стран. Выстраивая четкую цепочку событий, автор проводит читателя от последних танковых выстрелов Первой мировой войны и первых послевоенных конфликтов через поля учебных сражений и малых войн, на которых создавались новые — маневренные и самостоятельные — танковые войска, к таким крупнейшим конфликтам конца 1930-х гг., как гражданские войны в Испании и Китае, где танковые соединения нового типа смогли пройти серьезную проверку боем. При этом проводится сравнение между

вооруженными силами основных промышленно развитых и активно развивающихся держав того времени, зачастую готовивших свои армии к обоюдному противостоянию, что позволяет читателю лучше понять корни тех или иных технических и организационных решений, принимавшихся в прошлом.

Книга поделена на шесть глав, выстроенных в хронологическом порядке. В первой главе, озаглавленной «Уроки Великой войны», кратко описываются заключительные аккорды Первой мировой войны и роль танковых войск в ее окончании. После этого автор переходит к повествованию о действиях танковых соединений и единичных образцов бронетехники в ходе Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Некоторым подобная компоновка событий может показаться странной, однако она имеет право на существование. С точки зрения применения танков Гражданская война в России явилась прямым продолжением Первой мировой войны. В обоих конфликтах использовались одни и те же модели британских и французских танков, при этом тактические и стратегические решения часто принимались под влиянием опыта применения танковых соединений на полях Великой войны. Все это хорошо показано автором, проводящим сравнение предпосылок, хода и результатов ряда крупных сражений обоих конфликтов.

Краткость в описании последних танковых баталий Великой войны вполне оправдана, так как они являются лишь прологом, позволяющим

лучше понять дальнейшее развитие событий. События Гражданской войны описываются автором более тщательно. Подробно рассматриваются сражения с применением бронетехники, такие как битва за Царицын, бои на Каховском плацдарме и Ковельская операция. При этом Е. Ю. Белаш ссылается не только на отечественные и зарубежные монографии, но и знакомит читателя с рядом небезынтересных материалов из Российского государственного военного архива (РГВА), позволяющих лучше понять нюансы применения нового оружия в условиях Гражданской войны.

Вторая, самая объемная глава, названная «Семена блицкрига», посвящена весьма интересной и мало освещенной отечественными военными историками теме – развитию теории применения бронетехники в межвоенный период. В этой части описываются учения и военные эксперименты с участием танков, проходившие в 1920–1930-х гг. в таких странах, как Великобритания, США, СССР, Германия, Польша, прибалтийские государства и Турция. При этом автор не ограничивается перечислением событий и цифр, а проводит краткое сравнение военных, политических и экономических факторов, под воздействием которых развивалась теория применения бронетехники в этих странах. Кроме того, на протяжении всей главы сопоставляются подходы к формированию и развитию концепции использования бронетанковых войск в различных армиях. В ходе повествования автор использует ранее не публиковавшиеся материалы РГВА, такие

как «Отчет о командировке советских специалистов в Турцию», «Отчеты военных атташе», «Совершенно секретные дела инспекции кавалерии», «Материалы по изучению германской армии» и др. Цитаты из этих документов хорошо дополняют главу, рассказывая читателю о деталях развития и применения танковых войск в разных странах.

Однако, кроме очевидных достоинств, вторая глава монографии скрывает в себе и небольшую неточность, которая подстерегает читателя при описании маневров британских Экспериментальных механизированных сил, состоявшихся в 1927 г. Рассказывая об этом событии, автор сообщает о трех пехотных дивизиях, в числе прочего противостоявших экспериментальному соединению, состоявшему из танков, бронемашин и приданных войск (Белаш 2014: 33). Воображение уже рисует читателю несметные орды пеших воинов, условно вступающих в бой с условно героическими британскими танкистами, но после обращения к первому тому фундаментального труда одного из столпов британской танковой теории и практики межвоенного периода Б. Лиддел Гарта «Танки» (Liddell Hart 1959: 243) или более поздней монографии Г. Уинтона «Перемены в армии» (Winton 1988: 81) можно удостовериться, что в роли условного противника выступала лишь одна, а именно Третья пехотная дивизия под командованием генерала Дж. Бернетта-Стюарта.

Третья глава, носящая название «Колониальные войны», повествует о военных конфликтах меж-

военного периода, происходящих в колониях таких европейских стран, как Великобритания, Италия, Испания, а также в некоторых странах Латинской Америки. При этом автор, как и ранее, сравнивает действия танковых подразделений различных стран в схожих условиях. Например, осуществляется сравнение действий британских вооруженных сил в Афганистане и подразделений РККА, воюющих с басмачами в Средней Азии. При описании военных операций на территории СССР, Е. Ю. Белаш использует ряд отчетов о боевых действиях, составленных командованием армии и ОГПУ. При этом, в отличие от авторов, использующих эти материалы лишь в качестве источника статистических данных, таких как численность войск и состав вооружения, акцент делается именно на применении бронетехники и его влиянии на ход и результат боестолкновения.

Как ясно из поэтического названия четвертой главы «Чтоб землю в Грекаде крестьянам отдать», в ней автор рассказывает о практике применения танковых подразделений различными сторонами гражданской войны в Испании. Характеризуются действия как франкистов и республиканцев, так и немецких и советских танкистов, столкнувшихся в бою еще до начала Второй мировой войны. В процессе повествования используется ряд информативных материалов из российских архивов, касающихся как технической стороны эксплуатации новейших на тот момент советских и немецких танков, так и особенностей их боевого применения, связанных

с тактическими решениями, принимаемыми командирами на основании учений и военных экспериментов прошлых лет. Гражданская война в Испании показана автором как первый крупный и затяжной военный конфликт межвоенного периода, в котором будущие смертельные враги в лице СССР и Третьего рейха смогли на практике и в условиях использования всех видов оружия проверить боеспособность своих танковых соединений и новейших боевых машин. Завершая описание применения танков на просторах Испании, автор не забывает о главном — о выводах, сделанных по их результатам военными разных стран. Основным источником, из которого при написании четвертой главы черпал информацию автор, является впервые представленный широкой читающей общественности объемный отчет советских военных и гражданских специалистов, озаглавленный «Информационные материалы РУ РККА о боевых действиях танков в Испании».

В пятой главе «Далеко на Востоке» Е. Ю. Белаш знакомит читателя с такими интенсивными локальными конфликтами, как боевые действия у озера Хасан и на Халхин-Голе, в ходе которых советские танкисты смогли встретиться в бою с войсками императорской Японии, существенно отличавшимися от европейских армий как по организации и технической составляющей, так и по менталитету. Описание боевых действий, подготовки к ним, а также выводов, сделанных по итогам применения бронетехники, проводится исключительно с советской стороны на основе ме-

муаров, а также материалов РГВА. В этой же главе рассказывается о боестолкновениях, происходивших между советскими и китайскими подразделениями в конце 1920-х гг., а также проводится анализ использования бронетехники во время гражданской войны в Китае, в ходе которой судьба и замысел командования свели на одной стороне советских танкистов и бежавших от революции в Поднебесную белогвардейских офицеров. На этом фоне отдельный интерес вызывают приведенные автором отзывы бывших идейных врагов о советских военных и их технике. Также небезынтересным является сравнение в этой главе советских танков Т-26 и их прообраза — британского танка Vickers Mk E, одновременно находившегося на вооружении ряда китайских подразделений, сделанное на основе сведений советского военного атташе в Китае. Кроме того, в этой части монографии автором проводится анализ выводов относительно сильных и слабых сторон советских боевых машин и тактики их применения, сделанных советскими военными специалистами в Китае и Испании. В основу главы легли: «Оперативные сводки 35 стрелковой дивизии», «Материалы по Китаю», «Доклады атташе», «Отчеты о боевых действиях бронетанковых войск Красной Армии на р. Халхин-Гол в 1939 г. Доклад инструкторов-советников, работавших в Китае с 1937 по 1939 г.», «Краткое описание и выводы из опыта действий 2 ОМБ в опорных боях за высоту Заозерная», а также ряд отчетов отечественных военных и инженеров по изучению трофейных образцов японской бронетехники.

Впервые введенные в оборот, эти материалы позволяют автору достаточно подробно описать взгляд отечественных военных на применение бронетехники на восточных рубежах СССР и в Китае.

Заключительная, шестая глава книги, названная «Если завтра в поход», посвящена действиям танковых частей РККА в начальный период Второй мировой войны в Прибалтике и Польше. Вследствие малой интенсивности боевых действий и почти полного отсутствия сопротивления советским войскам, сопряженных с большими расстояниями, проходимыми таковыми подразделениями за короткий промежуток времени, данная глава в большей части посвящена небезынтересному вопросу надежности материальной части советских танковых войск, логистике, а также связи и взаимодействию с другими родами войск. Автор на основе таких впервые представленных читателю архивных материалов, как «Отчеты о боевых действиях бронетанковых войск Красной Армии за период с 17.9.39 по 30.9.39 в Польше» и «Журнал боевых действий штаба Белорусского фронта за операцию 1939 г.», демонстрирует ряд недостатков в этих аспектах применения бронетанковых подразделений РККА, ставших, в числе прочих, причиной поражений 1941 г.

Нельзя не упомянуть приложение, которым снабжена монография. Оно невелико по объему, однако достаточно интересно по содержанию. К чести автора эта часть книги не наполнена изображениями различных моделей бронетехники,

чем регулярно грешат как отечественные, так и зарубежные исследования на тему развития и применения танковых войск.

Приложение 1 представляет собой краткую инструкцию о танках и борьбе с ними за подписью начальника бронесил фронта и начальника оперативного управления 16 Армии Шиловского. Этот документ, составленный в период Первой мировой войны, явился первым отечественным наставлением по борьбе с бронетехникой.

Приложение 2 содержит приказ по армии юго-западного фронта РСФР № 1722 от 9 сентября 1920 г. В этом документе содержатся более подробные инструкции по борьбе с танками противника как в обороне, так и в наступлении. Несмотря на то, что эти материалы из фондов РГВА уже были введены в оборот в многотомном труде «История отечественной артиллерии» под редакцией маршала артиллерии С.С. Варенцова, они представляют несомненный интерес для читателя, позволяя отследить эволюцию восприятия танка в отечественной армии.

К безусловному достоинству монографии следует отнести комплексность подхода, позволяющую читателю, образно говоря, «увидеть за деревьями лес», сформировав четкую, логичную и последовательную картину развития и применения танковых войск в межвоенный период. Другим весомым плюсом в копилке достоинств книги «Танки межвоенного периода» является внимание, которое автор уделил

такому аспекту становления танковых войск, как учения и военные эксперименты, редко затрагиваемому отечественными военными историками. Именно эта часть монографии позволяет читателю увидеть, в каких направлениях пытались развиваться танковые войска разных стран в 1920–1930-х гг., а также понять, на основании чего принимались решения о выборе того или иного пути развития. Также немаловажным плюсом можно считать «наглядность» повествования, достигаемую включением в книгу большого количества схем и карт, помогающих читателю лучше представить ход боевых действий и учебных маневров, а также понять организационную структуру танковых частей различных стран. Несмотря на тот факт, что большинство этих схем и карт были заимствованы из книги М. Н. Тухачевского «Моторизация и механизация армий и война» [ТАУ Моторизация и механизация 1933], они по-прежнему отлично выполняют свою роль. Кроме того, в актив данной монографии можно записать большое количество информативных материалов российских военных архивов, использованных автором. В подавляющем большинстве это материалы РГВА, многие из которых впервые используются не для изучения узким кругом военных и гражданских специалистов, а для написания монографии. В их число входят отчеты о боевых действиях советских войск и отдельных танковых подразделений на территории СССР, Испании и Китая, доклады инженеров о работе как отечественных, так и зарубежных образцов бронетехники в ходе боевых

действий, а также инструкции и наставления по использованию танков и борьбе с ними, использовавшиеся на протяжении 1920–1930 гг. в РККА.

Однако даже хорошо проработанная книга может содержать ряд упущений. Пожалуй, самым досадным из них является то, что автор при описании танковых войск межвоенного периода практически полностью игнорирует французские войска. Не стоит забывать, что, несмотря на относительно короткое участие во Второй мировой войне, французские танковые войска 1920–1930-х гг. безусловно являли собой весьма грозную силу, а их боевые машины, хоть и не были лишены недостатков, отличались весьма интересными техническими и инженерными решениями. Именно французы подарили миру традиционную конструкцию танка, имеющего вид бронекорпуса и вращающейся башни с установленным в ней орудием, а французский танк Renault FT-17 послужил прообразом для создания первого советского танка. Кроме того, теория применения танковых войск неустанно развивалась в Третьей республике на протяжении всего межвоенного периода. Более того, по сравнению с танковыми войсками США, достаточно подробно рассматриваемыми автором, аналогичные французские соединения того же временного отрезка выглядят гораздо интереснее с точки зрения их влияния на международную обстановку, военную теорию и общее развитие концепции танкостроения. И это неудивительно, ведь танковые войска США, по своей сути, были «бедным

родственником» среди других родов американских войск, в то время как во Франции они выступали едва ли не основой многих оборонительных и наступательных теорий.

Еще одним упущением автора можно назвать практически полное отсутствие зарубежных архивных материалов при обращении к теме развития и применения танковых войск Германии, США и Великобритании. На всю книгу приходится лишь одно упоминание подобных источников, когда дана ссылка на рапорт британской военной миссии о событиях в охваченной гражданской войной России. В остальных же случаях описание и анализ развития и применения зарубежных бронированных войск ведется на базе отечественных и зарубежных монографий, статей и мемуаров, при этом часто эти исследования датируются 1920–1930-ми гг. Подобные материалы, написанные «по горячим следам», безусловно позволяют окунуться в атмосферу событий тех лет, однако, в силу секретности, в них зачастую отсутствует ряд фактов, ставших достоянием общественности в более поздний период. Среди зарубежной литературы отсутствуют произведения такого «отца-основателя» танковых войск, как Б. Лиддел Гарта, а из монографий Дж. Фуллера представлена лишь одна — «Танки в Великой войне» (1920 г.), описывающая только применение танков в Первой мировой войне, что гораздо лучше и подробнее было сделано более поздними авторами, но не отражающая идеи Фуллера о развитии теории применения танковых подразделений. Помня о роли этих

двух британцев в создании и развитии танковых войск во всем мире, отсутствие упоминания их теорий при описании эволюции бронированной войны, особенно в Великобритании, можно сравнить с невниманием к роли Огюста Конта в монографии, посвященной позитивизму.

Кроме того, в монографии встречаются мелкие огрехи, выдающие недостатки редактуры. Например, при проведении сравнения учений танковых частей британской армии и РККА, автор указывает точное время совершения подразделениями тех или иных действий. Подобные данные помогают дать оценку оперативности действий схожих по назначению механизированных отрядов двух стран, однако в указании времени пропущены знаки препинания, в результате чего читатель видит фразы наподобие: «...английская бригада с 630 до 1600 прошла 80 км» (Белаиш 2014: 62), что несколько затрудняет восприятие информации, «приправленной» большим количеством других цифр, отвечающих за расстояние, скорость, численность и прочие данные. При этом буквально через страницу подобная информация подается читателю в традиционном виде, когда автор сообщает, что «в 14:00–14:15 передовые танковые подразделения уже атаковали 14 стрелковый полк» (Белаиш 2014: 64).

В целом книгу «Танки межвоенного периода» можно охарактеризовать как интересную и информативную, в которой автор не навязывает свою трактовку событий, а по-

зволяет самостоятельно сделать выводы относительно эволюции танковых войск в различных странах на протяжении 1920–1930-х гг. Отмеченное выше доминирование отечественных источников над зарубежными, проявившееся при создании данной монографии, во многих местах превращает «Танки межвоенного периода» в описание развития и применения танковых войск 1920–1930-х гг. через призму опыта советских военных и гражданских специалистов. С одной стороны, это позволяет избежать типичных, когда речь заходит об отечественной военной истории, для зарубежных исследователей ошибок, проявляющихся в копировании распространенных штампов и восприятии советских танковых войск 1920-х гг. как малоинтересного и во многом вторичного по отношению к европейским державам явления. С другой стороны, при описании событий, происходящих за рубежами нашей родины без участия советских специалистов, автор всецело полагается на не всегда актуальные и непредвзятые труды иностранных историков и военных.

Основным отличием книги Е. Ю. Белаша от трудов других военных историков, посвященных танковым войскам, является не только сосредоточенность автора на малопопулярном межвоенном периоде. Ряд исследователей уделили этому вопросу внимание. Однако, в отличие от Д. Флетчера, Р. Ларсона, Г. Уинтона, Г. Л. Холявского и ряда других, Белаш не сконцентрировался на танковых войсках отдельного государства, роли конкретной лич-

ности в их развитии или истории определенной модели бронетехники. В монографии «Танки межвоенного периода» автором проведена небезуспешная попытка описания, анализа и сопоставления танковых войск нескольких государств в вопросах обучения, развития и боевого применения.

Однако стоит отметить, что, несмотря на неплохой справочный аппарат, книга все же в большей мере тяготеет к научно-популярному жанру, чем к чисто научному исследованию. Во многом это объясняется как тематикой монографии, так и современными реалиями издательского дела, вынуждающими авторов менять стиль подачи информации в угоду тиражам. Впрочем, несмотря на этот факт, стоит отметить, что, проводя сравнения бронетанковых подразделений разных держав, автор отошел от традиционной для «околотанковой» литературы последних лет сосредоточенности на изучении толщины брони и сравнения длины орудий боевых машин. Благодаря этому читатель сможет почувствовать и понять, что двигало военными разных стран при принятии тех или иных решений в сфере развития танковых войск, а также сделать выводы о том, с какими бронированными соединениями эти страны вступили во Вторую мировую войну, давшую окончательный ответ на вопрос: «У кого броня крепче и чьи танки быстрее?» Все это позволяет рекомендовать «Танки межвоенного периода» к прочтению как просто любителям военной истории, так и профессиональным историкам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белаш 2014 — Белаш Е. Ю. Танки межвоенного периода. М.: Тактикал Пресс, 2014. 224 с.

ТАУ Моторизация и механизация 1933 — ТАУ Моторизация и механизация армий и война. М.: Государственное военное издательство, 1933. 244 с.

Liddell Hart 1959 — *Liddell Hart B.* The Tanks. The History of the Royal Tank Regiment 1914–1945. Vol. 1. I. L. Cassell, 1959.

Winton 1988 — *Winton H. R.* To Change an Army: General Sir John Burnett-Stuart and British Armored Doctrine, 1927–1938. Lawrence: University Press of Kansas, 1988.

FROM AMIENS TO KHALKHIN GOL. A LONG WAY IN 20 YEARS

Rev.: Belash E.Iu. Tanki mezhvoennogo perioda. Moscow: Taktikal Press, 2014. 224 p.

Petunin Konstantin B. —Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

REFERENCES

Belash E.Iu. *Tanki mezhvoennogo perioda.* Moscow: Taktikal Press, 2014. 224 p.

Liddell Hart B. *The Tanks. The History of the Royal Tank Regiment 1914–1945.* Vol. 1. I. L. Cassell, 1959.

TAU Motorizatsiia i mekhanizatsiia armii i voina. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1933. 244 p.

Winton H. R. *To Change an Army: General Sir John Burnett-Stuart and British Armored Doctrine, 1927–1938.* Lawrence: University Press of Kansas, 1988.

А. П. Люсий

ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЮКАЧ: Экран как историческое убежище, пародия и производство киборгов¹

Ключевые слова: киномиф, медиа, эстетический разрыв, идеологическая сборка, камера, сцена, постановка

Первую мировую войну можно назвать и первой кинематографической, с той оговоркой, что становление этой кинематографичности, то есть осознание практического значения кинематографа, происходило в самом процессе этой войны. В свое время С. Эйзенштейн создал киномиф Октябрьской революции. Сейчас И. Угольников и Д. Месхиев пытаются с помощью Первой мировой создать миф ее отсутствия, упорно повторяя в сопутствующих съемкам своего «поворотного-переворотного» фильма «Батальон смерти» ниспровергающий термин «переворот». При этом осуществляется своего рода и гендерно-патриотический поворот-переворот переосмысления роли и самой сущности женщины. Точкой сборки фильма оказывается мужественный бросок на неудачно брошенную в окопе гранату одной из героинь, затем парящей в воздухе во всем многообразии оторванных конечностей. Так точка эстетического разрыва становится одновременно и точкой идеологической сборки, в то же время невольно соотносясь в сознании зрителя скорее с более близкой житейски поэтикой теракта в метро. Опыт предельно отвлеченного обращения к этой войне стал фильм «Трюкач» Р. Раша, воспринятый в США скорее как провал, но ставший абсолютным лидером кинопроката в СССР (1979).

© Люсий А. П., 2017

Люсий Александр Павлович — кандидат культурологии, доцент Российского нового университета (Москва); allyus1@gmail.com

¹ Статья написана при поддержке грантов РГНФ: № 15-03-00581 «Освоение репрезента-

ций пространства в культурных практиках: история и современность» и № 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)».

...находясь в гражданском состоянии со своими согражданами и в природном состоянии со всем остальным светом, мы предотвращали частные войны только затем, чтобы разжечь тем самым всеобщие, в тысячу раз более ужасные; и, объединяясь с рядом людей, – мы на самом деле становимся врагами рода человеческого...

Ж.-Ж. Руссо. Суждение о вечном мире

Спикер Госдумы Сергей Нарышкин считает съемки в фильме «Батальон смерти» уважительной причиной периодического отсутствия депутата Марии Кожевниковой на пленарных заседаниях нижней палаты.

Информационное агентство «Интерфакс»

100-летие Первой мировой войны, первоначально, в ходе ее самой, названной было в России Великой Отечественной войной, совпало с ситуацией *мировых медиавойн*. Это по-своему актуализирует соотношение тех типов войн, о котором ведет речь Жан-Жак Руссо в вынесенном в эпиграф высказывании, в частности, войн о войнах, соотносящихся с кино о кино, о чем и пойдет речь ниже.

В свое время Сергей Эйзенштейн создал киномиф Октябрьской революции. Игорь Угольников и Дмитрий Месхиев предприняли попытку с помощью Первой мировой создать миф ее отсутствия, упорно повторяя в съемках своего «поворотного-переворотного» фильма «Батальон смерти» ниспровергающий термин «переворот». В основе фильма фронтовая судьба командира женского батальона Марии Бочкаревой («Яшки») и ее однополчанок. При этом осуществляется своего рода гендерно-патриотический поворот-переворот переосмысления самой сущности женщины. Если судить по нарезке ударных сцен из фильма, показанной на его анонсирующей презентации в рамках

36-го Московского международного фестиваля, точкой сборки фильма оказывается мужественный бросок на неудачно брошенную в окопе гранату одной из героинь, затем парящей в воздухе во всем многообразии оторванных конечностей. Так точка эстетического разрыва становится одновременно и точкой идеологической сборки, в то же время невольно соотносясь в сознании зрителя скорее с более близкой житейски локальной «поэтикой» теракта в метро.

Концептуально переосмыслить значение Первой мировой войны в истории можно по-разному. Можно рассматривать Первую и Вторую мировые войны как два этапа одной войны, с перерывом на Версальский мир, что более подходит Германии, чем России, из переписанной истории которой революцию и Гражданскую войну вычеркивать глупо и безответственно. А можно, как это сделал немецкий историк Эрнст Нольте, представить Вторую мировую войну как «европейскую гражданскую войну», продолжение той «единственной гражданской», которая началась именно в России (Нольте 2003).

Поскольку большевики «дезертировали» с Первой мировой войны посредством подписания Брестского мира, в дальнейшем они старались, чтобы страна забыла об этой странице истории. К примеру, подвиг русских защитников крепости Осовец (своего рода Брестская крепость Первой мировой) до недавнего времени был больше известен в Европе, нежели у нас на родине, при том что эта история так и просится на экран, сама по себе складываясь в набросок сценария тех событий, подобные которым одновременно реконструировались и пародировались в американском фильме «Трюкач», о котором пойдет речь ниже.

В 1914 г. эта крепость защищала стратегическое направление — на столицу империи. Примечательно, что гарнизон крепости возглавлял этнический немец — генерал-лейтенант Карл-Август Шульман (в 1941 г. подобная толерантность была бы, конечно, невозможна). Сорок немецких пехотных батальонов не смогли взять крепость и отступили. Шульман был награжден орденом Святого Георгия и получил повышение. Командовать крепостью стал генерал-лейтенант Николай Бржозовский (начинавший служить еще в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.). Именно ему пришлось противостоять второму штурму, когда германцы подогнали 17 батарей тяжелой артиллерии, включая две «Большие Берты».

Русский генеральный штаб, поняв серьезность положения защитников, просил коменданта продержаться двое суток, чтобы провести

перегруппировку сил. В Осовце германская артиллерия установила мировой рекорд по плотности обстрела крепостей: 360 снарядов каждые четыре минуты. За первую неделю штурма была выпущена четверть миллиона снарядов. Русский гарнизон тоже установил рекорд: вместо двух суток защитники крепости продержались полгода, сковывая продвижение немцев.

Однако в мировую историю героическая крепость вошла благодаря третьему штурму, точнее контратаке двух рот. Летом 1915 г. немцы применили отравляющие газы. 30 газобалонных батарей, дождавшись подходящего ветра, выпустили ядовитую смесь хлора и брома в сторону русских окопов. При этом продолжался артобстрел снарядами с хлорпикрином. Противогазов у русских не было: ядовитые газы стали германской новинкой сезона весны-лета 1915 г.

Когда темно-зеленый туман потек на русские позиции, около половины солдат и офицеров погибли в мучениях, остальные тоже оказались при смерти. Когда газ рассеялся, германские части пошли в атаку. И вдруг им навстречу из окопов полезли русские «мертвецы». Страшные существа с винтовками наперевес двигались, как зомби, лица и руки в химических ожогах, они хрипели и харкали кровью.

Участник и очевидец событий Сергей Хмельков так описывает это событие в своей книге «Борьба за Осовец»: «13-я и 8-я роты... развернулись по обе стороны железной дороги и начали наступление;

13-я рота, встретив части 18-го ландверного полка, с криком “ура!” бросилась в штыки. Эта атака “мертвецов” настолько поразила немцев, что они не приняли боя и бросились назад, много немцев погибли на проволочных сетях перед второй линией окопов от огня крепостной артиллерии». Именно как *Dead Men Attack*, или «Атака мертвецов», те события и вошли в историю (Юрлов, Дятликович 2014). Однако у нас пока, как отмечено выше, снимаются другие фильмы.

Многие историки отмечают, что в 2000-х гг. произошел перезапуск позднесоветского мифа о Великой Отечественной войне, в свое время не только обосновывавшего самое присутствие брежневской элиты во власти, но и ставшего инструментом частичной реставрации сталинизма. Сегодня же он монтируется с «вечными» символами победы и героического прошлого. Однако, как отмечает Анатолий Корчинский, он не является мифом о начале, мифом основания, каким был брежневский военный миф (Корчинский, Максаков 2014).

Все базовые советские мифы были учредительными или генетическими. Исходное событие советской истории – Октябрьская революция – в разное время то актуализируется, то затушевывается, уходя на второй план. Но вторым подлинным началом становится Война. История начинается дважды. Интересно соотношение между этими двумя первомифами при Хрущеве и при Брежневе. Оттепельная интеллигенция апеллировала к революции и Гражданской войне как

к забытому, но истинному началу советского проекта. Параллельно ей была затеяна частичная демифологизация сталинской политической памяти о ВОВ («лейтенантская проза» и некоторые другие формы «правды о Войне»). Брежневская номенклатура, наоборот, сделала ставку на Войну и Победу как начало актуальной национальной памяти, при этом отдавая должное революции и Гражданской войне, но в то же время не преувеличивая их значения, смазав, прежде всего, оппозиционные коннотации этих первособытий, характерные для «оттепели». В любом случае эти мифы оставались сугубо начинательными. Так они просуществовали до перестройки включительно, а затем подверглись известной эрозии и на время легли на полку. И вот теперь новое вино вливается в эти старые меха. Но изменения налицо: в новой политической мифологии мы уже, во-первых, не видим революции и Гражданской войны, во-вторых, миф о Великой Отечественной войне становится легитимирующим мифом элит. Поэтому современный военный миф стал легко уживаться с дореволюционными, а также «вечными» символами единства, миролюбия и государственной мощи нашей страны (тот же св. Георгий и ленточка его имени). Налицо полная эклектика. Люди, поднимающие Николая II, в своих трактовках патриотизма вполне сосуществуют и уживаются на идейном поле с теми, кто считает себя наследниками его убийц-большевиков.

Т.е. востребован не генетический, а охранительный миф, с выходом

на первый план его поверхностного, манипулятивного характера. Здесь уже начисто отсутствует живой опыт (все-таки у брежневских номенклатурщиков за плечами была живая память о Войне) и какой-либо конкретно-исторический смысл. Но практика показывает, что именно такой идеологический инструмент наиболее эффективен. Любая привязка к живой истории опрокидывает его, поэтому он должен максимально освободиться от конкретики и стать чистой формой. Именно в таком виде он может работать как универсальный скрипт (программный сценарий), эмоциональная и поведенческая матрица, пригодная для наполнения любым содержанием. Когда ранее миф о Войне столь же беззастенчиво антиисторично оформлял современную политику и общественные отношения? Да, в каких-то советских послевоенных книгах и фильмах встречались «враги» с намеком на близость недобитым нацистам. Но едва ли не впервые правительство и немалая часть населения бывшей составной части единой страны объявляются «фашистами», что выглядит как возведенное в степень подражание реальности кино, если вспомнить эпизод из фильма Эмира Кустурицы «Подполье» — сначала герой вмешивается в съемки фильма о войне югославских партизан с фашистами во время Второй мировой войны, но через монтажный стык он уже во главе сербской батареи командует огнем против «фашистов», как он называет хорватские воинские подразделения, в начавшейся в Югославии межнациональной войне. Аналогичные превращения претерпевал,

между прочим, в оценке советской пропаганды сам маршал Тито (объявленный в 1948 г. «фашистом»), документальные кадры путешествия праха которого по разным городам Югославии незадолго до ее распада составляют дополнительный образный ряд фильма.

Первую мировую войну можно назвать, в контексте общих технологических новинок, и первой кинематографической, с той оговоркой, что становление этой кинематографичности, т.е. осознание практического значения кинематографа происходило в самом процессе этой войны. Это при том, что с ее началом многие европейские киностудии поначалу из экономии закрылись, и мало кто из политиков, как это свойственно политикам в принципе, способен был сразу же увидеть в кинематографе важнейшее как художественное, так и технологическое средство военной пропаганды для поднятия боевого духа. Напротив, некоторые из использовавшихся в кинопроизводстве химикатов изымались для нужд военной промышленности, что привело к уничтожению многих уникальных кинолент. Революционеры, стоит отметить, в социальной «химии» и ее катализаторах разбирались лучше. Многие отмечали эстетическую глухоту того, кто совершил медиацию мировой войны в промежуточную гражданскую, по отношению к новейшим художественным течениям (любовь Маяковского к Ленину взаимностью не пользовалась). Но его слова о кино как «важнейшем из искусств» сопровождали зрителя в каждом кинотеатре СССР на протяжении

всей советской истории (в полном виде это апокрифическое высказывание выглядело так: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» (*Болтянский 1925: 19*)).

Мировой зритель Первой мировой ждал от экрана прежде всего прежних развлечений, возможности ухода из ужасной и неприглядной реальности. Несмотря на то, что батальные сцены и тогда уже получались зрелищными, картины, посвященные тем или иным эпизодам военной истории, например «Ватерлоо», редко добивались зрительского успеха. Поскольку основная масса публики не была знакома с исторической обстановкой, на фоне которой разворачивались подобные действия, она не могла в полной мере сопереживать героям подобных киносаг, в отличие от мелодраматических сюжетов. Во время самой войны, когда надо было просто выживать, люди в кино если и ходили, то главным образом чтобы расслабиться и увидеть другую жизнь, экран скорее играл роль убежища от невзгод. Однако военный фильм как жанр все же стал исподволь возникать именно в годы Первой мировой войны. Наряду с игровыми развлекательными фильмами на экранах началась демонстрация еженедельных военных обзоров о событиях на фронте. Так зритель был подготовлен к восприятию военных фильмов, хотя в самой Европе игровых лент на военную тему было снято тогда немного. После вступления в войну США (1917) Голливуд, став пристанищем многих европейских кинематографистов, приступил к массовому выпуску во-

енных лент, призванных оправдать этот шаг в глазах общественности, возбудить ненависть к противнику и тем самым привлечь граждан на военную службу, а также усиленно внедрял в массы чувство патриотизма и лютой ненависти к врагам. Было снято большое количество военных фильмов, преимущественно документальных, в стиле милитаристской пропаганды. Особой агрессивностью отличались картины «К дьяволу кайзера» и «Берлинское чудовище». Однако и тогда большинство «патриотических» фильмов были сентиментальными мелодрамами. К примеру, картины «Маленькая американка» (1917) и «Сердца мира» (1918), где звезды вроде «вечной девушки-подростка» Мэри Пикфорд и Лилиан Гиш отважно противостояли «свирепым гуннам». Параллельно набирала силу идея о решающей роли американского героизма в этой войне.

В конечном счете Первая мировая война приобрела в сознании людей свое всемирное значение Великой, «современной» и «тотальной» не только в силу непосредственно пережитого трагического опыта, но в определенной мере благодаря роли визуальных медиумов в процессах социальной мобилизации, а также в формировании структур коллективной памяти о постигшей всех катастрофе (*Нагорная, Раева 2012*).

В Германии предложения поставить кино на службу пропагандистским интересам были озвучены уже в октябре 1914 г., однако только к концу войны под влиянием успеха кинематографической пропаганды запад-

ных стран Антанты в немецких государственных органах возоблаго восприятие кинематографа как действенного средства агитации. Но к тому времени развертывание конкурентоспособного аппарата оказалось невозможным из-за нехватки средств.

В России еще до Первой мировой войны, в условиях обострения международной обстановки, русские дипломаты за рубежом обратили внимание на все более активное использование кинематографа в политической пропаганде и призывали учиться в этом смысле у других стран, в первую очередь у потенциальных врагов: Германии и Австро-Венгрии. Об этом свидетельствует записка сотрудника российского генконсульства в Будапеште князя Г.Д. Маврокордато в МИД России: «Кинематографом можно злоупотреблять и пользоваться в целях политической пропаганды...» (Кинематографом можно злоупотреблять 2006).

В послевоенное время стали появляться картины, более объективно и реалистично отражавшие реалии войны. Военные фильмы 1920–1930-х гг. старались подчеркнуть бессмысленность и ужас мирового вооруженного конфликта: «Большой парад» (1925), «Какова цена славы?» (1926). С началом в кинематографе эры звука появляются такие известные картины, как «На западном фронте без перемен» (1930), «Западный фронт, 1918» (1930), «Утренний патруль» (1930), «Дорога к славе» (1936).

Но публика не желала, чтобы ей напоминали о только что пережитом

ужасе войны, и вскоре возобладал авантюрно-приключенческий стиль в военной теме. Особой популярностью пользовались фильмы, посвященные авиации. Прекрасными образцами фильмов, в процессе создания которых применялись новые технологии, стали «Крылья» (1927) и «Ангелы Ада» (1930).

«Крылья» Уильяма Уэллмана представляли голливудскую романтическую историю, мастерски поставленную на фоне взлетающих аэропланов. Действие происходит во время Первой мировой войны в многострадальной Франции, в небе которой два американских пилота разыгрывают воздушный спектакль, а на земле их ждет любовь подружек.

Режиссер, будучи сам военным летчиком, со знанием дела взялся запечатлеть воздушные баталии, а также и земные будни эскадрильи «Лафайет», как полагается, обрвав героизм летчиков мелодраматическим хеппи-эндом и голливудским пафосом. Однако в показе «небесных» сцен пришлось прибегнуть к помощи постановщика спецэффектов Роя Поумроя. В результате оба — и режиссер, и «трюкач» — стали первыми лауреатами премий Американской академии, которая впоследствии стала называться «Оскар». Сцены воздушных боев действительно восхищали еще и потому, что в те времена и речи не было о надежной страховке во время исполнения трюков (долго потом ходили слухи о несчастных случаях во время съемок, якобы скрываемых продюсерами).

Один из летчиков погибает в бою, оставляя живущим надежду

на лучшую жизнь. «Крылья» стали первой кинокартиной, получившей премию «Оскар» (1927–1928) в номинации «Лучший фильм», и единственным премированным «Оскаром» «немым» фильмом. В конечном счете индустрия Голливуда внушила значительной части человечества мысль о решающем вкладе в исход Первой мировой войны именно США (как позже это случится и со Второй мировой, с тем чтобы перейти на стыке XX и XXI вв. к их полностью виртуальной сконструированности).

Однако целью данных заметок является не киноисториография Первой мировой войны как таковая, а попытка с помощью кинематографа нащупать место реконструкции юбилея этой войны в структуре современности. Уж такая ли это история? Если судить в терминах потерь убитыми, мир с 1945 г., как отмечает Э. Тоффлер, претерпел через локальные конфликты нечто вроде Первой мировой войны (*Тоффлер* 2005) (жертв среди мирного населения многократно больше).

Мы же предлагаем, перепрыгнув через несколько десятилетий, обратиться к фильму американского режиссера Ричарда Раша «Трюкач». Не просто оказалось оценить, чем стала для режиссера Ричарда Раша эта кинокартина: успехом или поражением? Если с 1967 г. и на протяжении 1970-х гг. Раш снял семь фильмов («Чертовы ангелы на колесах», «Псих-аут» и др.), то после продолжавшейся восемь лет работы над «Трюкачом» он на долгие 14 лет ушел из мира кино... Т.е. с прокатной точки зрения фильм стал ско-

рее провалом. После завершения съемок он смог выйти на экраны только спустя полтора года, а выйдя — всего через один месяц сошел с кинопроката, едва отбив свой бюджет. Однако неожиданный рванш был взят... в СССР. Здесь этот оперативно закупленный фильм собрал в кинотеатрах в десять раз больше зрителей, чем в США, став абсолютным лидером кинопроката среди зарубежных фильмов в 1980 г.

Фильм рассказывает о потерявшем социальную адекватность при возвращении к мирной жизни ветеране вьетнамской войны Кеймероне (в нашем отечественном кино позже та же тема поднималась на афганском материале, востребованность же «Трюкача» показывает востребованность в обществе самой проблемы). Актер Стив Рэйлсбек хорошо передает нервическую дворовую непосредственность главного героя. Узнав об измене подруги, он громит ее магазин, устраивает драку с полицией, убегает от погони и получает неожиданное убежище на съемках фильма, посвященного Первой мировой войне. Режиссер этого фильма в фильме Илай Кросс (в исполнении знаменитого Питера О’Тула, сыгравшего здесь одну из лучших своих ролей, что способствовало номинированию фильма на кинопремию «Оскар») мгновенно оценил ситуацию и предложил беглецу своеобразное киноубежище, заняв место каскадера, не так давно погибшего в столкновении с тем же Кеймероном.

Война показана с шокирующим натурализмом, который, впрочем, тут же разоблачается. Горы трупов

«свирипых гуннов» после съемок очередного эпизода артобстрела или атаки начинают шевелиться, оторванные конечности оказываются искусственными, «мертвецы» в противогозазах оживают. Искусственность ужаса Первой мировой явно призвана рассеять недавно перенесенный частью зрителей ужас Вьетнама. Позднее Э. Тоффлер так характеризует характер визуализации «войны в Заливе»: «В результате возник весьма очищенный образ войны, намного более бескровная с виду форма боя, составлявшая резкий контраст с тем, что показывало телевидение о вьетнамской войне — летящие в воздухе оторванные конечности, разможенные черепа и обожженные напалмом дети. Все это вбрасывал телевизор прямо в американскую гостиную» (Тоффлер 2005).

В «Трюкаче» главный герой «фильма в фильме» каскадерскими стараниями Кеймерона победно парит в воздухе в духе упомянутых выше военных комедий, так же танцует на крыльях и на них же сидя распивает шампанское из бутылки.

Параллельно развивается по-своему рискованный, но красочный любовный роман Кеймерона с бывшей подругой Илая актрисой Ниной в гламурном исполнении Барбары Херши (после пробного любовного приключения с гримершей). Трудно понять, насколько это вгоняет Илая в ревность. Он — воплощение «человека играющего» и режиссирующего, всюду преследующего Кеймерона верхом на вездесущем операторском кране, совмещая тем самым функции Медного всадника

и башни Бентама, тоже имеющей, между прочим, отчасти русское происхождение, т. к. ранее ее создатель оказался причастен к появлению «потемкинских деревень». «И обе машины зрения... были изобретены при дворе одного и того же человека, который одним из первых в России сделал отправление власти своим единственным занятием», — как писал Мишель Фуко.

Т. е. Кеймерон по-прежнему преследуем, но в рамках определенных игровых правил, которые, впрочем, тоже нарушаются, так что вскоре грань между кино и реальностью стирается. Кеймерон начинает подзревать Илая в намерении умертвить его в сцене подводной съемки для придания окончательной выразительности фильму. Но он не уклоняется от этой последней схватки с судьбой и опять выходит «сухим из воды». Конфликт разрешается сугубо финансовым скандалом, отодвигающим в сторону даже любовь. Единственное, в чем Илай обманывает Кеймерона — он платит ему за последний трюк по обычным расценкам, хотя была устная договоренность о повышенной оплате, и улетает на съемочном вертолете. Какая-то недостойная продемонстрированных ранее предельных испытаний мелкая пакость (мы еще вернемся к этому определению).

Жанр «Трюкача» трудно определить одним словом. Это некая диффузия из приключенческого боевика, социальной драмы, философской притчи и черной комедии со скандальным уклоном. Трудно назвать новаторским этот весьма энергичный и при этом скорее

архаичный жанровый водоворот, в котором так же непросто уловить истинное послание режиссера Ричарда Раша, его моральный императив. Следует отметить, что в советском прокате фильм был перемонтирован для придания ему хотя бы какой-то социальной направленности. Но вряд ли именно это сделало его столь привлекательным для советского зрителя. Прежде всего он привлекал нас, вероятно, тем, что рассказывал о другой жизни, которая была так не похожа на окружающую. Он мог произвести в свое время впечатление на лидеров донецких ополченцев первого призыва, гуманитариев по образованию, прошедших накануне текущего боевого опыта опыт театрализованных реконструкций сражений прошлых войн, хотя за 34 года, конечно, память о нем могли вытеснить другие впечатления и потрясения. Но реализация реконструкций и постулируемых рядом исследователей «войн памяти» в гибридные войны состоялась.

Заманчиво было бы привлечь для осмысления этого феномена еще не вышедший из моды *постмарксизм*, однако здесь куда более актуальной в контексте пары «режиссер-трюкач» оказывается скорее *предмарксизм*, каковым он предстает в работе К. Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» (вошла в историю своим афоризмом насчет постоянного повторения трагедии истории в виде фарса): «Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом

стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют *laboche*. Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, “благотворительного общества”, поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность убогостроить себя за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящийся только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он условно может опереться, — таков подлинный Бонапарт, Бонапарт *sans phrases*. Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости» (Маркс, Энгельс 1957).

Классический марксизм, как известно, ставит во главу угла учение о революционной роли пролетариата, который, впрочем, сам по себе автора не так уж интересует. Подобно тому, как Р. Раш не понимал, для кого он снимает свой фильм, К. Маркс, по мнению К. Кобрин, якобы не имел представления, для кого он пишет, и, соответственно, что именно следует объяснять, на чем сосредоточить внимание, какую лексику использовать и т.д. Судя по тексту «Восемнадцатого брюмера» (и, кажется, в отличие от некоторых других вещей, которые он сочинял для «New York Daily Tribune», но не всех), Маркса совершенно не заботило, знает ли его читатель политических деятелей и французские реалии, о которых он с таким жаром повествует. Pamфлет написан, считает К. Кобрин, как бы в никуда — и в этом одна из причин его убедительности. «Восемнадцатое брюмера» есть результат действия двух факторов. Во-первых, автор пытается прояснить для самого себя некоторые собственные представления историко-политического характера — они и есть «опорные пункты анализа» в публицистическом потоке. Уже сам факт фамильярного использования имен разных французских деятелей говорит о характере этого текста: он сделан для себя и нескольких «своих», которые не только поймут, о ком идет речь, они поймут и причину такого отношения к главным и второстепенным героям «Восемнадцатого брюмера» (Кобрин 2014).

Теоретический «трюк» К. Кобрин насчет «никудышности» Маркса неубедителен. Маркс имел достаточный опыт практической журна-

листики в 1848–1849 гг. и отдавал себе отчет, для кого он пишет. У него была своя аудитория, пусть узкая, к которой он обращался, если даже и завывал иногда ее уровень. Поэтому в корне неверно, что Маркс писал в никуда, по некоему творческому зуду или из эстетического самовыражения, сознательно ограничивая круг читателей посвященными в частную конкретику лицами. Другое дело, что К. Маркс учитывал не только современных ему реальных читателей, но и предвидел некую воображаемую будущую возможную аудиторию, почему через 12 лет переиздал памфлет почти без изменений. Выводы и «опорные пункты» анализа в нем актуальности не потеряли.

Через двенадцать лет после написания «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», как отмечает К. Кобрин, создавая Первый Интернационал, Маркс столкнется с тем, что богема оказалась не только действеннее пролетариата и его идеологов, она подвижнее, гибче и в каком-то смысле действительно эффективнее. Глядя из начало XXI в., наблюдая символы, знаки и слова окружающего нас мира, которые придумали дадаисты, Энди Уорхол, Ги Дебор, контркультура 1960–1970-х и прочие агенты хаоса и анархии, остается признать, что победила богема, та ее часть, которая стала элитой. Пролетариат классовой борьбы сошел с арены даже на Донбассе, но возродился готовый к любым трюкам предмарксистский субъект гиперконфликта, ведущую роль которого при рискованном переходе человечества от гиперимперии к гипердемократии предрекает Жак Аттали.

Текущий субъект конфликта порожден не всею помянутым К. Кобриным постмарксистским левым, а скорее правым контекстом. Малосодержательным представляется утверждение о победе богемы над пролетариатом. Что есть богема в наше время? Ранее об этом точнее размышлял О. Аронсон. «Политика устанавливает свою оптику в отношении социума, постоянно присваивая эти бессмысленные и неупорядоченные движения, в которых проявляет себя “пластика социума”. Поэтому постоянно приходится учитывать эти по крайней мере три уровня – общность, социум, политика. И если история постоянно имеет дело с политикой, т. е. с интерпретацией фактов, уже отобранных в качестве документов, т. е. как “имеющих значение”; если антропология и социология обращаются к динамике социальных процессов, формирующих человека той или иной эпохи, то обращение к общности, кажется, вынуждено носить отвлеченно-философский характер. И это было бы так, если бы не было таких явлений, как богема, сообщество, сопротивляющееся социализации» (Аронсон 2002).

В. Беньямин, опираясь на работы К. Маркса, в своих статьях о Бодлере обращает внимание на свойственный и пролетариату, и богеме «внутренний заговор» против политического порядка, который на примере Бодлера вырастает в заговор против порядка вообще (Беньямин 2000). Богема понадобилась Марксу для анализа исторических событий 1848 г., но на пути его пронизательных наблюдений встает... собственная богемность. Да, кочующий

по Европе заговорщик, тайный борец с существующим порядком, безденежный интеллектуал-газетчик и теоретический трюкач, носящий внутри себя страсть по революциям и баррикадам, тоже был представителем той самой богемы...

1848-й, год выхода «Манифеста коммунистической партии» и год революций, О. Аронсон условно называет годом перехода Маркса из «профессиональных заговорщиков» в «профессиональные революционеры», годом его выхода из «подполья». Он старательно (политически и бессознательно) дистанцируется от богемы и, возможно, поэтому в своем длинном списке ее представителей интеллектуалов не упоминает вовсе (Аронсон 2002). Между тем в вышедшем в том же 1848 г. романе Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», послужившем основой для либретто знаменитой оперы Пуччини «Богема», данная социальная группа состоит из художников и поэтов Латинского квартала, оказавшихся непосредственными участниками революционных событий. А в «Во семнадцатом брюмере Луи Бонапарта» это «бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, – словом, вся неопределенная, разношерстная, бродячая масса, которую французы называют богемой». Однако описание Маркса открыто, т. е. характеристики богемы как «неопределенной», «бродячей», «разно-

шерстной» являются для него более существенными, чем многочисленные ее представители. Способность быть бродягой, быть человеком улицы, человеком толпы придает черты богемности представителю любого класса.

Жан-Люк Годар как-то заметил, что безнравственно делать нравственные фильмы о войне. «Мост через реку Квай», «Баллада о солдате» и «Самый длинный день» одинаково безнравственны, потому что происходящие в них события так или иначе объяснимы с точки зрения морали, каковая, по мнению Годара, отсутствует в самом факте массового убийства себе подобных. Военную тему в советском кино подхватила тема производственная, с ее похожими на младших командиров, не всегда дисциплинированными, матерящимися прорабами и мудрыми инженерами-стратегами, с конечной апологией трудового подвига и коллективного штурма. Фильм Владимира Бортко «Афганский излом» (1990) проделал, как отмечает С. Добротворский, обратную операцию. Война напоминает большое и по-советски бестолковое производство, где надо опасаться не столько врага, сколько собственного начальства, и где ловко и вовремя поданная реляция о победе важнее самой победы. Десантник мечтает получить следующий служебный срок где-нибудь на Украине – такое привычнее выслушивать из уст «кинофашистов», изнуренных неправотой захватнической войны.

Мечта советских женщин итальянский актер Микеле Плачидо, запомнившийся всем образом не-

сгибаемого борца с мафией комиссара Каттани, долго размышлял над предложением режиссера Владимира Бортко сыграть роль советского офицера в фильме «Афганский синдром», но коллективная просьба всей съемочной группы подвигла к согласию. Съемки велись в 1990 г. в Таджикистане, совпав с развитием там межнациональной и гражданской войны, в ходе которой был убит администратор съемочной группы Никита Матросов. Оставшихся кинематографистов вывезли на четырех «Камазах» под прикрытием двух БМП и автоматчиков и доставили военным самолетом в Ташкент. Съемки пришлось заканчивать в Сирии и Крыму. Федор Бондарчук рисковать не стал, сразу же организовав съемки своей «9 роты» в окрестностях узнаваемого в сумятице сражений Карадага.

Запущенный Плачидо типаж афганца-супермена на гражданке залег на дно, дожидаясь своего боевого часа. Только обезноженный инвалид в исполнении Родиона Нахапетова во «Влюбленных-2» (2004) сумел-таки дать бой и местной мафии.

Используя работы Маркса, В. Беньямин уклоняется от его концепции, извлекая из Маркса не марксизм, но некоторую специфику взгляда на исторические события, взгляда, открытого дополнительным интерпретациям. Эта та открытость, с которой не справляется сам К. Маркс, постоянно пытающийся превратить Историю в новую теологию.

«В этом смысле “Капитал” Маркса или “Исследование о природе

и причинах богатства народов” Адама Смита могут оказаться куда менее полезными, чем, скажем, кинематографическая фантазия Ридли Скотта “Бег по острою бритвы” – голливудская кинострапня, в которой мы находим больше правды о грядущем веке, чем у этих авторов-классиков» (Аттали 2014). Нынешний французский политтехнолог и мыслитель вспоминает почти ровесника «Трюкача», фильм 1982 г.

...Лос-Анджелес двадцать первого века. Бывший полицейский космического патруля вновь оказывается за работой. Его задача – выследить, выяснить мотивы действий и уничтожить вышедших из-под контроля так называемых репликантов (киборгов), которые все более начинают походить на людей. Все, что создано людьми, не может не иметь печать сходства. Так история и прогноз замыкаются экраном.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аттали 2014 – Аттали Ж. Краткая история будущего: Мир в ближайшие 50 лет. СПб., 2014.

Аронсон 2002 – Аронсон О. Богема: Опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Беньямин 2000 – Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000.

Болтянский 1925 – Болтянский Г. М. Ленин и кино. М.; Л., 1925.

Кинематографом можно злоупотреблять 2006 – «Кинематографом можно злоупотреблять и пользоваться в целях политической пропаганды...». Донесение секретаря императорского российского консульства в Будапеште князя Маврокордато / публ. и коммент. Р. Янгирова // Отечественные записки. 2006. № 4.

Кобрин 2014 – Кобрин К. Вечная современность: заметки на полях «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // НЗ. 2014. № 1 (93).

Корчинский, Максаков 2014 – Корчинский А., Максаков В. Битва за Войну. Прошлое парализует движения, но не тащит назад // [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/12558>.

Маркс, Энгельс 1957 – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 8. М., 1957.

Нагорная, Раева 2012 – Нагорная О. С., Раева Т. В. Образы Первой мировой войны на экранах межвоенной России и Германии: мемориальная политика и коллективная память // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 32 (291).

Нольте 2003 – Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем. / послесловие С. Земляного. М., 2003.

Тоффлер 2005 – Тоффлер Э. Война и антивойна: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005.

Юрлов, Дятликович 2014 – Юрлов С., Дятликович В. Почему столетие с начала Первой мировой войны стало событием для Европы, но не для России // [Электронный ресурс]. URL: <http://style.rbc.ru/news/luxury/2014/07/28/18960/>.

THE MOVIE AS A HISTORICAL REFUGE, PARODY AND THE PRODUCTION OF CYBORGS

Lucy Alexander P. – candidate of culturology, associate professor, Russian New University (Moscow)

Key words: film myth, media, esthetic gap, ideological assembly, camera, scene, statement.

The first world war can be called the first cinematic, with the proviso that the emergence of this cinematography, that is, the realization of the practical significance of cinematography, occurred in the very process of this war. At one time, S. Eisenstein created the film myth of the October Revolution. Now I. Ugolnikov and D. Meskhiev are trying with the help of the 1st world to create the myth of her absence, stubbornly repeating in the accompanying shootings of her «rotary-revolving» film «Death Battalion», the overthrowing term «coup». At the same time, a kind of gender-patriotic turn-turn takes place in rethinking the role and essence of the woman. The point of the film's assembly is a courageous throw on the unsuccessfully thrown in the trench grenade of one of the heroines, then hovering in the air in all the variety of severed limbs. So the point of aesthetic rupture becomes simultaneously a point of ideological assembly, while at the same time involuntarily correlating in the viewer's mind rather with the closer everyday poetics of a terrorist attack in the metro. The film «The Stuntman» by R. Rush, who was perceived in the United States rather as a failure, but became the absolute leader of the cinema distribution in the USSR (1979), was the experience of an extremely abstract treatment of this war.

REFERENCES

- Aronson O. *Bogema: Opyt soobshchestva (Nabroski k filosofii asotsial'nosti)*. Moscow: Fond "Pragmatika kul'tury", 2002.
- Attali Zh. *Kratkaia istoriia budushchego: Mir v blizhaishie 50 let*. St. Petersburg, 2014.
- Ben'iamin V. *Ozareniiia*. Moscow: Martis, 2000.
- Boltianskii G. M. *Lenin i kino*. Moscow; Leningrad, 1925.
- Iurlov S., Diatlikovich V. *Pochemu stoletie s nachala Pervoi mirovoi voiny stalo sobytiem dlia Evropy, no ne dlia Rossii* // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://style.rbc.ru/news/luxury/2014/07/28/18960/>.
- "Kinematografom možhno zloupotrebliat' i pol'zovat'sia v tseliakh politicheskoi propagandy...". Donesenie sekretaria imperatorskogo rossiiskogo konsul'stva v Budapeshte kniazia Mavrokordato / publ. i komment. R. Iangirova // *Otechestvennyye zapiski*. 2006. No. 4.
- Kobrin K. *Vechnaia sovremennost': zametki na poliakh "Vosemnadtsatogo briumera Lui Bonaparta"* // NZ. 2014. No. 1 (93).
- Korchinskii A., Maksakov V. *Bitva za Voinu. Proshloe paralizuet dvizheniia, no ne tashchit nazad* // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://gefter.ru/archive/12558>.
- Marks K., Engel's F. *Sochineniia*. Izd. 2, vol. 8. Moscow, 1957.
- Nagornaia O. C., Raeva T. V. *Obrazy Pervoi mirovoi voiny na ekranakh mezhuvoennoi Rossii i Germanii: memorial'naia politika i kollektivnaia pamiat'* // *Vestnik IuUrGU*. 2012. No. 32 (291).
- Nol'te E. *Evropeiskaia grazhdanskaia voina (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol'shevizm*. Per. s nem. / posleslovie S. Zemliano. Moscow, 2003.
- Toffler E. *Voina i antivoina: Chto takoe voina i kak s nei borot'sia. Kak vyzhit' na rassвете XXI veka*. Moscow, 2005.

М. В. Моисеев

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ В ДАУГАВПИЛСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Впервые «Научные чтения» в Даугавпилсском университете Гуманитарным факультетом (Humanitārā Fakultāte Daugavpils Universitātes) были проведены в январе 1991 г. и получили тогда название «Январских чтений». С той поры эта конференция всегда проводится в последние четверг и пятницу января. В 2107 г. 26–27 января состоялись 27-е «Научные чтения» (XXVII Zinātniskie Lasījumi). Сама конференция является значительным гуманитарным форумом не только в Латвии, но и в целом Балтийском регионе. Эти научные чтения объединяют специалистов историков, филологов, лингвистов, музееведов и культурологов. Дабы не было мешанины, специалисты по каждой области выступают в своих тематических секциях (Baltu Valodas: sinhronija un diahronija, Slāvu valodas vestures un kultūras kontekstā, Vācbaltu teksti: valodniecība un poētika, An-

glu valoda: sinhronija un diahronija, Sadzīves kultūra, Vēsture: avoti un cilvēki и др.), которые в свою очередь подразделяются на рабочие группы. Статьи, подготовленные по итогам конференции ее участниками, публикуются в 6 тематических сборниках, индексируемых в международной базе данных EBSCO. В самой конференции участвовало 180 ученых из 10 стран (Латвия, Литва, Беларусь, Россия, Эстония, Польша, Великобритания, Германия, Швеция и Норвегия). В секции Vēsture: avoti un cilvēki (История: источники и люди) рассматривались вопросы археологии и истории. Довольно большое внимание было уделено истории Балтийского региона в XX в. Белорусские ученые продемонстрировали большую информационную возможность устных источников, т.е. интервью современников изучаемых событий. Особенно интересно это было выполнено минским исследователем Евгением Гребенем. Потенциал картографических источников был продемонстрирован литовским историком Арунасом Вишняускасом. Важным (для балтийской историографии)

© Моисеев М. В., 2017

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, зав. сектором отдела «Музей Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение “Музей Москвы”» (Москва); maksimoiseev@yandex.ru

стал его вывод о вынужденном характере советской оккупации стран Балтии в 1940 г. Затрагивались проблемы музеефикации археологических находок и сохранения памятников культурного наследия. Последний вопрос имел прикладное (особенно для нас) значение. В Латвии уже была проведена реституция, которая ныне частично проводится и в России. В этих условиях была изменена система общения органов культурного наследия с фактическими владельцами памятников культурного наследия. Инара Юшкане рассказывала, что нередко возникали случаи, когда фактический владелец (например, католический ксендз) уничтожал объект культурного наследия (загородки для исповедальни, чашу для омовения), ссылаясь на то, что это старая и сломанная вещь. Учитывая, что никаких санкций предъявить нельзя, органы культурного наследия сосредоточились, с одной стороны, на совершенствовании законодательной базы, а с другой — на просветительской работе с новыми-старыми собственниками, особенно церковными общинами. В докладе российского участника Алексея Варфоломеева была затронута проблема создания «умного» музея. В современных российских музеях уже активно используются цифровые технологии, сенсорные информационные киоски уже зачастую стали привычной частью экспозиции. Но, как автор справедливо заметил, все эти системы разрознены и дают строго дозированную информацию, не всегда удовлетворяя посетителей. Выход из этой ситуации — создание интегрированного программного продукта, который

бы объединял экспонаты, их фондовые описания и информационные тексты. Такая система позволяла бы посетителю получать максимальную информацию. А. Варфоломеев также предлагал как перспективный путь развития возможность дополнять эти файлы посетителями. Последнее предложение не нашло понимания у представителей музеев. Был затронут и ряд вопросов по поводу безопасности такой интегрированной системы, о способах доступа к хранилищам баз данных. В целом и сам доклад, и его обсуждение показали, что наши музеи все активнее входят в цифровую эпоху.

Довольно широко были представлены на конференции специалисты медиевисты и новисты. Ряд докладов был посвящен проблемам балтийской археологии, а именно погребальным практикам в Восточной Латвии (Elīna Gušičika), вопросам археологической классификации (Арвидас Малонайтис). Раитис Симсонс (Raitis Simsons) сосредоточился в своем докладе на дипломатическом анализе грамот XIII–XIV вв., выданных феодалам Тевтонским орденом. Статус женщин в ливонских городах рассмотрела Вия Стикане. Богуш Бомановский в докладе о Клушинской битве привел данные о том, что численность польской армии составляла 2900 человек, тогда как противостоящие ей объединенные войска русских и европейских наемников — 35000 человек. Привлекали внимание и доклады о найденных при раскопках Виленского замка предметах вооружения XVI–XVII вв. (Паулюс Бугис), о водке в трактате Казимира

Семеновича «Великое искусство артиллерии» (Сигитас Лужис) и о Динабургской миссии иезуитов (Татьяна Богданович). Хотя следует признать, что наибольшее количество докладов было посвящено периоду XIX–XX вв.

Завершая этот небольшой обзор, хотелось бы отметить, что в условиях нарастающего изоляционизма, разрушения старых научных связей «Научные чтения» Даугавпилсского университета имеют большое значение для сохранения общего исследовательского поля.

SCIENTIFIC READINGS IN THE DAUGAVPILS UNIVERSITY

Moiseev Maxim V. – candidate of historical sciences, Head of sector Moscow city museum, Museum of archeology of Moscow (Moscow)

Н. Ю. Калашникова

ЕВРАЗИЙСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЕСТЬ ЛИ ЗАВТРА?

По итогам конференции в Институте славяноведения РАН¹

Ключевые слова: евразийство, интеграционные процессы, Евросоюз, НАТО, евроскептицизм, еврооптимизм

В обзоре докладов научной конференции «Евразийство – евроскептицизм – евразийство: варианты разочарований в европейском пути развития» в Институте славяноведения РАН, проведенной в рамках проекта «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века», анализируется специфика идейно-политических течений евразийства и неоевразийства в их соотношении с установкой на евроскептицизм. Они предстают как критика безальтернативности евроатлантического пути развития стран континента и в первую очередь государств Центральной и Юго-Восточной Европы.

Как установлено Международным географическим обществом, граница между Европой и Азией проходит по восточному основанию Уральского хребта и отрогу Мугоджар, по реке Эмбе, впадающей в Каспийское море, северно-

му берегу Каспийского моря, Курмо-Маньчской впадине, которая в древности была проливом, соединявшим Черное море с Каспием, по территории Азовского моря и далее – по Керченскому проливу, Черному морю, проливам Босфор и Дарданеллы. Побережье Средиземного моря к востоку от Дарданелл относится к Азии, к западу – к Европе. Истина, казалось бы, непреложная, прочно обосновавшаяся в школьных учебниках. Хотя в научных спорах при упоминании этой классической схемы теперь все чаще звучит оговорка: «Так договорились географы...». Что говорят историки?

© Калашникова Н. Ю., 2017

Калашникова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); n_kalash@mail.ru

¹ Конференция проведена 15 ноября 2016 г. в рамках комплексной Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», проект «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века».

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

История с географией породила острейшие дискуссии социокультурного, геополитического и сугубо политического характера. Не станем углубляться в географические нюансы: в отличие от других частей света, граница между Европой и Азией проходит по суше, и потому точное ее определение — многовековой спор, в ходе которого она все более отдалялась на восток, а теперь мечется не столько в километровом, сколько в политическом пространстве. Европа и Азия — это не только географические, но и культурные, цивилизационные и геополитические субъекты. Более того, смешение этих позиций приводит к появлению остро дискуссионных политических аргументов. На одном из научных форумов автору этих строк довелось услышать мнение высокопоставленного азербайджанского чиновника о том, что его страна *географически* принадлежит к Европе. Отметим, что частично — в отношении километража — это теперь признают и географы. Политическая же и социокультурная европейская принадлежность Азербайджана у участников дискуссии и вовсе отторжения не вызвала.

В таком случае к какому типу культуры относится огромная — евразийская — Россия? Где ее исторические и нынешние политические и экономические приоритеты? Можно ли считать европейскими/азиатскими/евроазиатскими страны Закавказья и Турцию, которые так стремятся в Евросоюз, но географически «все еще» пребывают в Азии? Какие российские регионы относят-

ся к Европе, а какие к Азии? Почему некоторые иностранные картографические издания прокладывают восточную границу Европы точно по границе Российской Федерации, причисляя европейскую часть нашей страны к азиатскому континенту? Наконец, как соотносится с философией и практикой евразийства Центральная и Юго-Восточная Европа в ее историческом, «социалистическом» (Восточный блок) и нынешнем (часть Европейского союза) понимании?

Спор о перспективах евразийского и европейского путей развития длится не одно столетие (точка отсчета — вопрос исследовательского темперамента). Попробуем воспроизвести диалог нескольких весьма авторитетных участников этой не теряющей актуальности дискуссии, представив их за одним круглым столом.

«Европа — кротовая нора; великие империи и великие перевороты были возможны лишь на Востоке», — Наполеон I хорошо знал, о чем говорил. И коллеги к его мнению прислушивались. «Говорить о Европе — ошибка; это всего лишь географическое понятие», — рассудил Отто фон Бисмарк. «Россия — тоже Европа», — невпопад и не ко времени заметил российский министр иностранных дел (1917) Павел Милоков. А после того, как 1917 год грянул в полную силу, в дискуссию вступили российские философы-романтики. Правда, уже из эмиграции.

«Россию-Евразию мы воспринимаем как единство... Только в пре-

одоления «западничества» открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, тюркских, монгольских и прочих», — говорил один из основоположников идеи евразийства Петр Савицкий. Философам-романтикам той поры было о чем задуматься. «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство», — это Лев Гумилев.

Не жалуют Старый Свет и некоторые наши именитые современники. К примеру, бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт: «Чтобы понять Европу, нужно быть гением. Или французом...» А вот и вовсе циничное от Реджепа Эрдогана: «Европа — не христианский клуб». И наконец, политическая попса — утомленная цитированием строка из Редьярда Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...» В конце XX в. среди части российской элиты упоминание ее стало модным в преломлении к отношениям современной России и Запада (в том его понимании, в котором он геополитически вошел в историю после холодной войны). При этом немногие из этих экспертов были обременены знанием первоисточника: сам Киплинг эту фигуру речи опровергает на примере судьбы своего героя, да и противостояние «Восток — Запад» для эпохи колониальных войн точнее было бы скорректировать: «Запад/Север — Юг». Как тут не вспомнить едкого на слово писателя Аркадия Давидовича: «Граница между Европой и Азией проходит в мозговых полушариях»...

Так или иначе, у евразийства есть корни и крона, которая со временем обретает новые формы и смыслы. О современной конфигурации «кроны», о споре философов и политиков, о том, что сблизило и, напротив, развело их позиции в XXI в., шла речь на научной конференции «Евразийство — евроскептицизм — евразийство: варианты разочарований в европейском пути развития» в Институте славяноведения РАН².

С этого и начал дискуссию директор ИСл РАН, д.и.н. К. В. Никифоров: «Слово “евразийство” у всех на слуху, оно стало модным. Но не всегда понятно, о чем идет речь — в него вкладывают совершенно разные значения».

И дело даже не в конкретном научном диспуте, а в предпринятой

² В рамках проекта «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века» сотрудниками Института славяноведения РАН предварительно подготовлены работы: *Задорожнюк Э. Г. Предвосхищение евразийства* // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. № 57; *Задорожнюк Э. Г. Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства* // Вопросы истории. 2016. № 7; *Задорожнюк Э. Г. Славянский вопрос в историческом наследии евразийства: историческая реконструкция* // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. Выпуск 11; *Майорова О. Н. Правый поворот в Польше. Президентские и парламентские выборы 2015 г.* // Славянский альманах. 2016. Вып. 1–2. М., 2016; *Серапионова Е. П. Вводная статья и комментарии* // Культурное и научное наследие русских эмигрантов в Чехословакии. Отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2016. Принята в печать статья: *Валева Е. Л. Желю Желев — философ во главе государства* // Для сборника ИНИОН «Современные политические деятели стран ЦЮВЕ».

в Инславе новой и весьма конструктивной попытке приблизиться к решению вековой проблемы³.

ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

...Своему появлению термин «евразийство» обязан русской эмиграции. Это был поиск ответа на вопрос: что есть и куда ведет русская революция? Ответ виделся в том, что Россия все-таки не совсем Европа, она — особенная, стало быть, и путь ей предназначен особый. К этому близки суждения о специфической русской цивилизации. Было здесь, конечно, и разочарование в европейской модели развития, что в известной мере оправдывало срыв России в революцию, как отмечает К. В. Никифоров. Все послевоенное развитие Восточной Европы (иначе говоря, Восточного блока) в какой-то степени происходило в рамках евроазиатской парадигмы. Отсюда и сила отката, столь ощутимая во время «бархатных» революций. Страны «реального социализма» отказались от союза с евразийским СССР; европейские республики СССР — от союза с евразийской Россией. Отказ от евразийскости в пользу европейского вектора развития (правда, в меньшей степени) ощущался и в самой России. Но и здесь ожидания превзошли результат.

Нынешние евразийские экономические объединения на постсоветском пространстве, продвигаемые Россией, также возникли как аль-

³ По итогам конференции в Институте славяноведения РАН готовится коллективная монография.

тернатива неудавшегося европейского вектора развития. Насколько эта замена, этот поворот на Восток окажутся долговечными, покажет время. Сейчас же, как отмечает К. В. Никифоров, евразийские идеи весьма популярны в центральноазиатских республиках, в частности в Казахстане, где, к примеру, по инициативе Н. Назарбаева появился Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева. Но смысл здесь принципиально иной: *евразийство продвигает центральноазиатские страны в сторону Европы, в то время как Россию — в Азию.*

На евразийство, впрочем, Россия обречена уже в силу своего географического положения. Отсюда и основной посыл дискуссии: от первоначального евразийства — к евроскептицизму и евразийству новому. Хотя одно из другого напрямую не вытекает. «Это всего лишь разные варианты евроразочарования», — полагает ученый.

Но не теорией единой. Вспомним Brexit, триумф Д. Трампа на президентских выборах в США: если бы он избирался в Европе, то был бы, без сомнения, отнесен к евроскептикам, да и на своем нынешнем посту пока что видится таковым. Здесь же рост популярности во Франции Марин Ле Пен и протестных партий в Германии, а также победы социалистов на президентских выборах в Болгарии, Молдавии. Здесь же, кстати, и недавнее открытие памятника Ивану Грозному в Орле: помимо всего прочего, это еще и отрицание русской европеизации. Здесь же... Впрочем, обратимся к корням.

Корни евразийства во многом не только не исследованы, но и сознательно зашифрованы его основоположниками.

«Евразийство — ЕА, хлеб, нефть, соль. Евразийская идеология — нефтяная кредитная установка.

Коммунисты — конкуренты.

Масоны — виноделы.

Монархисты — складовики.

Политическая деятельность — промышленная работа.

СН — Совет нефти (Евразийский Совет)... Евразийцы, точнее, лидеры движения, разработали удивительный шифр для личной переписки», — приводит малоизвестный документ д.и.н. В.И. Косик (ИСЛ РАН).

Казалось бы, этот применяемый в переписке зачинателей евразийства набор слов — не что иное, как игра в конспирацию. Но впечатляет такое изумительное — и невероятно актуальное — предвидение: «нефть»...

Так что такое евразийство в его начальном понимании?

По мнению д.и.н. Е.П. Серапионовой (ИСЛ РАН), это, пожалуй, единственное *новое* идейно-политическое течение, появившееся в среде русских эмигрантов послереволюционной волны. Возникло в начале 1920-х гг. в Софии и довольно быстро распространилось в основном среди молодого эмигрантского поколения — в Праге, Париже, Берлине. Отцы-основатели: кн. Николай Сергеевич Трубецкой, лингвист, философ, публицист, сын ректора Московского университета, опубликовавший в Софии в 1920 г. книгу

«Европа и человечество», где резко критиковал европоцентризм (к этому времени уже зрелому основоположнику едва минуло тридцать); Петр Николаевич Савицкий, географ, экономист, культуролог, философ и поэт, сын уездного предводителя дворянства, члена Госсовета Российской империи, развивший эти идеи с точки зрения геополитики (на пять лет моложе своего единомышленника).

Что подвигло молодую интеллектуальную поросль к подобным раздумьям? Причин немало: война, революция, изгнание, личное восприятие европейской действительности и при этом максималистское осознание российской «особости»... Они вели активную издательскую деятельность, читали лекции. Но учение не обрело организационного устройства, хотя в 1930-е гг. была предпринята попытка создать евразийскую партию. С самого начала идеи евразийцев вызывали резкую критику как справа (Струве, Шультин), так и слева (Милоков, Кизеветтер, Евреинов).

Был ли это конфликт «отцов и детей»? В известной мере. Во всяком случае, критиками евразийства стали представители более зрелого поколения эмигрантов, расценившие вызов молодежи как наступление на традиционные ценности. Как отмечает Е.П. Серапионова, оппоненты считали, что восприятие России как Евразии, «особого географического мира», экономически самодовлеющей величины, как неевропейской страны с сильным азиатским влиянием — все это направлено на отрицание полезности

европейских государственно-политических форм. Критики обращали внимание на вульгаризованное восприятие евразийских идей в эмигрантской среде, сведенное к циничному тезису: «Гнилой Запад — сволочь! Эти мерзавцы нас бросили...». Использование психологии униженных и оскорбленных русских, негодовали оппоненты, дело «скверное и обманное». Вот позиция Шульгина: «Раздраженный и озлобленный беженец ненавидит мир, в котором живет, и не замечает, что “гнилой” Запад, несмотря на все свои недостатки, все еще существует и устоял на своих западных достижениях...».

Мысль, согласитесь, в контексте нынешних европейских событий актуальная. Но применительно к основоположникам евразийства не вполне дальновидная. Учение Савицкого-Трубецкого находит прямое — и сугубо конкретное — воплощение в наши дни.

Эту сторону евразийства исследовал главный экономист Евразийского банка развития (ЕАБР), д.э.н. Я. Д. Лисоволик: «Теория евразийства, согласно которой в основе развития России должно лежать то, что отличает ее от других стран, а именно — география, история, культурные и экономические особенности, внесла важный вклад в формирование идеи трансконтинентальных альянсов и экономического взаимодействия между Европой и Азией. Экономическое наследие евразийцев содержит важные суждения о роли государства и частного сектора в экономике, о моделях экономического развития и возможностях их использования в России... Такого

рода видение сегодня во многом реализуется в создании Экономического Пояса Шелкового Пути (ЭПШП) и сопряжения с ним Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), а также в других евразийских континентальных проектах».

В этой связи можно обратиться к работе Трубецкого «Мысли об автаркии», где он пишет о системе «особых миров» / регионов как основных элементах системы мирового хозяйства. Как отмечает Я. Д. Лисоволик, пророческими стали и рассуждения Савицкого о больших возможностях океанических стран по сравнению с континентальными по созданию своих интеграционных групп. Сегодня это подтверждают проекты создания Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств...

РАЗОЧАРОВАНИЕ ВЕКА

Классики неизбежно претерпевают конфликт с современниками. В кроне классического евразийства появился молодой, набирающий силу побег — евроскептицизм. Причиной тому — разочарование. В чем?

Великий мудрец и мистификатор Збигнев Бжезинский сравнивал мир с большой шахматной доской. Если следовать этой метафоре, то и в историческом дебюте евразийцев, и при нынешнем гамбите евроскептиков ключевые фигуры в шахматной партии, по сути, остались прежними.

Как отмечает д.и.н. Э. Г. Задорожнюк (ИСЛ РАН), страны-лидеры —

и Запада, и Востока — определились по своему весу и качеству противостояния. Для периода 1914–1945 гг. это были Российская империя / СССР, с одной стороны, и романо-германский/германский мир — с другой. В конце XX в., после распада Советского Союза, казалось, что фигуры противостояния с шахматной доски раз и навсегда сметены. Но оно, увы, возобновилось. Определилось *новое* противостояние, по сути, тех же, хотя и трансформировавшихся ключевых фигур: носителей евразийского начала, с одной стороны, и евроатлантического — с другой. При этом выяснилось, что у современных евразийцев в России (точнее — неоевразийцев) есть латентные приверженцы в поясе стран между Балтикой и Адриатикой — *евроскептики*.

По мнению Э.Г. Задорожнюк, евроскептицизм усиливался по мере краха упований на единую Европу, которую толкают к реализации евроатлантического проекта под зонтом США (во всяком случае, так было до выборов нового американского президента). Начала этого процесса просматривались в послевоенном экономическом плане Маршалла, не говоря уже об образовании НАТО. Трансформации в странах ЦЮВЕ после революций конца 1980-х гг. дали новые импульсы развитию евроатлантизма, что совпало по времени с распространением идеи о том, что объединенная Европа приведет свои народы к процветанию. Но «выровнять уровни» Южной Европы со странами Европы Северной и Центральной Евросоюзу так и не удалось. Глобальный кризис 2008 г. лишь усугубил ситуацию.

Следствие очевидно: новая попытка создания единой Европы не удалась, что усиливает настроения евроскептицизма во всех его национальных вариантах и разновидностях⁴.

Кризис 2008 г. считает ключевым моментом и Ф.А. Лукьянов (председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»). Именно тогда произошел поворот от концепции единой универсальной мировой системы, какой она виделась после холодной войны, к идее «спасайся, кто может, каждый за себя».

⁴ О национальных особенностях евроскептицизма, его корнях и разновидностях, а также о прогнозах развития отдельных стран Центральной и Юго-Восточной Европы рассуждали в своих докладах: к.и.н. А.С. *Стыкалин* (ИСЛ РАН). Уроки Трианона и поиски восточного вектора развития в общественной мысли межвоенной Венгрии; к.и.н. *И.М. Мамедов* (член Консультативного совета Международного Института мира, Вена, Австрия). Политика Турции в контексте евроскептицизма; к.и.н. *О.Г. Волотов* (Институт экономики РАН). Венгрия: умеренный евроскептицизм; д.и.н. *Е.Ю. Гуськова* (ИСЛ РАН). Сербские авторы о евроинтеграции: «за» и «против»; к.и.н. *А.В. Гушин* (Российский государственный гуманитарный университет). Восточная Европа между европеизацией и евроскептицизмом; д.и.н. *Л.С. Лыкошина* (ИНИОН РАН). Современный польский национализм; к.и.н. *О.Н. Майорова* (ИСЛ РАН). Внешнеполитическая концепция польской партии Гражданская платформа; к.и.н. *В.В. Волобуев* (ИСЛ РАН). Иоанн Павел II и Ярослав Качиньский о европейском единстве; к.и.н. *А.Б. Едемский* (ИСЛ РАН). Европейский фактор во внешней политике современной Сербии; к.и.н. *И.В. Руднева* (ИСЛ РАН). Европейский вариант развития для стран бывшей Югославии; к.и.н. *Г.Н. Энгельгардт* (ИСЛ РАН). Эволюция политического евроскептицизма в Сербии; к.и.н. *А.А. Пивоваренко* (ИСЛ РАН). Влияние Украины на СМИ балканского региона (2014–2016 гг.).

И в какой-то мере сенсационная победа Трампа — это аналог того, что произошло осенью 2008 г. Между этими событиями был переходный период, когда экономические процессы разворачивались в сторону изменения характера глобализации, а политическая оболочка оставалась прежней. Т.е. если раньше наблюдалась рыночная коррекция, то теперь — политическая, адресованная идеологии универсальной глобализации. «Имитация западной либеральной модели, ставшая модной на европейской периферии, особенно ярко проявилась в ЦЮВЕ и на постсоветском пространстве — имитация того, что ты можешь находиться в западном тренде. Теперь наступает момент, говоря рыночным языком, фиксации прибыли... В политическом плане — это заявка на иное структурирование мира», — полагает Ф. А. Лукьянов.

К.э.н. Л. Г. Абрамов (замдиректора 4-го Европейского департамента МИД РФ) в этом контексте выстраивает парадигму «евроинтеграция — поликризис — уроки для евразийства». По его мнению, процессы европейской и евразийской интеграции начались благодаря сходной мотивации элит стран-основателей — в непростых исторических условиях внешнего давления обеспечить национальному капиталу суверенное и независимое развитие. Что теперь? Евразийская интеграция оказалась на распутье: она нуждается в формировании органичной идеологии и методов, соответствующих объективным условиям и потребностям стран-участниц. В свою очередь, принимаемые Брюсселем решения все в большей мере не со-

ответствуют интересам отдельных стран ЕС. Так что такое «интеграция интеграций»: популистский лозунг или выход из имеющихся противоречий? Ответа, увы, пока нет.

Есть и другой вопрос: неоевразийство — это в принципе иллюзия или реальность? Об этом рассуждает д.и.н. Б. А. Шмелев (Институт экономики РАН), припоминая, что в начале 90-х в России шла широкая дискуссия, главным посылом которой стал тезис: евразийство — чистая архаика, наш путь — на Запад. К концу десятилетия XXI в. стало очевидно: отношения с Западом буксуют. Точки над «i» расставил украинский кризис. Идеология и практика нынешнего евразийства, по мнению Б. А. Шмелева, должны рассматриваться через призму глобализации, которая, как ни парадоксально, развивается через регионализацию: «Примеров тому немало: ЕС, АСЕАН... Но Россия находится здесь в проигрышном положении. Мы должны были создать свой интеграционный проект. И Москва начала разворачиваться к постсоветскому пространству. Но поезд ушел: Россия не может сейчас играть роль системного интегратора. Постсоветские страны нуждаются в новых технологиях — у нас их нет. Им нужен новый менеджмент — у нас его тоже нет... Наконец, у нас нет четкой идеологии самого неоевразийства».

НЕЗАПАД И НЕВОСТОК

А что европейская периферия? Тот самый «восточный блок», который начинал с евразийства «по-со-

ветски», а теперь переживает мучительный приступ пессимизма «по-европейски»? Впрочем, и тут не обойтись без возвращения к корням.

Эпоха политических «европейских разочарований» началась в этих странах намного раньше — одновременно с увлечением евразийством (хотя и недолгим). К.и.н. А.С. Стыкалин (ИСЛ РАН) напомнил в этой связи о реакции венгерского общества на заключение Трианонского мирного договора 1920 г., определившего место страны в новой системе международных отношений.

«Дотрианонская» Венгрия была многонациональной страной, в которой венгры тем не менее составляли половину населения. После Трианона историческая Венгрия лишилась не только части своих территорий, но и многих тысяч граждан титульной национальности. Восторжествовала французская концепция переустройства Центральной Европы, которая исходила из максимального ослабления Венгрии как потенциального союзника Германии. Ставка делалась на страны Малой Антанты. Одна лишь Румыния обрела территории, превышавшие по площади посттрианонскую Венгрию. Был ли неожиданным столь радикальный пересмотр границ? Известно, что венгерская половина Габсбургской монархии была раздираема межнациональными противоречиями, тем не менее масштабы передела границ превзошли все ожидания. Условия Трианонского договора оказались крайне несправедливыми даже той либеральной части венгер-

ского общества, которая критически относилась к политике насильственной мадьяризации, проводимой венгерскими правительствами эпохи дуализма на контролируемых ими землях.

«С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианонского договора имел огромное консолидирующее значение для широкого спектра политических сил (от крайне правых — до умеренно левых), став на два десятилетия важнейшим инструментом достижения национального единства. На Трианон и связанное с ним национальное ущемление легко можно было списать все недостатки системы и злоупотребления властей», — отмечает А.С. Стыкалин.

С точки зрения концепции, которой придерживались премьер-министр граф И. Бетлен и бессменный министр культуры граф К. Клебельсберг, Венгрия оставалась страной западноевропейского культурного ареала: венгры должны утвердить себя как бастион высокой европейской культуры в дунайско-карпатском регионе и доказать свое культурное превосходство над славянскими народами и румынами. Но было и другое течение в венгерской политической мысли, которое возникло еще задолго до Трианона, но заметно усилилось в 20-е гг. Его сторонники говорили о предательстве Запада, предлагали задуматься о принадлежности венгров не только к Западу, но и к Востоку, сосредоточиться на поисках евразийских начал в венгерской культуре. Такая концепция имела историческую основу, ведь венгры пришли в Подунавье в IX в.

из евразийских глубин. В XIX в. интерес к евразийским корням венгерской культуры ставится на научную основу: предпринимаются экспедиции на территорию Российской империи, устанавливаются новые свидетельства глубокого этнического и языкового родства венгров с финно-угорским миром.

«Однако важно подчеркнуть, что понимание восточных традиций явно не сводилось к установлению родства с финно-угорским миром, не породившим никаких великих проектов. Более того, акцент куда охотнее делался на установление родственных связей с тюркским миром, с великими кочевыми цивилизациями Востока», — считает А. С. Стыкалин.

Такие представления развивались не столько в рамках науки (этнографической и лингвистической), сколько в рамках романтической идеологии и публицистики. Примечательна в этой связи фигура востоковеда А. Вамбери, который был известен не только как ученый с мировым именем, но и как агент британской разведки в Центральной Азии. Еще до 1914 г. было создано Туранское общество, объединявшее как интеллектуалов, так и политиков, проявлявших интерес к выявлению традиционных связей Венгрии с Востоком и утверждению восточных внешнеполитических ориентаций. Возглавлял это общество одно время граф П. Телеки (не только крупный ученый-географ, но и один из виднейших политиков эпохи Хорти). В 1920-е гг. наблюдалось оживление этих тенденций, что проявилось и во внешней

политике — в активизации связей с Турцией и Болгарией, которая воспринималась «туранистами» как составная часть не славянского, а тюркского мира и (как и Венгрия) выступала за пересмотр системы границ, установленных по итогам Первой мировой войны. К этому можно добавить, что Будапешт становится одним из центров пантюркистской эмиграции из России. «Туранизм» получал определенную поддержку властей и идеологически обеспечивал некоторые направления внешней политики, направленной на пересмотр Трианонского договора...

Что давало силы евроскептицизму до эры социализма? И стала ли последующая принадлежность к Восточному блоку решающим аргументом в пользу этих настроений? Ответ следует искать в глубине веков.

Как отмечает к.геогр.н. Н. В. Куликова (Институт экономики РАН), ожидания стран, которые ныне именуют европейской «периферией», изначально были иллюзорными, что объясняется *многовековым отставанием*. В 1500 г., если оперировать современными показателями, ВВП на душу населения в Восточной Европе составлял 54 % от уровня на душу населения в Западной Европе. Потом это отставание постоянно нарастало. К 1913 г. ВВП Восточной Европы составлял уже только 42 %. И на этом уровне показатель держался до Второй мировой войны и еще тридцать лет после нее. Потом нарастание разрыва возобновилось. Но настоящая катастрофа произошла в 90-е гг. В 2000-е гг., с приходом иностран-

ного капитала, разрыв опять стал уменьшаться.

«Т.е. объяснять это отставание тем, что страны Восточной Европы после войны пошли по социалистическому пути развития — нонсенс! Примерно на одном уровне отставания от Западной Европы страны Восточной Европы находятся пятьсот лет, независимо от того, по какой модели они развивались», — говорит Н. В. Куликова. Это первое. Второе: что реально дала евроинтеграция? В случае со странами ЦЮВЕ все непросто. Они добились притока иностранных инвестиций. Но получили их в форме скрытой колонизации. Они рассчитывали обрести новые технологии, но транснациональные корпорации разместили там сборочные производства, создали филиалы сто стопроцентным иностранным участием...

Впрочем, отвлечемся от региональных обобщений и вернемся к той географической точке, которая дала прибежище основоположникам евразийства. Речь о Болгарии. К.и.н. Е. Л. Валева (ИСл РАН) обращает внимание на любопытную особенность: болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС (71% в 2016 г.), хотя в последние годы число евроскептиков и сторонников антиевропейских партий явно нарастает. Деление болгар на еврооптимистов и европессимистов напрямую связано с традиционным для болгарского общества разделением на русофилов и русофобов. Если же говорить об электорате, то у значительной его части налицо сочетание позитивного от-

ношения и к Евросоюзу, и к России. Это подтвердили прошедшие в ноябре 2016 г. президентские выборы, на которых победил выдвинутый БСП генерал Румен Радев (59% голосов), заявивший, что «*проевропейская политика не означает антироссийской политики*».

Но не все так просто на исторически взрывоопасных Балканах. «Увлечение евразийскими теориями, достаточно популярное в современной Болгарии из-за удивительной склонности к подчинению ее населения любой внешней организованной силе, в Сербии, как и в большинстве остальных постюгославских государств, почти не фиксируется. К настоящему времени можно говорить об устойчивом отторжении этой идеи в сербской интеллектуальной элите. Попытки российских сторонников евразийской идеи находят некоторый отклик лишь на интеллектуальной периферии», — считает к.и.н. А. Б. Едемский (ИСл РАН). Идеи евразийства не затронули интеллектуалов Югославии в межвоенный период, несмотря на пребывание в регионе российских эмигрантов-евразийцев и покровительство правящей династии Карагеоргиевичей российской эмигрантской мысли. Дихотомия Запад — Восток уже не является доминирующей во взгляде сербов на современный мир. Вместе с тем мистические представления святителя Николая Сербского о неразрывной связи сербов и России, сконцентрированные в словах: «С трех сторон ударили на тебя злые ветры, Сербин, брат // с Севера, Запада и Юга. Остался только Восток, Оттуда мир

душе твоей...», продолжают доминировать в отношении взглядов на Россию. Но эти взгляды так и не трансформировались в единодушное устремление сербов к миру Евразии как единственно спасительной идее. Сербь продолжают воспринимать Россию как дружественную страну, а ее народ — как братский в рамках традиционной многовековой православной общности, борьбы за свободу и независимость против общих угроз и противников. В последнее время это находит отражение в совместных с российской армией военных учениях под названием «Православное братство», а также в участии военнослужащих РС в Параде победы на Красной площади в Москве.

Невосприимчивость в Сербии к традиционному евразийскому учению и современной версии ее российских адептов объясняется многовековой историей борьбы сербского народа за собственную государственность против турецкой угрозы в ее различных инкарнациях. «Османская империя воспринималась именно как евразийская держава — угроза православной идентичности сербского народа. В титовский период к этому восприятию Евразии добавилось и устойчивое отторжение сталинского опыта советской России в результате советско-югославского конфликта 1948 г. Не следует забывать, что и у самого И. Броз Тито имелся определенный опыт проживания в Евразии в 1915–1917 гг., в том числе и на Урале», — отмечает А. Б. Едемский. Вместе с этим европейская перспектива развития Сербии — весьма устойчива и связана, прежде всего,

с двухсотлетней традицией обучения ее научной и государственной элиты в ведущих центрах Европы. К тому же и Россия воспринималась всегда как близкая православная держава, но именно — как страна *европейская*. К настоящему моменту европейский путь Сербии, выбор курса на интеграцию в Евросоюз, сделанный в самом начале XXI в. в условиях однозначного геополитического одиночества и угрозы геоэкономической изоляции, принято считать безальтернативным. Хотя и голос евроскептиков в последнее время звучит более определенно: в Сербии заметен интерес к поиску контрбаланса ярко выраженным в Юго-Восточной Европе тенденциям евро-атлантической интеграции.

Вывод, по мнению ученого, напрашивается парадоксальный: об относительном росте популярности евразийства в Сербии (хотя и с большим допущением) можно рассуждать лишь в связи с геоэкономической активностью Китая в регионе Центральной и Восточной Европы. Прежде всего, в связи с намерением Пекина возродить Шелковый путь в виде транспортной артерии Берлин — Пекин, где Сербия оказывается одним из транзитных пунктов. В Белграде считают, что если совместные усилия Казахстана и России по созданию Евразийского союза предпринимаются для последующего взаимодействия с Евросоюзом на более подходящих условиях для Москвы и Астаны, то не следует проявлять особой активности в этом направлении — целесообразнее продолжать переговорный процесс о вхожде-

нии Сербии в ЕС. Если же идея евразийской интеграции возобладает как единая (пока в ней присутствуют несколько группировок), то будущее доминирование Китая в этом процессе неизбежно. И в этом случае спешить также нет необходимости, т. к. сотрудничество с Пекином Белград пока достаточно уверенно развивает в рамках проекта Шелкового пути и активизации китайских инвестиций в транспортную инфраструктуру Сербии.

Как отмечает д.и.н. Е. Ю. Гуськова (ИСл РАН), общественное мнение в отношении ЕС в Сербии меняется постоянно. Начиная с 2009 г. количество еврооптимистов падает, а евроскептиков — растет. Отношение к ЕС прошло несколько фаз: *евроэнтузиазм* (2008 — ноябрь 2009) — *еврооптимизм* (до августа 2011) — *мягкий еврооптимизм* (конец 2011 — 2012) — *евроскептицизм* (с 2013).

Е. Ю. Гуськова приводит данные Канцелярии по европейским интеграциям, осуществляющей регулярный мониторинг общественного мнения в Сербии. В октябре 2009 г. «за» ЕС выступали 64 % опрошенных, «против» — 14 %. В сентябре 2011 г. — 46 % и 37 % соответственно. (Для сравнения: в сентябре 2002 г. почти 70 % населения страны одобряли вступление в ЕС, против были только 12 %.) В 2012 г. число сторонников членства в ЕС составило 48 %, противников — 36 %. Самое большое число евроскептиков проживает в Белграде, среди них преобладают те, кто родился между 1982 и 1992 г.

Апрельский опрос общественного мнения 2015 г. показал, что 80,6 %

Сербии не хотели бы видеть свою страну в НАТО. Приоритет отношений с ЕС над отношениями с Россией поддерживали только 13,6 % населения. А количество тех, кто хотел бы видеть Сербию в ЕС, снизился до 42,3 %. По данным опроса лета 2016 г., 44,5 % поддерживали вступление в ЕС, а 43 % — нет. Против членства в НАТО выступали 83,7 %; за союз с Россией — 71,5 %.

«Евроскептицизм возник и сформировался в Сербии после свержения режима С. Милошевича (5 октября 2000 г.) — из-за усталости общества от бесконечности процесса евроинтеграции, постоянного выдвигания Брюсселем все новых условий: от выдачи практически всего руководства Югославии, краинских и боснийских сербов — до ползучего признания отделения Косова. Главной причиной нарастания евроскептических настроений в Сербии стало очевидное отсутствие осязаемой перспективы реального членства страны в Евросоюзе», — считает к.и.н. Г. Н. Энгельгардт (ИСл РАН). Парадокс современной сербской политики состоит в том, что евроскептические или антиеэсовские настроения, носящие фундаментальный характер, не имеют адекватного политического представительства в парламенте страны. Очередным проявлением этого парадокса стали парламентские выборы 2016 г., на которых в Скупщину прошел блок «евроскептический» блок Демократической партии Сербии и движения «Двери», но сторонники премьера Сербии А. Вучича вызвали внутренний кризис в ДПС, приведший к смене руководства партии и развалу партийной

фракции. Тем не менее, полагает Г.Н. Энгельгардт, социальный запрос на евроскептицизм в Сербии остается, и нет никаких причин, чтобы он не проявился и на следующих парламентских выборах.

«Накопленный опыт вступления в ЕС или ожидание приглашения в него показывает, что в системе европейских координат странам бывшей Югославии отведено традиционное место “задворок Европы”, которые не нужно серьезно развивать и поддерживать экономически, но при этом они обязаны четко следовать в фарватере тех программ, которые для них разработаны. Неудобные режимы различными способами отстраняются от власти, а полезные поддерживаются и щедро финансируются. Ни о какой экономической или политической самостоятельности речи не идет. В критические же моменты регион фактически берет на себя защитные функции, отфильтровывая все негативное, что не должно проникнуть в ЕС», — комментирует ситуацию к.и.н. И.В. Руднева (ИСЛ РАН).

Как меняется — и меняется ли — ситуация к северу от традиционно беспокойных Балкан? К.и.н. О.Н. Майорова (ИСЛ РАН) прослеживает эту динамику в контексте внешнеполитической концепции польской партии Гражданская платформа, находившей у власти в 2007–2015 гг. Премьер Д. Туск подчеркивал, что именно Евросоюз и НАТО считаются важнейшей сферой заинтересованности польской внешней политики, но при этом необходимо искать оптимальный баланс между

национальными интересами и потребностями европейской интеграции. Акцентирование Туском европейского вектора внешней политики Польши вполне закономерно, считает О.Н. Майорова. Большинство поляков (65%), несмотря на экономический кризис, положительно оценивали пребывание страны в ЕС. При этом Гражданская платформа высказывалась за «диалог с Россией, такой, какая она есть». Отношения были осложнены в связи с известной авиакатастрофой 2010 г., а также событиями на Украине в 2014 г. Для Польши было важно всеми силами оттянуть Украину от России и помочь ей идти по западному пути развития. Именно поляки были инициаторами программы об ассоциации восточноевропейских стран с ЕС — Восточного партнерства, ставшего одним из ключевых направлений внешней политики страны. Что касается политики в Центральной и Восточной Европе, то здесь Польша претендует на роль регионального лидера. Между тем, отмечает О.Н. Майорова, приход к власти в 2015 г. право-консервативной партии Право и справедливость (ПиС) означает отказ польского общества от проводившегося с 2007 г. внешнеполитического курса, направленного на европейскую интеграцию, на поиск компромисса с Россией и Германией.

К.и.н. В.В. Волобуев (ИСЛ РАН) акцентирует внимание на различиях во взглядах на европейскую интеграцию между политиками Евросоюза и римским папой Иоанном Павлом II. Автор показывает, насколько большое внимание понтифик уделял духовной (христианской) со-

ставляющей европейского единства и как относился к иным, нехристианским, течениям в европейской действительности. «Лидер правящей в Польше партии Право и Справедливость Ярослав Качиньский использует воззрения римского первосвященника в политической практике, из чего вырастает его конфликт с Евросоюзом», — констатирует В.В. Волобуев. При этом концепция партии в области европейской интеграции не является евроскептической, а лишь отличной от той, что господствует в данный момент.

К общественным настроениям и политической практике стран Центральной и Юго-Восточной Европы чутко прислушиваются в Киеве. На основе материалов МИД Украины к.и.н. А.А. Пивоваренко (ИСл РАН) провел любопытное исследование. В период с 1 января 2014 по 30 октября 2016 г. во внешнеполитическом ведомстве было классифицировано 1239 публикаций, тематически связанных с 11 странами. Из них 273 посвящены Балканам и Юго-Восточной Европе. Страны региона вполне весомо присутствуют в информационной работе МИД Украины наряду с центральноевропейским («вишеградским»), турецким, итальянским, испанским, канадским, иранским, азербайджанским, пакистанским

направлениями. В 2014 г. региону были посвящены 116 из 696 публикаций (17%), в 2015 г. — 69 из 305 (23%), в 2016 г. — 88 из 248 (35%). Проведенный А.А. Пивоваренко анализ некоторых публикаций и их стилистической направленности дает основания говорить о наличии индивидуального подхода к каждой из стран: «В условиях конфликта с Россией Юго-Восточная Европа становится важным приоритетом в информационной работе украинского МИД, что подразумевает ограничение роли Москвы и создание конкуренции в интеграционном аспекте».

...Что же такое евразийство в XXI в.? Евразия минус Европа? Евразия во главе с экономически окрепшим Китаем? Какое место в евразийском процессе отведено России? Наконец, станет ли евразийство, взгляд на Восток, тем инструментом, который следующие поколения будут рассматривать как конструктивный вариант? Ответ найти непросто. Но есть уверенность, что если на фоне распадающегося европроекта Россия все же продемонстрирует способность предложить некие новые и привлекательные идеи, то перспективы евразийства обретут новую силу. Какие это могут быть идеи? Столетняя дискуссия продолжается.

EURASIANISM: YESTERDAY, TODAY... IS THERE A TOMORROW? CONCLUSIONS OF THE CONFERENCE AT THE INSTITUTE FOR SLAVONIC STUDIES, RAS

Key words: Eurasianism, euroscepticism, eurooptimism.

In the review of the reports of the scientific conference «Eurasianism – Euroscepticism – Eurasianism: variants of disappointments in the European way of development» at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, conducted within the framework of the project «Eurasianism in political projects of Central and South-Eastern Europe of the 20th century», the specificity of ideological and political trends is analyzed Eurasianism and neo-Eurasianism in their correlation with the setting for Euroscepticism. They appear as a criticism of the lack of alternative to the Euro-Atlantic development path of the countries of the continent and, first of all, of the states of Central and South-Eastern Europe.

«ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПРОЕКТОВ ПРОШЛО...»

Интервью с В. А. Козловым

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Почему вы решили стать историком?

В. К. Вообще-то я и не собирался. Готовился поступать на философский факультет МГУ, принимал участие в олимпиадах по обществоведению и даже занимал на них какие-то призовые места. А после того как однажды получил пятерку с плюсом за сочинение «Проблема войны в романе Толстого “Война и мир”», я почти поверил, что философия мой удел. Тем более что для написания сочинения мне, девятикласснику, удалось одолеть несколько статей из тогдашнего «Философского словаря». И при этом ни разу не зевнуть. (Смеется.) Можно сказать, что к скуке марксистско-ленинской философии я был почти готов. Но меня постоянно кидало в раз-

ные стороны. Я, например, участвовал в телевизионных олимпиадах по истории. Их итоги подводили в прямом эфире в студии на Шаболовке. Меня пригласили на передачу. Показали по телевизору. Я стал школьной знаменитостью. Немного обиделся, что не получил первого места. Только спустя несколько лет, уже в университете, понял, что и не мог получить. Председателем жюри был профессор с истфака. А первое место получил сын его коллеги — доцента. И профессор, и доцент работали на одной кафедре. Так что с блатом как явлением я столкнулся достаточно рано. Хотя, на мое счастье, я, юноша из Замоскворечья, о существовании этой могущественной социальной силы тогда только догадывался. Ведь это очень грустно — разочароваться в справедливости жизненных устоев в 15 лет.

Пробовал я себя и на других поприщах. Какое-то время собирался поступать в Литинститут, готовился к творческому конкурсу. Писал стихи.

© Историческая Экспертиза, 2017

Козлов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, специалист по социально-политической истории России XX века, исторической конфликтологии и истории культуры (Москва); vovil290950@yandex.ru

Так себе, обычные. Я старался подражать Маяковскому. Даже читал его однажды на школьном вечере. Но на всю жизнь полюбил совсем другого поэта — «тихого лирика» Владимира Соколова. Одно из его стихотворений (оно написано в тот год, когда я окончил школу — в 1967, а прочитал и запомнил его я уже в университете) стало для меня символом трепетного и ностальгического отношения историка к прошлому. Хотя это стихотворение было совсем о другом.

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной... Должен быть сад
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть густые сирени —
Султаны, туманы, гудки,
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во тьме.

В 9 классе я уговорил своего одноклассника Лешку Сергеева, сына известного «баса» из ансамбля имени Александрова, записаться в юношеский зал Исторической библиотеки. Он тогда помещался над историческим музеем. А вход был со стороны Александровского сада. Мы попытались собирать материал для романа о закате Римской империи. Не удивляйтесь. Мне теперь и самому странно. Лешка отвалился сразу. Я продержался на две недели дольше. Но в читалку ходить и заказывать там книги с серьезными названиями не перестал. Вскоре я узнал, что в Литинститут прини-

мают только с двухлетним стажем работы. Значит, после армии? Идея Литинститута была сначала отложена в долгий ящик, а потом и вовсе забыта. Кроме того, мои родители весьма преуспели, доказывая мне, что писатель — это не профессия для молодого человека. И были совершенно правы.

Мечтал я и о журналистике. Один раз напечатался в «Комсомольской правде». В то время это было вполне приличное издание. Была у них специальная рубрика для школьников. На целую полосу. «Алый парус» называлась. Вместе с Лешей Королевым, вот он-то как раз писал хорошие стихи, мы без разрешения школьной администрации выпустили и рано утром вывесили в классе газету «Бурелом». Газета была заполнена критикой наших соучениц за склонность к сплетням. На отдельной «полосе» были наклеены мои и Лешины стихи. Директор школы Марья Ивановна, сухошавая строгая дама, курившая папиросы «Беломорканал» и произносившая слово «алиби» как «алибЭ», потребовала наш «самиздат» снять, оставив только стихи. Но мы, гордые, на это не согласились. Убрали все. История разлетелась по школе. Одна из соучениц (Маша, это я про тебя говорю), которая была одним классом младше, недавно назвала меня, почти без иронии, «школьным диссидентом». К счастью для меня, но плохо для моей автобиографии, которой и так не достает ярких эпизодов и суровых испытаний, это было совсем не так. От остатков своей советской благопристойности я избавился только в 1990-е годы. Скажу честно. Она, эта советская благо-

пристойность, не мешала мне жить. Скорее помогала. Уж извините!

С. Э. Но как же вы все-таки поступили на истфак? Случайно?

В. К. Знаете, я бы ответил Вам с непозволительной и нахальной гордостью. Случайно в МГУ на истфак, где конкурс был 11 человек на место, да еще и без блата, не поступали. На философском факультете главным предметом на вступительных экзаменах тоже была история. В 9-м и 10-м классах я готовился по истории очень серьезно. Ходил на лекции для абитуриентов в МГУ, их проводили в здании нынешнего журфака на Моховой, и добросовестно эти лекции конспектировал. Потом к экзаменам по этим конспектам готовился. Моего юношеского энтузиазма хватило даже на то, чтобы законспектировать первый том многотомной истории СССР, которая начала выходить году в 1966-м и, кажется, так и не была закончена. Читать эту академическую историю было невыносимо скучно, но я по простоте душевной полагал, что все дело не в качестве текста, а во мне, в моей необразованности. Одним словом, я готовился к поступлению в институт очень серьезно.

А главное дала мне школа. В 1967 году я окончил специализированную школу № 14 с преподаванием ряда предметов на английском языке. Сейчас это гимназия 1257. Попал я туда по случаю. Школа, помимо обычного в таких случаях блатного набора, обязана была выполнить квоту по приему детей из окрестных домов. Тогда здание школы располагалось еще в Стремянном переулке.

А мы жили прямо в школьном дворе. Я успешно прошел собеседование, ответив на вопрос: «Чем отличается озеро от пруда?» Недавно предложил этот тест своим внукам. Они тоже справились. Отвечая на вопрос, я задумался. А в детстве я умел задумываться с очень умным видом. Кто-то из приемной комиссии то ли с удивлением, то ли с восторгом тихо произнес: «Смотрите, думает!» Спецшкола № 14 была настоящим раем для будущих гуманитариев. Самое удивительное, что моему поколению учеников, а мы были первым выпуском, набранным сразу в пятый класс, в отличие от следующих, действительно досталось кое-какое «преподавание ряда предметов на английском языке». Это были уроки английской литературы и, кажется, этикета. А кроме того, из нас готовили гидов по московскому Кремлю на английском языке...

А с поступлением на истфак вместо философского получилась такая история. Летом 1967 года я подал документы в приемную комиссию философского факультета. Тогда же узнал, что на курс собирались принять только 25 «школьников», то есть выпускников этого или прошлого года. Остальные должны были иметь двухлетний рабочий стаж. Для них и конкурс проводился особый. А из школьников преимущество имели медалисты. Сдав на «пятерку» один основной экзамен, историю СССР, они других экзаменов не сдавали и поступали автоматически. Моя мама узнала, что документы подали уже 45 медалистов. У них все преимущества. А у меня только бумажки об участии в олимпиадах и неплохой английский. А его-то

на философском факультете не сдавали. Зато сдавали на истфаке. Вот родители и посоветовали мне поступать на исторический факультет. И я их послушал. Оба факультета располагались тогда в центре, на проспекте Маркса (теперь Моховая), прямо напротив Манежа. Я забрал документы у философов, пересек двор и... вступил в новую жизнь.

С.Э. Как прошли вступительные экзамены? Без приключений?

В.К. На вступительных экзаменах я набрал 18 баллов из 20, то есть получил 2 пятерки и две четверки. Это был проходной балл. Самое обидное, что по истории я получил «хорошо», несмотря на всю свою усиленную подготовку. Если с вопросом о восстании Болотникова мне удалось справиться на «отлично», то с «Апрельскими тезисами» Ленина «что-то пошло не так». Экзамены принимали замечательная Ия Леонидовна Маяк с кафедры истории Древнего Рима и Греции и какой-то доцент с кафедры истории КПСС. Вот он-то и «срезал» меня вопросом: «Как понимать ленинский тезис “Не парламентская республика, а республика Советов снизу доверху”?» Мои объяснения его не удовлетворили. Очевидно, он относился к той категории преподавателей, которые знали только один единственный правильный ответ на любой вопрос. А абитуриентские «вариации» рассматривали как «шаг влево» и немедленно карали снижением оценки. Последний экзамен был по английскому языку. Я что-то напутал в грамматике. Экзаменаторы честно сказали мне, что ставят «четверку». Это означало, что у меня будет «полупро-

ходной балл», а значит — без блата мне ничего не светит. Так наступил самый, пожалуй, важный момент на моем «пути в историки». Я начал возражать и не соглашаться, считать баллы и объяснять, что меня «четверка» никак не устраивает. Позвали старшего экзаменатора. Он вывел меня в коридор покурить. Я кратко рассказал о своей проблеме... Чтобы было понятно дальнейшее, я должен пояснить. Все эти получасовые дискуссии я вел на беглом и, наверное, неплохом английском языке. В итоге я победил. Старший экзаменатор, а он оказался заведующим кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов МГУ, сказал (уже по-русски): «Хорошо. Получишь свою “пятерку”». Но, поскольку на занятиях по английскому ты явно будешь бездельничать, пойдешь во французскую группу». Так мне повезло выучить еще один иностранный язык...

Не могу сказать, что в университете я любил учиться и исправно посещал занятия. Но мне нравилось готовить курсовые работы и доклады. А самым любимым делом, кроме, разумеется, свиданий с девушками и встреч с друзьями, была подготовка этих докладов и курсовых работ в общем читальном зале Исторической библиотеки в Старосадском переулке. Немало времени я проводил в курилке библиотеки, где начинающие историки с увлечением пересказывали прочитанное. Темы некоторых докладов и курсовых помню до сих пор: происхождение этрусков, «Книга о скудости и богатстве» Ивана Посошкова, планы дворцового переворота в 1917 году. Нечего говорить, что учили нас основательно. Даже если мы этому сопротивлялись

и ленились. Французский язык я выучил только благодаря бесконечным гонениям, которым подвергала меня за мою леность упорная пожилая преподавательница, которую вся наша 11 французская группа запомнила как «бабу Дуню».

С.Э. Известно, что очень немногим выпускникам исторических факультетов, а вернее говоря, вообще единицам, удается легко ступить на стезю профессионального историка. Даже после аспирантуры. Расскажите о начале своей научной карьеры.

В.К. Конечно, далеко не все мои однокурсники стали профессиональными историками. Жизнь проделывала с ними самые невероятные трюки. Я только недавно узнал, что с нами учились по меньшей мере четыре будущих офицера КГБ. Один из них, в свое время он пытался ухаживать за моей будущей женой, даже дослужился до генерала. Кто-то из однокашников покончил с собой, кто-то пошел работать в школу, а кто-то стал милицейским полковником... Считаю, что мне очень повезло. Я окончил кафедру источниковедения истории СССР истфака МГУ в 1972 году. Руководил этой кафедрой умнейший Иван Дмитриевич Ковальченко, будущий академик. Тема моей дипломной работы звучала вполне скучно, но солидно: «Фонды казенных палат как исторический источник». А тут как раз Президиум Академии наук выделил молодым специалистам четыре ставки в Институте истории СССР. Теперь это Институт российской истории РАН. Я оказался в числе счастливых. Дело в том, что моим научным руководителем в университете

был Валерий Иванович Бовыкин, в то время еще и заместитель директора Института истории СССР. Благодаря его протекции я и получил эту редчайшую возможность. Бовыкин был довольно противоречивой и неоднозначной личностью. О нем много разного можно было услышать. И до сих пор его поругивают некоторые старые историки за участие в травле так называемого «нового направления» в историографии. Бовыкина я запомнил как остроумного человека, хотя и склонного к шуткам на грани фола. Однажды я пожаловался ему, что мне отдавило палец на ступне тяжелой балкой. «А зачем историку нога?» — мрачно заметил Бовыкин.

Я не могу назвать Валерия Ивановича своим учителем. У меня по большому счету вообще не было учителей. Но я с пиететом смотрел на одного замечательного историка — Константина Николаевича Тарновского. Мне всегда хотелось писать, как он. Его книга по историографии российского империализма вышла в свет в 1964 году. На третьем курсе я прочитал ее от корки до корки, и она произвела на меня огромное впечатление. Книжка была блестяще написана. Попросту говоря, ее можно было читать даже за обедом. Так хорошо почти никто из специалистов по российской и тем более советской истории в то время писать просто не мог. Тарновский использовал в своей работе интервью выживших участников старых дискуссий 20–30-х годов. Тогда это было внове. И этого, как мне кажется, никто не делал. С моим университетским научным руководителем Бовыкиным Тарновский

был когда-то соавтором. Они вместе издавали и комментировали второй том дневников С. Витте¹. Потом их пути кардинально разошлись. Валерий Иванович выбрал карьеру. А Константин Николаевич сохранил верность идеям той новой историографии, которая возникла во времена оттепели. За это и поплатился. Ему очень долго не давали защитить докторскую. Мстили, в том числе и за талант.

Лично с Тарновским я познакомился уже во второй половине 1980-х. Незадолго до своей смерти он написал для издательства «Мысль» добрую внутреннюю рецензию на нашу книгу «Русское крестьянство: этапы духовного освобождения» (она была написана в соавторстве с П.С. Кабытовым и Б.Г. Литваком). Это была довольно наивная книга, во всяком случае мои «советские» главы. Но Константину Николаевичу, наверное, понравилось то, что читать их можно было хотя бы без скуки. И вообще он был понимающим историографом. Что касается моих отношений с В.И. Бовыкиным, то мне нравилось учиться у него. Во-первых, потому что в мою работу он не вмешивался и, в общем-то, ничему специально не учил. А во-вторых, он не был скуп на похвалу. Помню, как на четвертом курсе за курсовую работу он мне поставил «пятерку» только потому, что я представил удачный план будущего диплома. Валерий Иванович всегда мотивировал своих студентов и продвигал их.

¹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.: Соцэксгиз, 1960. Т. 2. (1894 – окт. 1905). Царствование Николая II / коммент. канд. ист. наук В.И. Бовыкина и К.Н. Тарновского, 1960.

С.Э. Насколько мне известно, Вы всю жизнь занимались советской историей? А теперь оказывается, что в университете готовили себя совсем к другому поприщу и писали дипломную работу по дооктябрьскому периоду. Как же это получилось?

В.К. Когда я пришел в институт оформляться на работу по распределению, оказалось, что Бовыкин в это время был в больших «контрах» с директором института Павлом Васильевичем Волобуевым, попавшим в немилость у партийных верхов, а точнее у заведующего отделом науки С.П. Трапезникова. Нелзя сказать, что Волобуев сильно сопротивлялся «закручиванию гаек» на рубеже 1960–1970-х годов. Скорее он был удобным для партийных идеологов объектом этого «закручивания». Бовыкин, видимо, вовремя понял, куда дует ветер, и «правильно» сориентировался. Я-то ничего этого не знал и не понимал. А Павел Васильевич, возможно, «в пику» Валерию Ивановичу отправил меня вместо сектора империализма в сектор истории советской культуры, где как раз была свободная вакансия. Это решение вызвало у меня глубочайшее отвращение. Само слово «советский» в качестве темы исследования ассоциировалось у меня списанием всякой ерунды. Хуже этого была только история КПСС...

Руководил сектором истории советской культуры член-корреспондент АН СССР (впоследствии академик) добрейший Максим Павлович Ким. Звание члена-корреспондента он получил, будучи автором двух компилятивных монографий: «Коммунисти-

ческая партия — организатор культурной революции в СССР» (1955) и «40 лет советской культуры». Позднее он создал и возглавил сектор истории советской культуры. Максим Павлович, кажется, не очень хотел брать в свой сектор «ставленника» Бовыкина, к тому же еще и непрофильного «империалиста». Когда он понял, что я тоже не рвусь к нему на работу, то снял трубку и позвонил Волобуеву: «Павел Васильевич! Вот у меня тут товарищ Козлов. Он не хочет идти в мой сектор!» И, обращая ко мне, продолжил: «Волобуев просит Вас зайти к нему». Павел Васильевич быстро положил конец дискуссии. Как говорится, других вакансий у меня для вас нет. И закончил нашу встречу так: «Вы меня еще будете благодарить», — и оказался прав.

Вначале я выбрал «советскую» тему, которая на тот момент мне очень понравилась: «Развитие средств массовой информации и пропаганды в СССР в 1960–1970-е годы». Увлёкся историей телевидения, ездил в Останкино и занимался там в архиве научно-методического кабинета. Приятно было спускаться в кафе и, сидя с чашечкой кофе, смотреть на знакомые по телеэкрану лица. Но вскоре наступило разочарование. Я подготовил анкету для сбора информации о работе провинциальных газет. А ученый секретарь института Таисия Васильевна Осипова согласилась разослать ее от имени института по редакциям. Несколько редакторов нам ответили. Потом кто-то доложил (заложил!) в ЦК КПСС. Таисия Васильевна получила нагоняй. А я зарекся обращаться к подобным темам. Хотелось заняться чем-то бо-

лее приемлемым. А для молодых историков моего поколения это был овеванный романтическим ореолом период нэпа, который мы воспринимали как послереволюционную оттепель в политике и культуре.

Попутно увлекся применением математических методов в исторических исследованиях. Мои университетские друзья и однокашники Василий Обожди и Виктор Пушков — первый в университете у Ковальченко, второй, ученик Л.В. Милова, в Институте истории СССР, как раз занимались статистическим анализом бюджетных обследований крестьянских хозяйств 20-х годов. Наша первая совместная статья называлась «Опыт изучения особенностей культурного развития советского доколхозного крестьянства. (По данным бюджетных обследований крестьянских хозяйств 20-х гг.)». Она вышла в журнале «История СССР» (теперь он называется «Отечественная история») и через пару лет была переведена и опубликована в американском реферативном журнале «Soviet Studies in History» (New York, 1980, v. 18, n. 4). Это было, конечно, лестно. А кроме того, мы с соавторами получили маленький гонорар в валюте и впервые в жизни попали в закрытый советский валютный магазин «Березка». Не могу сказать, что выбор товаров на витрине сильно меня потряс. Я догадался, что даже для покупок в валютном магазине нужны особые «связи», которых у меня никогда не было.

Из статьи трех авторов выросла новая тема моей диссертации, а затем и первой книги: «Культурная революция и крестьянство. По материалам губерний Европейской части РСФСР.

1921–1927 гг.». Но сначала надо было соблюсти важные формальности. Официально утвердить новую тему после двух лет работы по старой. Мой научный руководитель, заботливый Владимир Тихонович Ермаков, возражал, призывая к прагматизму: «Сначала закончи старую тему, защити диссертацию, а потом занимайся своим нэпом». Но потом согласился. Помню, как активно поддерживал меня Альберт Павлович Ненароков, бывший в то время ученым секретарем нашего сектора. С пониманием отнесся к моим творческим зигзагам и М.П. Ким. Их поддержка была очень важна для меня. Очень многие, включая родителей, говорили: «С ума сошел. Где это видано, потерять два года в самом начале карьеры?» С некоторым скрипом изменение темы прошло через ученый совет.

Так я тихой сапой сбежал от актуального «развитого социализма» в сомнительные 20-е годы. Постепенно данные бюджетных обследований крестьянских хозяйств начали обрастать интереснейшими нарративными материалами. От того времени осталось много печатных источников. До сих пор помню отличную работу Я. Шафира «Язык красноармейца». Замечательная брошюра. Ее было очень легко и весело читать. Книжка заставляла задуматься о том, как простые люди эпохи Гражданской войны и начала нэпа понимали и воспринимали пропагандистские тексты. Оказалось, что они их практически и не понимали. Но воспринимали «правильно»! Полагаясь на свое «классовое чувство». Это, конечно, шутка. На самом деле не все, что я тогда понял и почувствовал, пропустил

мой внутренний цензор. Книжка моя принадлежит своей эпохе. Я это прекрасно понимаю, я даже вижу свою главную методологическую ошибку. Она состояла совсем не в том, что я покорно слушал внутреннего цензора. Хотя и это было. Главный дефект своей работы я определяю как «презумпцию сознательности». По умолчанию крестьяне в моей книге были разделены на «сознательных» и «несознательных». Я даже не пытался интерпретировать содержание этих концептов, находясь внутри некой априорной идеологической схемы.

С.Э. Вы изучали советский период в советское время. Историк, тогда занимавшийся этой эпохой, в своих публикациях не мог рассказать даже половину того, что он читал в архивах. С моральной точки зрения это, видимо, было нелегко. Как советские историки обменивались такой информацией? Были ли доверительные беседы?

В.К. Вы знаете, моя первая книга «Культурная революция и крестьянство» была написана без внутреннего напряжения. В ней я не написал ничего такого, что считал бы неправдой. В конце концов, если крестьяне плохо относятся к пушкинской поэме «Цыганы», потому что не любят цыган, то этот факт идеологически не «нагружен». Я страдал «советской» болезнью. Но она была довольно органичной. Она была частью моего мировосприятия. Мне не нравились старые начальники, косноязычные партийные боссы. Я был чуть-чуть оппозиционным мальчиком. В школе меня помнят именно таким... Но было огромным

удовольствием анализировать грамотность, демографию по переписям населения 1920 и 1926 годов. В этом было мало политики. А что касается запретной информации в архивах, то нас к ней не очень-то и подпускали. Многие архивные фонды были недоступны для исследования — полностью или частично. Те, кому в годы оттепели повезло покопаться в этих архивах, иногда рассказывали, что помнили, в личных беседах. Но даже эти «разговоры запросто» были вполне советскими. Дальше критики культа личности Сталина они не заходили. Гораздо больше можно было узнать из запрещенных книг и зарубежных исследований, переведенных и выпущенных для «служебного пользования».

Накануне перестройки, в конце моей работы в Институте истории я впервые пошел в Центральный партийный архив, чтобы изучать настроения рабочих 1920-х годов, их отношение к труду и власти. Для этого мне пришлось оформить «секретный допуск по форме №3». В ЦПА я столкнулся с тем, что вызвало у меня глубочайшее отвращение. Ты заводил тетрадь, в которую записывал интересующие тебя данные, потом сдавал ее на просмотр. Тетрадка прошивалась, ставился штамп, чтобы ты, не дай Бог, не вырвал листик и не унес с собой без проверки. Например, у меня записано: «Рабочий сказал, что Сталин “тот еще гад”, да и Троцкий — “не лучше”». В архиве долго допрашивали, зачем мне понадобились негативные высказывания рабочих о советской власти. И все отрицательные отзывы, которые я записал, искромсали ножницами...

Но давайте вернемся к вашему вопросу о моральной тяжести «непроизносимого» знания о советской эпохе. Лично мне ничто не мешало наслаждаться богатейшей исторической фактурой — источниками о настроениях, политическом и электоральном поведении, читательских интересах, семейных представлениях людей. Я читал наивные, иногда озлобленные письма в «Крестьянскую газету», с помощью корреляционного анализа выявлял особенности организации хозяйственных бюджетов грамотных и неграмотных сельских жителей. Я не все понимал и мог объяснить, но, купаясь поистине в платоновской стихии народной жизни, я ничего не придумывал и не подгонял свои выводы под актуальный идеологический заказ. Наверное, за это и удостоился слабой похвалы даже западных историков. Один из рецензентов, кажется, это была известная ныне исследовательница Лин Виола, поругав меня за идеологическую зашоренность, назвала главу о динамике читательских интересов крестьян «очаровательной» (charming). А критика была, как я теперь понимаю, совершенно справедливой. И возразить мне теперь против нее совершенно нечего. Другое дело, когда один современный историк, начинавший научную карьеру в 1970-е годы с критики «либерально-буржуазной идеологии» и «легального марксизма», «сменивший вехи», как и я, в 1990-е годы, сегодня вдруг принялся критиковать мою давнюю книгу, как будто я ее написал только вчера и как будто за прошедшие тридцать лет только он один и поумнел.

Интерес к простонародному сознанию, которое в исторической перспективе выглядит гораздо симпатичней, чем когда оно плотно окружает тебя самого, я сохранил надолго. Специально разыскивал в забытых публикациях и в архивах записи высказываний, подобных тем, что собраны в книге С. Федорченко «Народ на войне». Уже в 1990-х я опубликовал в альманахе «Неизвестная Россия. XX век», который сам же и редактировал, подборку школьных сочинений 20-х годов. Эту публикацию мы подготовили совместно с моей сестрой Еленой Семеновой. Она тоже историк, хотя сейчас работает на телеканале «Культура». Хорошо помню сочинение одного деревенского школьника. Он описал, как они с бабушкой подвозили какого-то матроса до родной деревни. Когда проезжали маковое поле, матрос соскочил с телеги и стал срывать созревшие коробочки. Бабушка заметила, что поле-то все-таки чужое. «Я давно не ел маку!» — твердо ответил на это матрос. Вопрос был исчерпан. А бабушка потом сказала: «Коммунизма никогда не будет. Потому что народ очень нечестный!» С тех пор мы с женой, услышав разные неуместные самооправдания, в один голос повторяем: «“Я давно не ел маку”, — сказал матрос».

Тогда же, в начале 1990-х, мы с Ириной Сергеевной Давидян подготовили публикацию «Частные письма эпохи Гражданской войны». Это были цитаты из солдатских писем, содержащиеся в отчетах военной цензуры. Удивительно, но эти обзоры для большевиков порой подписывали те же люди, которые занимались перлюстрацией писем еще

при царе. Именно тогда я впервые задумался о механизмах бюрократической преемственности в истории нашей страны. Наверное, есть более наглядные примеры того, как русская бюрократия трансформировала большевизм, передавая ему свои навыки управления и организации власти. Но лично я как историк почувствовал это поразительное явление, сравнивая подписи военного цензора. За ними стоял рухнувший в одночасье мир какого-то бывшего офицера, его приспособление к новой жизни, скрытое в неизвестной мне человеческой судьбе. Как историку мне всегда хотелось понять механику этого приспособления. Действительно ли приспособляет людей к своим требованиям, или люди меняют мир, не давая ему трансформироваться быстрее своих привычек и заблуждений?

Замечу попутно, что источники, подобные цензорским сводкам, донесениям ВЧК-ОГПУ-НКВД о «реагировании» населения на те или иные события, «письмам во власть» и т. п., опубликованные к настоящему времени в достаточно большом количестве, историки, как мне кажется, до сих пор анализировать и использовать не научились. Из огромного материала они обычно выбирают довольно случайные примеры, в лучшем случае относятся к ним (этим примерам) как к казусам (case study) в строго научном смысле этого слова. Никто даже не пытается рассматривать эту «генеральную совокупность» высказываний как некий гипертекст, в котором эпоха воплощает себя и говорит о себе. Каждый фрагмент этого гипертекста множеством нитей связан с дру-

гими фрагментами и смыслами. Подобно гиперссылкам в современном электронном тексте, высказывания людей, зафиксированные в массовых источниках, о настроениях, взглядах, оценках и «реагированиях», отсылают нас к другим смыслам и текстам, создавая семантический каркас для понимания времени.

Сказать это легче, чем воплотить в конкретно-историческом исследовании. Однако некоторые историки и лингвисты уже пытаются реконструировать отдельные фрагменты этого семантического каркаса, обращаясь, например, к феномену «тоталитарного языка»... Забегая вперед, замечу, что сейчас вместе с моим соавтором и женой Мариной Козловой мы пытаемся использовать семиотический и лингвистический подходы к проблеме культурного гипертекста, выйдя за рамки традиционного источниковедения. В качестве рабочего полигона мы используем документы Советской военной администрации в Германии, сосредоточенные в электронном архиве фондов СВАГ. В создании этого архива мы в свое время принимали самое активное участие. В настоящее время он доступен online на официальном сайте ГА РФ. Уже сейчас можно сказать об интересных перспективах, открывающихся перед историками при изучении, например, обнаруженных нами «диалектов» бюрократического языка. Контент-анализ показывает, что лексика и словарь начальников и подчиненных, как бы странно это ни выглядело, заметно отличаются друг от друга. Они использовали различные бюрократические эвфемизмы и тропы, а за одними и теми же словами и вы-

ражениями в чиновничьих текстах разного уровня скрываются (или могут скрываться) совершенно разные смыслы. И якобы расшифрованный и понятый «нижестоящими» «знак» может оказаться в действительности переименованным или просто непрочитанным. Даже частота встречаемости различных понятий у начальников и подчиненных существенно отличается.

С.Э. Вы пришли в Институт истории СССР младшим научным сотрудником. Вряд ли работа над диссертацией была вашей основной обязанностью. А что Вы делали по плану?

В.К. Благодаря свободному графику работы (в институт надо было являться два раза в неделю после обеда, это называлось «присутственные дни») времени хватало на все. Приходил в библиотеку в 9 утра и уходил в 9 вечера. Здоровье тогда позволяло. Я учился в заочной аспирантуре. А плановая работа оказалась даже интересной и почти творческой. М.П. Ким, когда создавал свой сектор, набрал в него на должности младших научных сотрудников много симпатичных дам из хороших семей. Со мной вместе работала Маргарита Андреевна Сулова, сестра члена Политбюро ЦК КПСС. Вероятно, она общалась со своим братом через его помощников. Однажды принесла в сектор портрет Сулова, вырезанный из «Огонька», и с гордостью его всем нам показывала. Почему нельзя было попросить фото непосредственно у брата, мы так и не поняли. Со мной вместе работали жены сотрудников ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма,

дочь директора Института военной истории, сестра известного филолога Ивана Тимофеевича Фролова, впоследствии он какое-то время работал помощником М. С. Горбачева. Эти сотрудницы не имели кандидатской степени и не отличались особой склонностью к исследовательской работе. Но женщинами были культурными и образованными. Добавим к этой интересной компании еще несколько сотрудников «мужеска пола», включая нашего йога И. И. Попова и меня, наивного 22-летнего м.н.с., чтобы понять, как непросто было Максиму Павловичу найти достойное занятие для такой разношерстной команды. Но Ким сумел гениально использовать наш творческий потенциал хоть с какой-то пользой для дела. Он затеял пятитомный проект «Культурная жизнь в СССР. Хроника». В пяти томах «Хроники», по подсчетам Ф. Ф. Перченка, содержалось приблизительно 25 тысяч коротких статей-сообщений. Научное качество первых двух томов нашего труда этот историк, публиковавшийся в самиздате и тамиздате под псевдонимом С. Федоров, оценил в 1981–1982 годах, мягко говоря, невысоко. Он довольно ядовито заметил, что единственное, что ему понравилось в рецензируемых томах — это «их гладкая бумага и прочный переплет». Наверное, по гамбургскому счету Ф. Перченка был прав. Но для меня лично участие в подготовке второго тома «Культурной жизни в СССР» было исключительно полезно. Ведь фактически мы делали систематизированную летопись, составленную из аннотаций газетных заметок и журнальных статей. Читая день за днем и месяц за месяцем

газеты и журналы 1934–1936 годов (а мне пришлось отвечать именно за этот период), я в подробностях увидел идеологические «мерцания» сталинского общества, каким оно видело себя накануне «Большого террора». Во всяком случае, эта работа не мешала, а помогала мне в написании кандидатской диссертации.

С. Э. А как складывалась Ваша научная карьера после защиты кандидатской диссертации?

В. К. Кандидатскую я защитил в 1979 году. В 1983 году она была опубликована отдельной книгой в издательстве «Наука». Потом открылась вакансия старшего научного сотрудника в секторе истории развитого социализма. Я согласился, испытывая легкое отвращение к самому себе. Но у меня была семья, которую надо было кормить. Одновременно я искал для себя новые темы, которые позволили бы заниматься чем-то похожим на науку даже в секторе истории развитого социализма. Ведь я прекрасно понимал, как и большинство из нас, что никакого развитого социализма нет, тем более нет у него никакой истории. Разрешить этот внутренний конфликт помогло мое старое влечение к философии. Еще когда я готовился к сдаче кандидатских экзаменов, мне повезло. Я попал в руки хорошего учителя, Александра Петровича Белика. Он заставлял нас, молодых историков, читать ранних Маркса и Энгельса. Готовясь к экзаменам, я тщательно законспектировал «Немецкую идеологию» Маркса и Энгельса, «Философские тетради» Ленина. Так до меня дошло, что

марксизм — это совсем не та мутная демагогия, которой нас пичкали в школе и институте.

Начитавшись классиков, я понял, что историкам советского общества следует чаще повторять слова чеховского Фирса: «Человека забыли!» Этого «исторического человека», кстати, я не встретил в тех книгах, которые требовалось прочитать для сдачи кандидатского экзамена по истории СССР. Я видел и знал, что среди историков есть очень талантливые авторы и писатели. Я зачитывался книгами Натана Эйдельмана. В один присест одолел «Наполеона» А.З. Манфреда. И его же «Три портрета эпохи Великой французской революции». Я, к сожалению, не был знаком с Альбертом Захаровичем лично. Но с его дочерью, обаятельной Галиной Кузнецовой-Манфред дружу до сих пор. Мне очень нравились работы Р.Г. Скрынникова и В.Б. Кобринина об опричнине и Иване Грозном. Вполне актуальные по нынешним временам книги. С удовольствием читал таких филологов, как С.С. Аверинцев или Д.С. Лихачев, особенно его «Поэтику древнерусской литературы» и «Человека в литературе Древней Руси». Большое впечатление произвели на меня работы Эвальда Ильенкова об идеальном, дезавуировавшие вульгарный советский «материализм». На мои методологические убеждения, если так можно выразиться, оказал глубокое влияние мой тесть, философский «полудиссидент» Евгений Григорьевич Плимак. Я рано прочитал его блестящую статью «Радищев и Робеспьер», которая была опубликована еще в 1966 году в журнале

«Новый мир», на закате эпохи Твардовского. Историко-философские изыскания Евгения Григорьевича всегда поражали меня своей оригинальностью и изысканностью исторического концептуализма. Особенно сильное впечатление осталось от книги «Чернышевский или Нечаев?», написанной Е.Г. совместно с Юрием Карякиным и Александром Володиным (1976). Замечу, кстати, что через Евгения Григорьевича ко мне время от времени попадала в руки кое-какая запрещенная литература, а в библиотеке моего тестя хранились (во втором ряду книг) совершенно запретные в то время работы Троцкого и Бухарина.

А вот среди рекомендованных для чтения в аспирантуре книг доминировали работы невыносимо скучные. Типа трехтомника легендарного академика Исаака Израилевича Минца по истории Октябрьской революции. Он был как бы номенклатурным «великим ученым». Стоит ли удивляться, что, когда в 1974 году умер «засекреченный» радиофизик А.Л. Минц, на ТВ показали портрет нашего Исаака Израилевича. К многим исключениям из монотонного списка довольно скучных книг (правда, в то время я еще верил, что серьезные научные работы и должны быть толстыми и нудными) относились, на мой аспирантский взгляд, публикации нескольких научных дискуссий, особенно о переходе от феодализму к капитализму в России, а также монография Юрия Александровича Полякова «Переход к нэпу и советское крестьянство». Она выделялась легкостью стиля, дозволенной концептуальностью и богатой фактурой.

Юрий Александрович был человеком творческим и склонным к импровизациям. Благодаря этой склонности он однажды попал в забавную историю. Ю.А. пригласили выступить на школе молодых ученых и поделиться мыслями о модном тогда «комплексном подходе» в исторических исследованиях. Было это в каком-то пансионате под Минском, году примерно в 1980-м. Но может быть, и раньше. Юрий Александрович явно был настроен на отдых и к своему выступлению не подготовился. Он начал лекцию с того, что сравнил комплексный подход с птичьим полетом над Кремлем: «Вот вы подлетаете к Боровицким воротам. Справа видите то. Слева — это. А потом охватываете все это единым взглядом. Вот это и есть “комплексный подход”». Память у Ю.А. была отличная. Кремль он знал хорошо. И рассказчиком был замечательным. Виртуальная экскурсия по Кремлю всем понравилась. В конце Поляков еще раз помянул комплексный поход. На том и разошлись...

Прочитать все рекомендованные нам институтом книги было почти невозможно. Они оказались не только скучными, но и очень большими. Поэтому мы, аспиранты и соискатели, ограничивались оглавлениями и рецензиями в профессиональных журналах. Даже с моей склонностью к добросовестному штудированию перед ответственным экзаменом я прекратил безнадежные попытки конспектировать рекомендованные работы, споткнувшись на тяжеленном «кирпиче» — монографии Б.Д. Грекова «Крестьяно на Руси»...

В 1983–1985 годах я опубликовал (помимо прочего) две статьи: «Человек революционной эпохи. К методологии исторического исследования» и «Состояние духовной жизни общества как категория системного изучения советской культуры». Первая статья, которую сегодня никто не помнит и которая ни на кого не произвела впечатления, сыграла очень важную роль в моей научной судьбе. Сама тема, вероятно, не могла не прийти ко мне в голову, по макушку заполненную свежими сведениями о крестьянской ментальности 1920-х годов. Но думаю, что не меньше этой богатой исторической фактуры на мои поиски повлияла книга А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Во всяком случае, рассуждая об особенностях восприятия времени людьми 1920–1930-х годов, я держал в дальнем углу сознания категорию «время», рассмотренную Гуревичем совсем на другом материале. Вторая статья, посвященная «эпическому» и «прозаическому» состоянию мира, была написана под влиянием книги замечательного литературоведа Юрия Кузьменко «Советская литература вчера, сегодня, завтра». Именно он первым (и, к сожалению, последним) использовал эти гегелевские категории для анализа советских культурных феноменов. Эвристические перспективы, которые открывал этот нетривиальный подход, я в то время оценил в полной мере. Но, к сожалению, полноценно использовать его в конкретно-историческом исследовании культуры я тогда не сумел.

Чтобы было понятно мое творческое самочувствие в первой поло-

вине 1980-х годов, скажу, что любые методологические поиски в то время напоминали барахтанье тонущей лягушки в кувшине с молоком. Еще лет десять, и я бы закаменел, сросся с идеологическим панцирем, и мне так бы и не пришлось заняться настоящей историей. Скажу, что даже такая идеологически невинная статья, как «Человек революционной эпохи», попала в сборник, посвященный юбилею М. П. Кима, преодолевая сопротивление некоторых членов редколлегии и только благодаря поддержке нового заведующего сектора истории советской культуры Юрия Степановича Борисова, хорошего и талантливое человека, «погасшего шестидесятника», о котором один из тупых исторических начальников в начале 1960-х годов однажды плоско и завистливо пошутил: «А он не без царька в голове». Я хотел, чтобы «Человек революционной эпохи» стал моей новой плановой темой. Не тут-то было. Натолкнулся на открытое сопротивление институтских старожилков. Сомнения были даже у моих немногочисленных сторонников. Тема была объявлена неисторической. И уж тем более не подходила она для сектора истории развитого социализма. Кое-кто вообще счел подобное плановое предложение мелким пижонством и желанием покрасоваться. Мне так и не удалось включить эту работу в план института. Но исподволь я продолжал работать над своей главной темой.

С.Э. Вы намекаете на довольно затхлоу атмосферу, которая царила в Институте истории СССР в первой половине 1980-х годов?

В.К. Да чего уж тут намекать! Именно такой она и была. Эта атмосфера. Талантливые «старики», шестидесятники, вроде К. Тарновского или В. Данилова, были в загоне, а порой вынужденно занимались периферийной тематикой. Другие, не буду называть их имен, ударились в дурную популярщину. Или откровенно ленились. Благо работа в институте была благоприятна и для бездельников тоже. Третьи писали тексты, образно говоря, на одну треть своего таланта. Поэтому главная проблема была не в том, что в институте почти не осталось талантов. Это-то как раз не так. Но им не давали нормально работать. Значительная часть просто трудилась вхолостую. А доминировала серость. Она и определяла общую атмосферу начала 1980-х годов. Все сказанное относится в первую очередь к советской части института. Просто потому, что этих людей я знал лучше.

С.Э. В 1985 году к власти пришел М.С. Горбачев. Нет нужды говорить, что это было началом кардинальных изменений и перемен, больших надежд и ожиданий. В общественных науках началась хоть какая-то, как сказали бы сегодня, «движуха». Но как отразилось все это на вашей личной судьбе?

В.К. Я на всю свою оставшуюся жизнь благодарен Горбачеву. Он подарил мне свободу думать. Эта свобода была неожиданной и приятной. Я в это время увлекся проблемой человеческого фактора в развитии советской экономики. Вместе с будущим известным историком, а тогда аспирантом сектора истории советской культуры Олегом Хлевнюком, который занимался

вопросами экономического развития СССР в годы первых пятилеток, мы обратились к истории стахановского движения. Это был вполне разумный компромисс между моим интересом к человеку революционной эпохи и складывавшейся в то время политической конъюнктурой. Мы с Олегом еще в 1984 году выпустили небольшую брошюру «Стахановское движение: время и люди». В ней было много наивного и неправильного, но содержалась честная попытка создать социологический портрет стахановца на основе обработки массовых источников (этот титанический труд взял на себя Олег).

Тут как раз подоспел 50-летний юбилей стахановского движения. Мы охотно откликнулись на предложение подготовить статью о стахановцах для журнала «Коммунист», в то время главного теоретического органа ЦК КПСС. В 1985 году это было очень лестное предложение. Оно поступило от Ю.Н. Афанасьева, который только недавно перешел на работу в этот журнал. И еще не успел стать «прорабом перестройки». Заказывая статью, Юрий Николаевич напутствовал меня в духе будущего горбачевского лозунга об ускорении социально-экономического развития СССР. Надо, мол, напомнить людям об энтузиазме первостроителей социализма. Но мне это было уже не по силам. Я постепенно начал понимать о социализме немного больше, чем в юности. Времена уже были другие. И статью мы написали так, как считали нужным. Но, честно говоря, новый идеологический тренд 1986–1987 годов — ускорение — все-таки

вызвал у меня прилив некоторого энтузиазма. И не только у меня.

Именно тогда, в 1986–1987 годах, я начал с увлечением работать над коллективной монографией «Исторический опыт и перестройка: человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР». Для меня это был еще и первый опыт создания коллектива единомышленников для решения объемной исследовательской задачи. Книжка была неплановая, гонорарная. Это сделало мое предложение будущим соавторам более убедительным. К нам с Олегом присоединились еще два молодых историка — Геннадий Бордюгов и Елена Зубкова. Я был одним из авторов и руководителем этого интересного авторского коллектива. Книгу мы писали года два. Может, чуть меньше. Она вышла в свет в 1989 году — на фоне уже изменившейся политической конъюнктуры. Идеи «ускорения» и «человеческого фактора» сменились идеями «перестройки». А наша книга попала еще и в тесный временной зазор — между перестройкой и крахом СССР. В то время мало у кого вообще было желание читать толстые книги. Нужны были яркие броские статьи. А эволюционное перестроечное «поумнение» историков сменилось тогда катастрофическим процессом рождения «истории белых пятен», в которой была уже трудно различима грань между наукой и политической конъюнктурой.

Монография «Исторический опыт и перестройка» сыграла важную роль в творческом развитии всей нашей команды. Что до меня, то в своих главах я впервые использо-

вал такие интереснейшие материалы, как сводки настроений рабочих, сохранившиеся в фонде ЦК КПСС, разнообразные тематические обзоры об отношении различных социальных слоев к внутривнутрипартийным дискуссиям, ожиданию войны, коллективизации и т.д. Большинство из моих тогдашних соавторов стали не просто квалифицированными исследователями, но и яркими и популярными авторами. Вот только читателей у нашей книги было, судя по всему, немного. Единственным известным мне читателем, которому много позднее все-таки пригодилась наша книга, оказался мой американский друг, в то время глава социологического департамента Калифорнийского университета в Сан-Диего (UCSD), ныне покойный профессор Тимоти МакДэниел. Он активно использовал наш текст в лекциях, а позднее в своей книге 1996 года «Агония русской идеи» (The Agony of the Russian Idea). Это был человек, наделенный широким кругозором и аналитическим умом. В книге и в лекциях он скептически оценивал тогдашний либеральный тренд русской политики и в общих чертах предсказал тот путь к патернализму и авторитаризму, который пройдут наше общество и государство уже в первые десятилетия XXI века. Ему же я обязан приглашением прочитать курс лекций «Русское общество» в UCSD – тема, которая в первой половине 1990-х годов очень интересовала американских студентов

С.Э. Сколько же лет Вы проработали в Институте истории СССР? И как попали в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС?

В.К. Я проработал в Институте истории СССР 15 лет. А потом началась совсем другая жизнь. Валерий Васильевич Журавлев, самый молодой доктор исторических наук в нашем институте, перешел на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ при ЦК КПСС), главный идеологический оплот Коммунистической партии, который, по указанию сверху, тоже покорно жаждал перемен. Перемены должны были прийти с новыми людьми. Руководил этим неповоротливым учреждением Георгий Лукич Смирнов, перешедший с должности помощника М.С. Горбачева. Журавлев стал его заместителем. Он перетянул за собой Валентина Валентиновича Шелохаева, Альберта Павловича Ненарокова и меня. Все мы сразу или чуть позднее, как это было со мной, стали заведовать секторами в отделе истории КПСС. Я стал руководителем сектора переходного периода. Это, по тогдашним представлениям, включало нэп и так называемый реконструктивный период.

По меркам Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС я был просто мальчишкой. 37 лет. Как мне иногда говорили в то время, в этом возрасте Маяковский и Пушкин уже умерли, а историк только начинает жить. Сам переход на новое место работы был многоэтапным. Сначала ко мне присматривались. Потом вызвали «на пробы». Было это, кажется, осенью 1987 года. Валерий Васильевич, очевидно, побаиваясь прослушки, вывел меня в коридор и там дал мне, в то время постороннему для ИМЛ человеку, первое задание. Надо было подготовить справку для реабилитации Николая Бухарина. Меня

допустили в спецхран, я изучал бухаринские работы. Не знаю точно, но, может быть, сотрудники ИМЛ, которым чуть раньше пытались поручать эту работу, выполняли ее в обычном «марксистско-ленинском» стиле. Даже если они и хотели реабилитировать «врага народа», думаю, что они за него скорее извинялись, говорили об «ошибках», которые в духе новых веяний можно было назвать незначительными. А извиняться там было совершенно не за что. Я написал текст, который, льщу себе надеждой, потом был использован при реабилитации Бухарина. А это была одна из первых «новых реабилитаций».

С. Э. Работа Коэна в то время уже вышла?

В. К. Книга Коэна о Бухарине на английском языке вышла еще в 1973 году. Позднее она была переведена на русский язык Ю. Лариным и Е. А. Гнединым (под псевдонимом Ю. и Е. Четверговы) и опубликована в «Тамиздате». Но тут надо напомнить, как работала система. Речь ведь шла не о том, что думали в западной историографии о Бухарине. Документ должен был выйти от «своих». Ну кому бы в 1987 году в ИМЛ при ЦК КПСС пришло в голову ставить вопрос о реабилитации Бухарина на основании книги «буржуазного историка»? Как бы то ни было, после «проверки Бухариным» меня взяли на работу в ИМЛ. А через несколько месяцев старый завсектором Куликов ушел на пенсию. «Этого, — грубовато сказал обо мне Георгий Лукич, — мы назначим вместо Куликова». Мне кажется, что, кроме нескольких человек, в ИМЛ это назначение мало кому понравилось.

В мае 1987 года я включился в развернувшуюся дискуссию о прошлом. На страницах журнала «Вопросы истории КПСС» (да, да, именно там!) была опубликована моя первая перестроечная статья «Историк и перестройка». Это было исключительное время. Ни раньше, ни позже историки не пользовались таким вниманием публики. Интеллигенция смотрела на нас с надеждой и подозрением. Помню, как Юрий Степанович Борисов читал одну из первых публичных лекций о Сталине. Пришло такое количество народа, что впору было приглашать конную милицию для поддержания порядка... Моя статья заканчивалась простой, но вполне актуальной сегодня мыслью. Задача историка, писал я почти тридцать лет назад, не в том, чтобы до блеска полировать «зеркало прошлого» (а ведь именно к этому нас призывает сегодня министр культуры Мединский) или сдуть с этого зеркала пылинки «пестрого сора» ушедшей жизни. Главное, чтобы зеркало не было тусклым или кривым.

Чуть позднее на основе моей справки о Бухарине была подготовлена статья для журнала «Коммунист». Она называлась «Н. Бухарин: эпизоды политической биографии». В подготовке этого материала мне очень помог Геннадий Бордюгов, который героически искал в архивах дополнительные материалы. С того момента мы какое-то время работали как соавторы. Перефразируя Ильфа и Петрова, можно сказать, что пока один из нас бегал по архивам, другой охранял рукописи и придумывал новые тексты. В 1988–1990 годах я вместе с Г. Бордюговым первый и по-

следний раз в своей жизни выступал в роли партийного публициста. Наша большая перестроечная статья «Время трудных вопросов. История 20–30-х годов и современная общественная мысль» была опубликована в «Правде» 30 сентября и 3 октября 1988 года. Она была размером почти в целую полосу. Помню, как я вошел в тот день в полупустой вагон метро и увидел двух пассажиров с газетой, раскрытой на нашей статье. Это было началом активной публицистической деятельности 1988–1990 годов. Ее итоги мы успели подвести накануне краха коммунизма в книге «История и конъюнктура. Субъективные заметки о новейшей истории советского общества», написанной в жанре историографических мемуаров. Эта работа была составлена из статей, как подготовленных мной самостоятельно, так и совместно с другими авторами, в первую очередь с Г. Бордюговым, а также моим покойным тестем Е. Г. Плимаком и известным историком-лениноведом В. Т. Логиновым. Оба они дали свое согласие на включение наших совместных статей в эту книгу. Тексты перестроечных статей мы сопровождали пространными воспоминаниями-комментариями, в которых попытались показать, что именно изменилось в нашем восприятии событий советской истории буквально за один-два года.

Это была последняя моя совместная работа с Бордюговым. Потом наши пути разошлись. Чтобы понять, насколько далеко не только в творческом, но и человеческом плане мы оказались друг от друга, приведу мой пост, размещенный в Фейсбуке 4 января 2016 года:

«Открытое письмо редакции портала “Гефтер” и Ассоциации исследователей российского общества (АИРО XXI) (главный редактор издательских программ Г. А. Бордюгов)

Уважаемые господа!

На портале “Гефтер” и на сайте АИРО XXI было опубликовано “приношение” (выражение портала) к 60-летию юбилею Г. А. Бордюгова. В качестве “приношения” был использован текст (“Кризис жанра, или Канун методологической революции”, перепечатанный из книги 25-летней давности: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. Полемические заметки об истории советского общества” (М., 1992)). Перепечатка была сделана без моего авторского согласия, хотя в копирайте книги указаны Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов. Столь бесцеремонное пренебрежение моими авторскими правами я считаю нарушением издательской этики. Я бы никогда не дал разрешения на такую перепечатку, потому что опубликованный вами текст был написан исключительно мной, первоначально опубликован под моим именем, лишь затем включен в книгу “История и конъюнктура” и “растворен” в ней. (См.: Козлов В. А. “Кризис жанра”, или Канун методологической революции: полемические заметки // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 4–15).

Я категорически возражаю против использования моих статей в качестве каких бы то ни было “приношений” к каким бы то ни было юбилеям, пусть даже речь идет об одном из самых жестких и талантливых

организаторов исторической науки в России», каким вы считаете Г.А. Бордюгова».

Никаких извинений или объяснений ни от редакции портала «Гефтер», ни от АИРО XXI, одним из руководителей которой является Бордюгов, ни от Геннадия Аркадьевича лично так и не последовало. Готовясь к этому интервью, я заглянул в Интернет. С портала «Гефтер» это позорное «приношение», кажется, убрали. А на сайте АИРО XXI оно болтается по-прежнему. На всякий случай сделал для Вас сканы этой страницы и моего открытого письма. А Вы говорите: «Диссернет»!

С.Э. А как Вы в Институте марксизма-ленинизма воспринимали развернувшийся в конце 1980-х годов (на ваших глазах!) кризис коммунизма?

В.К. Что у советского коммунизма нет будущего, я начал понимать еще во время работы над очерками по истории КПСС. Это был один из последних идеологических проектов ЦК КПСС. Его курировали член Политбюро А.Н. Яковлев и сотрудник ЦК В.П. Наумов. Предполагалось сделать эту работу быстро. Но почему-то она тянулась бесконечно. Концепция издания все время менялась. В авторском коллективе собрались люди мудрые и опытные. Среди нас оказались историки Ю.А. Поляков, О.А. Ржешевский, В.С. Лельчук, Н.А. Барсуков, В.В. Шелохаев, А.П. Ненароков, философы Е.Г. Плимак и И.К. Пантин, публицист Л.А. Безыменский. От некоторых из них я время от времени слышал: «Кажется, никто в По-

литбюро не хочет выпускать новый “Краткий курс”. Скорее всего, эти очерки так и не будут напечатаны». И пока в партийных верхах решали свои политические вопросы, каждый из нас с удовольствием изучал ранее недоступные документы в Центральном партийном архиве, где перед нами открыли все (или почти все) двери, копировал труднодоступные книги и журналы. Например, у меня после работы над очерками остался полный комплект меньшевистского «Социалистического вестника» и троцкистского «Бюллетеня оппозиции».

Однажды к нам на рабочую дачу приехал Александр Николаевич Яковлев. Мои сотоварищи, естественно, захотели после обеда побеседовать с высшим руководством. Я же уже наслушался рассказов Яковлева, которые звучали примерно так: «Никак не можем найти секретный протокол к Пакту Риббентропа – Молотова. Все бумаги хранятся в опечатанных мешках, и в них надо долго разбираться»... И мы должны были в это верить?! Слушать дальнейшие разговоры в таком же примерно ключе я не захотел. Вместо этого я отправился в свою комнату и прилег после обеда. Комнаты изнутри не запирались, кровати были отгорожены шкафом. Если дверь была открыта, то не было возможности увидеть, есть ли кто-нибудь за шкафом или нет. Охрана Яковлева принялась проверять все помещения подряд, открывая каждую дверь. Они молча зашли в мою комнату. Заглянули за шкаф, посмотрели, не перезаряжаю ли я оружие (смеется). Потом ушли. Стало смешно и противно.

Это было, так сказать, бытовое разочарование в «социализме с человеческим лицом». Что-то вроде былых походов на овощную базу, но на уровне Политбюро ЦК КПСС. Появилось странное ощущение принципиальной невозможности позитивной трансформации системы. (Потом, кстати, это ощущение сместилось во времени и распространилось на конец ельцинской и путинскую эпоху.) А ведь именно надежды на «социализм с человеческим лицом» привели меня после начала перестройки в Институт марксизма-ленинизма. Какие-то следы этого разочарования можно заметить в моем выступлении на институтском семинаре, которое я тогда возглавил «Феномен “поверхностного” социализма». Ну а твердое убеждение, что коммунистическая партия потеряла всякую перспективу, появилось у меня ранним летом 1990 года. Тогда состоялась встреча недавно назначенного первого заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко с коллективом Института марксизма-ленинизма. Его выступление нас не просто разочаровало. Оно было беспомощным, грустным и даже унылым. Это было выступление, достойное какого-нибудь жэковского агитатора. Примерно тогда же возникла Коммунистическая партия РСФСР во главе с И.К. Полозковым. Это была довольно разношерстная инстанция, но все большее влияние в ней приобретали люди, склонные играть краплеными националистическими картами. Одного из них я знал лично. О существовании других — догадывался.

С.Э. А как Вы отреагировали на августовский путч 1991 года?

В.К. Рано утром мне позвонил Бордюгов: «У нас переворот!» Я, «мирный историограф», как сказал бы Карамзин, почувствовал испуг и растерянность. Августовские события и последовавшее за ними разрушение партийной инфраструктуры были для сотрудников Института марксизма-ленинизма фактом исключительно травмирующим. Ведь некоторые из них не просто сочувствовали перестройке. Они активно участвовали в митингах и демонстрациях. А мои коллеги, заведующие секторами ИМЛ историки Фридрих Игоревич Фирсов и Василий Семенович Липицкий, были во время путча в числе защитников Белого дома... Благодаря удачному расположению — основные здания ИМЛ находились на окраине Москвы, между Выставкой достижений народного хозяйства и Ботаническим садом — работники института избежали унижений, которые пришлось на долю сотрудников ЦК КПСС на Старой площади. Их не выгоняли из кабинетов, и им не пришлось уходить сквозь возбужденную толпу. С советским коммунизмом все было ясно. И пока большинство сотрудников ИМЛ раздумывало, что будет дальше, кому теперь достанутся здание и богатейшая библиотека, я сделал две важные вещи. Вызвал сына, встретился с ним на ВДНХ и передал самое ценное из моей личной коллекции книг, хранившихся в служебном кабинете. Это были две сумки «тамиздатовской» литературы, в основном на русском языке. А во-вторых, отправился вместе с Бордюговым в отдел кадров и, пользуясь всеобщей растерянностью, уволился в один день.

Один моралист из ИМЛ впоследствии назвал наш поступок чуть ли не предательством. Как будто сам он после нашего ухода немедленно отправился на баррикады защищать советскую власть. Но в одном он был прав. Мы ушли, не попрощавшись с Валерием Васильевичем Журавлевым и Георгием Лукичом Смирновым, которые нас всегда поддерживали и опекали. Со Смирновым я потом наладил отношения. Он даже написал для моего альманаха «Неизвестная Россия» короткие воспоминания. А Валерию Васильевичу я с большим опозданием хочу принести свои извинения. Хотя бы в этом интервью.

С.Э. Насколько мне известно, последние 20 лет и даже больше Вы работали в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Как Вы туда попали?

В.К. Во время работы в Институте истории СССР АН СССР я познакомился с будущим директором архива С.В. Мироненко. Мы были ровесниками. Общались в институтских коридорах в присутственные дни, на комсомольских собраниях, в избирательных комиссиях, во время принудительных «коммунистических субботников» и унижительных походов на переборку капусты на овощных базах. Людями мы были очень разными, иногда вели себя как два упертых альфа-самца, но все-таки относились друг к другу с уважительной настороженностью и находили общий язык. Потом я ушел в ИМЛ при ЦК КПСС. Мы долгое время не виделись. Году приблизительно в 1988-м я получил предложение от зав. редакцией Из-

дательства политической литературы (Политиздат) Анатолия Ивановича Котеленца подготовить «перестроечное» популярное издание по истории СССР. Сразу придумалось название «История Отечества: люди, идеи, решения». Предполагалось выпустить два тома. Я должен был стать составителем второго, «советского» тома. С выбором авторов у меня проблем не было. Я пригласил участвовать в проекте молодых пишущих (хорошо пишущих!) историков: Владимира Булдакова, Михаила Горина, Сергея Цакунова, Елену Зубкову. Я их всех хорошо знал лично. А вместе с ними к работе над книгой подключились представители старшего поколения: Олег Александрович Ржешевский и известный литературный критик и публицист Игорь Александрович Дедков. Он написал заключительную главу – «Испытание свободой». Одну главу – «Военный коммунизм: ошибка или проба почвы?» – написали мы с Геннадием Бордюговым.

Некому было заняться составлением тома по дореволюционной истории. Те немногие историки, «феодалы» и «капиталисты», к которым вообще можно было обратиться с подобным предложением, быстро тушевались или начинали лениться. Только Сергей, самоуверенный и энергичный, охотно взялся за эту работу. Он пригласил в свой том отличных авторов, хотя лучшего из них, Владимира Борисовича Кобринина, соблазнил участием в проекте именно я. Совместная работа над очерками позволила нам с Мироненко лучше узнать друг друга и почти подружиться. И когда его назначили директором ГА РФ, бывшего

Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и управления СССР, он пригласил меня своим заместителем.

С.Э. Как я понял, это была самая длинная страница Вашей биографии. А насколько она была интересной и содержательной для Вас? Не в административно-бюрократическом смысле, ведь это был несомненный карьерный успех, а в творческом?

В.К. Я проработал в архиве более 20 лет. О моей работе в должности заместителя директора и руководителя Центра изучения и публикации архивных документов ГА РФ можно сказать очень коротко. Это было Время Больших Проектов. Уже после появления интернет-версии этого интервью один из историков поинтересовался: «А разве многотомные издания Росархива – это не Большие Проекты?» Я понял, что нужны пояснения. Для меня Большой Проект начинается с разработки группы фондов и дел, продолжается индексированием тысяч документов, составлением полных электронных каталогов, связанных с электронными оцифрованными изображениями всех доступных архивных документов и организацией онлайн-доступа к созданному ресурсу. Только на основе таких ресурсов можно относительно быстро готовить современные исследования и научные публикации документов. Такая организация работы принципиально отличается от традиционной подготовки архивных сборников документов и исторических монографий. Ведь сложнейшая методологическая про-

блема гуманитарных исследований – воспроизводимость, повторяемость и верификация результатов – решается в этом случае с помощью открытого и немедленного доступа всех заинтересованных исследователей к источникам, использованным в той или иной работе. Наиболее ярким примером такого Большого Проекта я считаю комплексную разработку фондов Советской военной администрации в Германии, хранящихся в ГА РФ, и создание Электронного архива СВАГ, доступного на сайте ГА РФ.

Многое из того, что мы «натворили» за 20 лет, можно сегодня найти не только на книжных полках, но и на сайте ГА РФ. Первым нашим крупным проектом стало издание «Архива новейшей истории России» в трех сериях: «Каталоги», «Документы» и «Исследования». Важной частью моей работы, а в каком-то смысле и выполнением морального долга, была подготовка аннотированного электронного каталога надзорных производств Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Частично он был опубликован под названием «58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг.». Позднее с помощью этого каталога мы в соавторстве с Ольгой Эдельман написали книгу «Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1952–1982 гг.».

Из всех наших проектов самым важным я считаю собрание документов «История сталинского ГУЛАГа» в 7 томах. Я был членом

редколлегии этого многотомника, ответственным редактором и автором обширного введения к шестому тому «Восстания, бунты и забастовки заключенных». Составителем этого тома была О.В. Лавинская. Авторский вариант своего введения я опубликовал под названием «Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.)». А.И. Солженицын, входивший в редакционный совет издания, в коротком напутственном предисловии к нашему изданию назвал мой текст «пластичным». Несмотря на свой уже солидный возраст, я преисполнился тщеславной гордостью от этой похвалы. Но меня быстро вернул с небес на землю мой ироничный сын. (Он, историк по образованию, еще будучи студентом, напечатал вместе с дедом-философом статью в «старых» «Известиях», но после окончания учебы пошел в бизнес.) «Эка невидаль, — сказал мне Андрей. — Солженицын похвалил Козлова. Вот если бы Солженицын бегал по улицам и время от времени рассказывал встречным: “Меня похвалил Козлов!” — это было бы “да-а-а!”»

Координировал работу авторского коллектива Олег Витальевич Хлевнюк. Он и сам был автором и составителем одного тома. Тогдашний руководитель Федерального архивного агентства Владимир Петрович Козлов, сам человек, безусловно, талантливый и пишущий, оказавшись на высокой должности, постоянно робел и поначалу пытался притормозить начало работы над проектом. Наверно, его пугало то,

что проект был международный и предполагал большие объемы микрофильмирования документов. Я в это особенно не вникал, поскольку отвечал в архиве за исследования и публикации. Потом В.П. сдался. Он уступил напору Мироненко и рассудительной мудрости своего заместителя Владимира Алексеевича Тюнеева. Проект был запущен.

Надо сказать, что работа над ГУЛАГом шла под постоянным давлением. Мы с Мироненко, как могли, защищали и прикрывали авторов. Еще до начала работы на заседании редакционного совета один уважаемый академик попытался сформулировать для авторского коллектива довольно жесткие творческие рамки. На мои возражения, это, мол, дело самих авторов, он довольно резко заметил: «Тогда зачем мы здесь собрались? У нас что, исследователи будут все сами решать? Это же не частная лавочка!» Не уверен, но, кажется, он сказал даже: «Какие-то исследователи». Пришлось также резко возразить: «В каком-то смысле именно “частная лавочка”. Авторы должны быть свободны в своей творческой работе!» — «Тогда в чем же роль редакционного совета?» — «А его роль в том, — сказал я примирительно, — чтобы оценить результаты этих индивидуальных усилий и вынести вердикт: готов ли редсовет поставить свой “знак качества” на наше издание? Или нет?»

Мне очень нравится наша книга «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.)». Это

огромная работа объемом более тысячи страниц. Как пошутил один читатель: «Если этот тяжелый том и не пригодится для работы, его всегда можно использовать, чтобы отбиться от хулиганов». Книга, а это именно книга, а не просто сборник документов, была подготовлена большим коллективом авторов и составителей. Она написана в популярном ныне жанре «documentary»: исследовательские авторские главы сопровождаются тематическими подборками документов и обширными содержательными комментариями. Мы с Франческо Бенвенути и Мариной Козловой превратили наши тексты в маленькую монографию, которую опубликовали на русском и итальянском языках. Русская версия только что вышла в издательстве «Нестор-история» под названием «Парадоксы этнического выживания. Сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны».

С.Э. А почему Вы ничего не говорите о своей наиболее известной книге «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 — начало 1980-х гг». Ведь она, насколько я понимаю, выдержала три русских издания и была переведена на английский и сербский языки?

В.К. Это моя любимая книга. Я бы отнес ее к числу своих самых законченных работ. Все-таки пять изданий. И каждое было «исправленным и дополненным». Когда в издательстве РОССПЭН (по инициативе и по предложению А.К. Сорокина, одного из самых ярких издателей профессиональной исто-

рической литературы) в 2010 году вышла в свет последняя редакция этой книги, я почувствовал, что по стилю и языку это уже немного приближается к тому, как мне всегда хотелось писать... Однако эта монография, как мне кажется, заслуживает отдельного разговора, на который у нас уже не остается времени.

С.Э. Почему Вы ушли из архива? С насыщенного места, да на склоне лет?

В.К. Я никогда не был классическим архивистом. Так и не стал им за 20 лет работы. А Большие Проекты закончились! У меня появилось ощущение, что их время прошло. Пока прошло! И не только Время Больших Проектов. Наступали политические сумерки. Мне показалось, что у директора архива исчез интерес к крупным издательским и исследовательским предприятиям. И между нами уже не было прежнего взаимопонимания. Мы оба старели. Его монологи на заседаниях дирекции становились все длиннее и категоричнее, а я по старой памяти продолжал перебивать его своими неуместными замечаниями. Раньше он это терпел. Теперь стал чаще сердиться. А руководитель Федеральной архивной службы А.Н. Артизов на годовом собрании ГА РФ мягко, но публично дал мне понять: «Не надо превращать архив в научно-исследовательское учреждение». И вообще: «Готовьте-ка вы лучше сборники документов, которые нужны государству. А то мало ли что вы там придумаете». Во всяком случае, так я его тогда понял.

Эпоха завершилась. Созданный мной Центр изучения и публикации

документов был архиву больше не нужен. Архивная отрасль возвращалась к традиционному «использованию» документов и к выполнению госзаказа, похоронив свои былые исследовательские амбиции в пыли рутинной архивной работы. Эта работа необходима, полезна и хороша всем, кроме одного: она не дает простора творческому развитию личности архивиста, в лучшем случае предоставляет заботу об этом развитии его личному выбору и энтузиазму. В архиве мне было делать больше нечего. Архив терял интерес ко мне, а я — к архиву. Мне стало скучно. В начале 2013 года я с облегчением уволился. Стал тем, кого по англоязычной традиции называют «независимым исследователем» (independent researcher). И ушел по-английски. Без фанфар, пышных проводов и банкетов...

С.Э. Расскажите о Ваших творческих планах. Что Вы собираетесь делать дальше?

В.К. Я уже делаю. В начале нашей беседы я упомянул об этом проек-

те. Мы с Мариной Козловой последние четыре года занимались языком советской бюрократии эпохи позднего сталинизма. И шире: алгоритмами социального поведения чиновников, попавших в непривычную среду — в оккупированную Германию. Мы рассматриваем Советскую военную администрацию в Германии (1945–1949), ее сотрудников, их чад и домочадцев как «маленький СССР», оказавшийся волею судеб в центре послевоенной Европы и вступивший с ней в политическое и культурное взаимодействие. Внутренняя жизнь СВАГ повторяла жизнь в СССР. Там также проводили выборы в Верховный Совет, заставляли подписываться на займы восстановления народного хозяйства, сгоняли на партийные собрания и принуждали зубрить «Краткий курс истории ВКП(б)», раскручивали идеологические кампании и боролись с космополитизмом, пытались, хотя и по-особому, решать пресловутый жилищный вопрос и добывать доступные и недоступные жизненные блага...

«THE TIME OF GRAND PROJECTS IS OVER...»

Interview with V. A. Kozlov

Kozlov Vladimir A. — candidate of historical sciences, specialist in the socio-political history of Russia of the 20th century, historical conflictology and history of the culture

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www.istorex.ru

«ДОЧЬ НИКИТЫ МИХАЛКОВА — АКТРИСА АННА МИХАЛКОВА — ЧИТАЕТ СВОЙ “КУСОК” КОНСТИТУЦИИ НА ЭКРАНЕ В ЗАЛЕ СВОБОДЫ ЕЛЬЦИН-ЦЕНТРА»

Интервью с Н. П. Соколовым

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Почему Вы стали историком?

Н. С. В общем, историком я стал случайно, в ранней юности соби-рался стать врачом. Но большую роль в моем становлении сыграл блестящий человек, учитель истории Юрий Львович Гаврилов, с которым я познакомился, когда учился в Московской физико-математической школе № 2. Именно он повлиял на выбор моей профессии. Я сильно увлекся историей, поступил в Историко-архивный институт. Там я встретил много замечательных преподавателей, которые привили мне вкус к архивной работе. Я им всем глубоко признателен, и в первую очередь моему научному руководителю, ныне покойному Александру Давидовичу Степанскому. Я у него защитил дипломную работу и кандидатскую диссертацию.

Под его рукой я занимался тем, что меня интересовало больше всего — развитием либерального крыла общественного движения в конце XIX столетия. Затем последовала служба в армии. Я полтора года прослужил рядовым в Красной армии. Это отдельный богатый опыт в моей биографии. После армии я восемь лет работал в Государственном историческом музее, в Отделе письменных источников (ОПИ ГИМ). Потом началась перестройка. В какой-то момент Михаил Горбачев сказал, что к преподаванию в вузах нужно привлекать «молодых беспартийных женщин». Сказано было устно, поэтому не было понятно, где расставлять знаки препинания. И меня призвали по этой квоте. Думаю, что если бы не это его изречение, я бы никогда не попал на преподавательскую работу. А тут вспомнили, что у Степанского был «шибко либеральный» соискатель (тему мне даже и в 1986 году утвердили с третьего раза). Меня пригласили в Историко-архивный институт, где я преподавал восемь лет на кафедре

© Историческая Экспертиза, 2017

Соколов Никита Павлович — кандидат исторических наук, заместитель исполнительного директора Президентского фонда Б. Н. Ельцина (Ельцин-Центр) по научной работе (Москва); nikita.sokolov@gmail.com

со смешным названием «История СССР эпохи Древнего мира и Средних веков». Потом 90-е... Довольно тяжелые были времена. Нужно было кормить детей, приходилось брать много часов, разрываться между многими факультетами и университетами. При такой беготне мне не удавалось вести научную работу, поэтому, когда меня пригласили редактором в журнал, я без большого сожаления двинулся по этой линии. Вначале я работал редактором в политическом отделе еженедельного журнала «Итоги». Журнал появился в 1996 году. Сверхзадача была — создать «новый язык разговора о политике», которого в России тогда не было, то есть несоветский язык разговора о политических проблемах. Я горжусь тем, что в значительной степени нам это удалось. Потом я 13 лет работал в журнале «Отечественные записки», который выходил раз в два месяца. Это был очень толстый аналитический социальный журнал, в котором специалисты пытались говорить для неспециалистов, не снижая при этом уровень разговора. Он не был ВАКовским научным журналом. Но хорошие университеты и хорошие институты засчитывали публикации своих сотрудников в этом журнале как ВАКовские. Принцип журнала был очень простым: мы заставляли ученых говорить не на их научном волапуке, а на общепонятном языке. Это была довольно непростая редакторская задача — сделать так, чтобы язык демографов был понятен лингвистам, а разговор лингвистов был понятен социологам. Фактически я занимался переводом профессионального языка на общепонятный, и это

совсем не тривиальная задача, поскольку во время советской власти контакты между научными дисциплинами были ослаблены. Многие вещи просто нельзя было сказать по-русски, приходилось прибегать к калькам с английского, французского и немецкого языков. Каждый том журнала был посвящен отдельной теме. Мы делали много переводов, поскольку обходиться только отечественными авторами было невозможно. Планку сильных текстов задавали хорошие переводы классических иностранных исследователей. Этот журнал мне более всего жалко. У журнала были спонсоры. Поддерживать его существование только за счет рыночных механизмов было просто невозможно, поскольку такие журналы сложно сделать экономически окупаемыми. После кризиса 2008 года наши спонсоры «подломились». Мы старались какое-то время продержаться, но, к большому моему сожалению, выстоять не получилось. Сейчас уже год как я работаю заместителем директора Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» по научной работе. Это очень живое и перспективное место работы, где я могу применять свои навыки ученого-историка и человека, который, будучи много лет редактором, приобрел опыт собирания авторских коллективов и выработки текста, пригодного для общего потребления. Я надеюсь быть полезным в этом деле. Хочу сказать, что мне везет, я всегда работаю в очень хороших местах.

С. Э. Расскажите про «Вольное историческое общество». Я считаю важным это начинание, поскольку у нас, к сожалению, не только

на низовом уровне, но и в среде ученых есть такое ожидание, что кто-то к ним придет и что-то организует. «Вольное историческое общество» меня удивило тем, что люди, не ожидая милости от природы, сами активно разворачивают свою деятельность. Скажите, как задумывалось, как создавалось и как действует это общество? Что уже сделано и что планируется сделать?

Н.С. В среде моих коллег и довольно близких друзей было много тех, кто был обеспокоен неблагоприятием в профессиональной среде исторической корпорации. В советское время она была специально уничтожена как корпорация, имеющая собственный стандарт работы и скрепленная определенными ценностными нормами, начиная со знаменитого «Академического дела». Собственно, эта старая гуманитарная корпорация была намеренно затерроризирована большевиками, а затем разбавлена «красной профессурой», которая имела совершенно другие качества. И совершенно неудивительно, что публика после крушения Советской власти не очень доверяла этой советской исторической корпорации. Она была опорочена служением власти и объяснением каждый день новой партийной линии. Это не значит, что в советское время не было хороших историков, но в целом, как корпорация историки не заслуживали доверия. Степень доктора исторических наук совершенно не служила гарантией компетентности. В 90-е годы это потихоньку начало исправляться, но потом нас настигла новая беда. Рыночные преобразо-

вания привели к тому, что диплом кандидата, доктора наук стал очень притягательным. Получила развитие система получения ученых званий, когда звания присуждались совершенно незаслуженно за работы, либо прямо списанные, либо оригинальные, но убогие по мысли и труду. Эта система существовала и в советское время, но не в таких гомерических масштабах. В результате мы пришли к тому, что общество перестало доверять исторической корпорации, поскольку от ее имени нередко выступают всякие прохиндеи. Именно они начинают руководить объяснением исторических сюжетов, фактов, исторических вопросов в целом. А общество, в свою очередь, не умеет отличать одно от другого. Меня очень сильно захватила идея воссоздать историческую корпорацию. И я со своими несколькими друзьями начал с ней носиться, чтобы предать ей нужное содержание и форму. Иными словами, это давняя идея. Все это началось еще в 2011 году, когда я работал редактором в «Отечественных записках». Мне тогда говорили: «Ну ладно, перемелется. В общем, как-то оно обойдется». Эти же самые люди пришли ко мне через два года и сказали: «Все! Терпеть это больше невозможно, давайте соединяться, давайте бороться! Обозначим наши рубежи и позиции и будем их отстаивать в меру своих сил, рассказывая публике, чему следует верить, а чему нельзя». Это произошло, потому что наша власть усвоила для себя историческую лексику в качестве политической. Поскольку идеология официально запрещена Конституцией, а без общей идеологии власть не может придумать,

как управиться и устроиться иначе, то она стала использовать специальным образом препарированную историю в качестве квазиидеологии. По существу, для историков наступила полная беда, поскольку любое их профессиональное суждение стало восприниматься как политическое, поскольку использовался тот же язык. Если это суждение не совпадает с точкой зрения начальника, то начинаются всякие неприятности и скандалы. Это уже совсем беда. Политический язык в России не выработан. Все слова из этого словаря, обозначающие политический спектр, например либералы, консерваторы, в России испорчены и не имеют никакого смысла, поэтому вместо них используются такие исторические клише и стигмы, как «пятая колонна», «бандеровцы», «охранители», «опричники» и др. И вроде бы понятно, о чем идет речь, но это все равно самообман.

И мы решили, что современное общество не должно так жить, пользуясь исторической терминологией вместо четкой и ясной политической, как оно сложилось. И объединились ради защиты исторической науки от профанации и политизации. Нам все время приходится отбиваться от всяких идеологических наступлений, вызванных сиюминутными интересами, на собственную область знаний исторической науки, вплоть до того, что министр культуры Мединский прямо отрицает за историей значение науки, возможность научного знания в истории. Он говорит, что это разного рода мифы, что нам нужны наши мифы, а не наши мифы — не нужны. Словно никакой научной истины

не существует. Но мы должны его огорчить: научная истина есть. Она действительно сложно устроена. Современная наука вообще сложно устроена, историческая в этом смысле не исключение. Добывание исторической истины — непростой процесс. Эта истина сложно верифицируется, она имеет сложную природу. И публике это нужно объяснить, поскольку у широкой публики довольно архаическое представление о гуманитарных науках вообще и об истории в частности. «Вольное историческое общество» как раз этим занимается. Третий год, как мы вышли из латентного состояния: опубликовали манифест и учредились, ведем множество лекционных курсов.

С.Э. Какие курсы Вы бы отметили?

Н.С. У нас проходит довольно много курсов. Есть несколько форматов, которые мне очень нравятся. Бывают и просто лекции, но «старые» длинные лекции — уходящий жанр, к которому публика давно стала относиться с «прохладцей», поскольку в некотором роде это плохой жанр общественной популяризации определенного знания, исторического в частности. Но есть люди, которые прекрасно умеют генерировать новые форматы. Некоторые из них проходят довольно успешно. Например, у нас уже второй год проходят беседы «Историк за верстаком», на которые приглашаются историки, пользующиеся не совсем тривиальными методами познания, нетривиальным кругом источников, то есть усовершенствованные приемы нашего ремесла, расширившие арсенал истори-

ческой науки. Историк объясняет, как это произошло, как он к этому пришел, объясняет особенности своего метода. Этот формат пользуется большим спросом. У нас были блестящие выступления в рамках этого цикла бесед: Павла Уварова в прошлом году, Теодора Шанина, совсем недавно — Андрея Зорина. Такие форматы сильно осовременивают взгляд публики на историческое знание. При этом никого не должно смущать, что в зале сидит 30–40 человек. Нужно сказать, что основная аудитория сосредоточена в Сети. Лекция записывается на видео, иногда удается установить прямую трансляцию, которую слушают 2–3 тысячи человек. А записи смотрят постоянно. Иногда удается набрать 30 тысяч просмотров. Это вполне приемлемо для такого формата беседы. Это качественная аудитория, которая не задает «дурацких» вопросов, поскольку сюда приходят обсуждать существенные вещи. Значительную часть аудитории составляют готовые профессионалы либо будущие профессионалы: студенты, аспиранты. Хороший формат придуман для серии «Ценности права в истории», которую ведет «Вольное историческое общество» вместе с Сахаровским центром. Это такой формат, где два историка, по-разному толкующие некоторые аспекты определенных ценностей, явлений в прошлом, дебатуют перед публикой и отвечают на разные вопросы. Этот формат привлекает внимание публики. Согласно условиям, только треть подобных мероприятий мы обязаны проводить в Москве, две трети — в регионах. Мы ищем гранты под разные проекты и, как пра-

вило, находим. Гранты выдаются фондами, частыми лицами.

Еще один удачный, на мой взгляд, формат — это серия исторических дебатов «Исторический момент». Она более публицистичная, проходит в Доме документального кино в Москве. Этот формат напоминает шахматный турнир по времени, когда в очень жестком регламентированном поединке встречаются ученые, резко расходящиеся во взглядах на обсуждаемую проблему. Это чисто научные разногласия. Например, не достает источников либо тема является недостаточно разработанной. Вместе с этим темы обсуждения выбираются такие, относительно трактовок которых общество явно расколото. Здесь срывает резонанс общественного и научного конфликта.

Кроме вышеперечисленного, мы читаем обычные лекции, ведем семинары. У нас есть сайт, на котором размещается вся информация о нашей деятельности. Когда члены общества желают высказаться по конкретному вопросу, они ведут собственные блоги. В разделе «Университет» помещаются все наши публичные лекции. В другом разделе, «Школьная библиотека», помещены тексты учебников и методические пособия, которые мы считаем адекватными с научной точки зрения и достойными применения.

С.Э. Сколько мероприятий в год вы проводите?

Н.С. Около 50-ти. Раз в неделю мы непременно проводим какое-то мероприятие. Это то, что мы

производим обществом, не считая того, что производят сами члены общества в публичной сфере по своей инициативе. Эти акции мы тоже, разумеется, всячески популяризируем. Например, когда члены общества, его учредители, такие как замечательный историк Евгений Викторович Анисимов, дают остро публицистическую, фундированную статью об опричнине и итогах царствования Ивана Грозного по случаю установки ему памятника в Орле, то, конечно, мы это рекламируем на нашем сайте.

С.Э. Они сами вам присылают такие статьи?

Н.С. Часто наши члены сами размещают ссылки на свои выступления, которые считают важными. Материалы и ссылки «притекают» к нам из разных источников и по разным каналам. Нужно сказать, что наш сайт находится пока не в очень благополучном состоянии, поскольку невозможно поддерживать его существование добровольцами. Сейчас мы ищем гранты по улучшению работы сайта, чтобы иметь возможность обеспечить работу постоянного редактора. Но кроме того, есть еще одна очень важная практика, которая за последний год отчетливо сложилась: те СМИ, которые хотели бы предложить своему читателю «добротную пищу», сами связываются с нами, спрашивают, к кому они могли бы обратиться за комментарием по какой-то конкретной теме. Как правило, это касается актуальных исторических вопросов. И тогда «Вольное историческое общество» рекомендует тех, кто специализируется по данной те-

ме, кому публика могла бы доверять. Это происходит каждый день. Нам звонят и спрашивают редакторы газет, телеканалов. Это важная часть нашей работы.

Какое-то время мы сотрудничали с РБК. Вели серию колонок сообществом к событиям, которые занимали общество и имели отношение к историческому знанию. Как правило, они были привязаны к каким-то конкретным памятным датам, политическим событиям. Но это сотрудничество, к сожалению, оборвалось. Причем именно тогда, когда оно стало регулярным и приобрело правильные формы. Это произошло по не зависящим от нас причинам. В РБК сменился состав редакции.

С.Э. Из скольких человек состоит общество? Какие критерии отбора предусмотрены для вступления в его состав?

Н.С. На сегодняшний день общество объединяет в своем составе 135 человек. Нужно признать, что это небольшая доля тех, кто профессионально работает в России с прошлым, но это авторитетные ученые в своих областях, прошедшие довольно строгий отбор, которые заслуживают доверия публики.

Первый набор членов общества был произведен членами-учредителями. Они появились в результате сложной процедуры. Выяснилось, что нет никакого единого поля исторического знания, и люди, занимающиеся разными хронологическими периодами, географическими регионами и пользующиеся разными методами добывания знания, в об-

щем не способны оценить коллег, работающих в других областях. В результате мне пришлось произвести сложный социологический опрос, разбив это поле на 16 фокус-групп: по периодам, регионам и методам. Путем опроса более 200 человек, который я произвел, будучи еще редактором «Отечественных записок», выяснилось, что в каждой из 16 групп есть безусловные авторитеты. Это люди, которым доверяют все, суждения которых существенно важны, и понятно, что их суждение не лицемерно. Все 16 выявившихся лидеров вошли в состав учредителей, никто не отказался, за одним простительным исключением. Андрей Анатольевич Зализняк, будучи безусловным лидером по своему кластеру исторической лингвистики, отговорился глубоким нездоровьем. Вместо себя он рекомендовал видного специалиста в области славянского языкознания Александра Михайловича Молдована, директора Института русского языка РАН им. Виноградова.

Учредители выработали и опубликовали программный «Манифест» Вольного исторического общества». Затем каждый из них назвал по 10–12 человек, кого считал достойным первым вступить в эти ряды. Решения принимались на основе консенсуса, то есть если у кого-то из учредителей было малейшее возражение в отношении определенной кандидатуры, то эта кандидатура отклонялась. Так образовался первый призыв общества. В 2015 году мы провели конференцию и установили регулярный порядок приема новых членов. Теперь достаточно зайти на наш сайт, по-

дать запрос о вступлении и приложить резюме. Эта кандидатура рассматривается и обсуждается всеми членами общества, затем Совет по результатам этого обсуждения постановляет принять или отклонить нового участника. Для нас не существует никаких формальных критериев отбора. Кроме репутации, которая подтверждается постоянной деятельностью. Ни место работы, ни звания, ни участие в определенных профессиональных организациях, увы, не гарантируют безупречность кандидата. Чтобы избежать попадания в общество не вполне добросовестных людей, собственно, и была разработана эта сложная процедура. Но и она дает сбои, поэтому предусмотрена и процедура исключения из членов общества. Так, нам в прошлом году пришлось исключить Бориса Соколова, несмотря на все его многочисленные заслуги. Для нас это травматический опыт, но так решил Совет, из тех соображений, что общество должно строго стоять на защите профессионального стандарта работы с источниками.

С.Э. Расскажите о проекте «Последний адрес». Как он возник, какие цели преследует?

Н.С. Это разговор о совсем другом прошлом. Не о знании, а о памяти. Впрочем, члены «Вольного исторического общества» много размышляли и на эту тему. В прошлом году Александр Эткинд издал превосходную книгу «Кривое горе: Память о непогребенных». Это книга о том, что переработанный обществом травматический опыт прошлого искажает его восприятие

действительности, травмирует отношения людей. Эти исторические травмы нужно изживать, лечить. Вопрос о сущности тоталитарного режима, о людях, пострадавших во время политического террора, — одна из главных травм для российского общества. С одной стороны, власти в октябре 1991 года приняли закон о реабилитации жертв политических репрессий, в стране установлено 1207 памятников жертвам политических репрессий, но при этом в сознании публики ничего не меняется: гражданский мир не наступает, памятники Сталину продолжают устанавливаться. Более того, в обществе постоянно воспроизводятся суждения в том духе, что Сталин зря не расстреливал. Никто не отрицает, что расстреливали, но многие утверждают, что нужно было это делать, что это чрезвычайно эффективно, что благодаря таким методам общество становится более терпимым.

Весь этот, с точки зрения историка, бред продолжает жить в общественном пространстве. Общественное сознание постоянно манипулирует и оперирует какими-то статистическими величинами. Например, говорят о том, что от голода погибло до пяти миллионов человек, что во время Большого террора было расстреляно 700 тысяч. Но эта статистика мертва для восприятия, поскольку она совершенно ничего не меняет в сознании человека. Собственно, какая разница, миллионом больше или миллионом меньше. Именно об этом думали инициаторы «Последнего адреса». Большинство памятников жертвам не несут в себе даже имен. Они, как правило,

установлены либо в местах захоронения, либо в местах казни, либо в местах заключения, то есть там, где люди не ходят каждый день. Туда вообще бывает сложно добраться. Например, как в Екатеринбурге, на «12-й километр», где НКВД зарывал тела расстрелянных. Тогда возникла идея памятования сугубо личного, когда памятуется именно лицо, конкретный человек со всеми его достоинствами и недостатками, его частной судьбой. Совсем не обязательно, чтобы это был великий человек, поскольку любой человек заслуживает памяти. И этот памятник обязательно должен быть установлен там, где люди ходят каждый день. По инициативе журналиста и издателя Сергея Пархоменко, вдохновившись опытом Германии и Европы, где уже 20 лет посреди городской мостовой ставятся медные таблички с именами жертв нацизма, так называемые камни преткновения, мы решили создать что-то подобное. В декабре 2013 года была собрана специальная мастерская по этому вопросу. По существу, была проведена большая конференция, в которой приняли участие три десятка историков, дюжина художников, графиков, архитекторов, которые обсуждали содержание и формы такого памятования. Мы двое выходных заседали в архитектурном клубе «Стрелка» в Москве. В результате были выработаны общие принципы проекта, его устав. Также был выработан знак проекта, который сделал замечательный архитектор Александр Бродский. Все художники единодушно «сняли шляпу» перед его наброском. Глядя на этот набросок, историки не понимали, почему он гениален. В свою

очередь художники сказали сразу, что это то, что нужно. Этот знак совершенно аскетический по форме и пронзительный по своему эстетическому воздействию. Примерно полгода искали мастерскую, способную такие знаки производить. Нашли сочувственников-металлистов в подмосковной Старой Купавне.

Сегодня мы представляем собой некоммерческий фонд увековечивания памяти жертв политических репрессий. В декабре 2014 года в Москве были установлены первые знаки «Последнего адреса». И с тех пор это движение набирает обороты повсеместно. Я могу сказать, что Сергей Пахоменко просто «попал в точку» с этой идеей. Благодаря ему был создан безупречный механизм, который позволяет этому движению жить. Все очень правильно задумано и исполнено. Ныне знаки «Последнего адреса» установлены не только в городах, но и в селах. В Пермском крае на маленьком железнодорожном разъезде Волегово стоит знак путевому обходчику, которого увели оттуда в 1937-м. На сегодняшний день мы установили свыше 400 знаков в 27 городах России. Недавно появился очередной такой знак в Нижнем Новгороде.

С.Э. Как принимается заявка на установление знака?

Н.С. Задача проекта – это установление людской, личной связи между современным человеком и погибшим репрессированным. Фонд сам ничего не выбирает, он только предоставляет возможность всякому желающему, кто захочет в память конкретного человека установить

такой знак. Он заказывает фонду этот знак. Фонд никак не влияет на выбор этого человека, никак его не цензурирует. Собственно, заявитель становится попечителем этого знака. Он платит за изготовление знака, инициирует архивную разработку. В свою очередь, мы заново проверяем все факты. Заявитель оплачивает только металлическую табличку.

С.Э. Сколько она стоит?

Н.С. Она стоит 4000 рублей. Это не дешево. Она делается исключительно вручную, не существует никакой технологии, которая позволила бы вот этот тонкий образ выгравировать механическим способом. Никакой лазерный станок не заменяет этой ручной набойки. Только сделанная руками, со всеми неровностями, она «живет» и производит поразительное впечатление. Нужно сказать, что на поддержание инфраструктуры фонда нужны довольно значительные средства, в штате фонда есть несколько постоянных работников, которые принимают заказы, ведут базы данных, переписку с архивами, выясняя все обстоятельства гибели и детали биографии, ведут гигантскую переписку с родственниками, добывая от них сведения, созывая их на наши микроцеремонии установки знаков. Эти средства, к счастью, дают нам благотворители. Но кроме того, огромную работу ведут волонтеры на общественных началах. Они ведут переговоры с жителями, с собственниками. Это самая сложная часть работы. Мы – не проект раскола общества, мы – проект согласия. И пока мы не получаем

согласия жильцов дома на установку знака, он не может быть установлен. Поэтому если вы видите где-то знак, то это значит, что в этом доме достигли понимания, что репрессии — это преступление и они не должны повториться.

С.Э. За установку этого знака должно высказаться большинство жителей?

Н.С. По-разному бывает...

С.Э. А если один говорит, что он против установления такого знака?

Н.С. Тогда мы не устанавливаем. Многое зависит от того, в какой форме и тональности это противодействие проявляется. Если несколько жителей не проявляют энтузиазма, но и в драку не лезут, а остальные «за», это один разговор. Гораздо реже, но иногда идея встречается буквально в штыки: «Нет, ни в коем случае! Что вы превращаете фасад в кладбище? Я не хочу жить на кладбище. Я вообще против любого знака на стенах, я не люблю никакие знаки!» То есть если хотя бы один жилец дома категорически против, несмотря на то, что большая часть его соседей, в общем, готова была бы этот знак установить, и его мнение не удается переменить ни нам, ни соседям, мы с горечью «отползаем» и оставляем адрес до лучших времен. Абсолютный консенсус — явление редкое, мы действуем, когда добиваемся согласия большинства при отсутствии активного протеста.

С.Э. Были ли случаи, когда знаки заливали краской?

Н.С. На всю большую Россию был один такой случай, и это произошло в Петербурге. Какой-то сумасшедший каждый день замазывал этот знак, а наш активист каждый день ходил и оттирал его. Вначале это была черная краска, потом серая, а потом белая. Когда белая краска закончилась, это безобразие прекратилось. Цель проекта не в том, чтобы обвесить город металлическими пластинами, а в том, чтобы люди начали об этом помнить, говорить. Это процесс излечения исторической травмы, с которой мы продолжаем жить. Поэтому для меня очень важно начало общего разговора — как нас встречают в городе, как мы разговариваем с жителями. Был еще один замечательный случай, который произошел в прошлом году... или уже в позапрошлом в Таганроге. Мы там установили табличку. Владельцы дома ее сняли, а местные власти ее сняли, поскольку посчитали, что вопросом утверждения мемориальной доски должен заниматься их местный архитектурный комитет. Жители города возмутились и потребовали проведения городского референдума по этому вопросу. Комитет, который готовил этот референдум, пригласил опытного юриста, чтобы он высказался о статусе этого знака. Опытный и образованный юрист сказал, что мемориальная доска — это то, что всегда делается по индивидуальному проекту, имеет художественные особенности и ставится в память о человеке, который прославился чем-то, а в нашем же случае это просто информационный знак о том, что здесь жил ничем не прославленный кузнец, маляр, инженер Иванов, Петров либо Сидоров.

Это не индивидуальный проект, это типовой знак, который совершенно не требует утверждения архитектурных инстанций. Мы решили этот вопрос. Причем таганрогский городской референдум постановил, что этим информационным знакам следует быть и что к ним не следует придирааться. Табличку вернули на место. В свою очередь, мы получили экспертное юридическое заключение, что мы не устанавливаем мемориальные доски.

Вопреки распространенному предвзвещанию далеко не всегда родственники являются заказчиками. У нас почти половина случаев, когда заказчиками выступают жители дома, которые вдруг хватились: «Павловы здесь жили! Давайте мы их помянем». У нас даже имеются заявления жильцов дома. Они очень часто смотрят списки «Мемориала». Мы в основном действуем по спискам, которые опубликованы и широко известны. В них указаны последние адреса людей, которые ушли. И самый частый случай — это как раз соседи, которые ныне живут. Например, они даже не знали его как соседа, но они сейчас живут в этом доме и им важно вернуть в ткань городской жизни именно этого человека. В ткани городской жизни совершенно нет упоминания о том ужасе, которым был террор, но этот значок напоминает, что это было везде и всюду. Например, в этой поликлинике, школе, в этом доме... Как только вы смотрите на этот список установленных знаков, вы ясно понимаете то, что знают историки, но то, что совершенно не вошло в массовое сознание. Поскольку в массовом сознании еще со времен

XX съезда утвердилась мифология, что была борьба против элиты, против «ленинской гвардии». Хотя, какая там «ленинская гвардия»?! В НКВД самая массовая кампания 1937–1938 годов, которую сейчас вспоминают как «Большой террор», называлась «кулацкой операцией», и подавляющее большинство пострадавших от советского террора были крестьяне, вообще люди простого звания. Причем на табличке мы всегда указываем, кем был этот человек: кузнец, маляр, инженер или инкассатор. Очень редко кто из них занимал руководящие посты. Если подсчитать, то это всего лишь 5 % от общего числа.

С.Э. Какие репрессии имеются в виду? Начиная с 1917 года?

Н.С. Да, мы действуем строго в рамках Закона РФ о реабилитации жертв политических репрессий. Он широко определяет жертв политических репрессий. Сюда входят не только те, кто был осужден судами и разными квазисудебными органами по политическим статьям, но и те, кто не проходил по персональным делам: жертвы депортаций и переселений, спецпереселенцы эпохи коллективизации. Это очень важный момент, поскольку в нашем обществе по-прежнему популярны расчеты историка Виктора Земскова, по которым репрессированные — это только те, кого казнили по политическим статьям. Их примерно 1,5 миллиона. Хронологические границы приведены в соответствии с законом: с 25 октября 1917 по декабрь 1991 года. Мы будем действовать в этих рамках. Однако поскольку пока в известность

приведена только база «Мемориала» эпохи сталинских репрессий, мы ограничиваемся только этим. Но уже появляются запросы на установку знаков жертвам эпохи «Красного террора» 1918 года, а также более позднего террора — брежневского.

С.Э. Можно ли считать жертвой политического террора того, кого расстреляли «белые»? Они немало расстреливали. И не только реальных врагов, но и потенциальных.

Н.С. Да, разумеется. Мы будем отдельно разбираться с каждой личной судьбой. Пока у нас нет общего ответа. Самая сложная категория — это заложники эпохи Гражданской войны. Люди вообще ни в чем не повинные. Их «чохом» брали и «чохом» расстреливали просто в острastку противной стороне. Мы не то что не знаем их числа, мы не знаем их имен. Необходимо провести большую исследовательскую работу, чтобы нам стали известны их имена, установить численность, выяснить адреса. Но лиха беда начало. Мы только начинаем.

С.Э. Я видел ролик, где вы говорили по поводу «власовцев». Кого вы имели в виду: тех, кто перешел на сторону Гитлера, или тех, кого ошибочно приписали к «власовцам»?

Н.С. Здесь есть существенное различие. В общественное сознание заложены заведомо стигматизированные выводы: изменники Родины, «власовцы», которые осуждаются обществом и которые вроде бы не заслуживают никакого упо-

минания. Но суть в том, что эта иллюзия возникает только тогда, когда вы говорите о ком-то в целом. Как только вы начинаете разбираться с индивидуальной судьбой, а «Последний адрес» как раз именно этим и занимается, то он никакими группами не оперирует. Он не пытается оправдать и возбудить реабилитацию каких-то групп, он говорит о судьбе конкретного человека. Между тем всегда сохраняется вероятность того, что среди «власовцев» мог оказаться человек, который лично никакого преступления не совершал, который не воевал против Советской Армии, а воевал только в Праге против немцев. Но при том качестве юстиции, которое было в СССР, все могло быть.

Мы не ставим знаков нереабилитированным. Для того чтобы появился знак, человек должен пройти формальную юридическую процедуру реабилитации, которую проводит прокуратура. У нее есть все возможности для этого. Если к нам поступает такой запрос, мы обращаемся в Генеральную прокуратуру. Первый случай подобного рода — это Фанни Каплан. Все историки, которые занимались ее делом, считают, что она не могла стрелять. Она была полуслепой, но тем не менее ее казнили и не реабилитировали. Сейчас мы послали запрос в Генеральную прокуратуру на ее реабилитацию, потому что у нас есть заявка на установку памятного знака на ее доме.

Мы обращаемся в прокуратуру, чтобы убедиться, что человек не реабилитирован по оплошности, по забывчивости.

Одним из главных упреков в адрес нашего проекта и одним из главных опасений его инициаторов было то, что сейчас придут потомки палачей, которых потом тоже перемолотила эта мясорубка, и скажут: «А моему дедушке тоже полагается, он реабилитирован». К счастью, они не пришли. Мы постановили в самом начале, что если человек был реабилитирован, но при этом был организатором, проводником массового террора, то мы его исключаем.

Такая оговорка всегда сохраняется. Грубо говоря, это участники всех внесудебных карательных органов: «двоек», «троек».

С.Э. Многие большевики, так называемая «ленинская гвардия», пусть даже не являясь членами НКВД, все это негласно одобряли. По сути, они были соучастниками. Правда, потом их тоже расстреляли...

Н.С. Одно дело, когда все строем одобряют, не совершая при этом никакого злодеяния, и другое дело — входить в состав «двоек» и «троек», которые приговаривали людей к смерти. Всех, кто входил в эти чрезвычайные, внесудебные, абсолютно внеправовые органы, мы не памятуем. Это записано в уставе.

Был такой случай, когда человек пришел, а оказалось, что он не знал подробностей судьбы своего деда, когда узнал, то забрал заявку без лишних слов. Мы не подталкивали его к этому. Когда мы исследовали судьбу этого человека, то предупредили, что у нас правило — на памятной табличке указывать профес-

сию, поэтому мы обязаны указать профессию вашего деда. Я хочу сказать, что потомки таких людей все же морально содержательнее и цивилизованней, чем мы о них думаем. Никто не ломится поставить памятную доску дедушке-палачу.

С.Э. Расскажите о вашей работе в «Ельцин-центре». Дополнительно хотелось бы поговорить о нападках в его адрес, тем более что в последнее время их было много.

Н.С. Меня пригласили в «Ельцин-центр» в качестве заместителя директора по научной работе. Закончилась история с мемориальной частью и с хозяйственными хлопотами по устройству мемориальной экспозиции, и теперь Центр должен был приступить к следующей своей уставной цели — заниматься исследованием этой эпохи. Не только судьбой Бориса Николаевича, но и эпохой, в которой ему довелось жить и действовать. Я охотно согласился, потому что в обществе сложилась чрезвычайно неблагоприятная обстановка в отношении этого периода: либо ругаются взахлеб, либо молятся. Но практически никто корректно, научным образом эту эпоху не исследует, за очень немногими исключениями. Сейчас я вижу свою задачу в том, чтобы сделать Ельцинский центр центром координации и разработки новейшей российской истории. Я не преследую цель создать панегирик Борису Николаевичу либо обругать «лихие 90-е». В ближайшее время мы вместе с фондом ИНДЕМ планируем запустить проект, который займется исследованием этой переломной эпохи. Проект рассчитан на три

года. В конце мы планируем опубликовать большое научно-популярное издание. Предполагается, что это будут 7 книг, посвященных истории 90-х, начиная от кризиса СССР, то есть старой системы, до стабилизации новой. Также мы планируем реализовать издательскую программу Центра. Я сейчас занят ее разработкой. Будем выпускать популярную и научную литературу, связанную с этой эпохой в самых разных аспектах. Моя задача — придать Центру научное измерение. Я пока воздерживаюсь говорить об этом публично, поскольку не вполне ясны наши финансовые возможности, но мы постараемся выдавать премии за лучшие исторические сочинения, проводить конкурсы.

Редакционный совет собирался несколько раз. Мы постановили, что понятие «реформа» применительно к тому времени уводит от сути дела, потому что реформа — это усовершенствование какого-то существующего механизма, а в то время было довольно сложно проводить реформы, потому что старый механизм рассыпался на глазах, а на его месте создавались новые подпорки, которые затем правились. Это не были планомерные реформы. Приходилось создавать новые институты в экстремальных условиях. Исходя из этих позиций, мы будем строить большую исследовательскую программу. Она будет выходить в общественное пространство при помощи разных круглых столов, конференций, докладов, дебатов.

С.Э. Расскажите о структуре Центра. Насколько мне известно, у вас там не только музей, но и архив.

Н.С. Согласно уставу «Ельцин-центр» включает три обязательных элемента: музей, библиотеку и архив. На самом деле Центр устроен довольно своеобразно. Дело в том, что он расположен в очень большом здании, поэтому наряду с перечисленными элементами там будет создано еще много всего. Сейчас функционирует детский образовательный центр. Есть хороший книжный магазин, у которого свои просветительские и лекционные программы. Открыта превосходная художественная галерея, у которой также есть свои просветительские и лекционные программы.

По существу «Ельцин-центр» — это не только музей и мемориальный комплекс Бориса Ельцина, но и большой культурный центр в Екатеринбурге, который очень любят горожане. За год своего существования он всем очень понравился.

Там все время что-то происходит, постоянно предлагается живая и питательная духовная пища. Ежедневно проводится несколько мероприятий. Все они вполне себе добротные. Это, по всей видимости, очень беспокоит представителей, грубо скажем, «охранительной партии» типа Никиты Михалкова. Как, мол, люди так устраиваются, не получив на это нашего разрешения, то есть без апробации: никто эти списки не проверяет, никто эти лекции не цензурирует. Как это так? Это неправильно. Неправильно уже то, что оно само по себе движется. Его беспокоит то, что эта живая общественная активность разворачивается под знаком Ельцинского центра и этой эпохи. Безусловно,

его беспокоит само устройство музейной экспозиции и те идеи, которые она неизбежно порождает в наблюдателе, поскольку массе публики внушили, что 90-е — это сплошной ужас. А когда люди приходят на экспозицию, они могут видеть, что собственно произошло в 90-е. Вдруг они понимают, что как раз в 90-е в нашу жизнь вошли и укоренились те вещи, которые они сейчас ценят и считают, что они были всегда, начиная с Советской власти. Ничего подобного раньше не было, это появилось в 90-е. Собственно, когда люди все это видят, у них начинается конфликт с пропагандой. Это очень сильно беспокоит пропагандистов.

Подчеркну, что это очень современный музей. Его строительством занималась конструкторская фирма первой величины Ralph Appelbaum Associates Incorporated. Это не старинный музей имярек. Например, вот его стул, стол, кружка и ложка. Такие музеи в мире давно уже не строятся. У него есть свое очень четкое послание. Оно о том, что русский народ издревле жил в рабстве, всегда тяготился самодержавием, хотел свободы. При Борисе Николаевиче начинается реальное строительство свободного государства. Этот месседж, пожалуй, и есть центральная идея нашего музея. Из исторической экспозиции посетитель выходит на Площадь Свободы, где ему на больших экранах зачитывают положения Конституции. Даже дочь Никиты Михалкова — актриса Анна Михалкова — читает свой «кусок» Конституции на экране в зале Свободы Ельцин-центра. Это производит сильное

впечатление. Люди уходят оттуда, забирая с собой на память Конституцию. В зале установлен специальный стенд, поэтому каждому представлена возможность взять с собой один экземпляр Конституции. Ее постоянно разбирают. Люди не знают Конституции. Они даже не представляют, что там написано. Они плохо представляют свои права. А на выходе из Ельцин-центра многие начинают об этом задумываться. Тех, кто считает, что свобода в России не нужна, это очень сильно раздражает.

В общем, мне как историку, занимающемуся научной частью, не очень интересны склоки различных политических сил. Правда, когда нас упрекают в том, что мы что-то искажаем, то я вынужден отвечать: «Не мы искажаем, а вы плохо знаете! Либо знаете много, да не то». Однако что касается научной части, то тут нас пока никто ни в чем существенном «не уел». Все ограничивается нападками общественно-политического характера.

С. Э. Я думаю, что это целая согласованная акция, поскольку там не только Михалков, но и Мединский, Соловьев и Стариков что-то сказали. Наверное, торопятся отметиться.

Н. С. Я не знаю, я не отгадчик чужих снов. Не могу знать, что им на ум взбрело. Довольно много значимых историков посетили Ельцинский центр с лекциями. Их всегда проводят по экспозиции, показывают. Не всегда у них есть время, чтобы углубиться в планшеты, где хранится основная часть информации,

но тем не менее пока никто не указывал нам на какие-то грубые ошибки. Но никто от ошибок не застрахован, поскольку все мы люди. Един бог без греха.

Конечно, если нам будут указывать на фактические ошибки, то мы их будем исправлять. Что касается интерпретации, это уже другое дело. У нас вся экспозиция построена на свободе разных интерпретаций. В экспозиции представлены все деяния, которые инкриминируют Борису Николаевичу его противники. Они никуда не убраны, они все присутствуют: и выборы 1996 года, и Чеченская война, и приватизация, и расстрел Белого дома в 1993 году. И кстати, я бы не назвал кризис 1993 года расстрелом Парламента, поскольку это все-таки был совсем не Парламент, а Верховный Совет, претендующий на нераздельную полноту власти. Мне как обывателю, видевшему события своими глазами, трудно принять формулу «расстрел парламента». Я видел вблизи «бар-

кашовцев», которые держали оборону. Они защищали никак не «парламент» в общепринятом смысле этого слова. Мы займемся научной разработкой этой темы, но я бы сказал, что здесь нет той однозначности, которая описывается отрицательной формулой: «расстрел Парламента».

С.Э. Министр культуры Мединский, к примеру, прямо говорит, что он создает миф 28-ми панфиловцев. Немецкие танки к Москве не прошли, значит, кто-то их задержал ценой своей жизни. Какая разница, 28 панфиловцев это сделали или нет? Люди привыкли, что это 28 панфиловцев. Это символ подвига. В Ельцин-центре такого не будет? У вас факты будут оставаться фактами?

Н.С. Пока мне предоставляется какая-то возможность как-то на общественное мнение влиять, я буду настаивать, что факт должен быть фактом, а интерпретировать каждый волен по-своему.

«THE DAUGHTER OF NIKITA MIKHALKOV — THE ACTRESS ANNA MIKHALKOVA
IS READING HER “PIECE” OF THE CONSTITUTION ON THE SCREEN
IN THE HALL OF FREEDOM OF THE YELTSIN CENTRE»
Interview with N.P. Sokolov

Sokolov Nikita P. — candidate of historical sciences, deputy executive director of the Presidential B. N. Yeltsin Fund (Yeltsin Center) for research work (Moscow)

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www.istorex.ru

МАТЕМАТИК И ИСТОРИЯ

Интервью с Г. Г. Малинецким

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Почему Вы решили стать ученым?

Г. М. Говорят, что лень движет прогресс. Чтобы узнать сумму чисел от 1 до 1000, можно эти числа последовательно сложить. Даже с помощью калькулятора эта процедура займет не один час. А можно немного подумать и решить эту задачу в уме ($1+1000$, $2+999$, $3+998$... всего 500 пар с суммой 1001, т.е. общая сумма равна $500 \cdot 1001$). Математика меня вдохновляла такими, я бы сказал, чудесными решениями. Мой интерес к математике всячески поощрял мой отец. Он мечтал стать ученым. Но началась война. Он стал офицером. После войны преподавал на военной кафедре. Он воспитал во мне преклонение перед чудом науки и поддерживал мой интерес к занятиям математикой. Мне повезло, что в школе у меня была прекрасная учительница математики Маргарита Васильевна Самодумова. Она создавала на уроке ощущение общего дела, общего преодоления проблем, общей радости. В Институте математики им. М. В. Келдыша мы стремимся, чтобы научная атмосфера была

именно такой. Ощущение увлекательной игры, которое наука в своих лучших образцах впитала, до сих пор чарует вечных школьников.

С. Э. Почему Вы, математик, решили обратиться к истории?

Г. М. «Заказчики» математики меняются со временем. В XIX веке это была техника. В XX веке — военное дело. Сейчас и до середины XXI века таким заказчиком являются биология и медицина. Треть всех публикаций на планете сегодня относится к этим наукам. Причина понятна. Современный человек утратил веру в загробную жизнь и поэтому хочет жить вечно. Но после того как эта задача будет решена, на первый план выйдет вопрос: «Как жить вместе?» Тогда настанет расцвет гуманитарных наук, включая историю. Я же решил «сыграть на опережение». Меня в данном случае вдохновил академик Никита Моисеев. Он рассказывал, как они моделировали войны и пришли к выводу, что для получения работающей модели необходимо учитывать гораздо меньше факторов, чем обычно учитывают историки. В книге «Математика ставит эксперимент» он рассказывает об этом исследовании. Мне стало интересно найти главные факторы для моделирования исторических процессов. Историки, на мой взгляд, слишком поглощены

© Историческая Экспертиза, 2017

Малинецкий Георгий Геннадьевич — доктор физико-математических наук, руководитель сектора «Нелинейная динамика» Института прикладной математики РАН им. М. В. Келдыша, член редакционной коллегии альманаха «История и Математика» (Москва); gmalin@keldysh.ru

деталiami. Рассказывая о войнах, они порой входят в обсуждение таких деталей, как особенности любовниц полководцев противоборствующих стран. Мне бы хотелось выделить в историческом процессе главное. Ведь математика — это, прежде всего, способ выделить главное. Мне представляется очень перспективным подход знаменитого историка Фернана Броделя, который предложил три режима исторического времени: структур, конъюнктур и событий. Такой подход создает теоретические предпосылки для математического моделирования. Я считаю, что наряду с математической физикой и математической химией должна возникнуть математическая история. Это позволит нам заглянуть за горизонт настоящего и предвосхитить будущее.

С.Э. Можете привести удачные примеры применения математики в истории?

Г.М. Могу привести наш совместный опыт с моим тогдашним аспирантом Артемием Сергеевичем Малковым исследования обстоятельств функционирования Шелкового пути. Историки, рассказывая об этом торговом пути, описывают много интересных деталей, которые все-таки, на мой взгляд, не объясняют, почему он возник, прерывался, возобновлялся и потом окончательно иссяк. Мы применили метафору теплопроводности. Эквивалентом температуры выступали цены на шелк. Шелковый путь существовал от II века до н.э. до II века н.э., от VI до VIII века и от XII до XVI века. Мы не знаем экономики тех стран, но примерно

представляем сам путь — в разные эпохи он проходил по-разному. Для решения уравнения нужны коэффициенты. Их помогли установить записки Марко Поло, который посещал Хана Хубилая. Совпадение результатов модели и данных археологов оказалось замечательным. Это исследование хорошо приняли, и не только в исторической среде. На одной конференции нам объяснили, что на основе тех же факторов осуществляется доставка наркотиков. Так что разработанная нами модель описывает не только прошлое. Находится, так сказать, на боевом дежурстве.

Хотел бы еще привести в качестве примера модель исследования языковых войн Дмитрия Сергеевича Чернавского. Это был выдающийся ученый, пионер междисциплинарных исследований. Докторскую защищал по ядерной физике. Стал основоположником математической биофизики и преподавал на биофаке МГУ. Вел чрезвычайно популярный семинар по математической экономике. Его заинтересовало распределение языков по планете. В истории много внимания уделяется организации: науки, политики, экономики и т.д. Но самоорганизация остается в тени. Оказалось, что язык — самоорганизующаяся система. И во многом границы между языками определяются географическими препятствиями для коммуникации: горами, морями, реками и т.д.

Блестящий пример дают модели американского коллеги Петра Турчина, посвященные циклам смены элит. Они, в частности, объясняют, почему в определенный период Тур-

ция стала могущественной империей, а Египет надолго ушел из истории.

С.Э. Что мешает сотрудничеству историков и математиков?

Г.М. Я бы хотел пожаловаться читателям «Исторической экспертизы». Существует много математиков и представителей других точных наук, которые хотели бы сотрудничать с историками. Но историки большей частью в таком сотрудничестве не заинтересованы. Они предпочитают «вживаться» в эпоху своих персонажей. Это, несомненно, важно. Но также важно расширять возможности исторических исследований. У историков в отношении математики существует некий «карго-культ». Напомню, что под этим названием понимается культ аборигенов тихоокеанских островов. Во время Второй мировой войны американцы сбрасывали им продукты с самолетов, чтобы они не умерли с голоду. У туземцев в результате возник религиозный культ. Они строят деревянные модели самолетов и поклоняются им. Так и историки «верят» в математику, не пытаясь разобраться, в чем может состоять реальное взаимодействие. Еще в сознании историков прочно поселился вульгарный марксизм — убеждение, что экономика «в конечном счете» определяет все сферы общества. Поэтому пока математика применяется преимущественно в области экономической истории. Это понятно. Там есть длинные ряды сопоставимых данных: цены, урожайность, производство тех или иных видов продукции и т.д. В МГУ есть кафедра

исторической информатики, которой руководит Леонид Иосифович Бородкин. Они серьезно занимаются внедрением математических моделей преимущественно в области исторической экономики. Но общество экономикой не исчерпывается. Математические подходы к истории также дают неочевидные для традиционной историографии результаты в самых различных областях. Могу привести исследование Бориса Николаевича Миронова, который изучил динамику роста новобранцев в Российской империи за два века ее существования и пришел к небанальным выводам. Например, отмена крепостного права привела к снижению роста, т.е. к ухудшению режима питания крестьян, из которых преимущественно состояла царская армия. Автор делает вывод, что даже положительные по своим отдаленным последствиям радикальные реформы приводят к определенной социальной дезорганизации и к «ухудшению положения масс выше обычного». Это не значит, что не надо проводить реформы. Но важно учитывать цену, которую придется за них заплатить. Я считаю, что математики могут принести много пользы историкам. Поэтому нам нужно сотрудничать. Например, мы могли бы совместно провести исследование истории заболеваний. Приведу пример, в США за последние пятьдесят лет количество больных шизофренией и аутизмом выросло примерно в пятьдесят раз. Это серьезная проблема для будущего человечества. И найти пути ее решения можно только с учетом тенденций прошлого. Другая проблема — демографическая. Еще

Мальтус писал, что люди размножаются в геометрической прогрессии. Сейчас существует концепция сингулярности. Согласно ей к 2025 году численность населения достигнет критической для существования нашего вида численности. Но реальность эти данные не подтверждает. Меняется репродуктивное поведение. Но, к сожалению, это происходит неравномерно. Обостряются противоречия развитого Севера и бедного Юга. Массовые миграции, сопоставимые с великим переселением народов, порождают много проблем. Совместная работа историков и математиков в этой сфере также может быть полезна для изучения проблем демографии. У историков есть огромное преимущество — широкий, «панорамный» взгляд на мир, которого представителям других наук не хватает. И это преимущество надо использовать в междисциплинарном сотрудничестве.

С.Э. Российская наука переживает непростые времена. Средств в нее вкладывается недостаточно. Видите ли Вы перспективу в самоорганизации ученых?

Г.М. Есть разные направления науки. Физика, химия, биология — чрезвычайно дорогостоящие проекты. Здесь самоорганизацией не обойтись. Но в то же время математика и многие гуманитарные науки могут в каких-то направлениях развиваться без участия государства и частных инвесторов. И эта проблема также важна для будущего человечества. В ближайшее время техника позволит избавить людей от участия в рутинном тру-

де. Возникает вопрос: чем занять этих людей? Существуют предложения в духе Оруэлла специально оставить нетворческие профессии, чтобы «унтерменши» не сошли с ума от безделья. Я против такого социал-дарвинизма. Необходимо организовать инфраструктуру для творческой деятельности всех людей. Это может быть и спорт, и искусство, и, что для меня очень важно, наука. И нынешние попытки самоорганизации исследователей, часто совмещенные с образовательными программами, представляют особый интерес с точки зрения ближайшего будущего.

Блестящий пример — Московский центр независимого математического образования. Как он возник? Четверо академиков, выдающихся математиков В.И. Арнольд, С.П. Новиков, Я.Г. Синай, Л.Д. Фаддеев решили сохранить математическую традицию в России. Они еще в конце 1980-х создали вечерний университет, в который может записаться любой желающий. Во многих случаях это студенты ведущих вузов. Тем, кто хорошо учится, академики из своего кармана даже платят стипендии. По окончании учебы успешным ученикам выдается бумага за подписью этих академиков. Это не диплом государственного образца. Но во всем мире он принимается и открывает блестящие возможности для научной карьеры перед обладателями такого «сертификата». Они издают много книг. У них есть свой магазин. Книги при этом тут же вывешиваются в Сети.

Был еще более грандиозный проект «Открытый университет». Я в нем

участвовал. У ректора Бориса Михайловича Бим-Бада была блестящая идея, что обучение должно идти через участие в реальных исследованиях на площадках РАН. Была масса удивительных факультетов, где велись исследования на тех направлениях, которые не укладывались в структуру Академии наук. Но это было в начале 1990-х. Пришли бандиты, потребовали платить дань. Власть не сделала ничего, чтобы защитить этот научный центр.

У нас есть альтруисты. У нас есть просто гениальные дети. Я преподавал на факультете наук о материалах. Там на 25 мест 6000 конкурс. Декан и создатель факультета Юрий Дмитриевич Терентьев сказал мне: «Загрузите их на 200 %». Я возражил, что у них есть и другие курсы.

Декан ответил: «Вы не знаете этих детей». Я действительно поразился их способностям. Многие из них выбрали в качестве сочинения тему: «Моя нобелевская речь». А одна девочка назвала свое сочинение «Три мои первые нобелевские премии». Когда один из них защищал диплом, то академик из дипломной комиссии сказал: «У Вас прекрасное исследование, но наше оборудование не позволяет проверить Ваши результаты». Молодой человек ответил: «Поэтому мы съездили в Гренобль и проверили результаты на их оборудовании». Дети гениальные. Они получили великолепное образование. Но есть проблема, которая меня мучит. Найдут ли они достойное применение своим силам у нас в стране? Без этого будущее России не состоится.

MATHEMATICIAN AND HISTORY
Interview with G. G. Malinetskii

Malinetskiy Georgiy G. — doctor of physico-mathematical sciences, head of the sector «Nonlinear dynamics» of Keldysh Institute of applied mathematics, member of the editorial board of the almanac «History and Mathematics» (Moscow)

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www.istorex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>